

ЗОЛОТАЯ НЕВЕСТА

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА
АННА БОРОНИНА

Annotation

Никогда не спорь с обаятельными красавцами на поцелуй!

Особенно если один из них – капитан корабля, владеющий магией и готовый везти тебя на Восток. Ведь ты под надзором строгого отца и являешься гарантом важной торговой сделки.

К тому же на море штормит, неподалеку хозяйствует жестокий и беспринципный пират, а лучший способ укрепить связи (по мнению отца) – заключить выгодный брак.

Интригующее сочетание приключений, опасности и страсти.

Атмосфера загадочного Востока, таинственный амулет и секреты прошлого.

Бойкая и изобретательная героиня, которая знает, чего хочет.

Мужчины с характером, и все чего-то хотят от героини (и ладно бы только любви).

Отношения между героями, от которых так искрит, что может вспыхнуть пожар.

- [Евгения Александрова, Анна Боронина](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Эпилог](#)
-

Евгения Александрова, Анна Боронина
Золотая невеста

© Александрова Е., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

– Кириос ди Эмери, вы подлец!

Уже давно отужинали, погасили свечи в гостиной и заперли высокие стеклянные двери, днём распахнутые в тенистый, благоухающий розами внутренний сад.

Городской особняк одного из представителей торговой гильдии – кириоса ди Эмери – казался спящим. Однако из-за массивной двери кабинета доносился разговор на повышенных тонах. Спорили сам хозяин дома и его деловой партнёр – молодой мужчина, одетый со вкусом и по последней моде, но небрежно, словно он торопился.

Кириос ди Эмери раздражённо отложил в сторону трубку с табаком, которую собирался выкурить в тишине на ночь глядя.

– Я попросил бы... В чём, собственно, дело, что вы врываетесь в мой дом посреди ночи?

Он уселся за массивный стол, занимавший бо́льшую часть помещения, и поплотнее запахнул ночной халат: поздний визитёр застал его за приготовлениями ко сну.

– В чём дело? Вы действительно спрашиваете меня, в чём дело?.. Вот в чём! – на стол полетела пачка долговых расписок, а молодой человек пытливо и с болезненным любопытством уставился на кириоса, словно искренне и даже с восхищением удивлялся «непониманию» собеседника.

– Что это, друг мой? – Кириос ди Эмери сощурился, вглядываясь в текст: в неверном свете нескольких свечей, горящих в массивном канделябре, было сложно что-либо разобрать.

– Я вам не друг, – усмехнулся незваный гость, нависая над столом. – Сегодня ко мне в дом вломились ищейки из тайной канцелярии его величества, перевернули всё вверх дном, а на все мои вопросы утверждали, что кто-то на меня донёс. Якобы я вывел все свои сбережения куда-то на Восток. Путём недолгих размышлений я догадался, в чём дело. Когда обыск, к счастью, ничего не дал, я направился напрямик к вам, кириос. Ведь мы так давно не виделись, правда? Ваша экономка была так любезна и сообщила, что вы отбыли в банк.

– Действительно, очень любезно с её стороны, – совершенно не вслушиваясь в его слова, кириос ди Эмери открыл ящик стола и вытащил блеснувшую золотом табакерку.

– Но когда я примчался в банк, вас там уже не было, зато, как только я назвал своё имя, прибежала целая толпа констеблей. Как выяснилось, чтобы забрать меня в долговую тюрьму за злостную неуплату налогов и пошлин. Вот такой, надо сказать, неожиданный поворот дела, кириос.

– Мальчик мой, но я не понимаю, при чём тут я? – Кириос ди Эмери зевнул, прикрывая рот рукой, и не выглядел впечатлённым или хоть сколько-то взволнованным горячей речью.

– При чём вы?! Да вы же фактически распоряжались моими деньгами! Я доверил вам всё! Вложил в ваше предприятие, и что я получаю?

– Успокойтесь, пожалуйста, – голос кириоса ди Эмери прозвучал ровно, но властно. – Я действительно вложил ваши деньги в груз, который ехал с Востока. Но уж точно я не виноват, что погода в это время беспокойная, штормит. Никто не ожидал, что все корабли затонут. Я тоже, знаете ли, терплю убытки!

– Вы не потеряли ни медяка!

– Я потерял корабли и людей, – возразил кириос.

– Ни один из трёх кораблей не был вашим, – с горькой усмешкой отчитался собеседник. – Они все были зафрахтованы вместе с командами.

На лице кириоса мелькнуло секундное замешательство и пропало:

– Это не так...

– Это так! – мужчина ткнул пальцем в рассыпанные на столе расписки. – Вы фрахтовали их на мои средства и от моего имени. Более того, не потрудились их застраховать. Что ж, теперь я разорён.

– Я не ожидал, что груз утонет! Как вы можете винить меня в перемене погоды?

– О нет, дело не в погоде, кириос. Вы не застраховали ни груз, ни сами суда! Более того, не проверили страховку экипажа. Я должен ещё и семьям погибших! По вашей вине я разорён, подлый вы человек.

Неожиданно дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула миловидная девочка лет пяти.

– Папа?

Чёрные взъерошенные кудри рассыпались по плечам, белое, до щиколоток, ночное платье помялось и сбилось набок, на щеках горел румянец, а в руках она вверх ногами держала, прижимая к себе, большого вязаного осьминога зелёного цвета. Глаза девочки были полны слёз и самого настоящего ужаса.

– Агата! Почему ты не спишь? – голос кириоса ничуть не смягчился при виде дочери, скорее наоборот, стал ещё резче и громче, словно его уличили не только в подлости, но и ударили в незащищенное место. Он даже встал со своего места, запахнув халат. – Ты опять сбежала от гувернантки? Мне не нравится, когда ты не слушаешься, Агата. Немедленно ступай прочь.

– Прости, папа, – девочка немедленно потупила глаза и покрутила щупальце. – Просто... мама... она всегда была рядом, пока я не засну. И я не могу заснуть. Мне так страшно, папа, а Сара уже спит... Она уговаривала меня лечь, но заснула быстрее в кресле. Мне кажется, что снова... случится что-то плохое, папа, – отчаянно призналась девочка и вскинула глаза на взбешённого гостя, сжимающего кулаки перед её отцом.

Она, смутившись, сделала книксен, решив, что отцу это понравится, и продолжила, глядя в глаза гостю:

– Здравствуйте. Это вы кричали, да? Вы похожи на пирата... – прошептала она следом.

– Я сказал, что занят, Агата! – резко прервал девочку её отец. – Попроси Сару тебе почитать, я закончу и приду проверю, спишь ли ты. Ну же, ступай!

Девочка насупилась:

– Она сказала, что не будет! – пожаловалась она расстроено, но тут же посветлела лицом. – Я Джонни попрошу, можно? Если он ещё не спит?

– Ступай, Агата, иначе будешь наказана.

– Спокойной ночи, отец, – она ещё раз с любопытством бросила взгляд на молодого мужчину и скрылась за дверью вместе со своим осьминогом.

– Так на чём мы остановились? – начал было кириос ди Эмери.

– На том, что вы подлец, – медленно, но отчётливо проговорил его собеседник. – И я требую, чтобы вы вернули все взятые у меня средства.

– Помилуйте, уважаемый! Все ваши деньги были вложены...

– Вам это так не сойдёт, кириос! – мужчина сжал кулаки, недобро сверкнув глазами. – Я теперь кругом в долгах, но в долговую тюрьму добровольно не сяду!

– Не думаю, что смогу вам помочь... – развёл руками ди Эмери, сохраняя невозмутимость.

Незванный визитёр обернулся на дверь, которая недавно закрылась за дочерью хозяина дома, а потом снова повернулся к кириосу ди Эмери, и каждый, кто увидел бы сейчас этот взгляд, замер бы от холода и безумства, что промелькнули в нём.

– Не бойтесь, что однажды вашей милой дочурке придётся платить по вашим счетам? – нарочито беспечно и мягко произнёс гость, забрав свои бумаги.

Его губы дёрнулись в подобии улыбки, и кириос ди Эмери почувствовал растущую ярость.

– Провались ты в бездну! – кириос внезапно громыхнул кулаком по столу, и часть долговых расписок слетела на пол.

Кажется, гость и вправду нашёл самое слабое место у столь сильного и влиятельного господина, и теперь был искренне этому рад.

– Вашими стараниями у меня теперь нет дома, – нахально улыбнулся мужчина и отвесил издевательский поклон, – так что прошу извинить, что не приглашаю нанести ответный визит.

– Иди прочь, Вильхельм, иначе я позову стражей, и они вышвырнут тебя за шкуру. Они, кажется, тебя и без того ищут? – с ехидцей произнёс ди Эмери.

– Что ж. Мы ещё обязательно встретимся, кириос.

Проговорив мягким вкрадчивым голосом эту угрозу, мужчина стремительно вышел из кабинета, закрыв дверь так бесшумно, что, казалось, весь его визит и угрозы были лишь страшным видением.

За окном не колыхнулось ни ветви, не раздалось ни звука. Кириос ди Эмери подошёл и выглянул на улицу, но то ли не успел заметить, то ли гость и вправду растворился в ночной темноте, будто его унесли демоны.

Кириос ди Эмери дошёл до стола и нервно набил крепким табаком свою трубку. Раскурил судорожно, сделал несколько глубоких затяжек, глядя невидящими глазами в стену, на которой висел портрет

его погибшей жены. И только тогда успокоился, опустившись обратно в своё кресло.

Глава 1

Знакомый незнакомец

Пятнадцать лет спустя

– Найра, где ты?! – Агата не выдержала и крикнула свою служанку, которая куда-то запропастилась. – Я не могу отыскать второй чулок!

Утомившись от неподвижного воздуха в комнате и спешных сборов, Агата устало перевела дух. Склонившись к левой стопе, поставленной на стул, она осторожно принялась натягивать чулок с кончиков пальцев, медленно раскручивая тонкую шелковистую ткань, так и норовящую порваться.

Густые кудрявые волосы, ещё влажные после мытья, рассыпались водопадом и упали на лицо. Агата сердито перекинула копну волос через плечо и выдохнула, убирая мелкие прядки с лица – и без них ужасно жарко! И как во всём этом она ещё будет танцевать!

Агата – единственная наследница торговой империи ди Эмери – родилась на закате лета и сама была непостоянной и порывистой, точно переменчивые дни сбора урожая, то обжигающие зноем, то сменяющиеся грозами, предвещающими скорую затяжную непогоду.

Вот и сейчас от предвкушения приёма, который устраивал отец в честь её дня рождения, она дошла до злости на чулки, которые, конечно же, должны быть на благородной кирии, даже если никто их и не увидит.

А всё эта мода из столицы – откуда тоже прибыли гости. Ну да, у них в прохладе можно и чулки, и пышные платья, и даже парики с кудрями надеть.

Агата выпрямилась и снова устало откинула свои пряди за спину. У неё свои ничуть не хуже...

Несмотря на праздничный день и шумную суету слуг из-за предстоящего ужина и приёма с танцами, её утро прошло, как и всегда, за занятиями. И если из точных наук отец позволял, как он сам выражался, «забывать» голову наследнице только арифметикой и снисходительно относился к ошибкам, то по предметам, считавшимся

необходимыми для девиц её возраста и положения, спрашивал со всей строгостью.

Окна комнаты, как назло, выходили на южную сторону, и духота в солнечные дни только усиливала страдания Агаты, которая в очередной раз слушала о том, как надо вести себя в обществе воспитанной кирии, как она должна быть скромна и учтива. Боги! Это всё она прекрасно усвоила ещё в детстве. Гораздо интереснее было бы путешествовать с отцом, увидеть незнакомые страны, людей и, может, помочь отцу заключать важные сделки.

Но отец, хоть она и была единственным ребёнком, не торопился рассказывать ей о деталях семейного дела. И, как считала сама Агата, прочитавшая в библиотеке даже книги об устройстве рынка, о торговых путях и экономике, это было весьма несправедливо.

Погружённая в свои мысли и слишком занятая поиском чулка Агата не обратила внимания на шорох и осторожные шаги, раздавшиеся с небольшого открытого балкона, выходящего в тенистый сад.

Внезапно скрипнули ставни, и Агата резко обернулась на звук. Никого. Ей показалось или это долгожданный ветер? Но листва дикого винограда и жимолости, цепляющихся за кованые перила, была неподвижна, садящееся солнце слепило глаза и не давало ничего разглядеть в тёплом золотистом мареве.

– Не это ли ищите, госпожа? – раздался вдруг из-за спины насмешливый голос, а на глаза легла тонкая, полупрозрачная ткань потеряннго чулка.

Агата собиралась заорать и отскочить, но горячая ладонь опустилась ей на талию, её развернули, и тут же ладонь незнакомца прижалась к губам.

На лице мужчины была маска, закрывающая нос и подбородок, оставались только горящие глаза из-под тёмных взлохмаченных прядей. Агата попыталась ударить наглеца и позвать на помощь слуг, но он легко толкнул её к комоду с зеркалом, заставив упереться в него бёдрами, а сам не выпускал из объятий.

В панике Агата успела нашарить рукой тяжёлый, богато инкрустированный гребень, привезённый отцом из очередной деловой поездки, и почти ударила мужчину с размаху, но тот успел перехватить

её руку, хоть и не больно, но сильно сжав запястье, из-за чего она разжала пальцы.

Гребень упал куда-то под ноги, а вместе с ним и сердце Агаты, которая только сейчас почувствовала настоящий страх.

– Отец... – начала было Агата, отбрыкиваясь ногой, одетой в чулок, когда никакого больше «оружия» не нашлось под рукой.

– ...«прости меня, я была плохой девочкой?» – голос прозвучал насмешливо, а глаза сверкнули, когда грабитель перехватил её запястья, удерживая, и на мгновение прижал своими бёдрами к комоду. – И не кричи, – продолжил он тем же тоном, – и тогда я тебя не обижу.

Вторая его рука скользнула от талии по бедру, заставив Агату застыть больше, чем прозвучавшие слова, а потом незнакомец... опустил на одно колено, и его горячая ладонь обхватила голую щиколотку.

Агата настолько была ошеломлена внезапным вторжением, что не могла пошевелиться, а руки грабителя тем временем принялись натягивать чулок на босую ногу, которую он поставил на своё колено. Она качнулась и, стремясь обрести равновесие, ухватила рукой за его плечо.

– Что вы себе позволяете, – прошептала Агата, подрагивая то ли от ужаса, то ли от щекотного ощущения пальцев, ловко раскатывающих всё выше по её обнажённой ноге тонкую ткань.

– Я очень странный грабитель, да, кирия? – усмехнулся незнакомец, пока Агата судорожно пыталась понять, звать ли на помощь и не зарежет ли в таком случае он её прямо сейчас. – Не отбираю вещи, а возвращаю законным владельцам. Как вот этот прекрасный предмет вашего гардероба...

От звука его бархатного голоса по коже бегали мурашки. Агата боялась дёрнуться, опасаясь, что этот человек душевнобольной и может вмиг из ласкового наглеца стать убийцей. Вдруг его подослали к отцу? И Агата – лишь помеха на этом пути.

Она сглотнула, ожидая момента, когда можно будет попытаться снова его ударить, но горячие руки поднялись слишком высоко по бедру, и перехватило дыхание.

Грабитель тут же убрал руки от её обнажённой кожи и резко поднялся, но не отстранился и не схватился за оружие, а, наоборот,

подался вперёд, нависнув и обхватив пальцами её подбородок. Его глаза смеялись, и Агата снова задохнулась – на сей раз оттого, что узнала этот взгляд.

– Джонотан ди Арс! – задохнувшись от гнева и стыда, Агата уже безо всякой боязни отпихнула его двумя руками.

– К вашим услугам, моя госпожа, – отшатнувшись, он снял воображаемую шляпу и кивнул с изяществом титулованной особы, отступая ещё на шаг. Стянул послушно маску с лица, больше не нужную, потому что его узнали.

Агата с жадностью вглядывалась в знакомые, когда-то такие любимые черты: твёрдый, чётко очерченный подбородок, мягкая тёмная щетина, красивые губы, подрагивающие в улыбке. Его тёмные глаза сверкнули, а рука трагичным жестом прижалась к груди.

– Но, кажется, вы совсем не рады меня видеть... Тогда, пожалуй, мне придётся забрать осколки того, что было моим сердцем, и уйти...

Он проворно шагнул в сторону распахнутых в тёплый вечер балконных дверей.

– Ну-ка стой! – Агата бросилась за ним, схватив на сей раз тяжёлую книгу из тех, что давал изучать отец. И без колебаний запустила в него дьявольский ловко, точно дикий кот, увернулся от удара.

– Ни весточки за три года! – она замахнулась ещё раз, на этот раз под руку подвернулось деревянное пресс-папье.

– Я думала, ты погиб! Или тебя взяли в плен пираты! – Пресс-папье упало куда-то на кровать, утонув в мягких подушках, писчая бумага из аккуратной стопки разлетелась по ковру, и Агата решила, что кулаки тоже подойдут в качестве весомого аргумента.

– Что твой дурацкий корабль налетел на рифы, которые проломили твою глупую голову! – продолжала кричать она, молотя кулаками по его крепкой груди. – Чтоб тебя кракен сожрал за то, что ты... Ты мог бы написать!

– Как же я рад, что ты всё та же дикарка, – поднимая руки, ухмыльнулся Джонни.

– Дикарка? – она задохнулась и, ловко поднырнув под его руку, которой он прикрывал голову от её гнева, с размахом отвесила звонкую и сильную пощёчину, в последний момент разжав кулак. И замерла,

неожиданно испугавшись и уставившись на него широко распахнутыми глазами. – Ох, Джонни... прости...

– Узнаю эту тяжёлую руку, моя очаровательная драчунья, – усмехнулся он, потирая смуглую щёку, на которой заалел след её пальцев. – Но ты опять забыла, что надо сжимать руку в кулак. Вот так!

С этими словами он легонько толкнул её в плечо, сделал ловкую подсечку и подхватил, когда Агата, не ожидавшая подобного, чуть не рухнула спиной на ковёр.

– И никакие грабители не страшны, – прошептал он заговорщицки в её приоткрытые губы, прижимая к себе так горячо, как никогда прежде не делал.

И это в очередной раз выбило пол из-под ног.

Агата тут же вспомнила их последнюю ссору и расставание. Тогда она узнала, что её прекрасный благородный Джонни, в которого она была так влюблена, всего лишь поспорил с их соседом, кириосом ди Бритом, что добьётся от неё поцелуя – или, если проиграет, будет весь год танцевать с ужасно занудной дочерью начальника порта на всех балах.

Воспоминание об этом тут же всколыхнуло притупившееся из-за разлуки желание уязвить Джонни в ответ с ещё большей силой. Гадкий, несносный, ужасный тип, который издевается над ней снова!

Она никогда, никогда его не простит. Или ещё лучше – будет мучить, пока он не начнет раскаиваться. Тогда она будет великодушной. Возможно.

– А вот и ваше платье! – радостный голос прозвучал одновременно со звуком распахнувшейся двери, и в проёме показался пышный ворох сливочного цвета кружев и алого атласа. Найры за всем этим портновским великолепием даже не было видно.

Джонотан заговорщицки подмигнул, роняя Агату на пол, отчего она чуть не вскрикнула, но он коснулся пальцем её губ, заставив вспыхнуть, и одним быстрым движением залез под кровать.

– О, госпожа, что с вами?

– Прилегла отдохнуть, – мрачно ответила Агата, сдувая с лица прядь, и, прежде чем подняться, одёрнула до пола покрывало, посылая грозный взгляд белозубо улыбающемуся Джонни. – На полу не так жарко, знаете...

– Ох, госпожа, приказать принести что-нибудь? – сочувственно поинтересовалась служанка, аккуратно расправляя платье на кровати. – Все слуги, правда, заняты, уж гости скоро начнут съезжаться.

– Оставь, – отмахнулась Агата, поднимаясь с пола, – чем скорее буду готова, тем скорее смогу выйти в сад. С самого утра хочу на воздух.

Найра ловко уложила её пышные кудри в нарочито небрежный узел, перевила жемчужной нитью в тон кружев. Агата терпеливо ждала завершения образа, уже готовая предстать перед гостями, но присутствие «грабителя» под кроватью действовало на нервы. Они ещё не договорили!

Наконец Найра оставила её в покое, хотела было сопроводить до бальной комнаты, но Агата взмолилась:

– Дай мне ещё чуть-чуть времени, я волнуюсь! Пожалуйста! Пару мгновений.

Не очень вежливо вытолкав Найру за дверь, Агата резко опустилась на колени, ловко собирая руками пышный подол, заглянула под кровать, твёрдо намеренная вытащить Джонни и заставить умолять о прощении.

Но её намерению не суждено было сбыться.

Глава 2

Танцуют все!

Сбежал... Нет, ну какой наглец! Агата так рассердилась, что, если бы он вернулся чудесным образом и возник посреди комнаты, она бы снова отвесила ему пощёчину. Но он просто исчез, словно и не было.

Надо будет опросить слуг, не видели ли мелькнувшую тень в чёрном... И вообще поставить слуг дежурить и следить за крышей: с такой лёгкостью, как в дом проник Джонни, сюда, выходит, мог попасть кто угодно?!

От этой мысли Агата похолодела, руки и плечи покрылись мурашками. Или её друг детства прав: надо уметь ударить кулаком любого наглеца, кто посмеет сунуться без спроса. Да, даже самого Джонотана!

Агата прошлась ещё раз по комнате, убедилась, что тут точно никого нет, выглянула за окно, вглядываясь в сплошную темноту за горящими пятнами света. В дверь настойчиво стучала Найра, требуя выйти к гостям.

Ладно, пора. Выдохнув и взявшись за двери, Агата распахнула их решительно, так что Найра, ломившаяся снаружи, едва не упала.

– Идем, я готова, – Агата невозмутимо протянула ей руку, помогая удержаться на ногах, а затем кивнула со всем достоинством и прошествовала к месту сбора гостей.

В бальном зале, пышно украшенном живыми цветами, Агата появилась впечатляюще – одетая в этот яркий, сочного алого цвета атлас. Отец точно оценил цвет платья, и теперь Агата старательно проходила между гостями, здоровалась и разговаривала с каждым, не давая ему возможности отчитать или заставить сменить наряд.

Пусть даже это и нарушение этикета. Совсем небольшое, достаточное, чтобы о ней говорили чуть больше, но недостаточное для светского скандала. Может быть, заодно ей удастся отвалить нескольких довольно неприятных потенциальных женихов, выбранных отцом: ведь красный могли носить только замужние дамы. Агате исполнилось двадцать, но с женитьбой отец словно нарочно

оттягивал момент, впрочем, скорее очень тщательно выбирал – самого выгодного.

Если бы Агата могла, именно сегодня она предпочла бы эффектному появлению ночную встречу в саду с Джонотаном – и наконец-то откровенный разговор. Но она была на него слишком сердита для обстоятельного разговора и, увы, танцевала уже третий танец, стараясь незаметно вести партнера поближе к распахнутым на балкон дверям – там было больше воздуха, а от сердитого взгляда отца её оберегал полный зал кружащихся в вальсе пар.

Партнёры, как назло, поддавались, так что танцы не приносили особого удовольствия, и Агата постоянно отвлекалась на всех обладателей тёмных волос.

Она мило улыбнулась, старательно переступающему с ноги на ногу сыну бургомистра. Кириос Коллинз-младший – симпатичный, немного надменный белокурый молодой человек – прижимал её слишком крепко и, судя по тому, как он задумчиво поглядывал под ноги, считал про себя.

Насколько Агата знала, он преуспел в торговле табаком и сотрудничал с её отцом. Они несколько раз пересекались на прогулке и приёмах в доме бургомистра, но близко не общались. В целом он был неплохим вариантом, чтобы отвлечь внимание отца, если, конечно, он не рассматривал семью и имущество Коллинзов в качестве перспективного слияния семейных дел.

«Раз-два-три-два-два-три», – посчитала Агата, вздыхая, чтобы не предложить Колинзу перестать рассматривать кружево на её груди, и незаметно поглядывая по сторонам в поисках следующего кавалера, когда в повороте они неожиданно столкнулись с выросшим словно из ниоткуда Джонотаном.

– Кирия, кириос... – он вежливо кивнул, не двигаясь с места, из-за чего им тоже пришлось остановиться.

– Ищете кого-то? – Агата вскинула брови, мечтая, чтобы сын бургомистра немного ослабил хватку: отбиваться было бы глупо, но Джонотан явно веселился, наблюдая за тем, как она пытается немного отодвинуться.

– О нет, кирия, наслаждаюсь, – он отвесил изящный поклон. – Всегда приятно побывать в столь блистательном обществе. Вы позволите, кириос?

И когда Агата уже задумалась о том, чтобы вложить свою руку в ладонь Джонотана (и заодно высказать ему всё, что накипело), тот издевательски кивнул ей и указал Коллинзу на двери комнаты, где мужчины курили сигары:

– Сожалею, что приходится вас прерывать, но дела...

– Конечно-конечно, капитан, – кириос склонился над её рукой в поспешном поцелуе. – Кирия... Агата, прошу меня извинить, но это и правда не терпит отлагательств. Капитана очень сложно застать в наших краях.

Агата замерла практически посреди зала, из последних сил сохраняя невозмутимое выражение лица. Да какого... морского дьявола он смеет сначала залезать к ней в спальню, а потом делать вид, что пришёл сюда по делам! Посмотрите на него – теперь он благородный кириос, занятый Очень Важными Делами.

Агата чувствовала, что так и пышет жаром от возмущения, и поэтому на следующего кавалера, пригласившего на танец, старалась не смотреть – не дай боги испепелит на месте.

– Позвольте перехватить вашу даму, кириос, – внезапно прозвучал бас отца за её спиной, и сердце Агаты предательски ёкнуло.

– Конечно, – юноша столь поспешно передал её руку, что Агате нестерпимо захотелось сбежать.

К сожалению, кириос ди Эмери явно был настроен на разговор, раз уж даже решился едва ли не впервые за много лет потанцевать с дочерью.

– С днём рождения, Агата, – отец благодушно улыбался, но улыбка не могла её обмануть, слишком хорошо она знала этот пристальный тяжёлый взгляд.

Против воли захотелось распрямить и без того выпрямленную спину и поднять подбородок повыше.

– Спасибо, отец, – коротко ответила она, напоминая себе, что она уже не маленькая девочка, стремящаяся получить расположение и ласку отца, и всё равно радуясь, что в танце смотреть в глаза было скорее дурным тоном.

– Стоило бы, конечно, обсудить некоторые моменты, – продолжал он меж тем, неторопливо ведя её в танце. Вокруг них образовалось пустое пространство: гости наблюдали за танцем, и, кажется, у многих дам они вызывали искреннее умиление – ди Эмери умел быть

обаятельным на людях. – Но у меня еще не было возможности вручить тебе подарок. Я подумал, что ты уже достаточно состоявшаяся юная кирия... К тому же, мы обсуждали такую возможность.

Агата вскинула на него глаза. Отец смотрел спокойно и ровно, ничего невозможно было прочитать по его лицу. Наверное, именно с таким выражением он обсуждал условия сделок. И всегда преуспевал.

О, как же хотелось спросить, уточнить! Но отец всегда ругал её за несдержанность и чрезмерную порывистость, поэтому Агата молчала. Они прошли ещё один плавный круг по залу, и когда мелодия стала подходить к концу, отец взял её под руку и повёл туда, где были накрыты столы:

– Хочу познакомить тебя со своим будущим партнёром. Мы почти обо всём договорились, и через четыре дня, если погода не будет препятствовать, отплываем на Восток.

– Отец? – Агата даже остановилась, не веря своим ушам. – На Восток? Но ты же никогда не плавал так далеко! Твоё здоровье и... Ты хочешь сказать, что...

– Да, я решил, что на этот раз ты можешь поехать со мной. Посмотреть мир, как ты и хотела.

– В чём подвох? – она свела брови, следя за ним. – Прежде ты не позволял мне сопровождать тебя в дальних странствиях. Это ведь небезопасно и неразумно. К тому же, ты плохо переносишь морские путешествия.

– Ничего, обойдётся. Времена меняются, – расплывчато ответил отец, и это прозвучало обнадеживающе, как если бы он наконец признал, что Агата может участвовать в семейном деле. Но он продолжил: – Сейчас на море стало спокойнее: пиратов приструнили, и на этот раз мы идём небольшой флотилией с моими друзьями с Востока. Будет странно, если я доверю такую сделку кому-то ещё.

– У тебя есть друзья на Востоке? Хотя теперь, когда мы заключили с ними мир... Думаю, я понимаю, о чём речь. Их земли славятся шелками и драгоценностями, и ты хочешь преуспеть в налаживании новых связей, прежде чем это сделает кто-то другой.

– Твои уроки не прошли напрасно, – скупой похвалил отец, продолжая витать в своих мыслях. – Так что тебе стоит теперь и самой посмотреть мир, не так ли?

Однако Агата не верила в его благодушие и желание порадовать дочь, а от мысли, что она теперь вынуждена будет надолго покинуть дом, на сердце стало тяжело.

Музыканты заиграли новую мелодию, а талию вдруг незаметным образом обхватила чья-то тяжёлая и тёплая рука. Прошлась совсем коротко, но обожгла внезапным и таким откровенным прикосновением.

Пока Агата оглядывалась в поисках наглеца, перед ними снова возник Джонни и неожиданно почтительно попросил у отца её руку, приглашая на танец.

– Только один танец, – он взглянул на кириоса, держа протянутую руку, в выражении его лица не было и тени смирения или просьбы, только решимость в вызывающем блеске глаз.

Будто, если отец не даст согласие добровольно, Джонни готов выхватить абордажную саблю и сразиться с ним за это право. Какой же восхитительно бесстрашный нахал!

Агата, несмотря на то, что велик был соблазн отказать и посмотреть на выражение лица Джонни, едва удерживалась от улыбки. Зато прекрасно видела, как взоры всех незамужних девушек устремились на статного красавца – молодого капитана Джонотана ди Арса, которого столько лет не было в их землях. А теперь явился во всей красе – завидный жених, в меру дерзкий и независимый. Кажется, многие хотели бы сейчас оказаться на её месте.

К тому же отец, скрипнув зубами, не стал затевать скандал, а молча, но угрожающе кивнул. Он-то, в отличие от восторженных девиц, капитана ровней не считал. Но где-то там стоял человек, с которым отец собрался знакомить Агату, и отец явно не хотел вспылить прямо посреди зала и выдать свой бешеный нрав. Что ж, ей тоже стоит временно сменить гнев на милость. Она, в конце концов, хотела быть великодушной.

– Только один, – процедил отец, прибывая тяжёлым взглядом Джонни, однако тому всё было нипочём, он смотрел лишь на Агату.

– Прошу, – он протянул ладонь и коварно улыбнулся, когда она вложила пальцы в его руку.

Ту руку, которая совсем недавно касалась её бедра, скользя по гладкой коже вместе с подвязками чулка. От одной мысли щёки Агаты вспыхнули ярче алого платья, что было на ней надето.

– Отец убьёт тебя после этой наглости, – мило сообщила она ему, начиная танец и приседая в реверансе.

– Не думаю, – отозвался Джонни, склоняя голову в поклоне.

– Если ты собирался просто потанцевать, не проще было войти через дверь?

– Было бы не так интересно. К тому же кто бы ещё нашёл твой второй чулок?

Агата приподняла брови, вглядываясь в знакомые черты: они провели столько времени вместе, что легко можно было представить его лицо даже с закрытыми глазами. Всё детство и юность она легко могла угадать, что у Джонни на уме, но сейчас в нём появилось что-то новое, что-то, чего она ещё не знала. Лицо знакомого незнакомца, который совершенно точно что-то скрывал.

Она позволила притянуть себя в объятия и отдалась на волю музыки и партнёра, способного ловко и сильно вести в танце, что можно было ни о чём не думать и просто поддаваться его воле, скользя по паркету. Наконец-то! Желание вытрясти из Джонотана ответы на все вопросы, которые роились у неё в голове, соперничало с желанием просто следовать его умелым рукам.

Они чинно кружили по залу, поглядывая друг на друга, но так и не заговорив до самого конца неторопливой мелодии.

– Ты изменилась, Агата, – в голосе Джонотана прозвучала будто нежность. – Такая терпеливая, благородная леди.

– Ты тоже... – она смерила его оценивающим взглядом.

Недавно он был простым моряком, оставшимся без родителей сыном торгового партнера отца, выросшим благодаря ему в достойных условиях. А теперь держался, как и подобает успешному и важному капитану собственного судна.

Несмотря на всё паясничание с ней, с другими – и сейчас в танце, – он вдруг стал таким уверенным и спокойным. Однако то, что он говорил, никак не соответствовало этому образу, потому что с невыразительным лицом он не менее невинно уточнил:

– Да? Стал ещё лучше?

– О нет... Не изменился! – забрала свои слова назад Агата.

– Конечно. Лучше просто некуда, верно? – насмешливо закончил он и вдруг сделал знак музыкантам, будто они условились о чём-то заранее.

– Я бы сказала, что хуже.

– Почему? – он приподнял брови, кажется, искренне удивившись.

– Ты ещё спрашиваешь?

– Я правда никак не мог дать о себе знать эти три года, – его лицо омрачилось на мгновение, но он вновь улыбнулся. – Так в чём моя вина, о, прекрасная дева?

– Спасибо, что напомнил ещё и про это!

Агата боролась с желанием оттоптать ему ногу и узнать, чем же таким тайным он занимался, что их общение прервалось совсем. Она-то сначала была уверена, что ему стыдно из-за спора.

– Список моих грехов увеличивается, а я даже не знаю, в чём должен каяться сначала! Я всегда думал, что был учтив и галантен с тобой в меру моего воспитания. Хотя оно не сильно отличается от твоего, разве что учителя у меня были строже.

– Твоя галантность закончилась там, где ты заключил пари, несносный ты лжец.

Джонни закрутил её вокруг оси, будто назло не давая приблизиться и договорить.

– Пари? На что-то значимое, должно быть?

Её возмущённое восклицание заглушили звуки мелодии, которая внезапно изменила тональность и ритм, и Агата почувствовала, как в ней борются гнев, смущение и азарт – это был танец, больше подходящий народным гуляниям на площадях южными ночами, а не приёмам, пусть даже его и танцевали в особняках при свете свечей на помолвках и свадьбах и закрытых семейных торжествах.

– Позволишь? – и, не дожидаясь согласия, он повёл её в центр зала, по которому пробежал шепоток: другие гости не торопились присоединиться к ним.

– Ты продал душу демонам и теперь ничего не боишься? – попробовала угадать Агата, искоса поглядывая на сосредоточенное лицо Джонотана.

– Почти.

– Если ты не скажешь, я наступлю тебе на ногу.

Джонотан легонько ущипнул её, придерживая руками за талию.

– Я продал душу твоему отцу.

– Джонотан!

– А что? Продавать – так выгодно, а твой отец смыслит в торговле.

Он резко развернул её, алый атлас с пеной кружев нижних юбок плеснул волной вокруг её ног.

– Ты безумец, – прошептала она на выдохе, вскидывая руки и опуская их на плечи Джонотана: они были так близко друг к другу, что Агата могла разглядеть своё отражение в его глазах.

– Я знаю, что это твой любимый танец, – прошептал он в её приоткрытые губы, увлекая в стремительное движение вместе с набирающей темп музыкой. – Так что просто наслаждайся, побьёшь меня потом. Наедине, в более располагающей к тому обстановке.

То, что он говорил и делал, было самой вызывающей наглостью, а они уже давно не были юнцами, которым многое сходило с рук, и если бы хоть кто-то услышал это, Агата могла бы попрощаться со своей репутацией. Но Джонни это как будто вовсе не волновало.

Он поднял её руку, и, следуя фигуре танца, Агате пришлось несколько раз повернуться, задыхаясь от невозможности немедленно стукнуть его по груди и невозможности продолжить разговор. Уж конечно, не от того, что, когда он вновь привлёк её к себе, спасая от столкновения с другой парой, его губы словно бы случайно мазнули по её щеке, слишком близко к её губам.

– Что ты делаешь! – прошипела Агата, старательно улыбаясь и пытаясь отыскать взглядом отца.

– Это называется поцелуй, Агата, – совершенно серьёзно произнёс Джонотан, хотя в глазах у него плескалось лукавство и что-то ещё, незнакомое. – Знаешь, когда губами касаешься губ того, кто очень, очень тебе нравится.

Дождавшись, когда присоединившиеся танцующие пары сошлись вокруг них, Джонни сжал её талию так, что она буквально впечаталась бёдрами в его, и, склонившись к уху, прошептал:

– Обещаю, я покажу тебе, что такое настоящий поцелуй. Но не сейчас, когда твой отец так пристально следит и я рискую отдать... если не душу, то жизнь слишком рано.

– Конечно, чего не сделаешь ради пари... – Агата гневно сверкнула глазами, подбирая достаточно весомую угрозу.

– О боги, так вот о чём ты! – рассмеялся Джонни, будто только сейчас вспомнил, о чём она говорит. – Ты серьёзно?! Кто тебе

рассказал?

Резкий поворот развёл их в разные стороны, чтобы свести снова через несколько изматывающих минут.

– Какая разница?

– Агата... – он серьёзно глянул на неё, благо что танец позволял это сделать. – У того дурацкого спора давно вышел срок давности. Это была величайшая глупость.

– Конечно, глупость. Потому что ты проиграл по всем статьям, Джонотан ди Арс! Надеюсь, твоё наказание было достаточно унижительным.

– Я не успел его принять, но не потому, что не держу слова. Другие неприятные события заставили покинуть дом. Но если ты позволишь, я попрошу второй шанс.

– Снова заключишь пари?

– Хорошая идея. Готов поспорить с тобой, что ты первая попросишь себя поцеловать.

– Ты проиграешь.

– Спорим?

– Ха, – фыркнула Агата. – Не отделаешься новой срочной поездкой по делам. На что?

– Как истинному джентльмену, мне будет достаточно твоего поцелуя, но если за... скажем, месяц ты не будешь умолять меня, то я готов выполнить любое твоё желание. Ты даже не обязана называть его прямо сейчас.

И он отступил, разрывая контакт и вновь поворачивая под рукой, лишая возможности ответить.

Как хорошо, что она любила танцевать и у неё были замечательные учителя!

Она даже не сбилась с шага, а движения остались такими же плавными, хотя сердце готово было предательски выскочить из груди, а щёки, кажется, атели теперь так, словно она выпила вина.

Запах Джонотана, неожиданно чувственный, пьянил ничуть не меньше. Агата уловила бергамот и, кажется, морскую соль, точно он только что сошёл со своего корабля.

Зазвучали финальные аккорды, Агата ещё надеялась, что Джонотан позволит ей просто чинно присесть в реверансе, но нет, он притянул её за руку и придержал за талию, подчиняясь ритму танца.

Агата отклонилась к полу, прогибаясь и запрокидывая голову. Её грудь согрело тёплое дыхание, как будто бы тесного контакта их бёдер было недостаточно.

Было щекотно, страстно, горячо, а в груди жарко билось сердце.

Но, замерев вниз головой, Агата увидела отца, шедшего прямо к ним. И его вид, насколько она могла судить даже в такой позе, не сулил им ничего хорошего.

Глава 3

Восток – дело тонкое

Джонотан

– Кирия прекрасно танцует, истинная дочь своего края, – восхищённо произнёс смуглый мужчина, подошедший к ним вместе с обманчиво-спокойным кириосом ди Эмери.

Одет он был, как и остальные гости, по столичной моде, но лёгкий акцент и неторопливость движений вкупе с чрезмерным количеством сверкающих драгоценными камнями колец на пальцах обеих рук выдавали в нем выходца с Востока больше, чем смуглая кожа и тёмные настолько, что казались чёрными, внимательные глаза.

Джонотан отметил и спокойную позу, и лёгкую, почти незаметную усмешку в глазах, когда он оценивающе, пристально разглядывал покрасневшую от танца Агату. Словно посол чувствовал её смущение и растерянность не меньше, чем сам Джонотан.

– Благодарю, – коротко ответил ди Эмери, глаза его метали молнии. – Надеюсь, некоторые культурные различия не заставят вас думать о моей дочери как о легкомысленной особе.

Он улыбнулся холодно, сдерживая свою злость за этой напускной вежливостью, и Джонотану невольно захотелось сделать шаг вперёд, чтобы закрыть собой словно заледеневшую от тяжёлого взгляда Агату.

Кириос ди Эмери не был магом, но обладал даром не подчиняться чужому влиянию, что вкупе с хитростью и изворотливостью делало его опасным союзником и пренеприятнейшим врагом.

– Агата, мой партнёр с Востока – Хайрат ибн Али. Будь добра, займи нашего гостя, – просьбы в его голосе не прозвучало. – Думаю перед поездкой тебе тоже будет полезно узнать о некоторых тонкостях, а господин Хайрат – интересный рассказчик.

– С превеликой радостью, – тот слегка поклонился, приложив руку сначала ко лбу, а потом, сжав в кулак, к груди; кроваво блеснули рубины на красивых, по-женски изящных руках, явно не знавших тяжёлой работы. – Благодарю вас за оказанную честь.

– Не стоит благодарности. Мы сотрудничаем, и я полностью вам доверяю.

Джонотан слегка нахмурился, перехватив недоумевающий взгляд Агаты. Значит, не только ему показалось, что договорённости явно шире обычных торговых.

– Посол, прошу меня извинить, – кириос величественно кивнул гостю. – До отплытия остаётся совсем немного времени, а капитан прибыл только сегодня.

– О, так вы и есть капитан моего дорогого друга! – посол отвлёкся от пристального изучения застывшего профиля Агаты и с живым интересом посмотрел на Джонотана. – Наслышан, наслышан. Говорят, вы один из лучших, если не лучший, во всём торговом флоте этих земель.

Агата взглянула на Джонотана, так выразительно сощуриив глаза, что он усмехнулся. Да, о самом важном он сообщить не успел – что им предстоит провести несколько недель на одном корабле. На его корабле, под его властью. Хотел оставить это на десерт и сорвать с её губ восторженный вскрик, но всё раскрыл прежде времени этот восточный посол.

Джонотан сдержанно кивнул:

– Столь высокая оценка моих способностей и заставляет меня постоянно совершенствоваться, – он криво улыбнулся и бросил быстрый взгляд на ди Эмери, – чтобы соответствовать высоким требованиям партнёров.

– Прошу нас извинить, – кириос, кажется, начал терять последние крохи терпения, кивнул послу, сурово взглянул на Агату и указал Джонотану на лестницу, ведущую на второй этаж: – В мой кабинет... пожалуйста. Там нам никто не помешает.

– Ди Эмери! – к ним, лавируя между гостями неожиданно ловко для своей комплекции, подошёл солидно выглядевший тучный мужчина, в котором Джонотан узнал одного из плантаторов, торгующих (в том числе и на экспорт) тростником. Он иногда брал его товар на борт. – Слышал, что вас можно поздравить с выгодным контрактом? О, и вы, капитан, здесь! Конечно, кому же ещё можно доверить такое дело!

Ди Эмери вынужден был поддержать разговор, что было на руку Джонотану: Агата и посол стояли в паре шагов, и он прекрасно мог

слышать их разговор. А если голоса становились неразборчивыми, то по губам Агаты было очень легко читать: когда она увлекалась, то сбрасывала маску надменной наследницы, и её лицо выражало всё, что было на уме.

А сейчас, как с лёгкой ревностью отметил Джонотан, она выглядела довольной и немного смущённо улыбалась. Губы сложились в вежливо-изумлённую «о», а потом она даже зарумянилась, бросая на посла из-под тёмных ресниц внимательный взгляд. Её пальцы задумчиво обводили край бокала с холодным вином. Как бы он хотел не читать по её губам, а целовать их – такие сладкие, терпкие от вина и страсти.

– О, не смущайтесь, – глубокий голос посла легко был различим даже в гуле разговоров, – гарем – это дань традициям и помощь девушкам из бедных семей. Их обучают во дворце, а после они возвращаются в семьи и легко находят себе достойных мужей. Это раньше у знатных мужчин могло быть несколько жён. Сейчас – только одна.

Кириос ди Эмери освободился и фамильярным жестом позвал Джонотана за собой. Тот взглянул на Агату и нахмурился. Конечно, она за словом в карман не полезет и в обиду себя не даст, но больно уж ему не понравился этот восточный хлыщ.

Мысленно он пообещал поговорить с её отцом и тотчас вернуться, развернулся и проследовал за кириосом, на ходу сверля взглядом его спину и наблюдая, как расступаются перед ними гости.

* * *

– А теперь послушай меня внимательно, – без предисловий начал ди Эмери, как только тяжёлая дверь его кабинета отрезала их от весёлых разговоров и музыки, доносящихся снизу. – Я не потерплю тебя рядом со своей дочерью. Никогда. Я надеялся, ты уяснил это ещё три года назад. Я дал тебе всё, и это всё могу с такой же лёгкостью отнять. Напомнить, сколько ты ещё должен мне за корабль?

– Я расплачусь, когда мы вернёмся с Востока, – холодно ответил Джонотан, заложив руки за спину и невольно сжимая кулаки.

Кириос ещё много лет назад провернул несколько дел так, что вынудил Джонотана быть у него в долгу. Но эта цена за свободу казалась теперь невеликой. Главное, что он теперь сам может выбирать, как и с кем работать. И его магический дар сыграл в его становлении не последнюю роль. Сейчас же было особенно приятно знать, что кириосу ди Эмери пришлось обратиться к Джонотану и просить о сопровождении на Восток – никто другой не соглашался идти в столь долгий рейс в сжатые сроки. Впрочем, не только поэтому. Каким-то загадочным образом конкуренты не брались за эту работу и отказывались один за другим.

Джонотан усмехнулся.

– Разумеется, расплатишься, но не смей приближаться к Агате. Даже смотреть в её сторону не смей.

– Боюсь, это будет несколько затруднительно – если она поплывёт на моём корабле.

– Да как ты смеешь дерзить мне, щенок?! – кириос ди Эмери в гневе стукнул кулаком по столу.

– Я – капитан корабля и несу полную ответственность за всё, что будет происходить на борту. Женщина на корабле – к беде, – ровно ответил Джонотан, – команда, конечно, не будет просить запереть её в трюме, но... вы не боитесь брать дочь в такое долгое путешествие?

– Ты ещё смеешь мне угрожать? – нехорошо сощурился кириос.

– Я уточняю, чтобы потом не было недоразумений. Команда моряков, плавание сроком более трёх недель. Может случиться всё что угодно. В моих интересах, как капитана и как человека чести, всё предусмотреть.

– С ней поедет служанка, – неожиданно успокоившись, произнёс ди Эмери, садясь за стол. – Вот её пусть хоть все твои матросы пустят по кругу. Но, клянусь, если Агата...

– Не берите её с собой, – серьёзно сказал Джонотан. – Я понимаю, что вам надо передавать ей дела, учить...

– Передавать дела? Зачем? Дела я передам только её сыну.

– Но... – начал было Джонотан и осёкся.

Сделка с богатейшим производителем тканей с Востока, да таким, который даже прислал посла, внезапно предстала в ином свете. Что такого при всей своей влиятельности и богатстве мог предложить кириос ди Эмери, чтобы заключить такую выгодную сделку? Виданое

ли дело – единственный поставщик! Такие сделки скреплялись только при поддержке короны, это была не просто золотая жила, а золотая река, которая потечёт сюда, на юг. И, похоже, что ключом от плотины стала единственная дочь кириоса.

– Понимаю, – кивнул он наконец, разглядывая отца Агаты.

– Моя дочь безопасно доплывает до Шарракума на Востоке, ты рядом не ошиваешься – и мы с тобой в расчёте.

Джонотан едва удержался от улыбки. Да, кириос, так точно, кириос, глажу шейный платок и бегу.

Тут в дверь раздался стук и, почтительно кланяясь, заглянул слуга.

– Кириос, прошу прощения, кириос, но вот этого господина, – он указал на Джонотана, – уже более четверти часа разыскивает посыльный. Говорит, что дело срочное.

– Мы как раз закончили, ступай, – махнул рукой ди Эмери и обратился к Джонотану: – Ты тоже свободен. И если только ты посмеешь...

Джонотан не дал ему договорить, повернулся и проследовал за посыльным, оставив кириоса ди Эмери кипеть от бессильной злобы – да, это было очень невежливо и даже нагло. С ди Эмери он ещё разберётся, а посыльного мог прислать только один человек, и эту встречу не стоило пропускать.

* * *

К особняку ди Эмери Джонотан сумел вернуться только к полудню. Солнце уже поднялось, и жаркое марево дрожало над подвядшими срезанными цветами в вазонах у парадного входа. Двери были распахнуты, сновали слуги, приводя сад и дом в порядок после праздника.

– Добрый день! Кирия дома? – спросил Джонотан, подозвав жестом одну из служанок, подметающую ступени.

– Никак нет, кириос. Уехали они. Рано утром велели закладывать.

– Уехали?

– Да, кирия захотела помолиться перед дорогой, вот и поехали в монастырь. Хотя сдаётся мне, что это всё кириос, – добавила она доверительно, явно желая посплетничать, поддавшись магии

Джонотана. – Прятал её ото всех, а теперь такая длинная дорога! К иноверцам собираются! Прямо из монастыря на корабль. Весь дом вверх дном: только праздник закончился, а теперь ещё готовить багаж. И ведь долгое такое путешествие!

Она сокрушённо покачала головой.

Джонотан покивал задумчиво, поблагодарил словоохотливую служанку и с досадой вернулся в порт. Смысла догонять отца и дочь ди Эмери не было: они увидятся через несколько дней на его корабле.

Глава 4

Добро пожаловать на борт

– Уже жалеешь, что упрашивала меня? – поинтересовался отец, когда Агата не смогла сдержать зевок и потёрла глаза в попытке прогнать сон.

Было ещё очень рано; небо подёрнулось рассветным розоватым маревом, но воздух, разогретый жарким днём, за ночь так и не остыл. Прохлады не стоило даже ожидать, и Агата, затянутая в красивое, но совершенно не комфортное для такой духоты платье (отец настоял, что она должна выглядеть представительно даже в дороге), старалась не высказывать растущего раздражения слишком явно.

– Конечно, нет, отец, – она сдержанно улыбнулась, – просто не могла заснуть.

Кирия Элен, дородная, с тёмными блестящими из-под густых бровей глазами, призванная сопровождать их в этом путешествии, строгим взглядом смерила Агату, сидевшую напротив. И хотя она должна была заменить всех служанок разом, Элен больше напоминала надзирательницу в темнице, чем покорную камеристку, готовую помогать своей хозяйке.

Из монастыря выехали засветло. Отец хмурился и просматривал бумаги прямо на ходу, а у неё пока не получалось даже радоваться предстоящей поездке, но это было первое столь важное путешествие, и оно точно стоило бессонной ночи и утренней тряски в душной карете. Да и вырваться из монастыря было приятно.

Агата листала прихваченный из монастыря по совету Элен сборник о деяниях добродетельных женщин и обдумывала своё будущее, раз за разом перебирая варианты развития событий. Судя по разговору с посланцем и тому, что она случайно подслушала в его переговорах с отцом, на Восток они едут не только для торговли. Отец не взял бы её просто так, для её удовольствия, не такой он человек.

Агата зябко поёжилась, вспоминая тесную гостевую комнату, больше похожую на келью. Обстановка была спартанской, но не это доставляло дискомфорт, а постоянные разговоры с настоятельницей, которая приходила к ней каждое утро и рассказывала практически то

же самое, что и учителя по этикету. Только взгляд настоятельницы, казалось, проникал в самую душу.

Она была уверена, что та не гнушается использовать магию, чтобы доносить правильные мысли до паломников. А ещё отец всячески уходил от разговора, они пересекались только во время трапез в огромном зале, с такими давящими каменными сводами, что аппетит пропадал, и это злило. За четыре дня, проведённых за высокими стенами, она прониклась не дочерней благодарностью к отцу, а нетерпением и чувством собственного бессилия. И всё чаще задавалась вопросом, не это ли было целью отца: показать, что её может ожидать, если в поездке она будет проявлять свой характер.

Последние дни до отплытия, которые они провели в монастыре, в целом заставили Агату пересмотреть отношение к неожиданному подарку. Отец явно многое скрывал, иначе зачем бы ему понадобилось столь внезапное благословение богов.

Поэтому сейчас, вместо того чтобы предпочесть платью удобные брюки и промчаться верхом до самой пристани, Агата смирила свой нрав и чинно сидела в экипаже, украдкой зевая и стараясь держать голову ровно – так меньше укачивало.

– Юной госпоже надо чаще посещать молитвы, – обманчиво мягким голосом проговорила Элен, продолжая поглядывать на Агату, будто проверяла, достаточно ли целомудренно и аккуратно лежат складочки её платья. – Тогда спится спокойно и легко.

Агата в ответ мило улыбнулась, размышляя по ходу движения экипажа, умеет ли кирия Элен плавать, и пробежалась глазами по строчкам, неожиданно зацепившись за знакомую фамилию:

– Кирия ди Арс была целительницей? Это же мать Джонотана? Я и не знала.

– Что? – ди Эмери оторвался от бумаг.

– Тут сказано, – Агата продемонстрировала текст, – что она могла лечить женские недуги и много путешествовала с мужем. Надо же.

– Эти путешествия плохо для неё закончились, – мрачно ответил отец, отвернувшись, и Агата поняла, что расспрашивать дальше бесполезно.

– Все эти путешествия по воде противоестественны, – неожиданно горячо поддержала Элен.

– Но тем не менее вы едете с нами, – заметила Агата, заложив книгу пальцем и радуясь возможности получить чуть больше информации.

Но на этот раз и Элен повела себя странно: она коротко вздрогнула, бросила быстрый взгляд на ди Эмери и чуть нервно сжала в руках вышитый платок, которым утончённо промокивала вспотевшее от духоты лицо.

– Это меньшее, что я могу сделать, – торопливо ответила она и тоже смолкла.

Агата вопросительно приподняла брови, рассчитывая на продолжение, но отец только хмыкнул и снова углубился в бумаги, хотя чем ближе они были к порту, тем мрачнее становилось его лицо, и дело было не только в предстоящем путешествии по морю. Он как-то нервно придерживал небольшую деревянную коробку, которую тащил из самого монастыря. Один обшарпанный край торчал из-за пазухи, и отец то и дело раздражённо поправлял ношу.

– Что ты прячешь? – поинтересовалась Агата, не ожидая ничего интересного.

Наверняка в этой коробке еще бумаги, а среди тех бумаг – какие-то совсем старые (и очень важные) бумаги. Казалось, отца хлебом не корми – дай записывать где-то цифры и вести подсчёты, кто и сколько ему ещё должен.

– Не твоё дело, Агата, – слишком резко отозвался отец, дёрнувшись. И тут же взял себя в руки, подняв на неё хмурый сосредоточенный взгляд. Его голос стал заунывно-нравоучительным: – Займись чем-то более полезным. Например, повтори с Элен слова молитв. Перед путешествием по морю это лишним не станет.

Агата тихо хмыкнула, но послушно склонила голову в ответ.

Ей так и не удалось выяснить детали предстоящего путешествия, но зато она знала, что должна послужить дополнительным стимулом для заключения сделки. Отец хотел контракт, согласно которому он станет единственным поставщиком. И, как он выразился, ради этого она и должна постараться.

Агата невесело подумала, что такие туманные намёки могут значить только одно: выгодный брак. Что ж, на корабле надо потребовать ответы на многие вопросы от Джонотана – тот наверняка в курсе задумки отца, раз они так яростно друг на друга смотрят.

Именно от Джонотана отец и увёз её в монастырь, однако на корабле... На корабле всё должно быть иначе. Не прикуёт же отец её кандалами к стене каюты хотя бы?

Надо изо всех сил постараться сделать вид, что она – самая послушная дочь на свете, чтобы хотя бы чуть-чуть усыпить бдительность отца. Разговаривать только о делах и возможном выгодном союзе, о драгоценностях и шелках, о том, как повернуть сделку самым выгодным образом. Всё что угодно, лишь бы кириос ди Эмери поверил, что больше всего на свете дочь одержима богатством и влиянием, как и он сам.

Порт встретил их плеском волн и тёплым ветром, оставляющим на лице солёные поцелуи. Солнце только начинало золотить пронзающие небо мачты, и Агата сощурилась, выбравшись из полумрака экипажа. Её, всё-таки задремавшую в конце пути, словно волной омыли звуки оживлённого порта: шипело, пеной накатывая на берег, море, обещающая кораблям дальние дороги, переругивались матросы, готовящие суда к отплытию, и работники, загружающие грузы.

Пахло рыбой, которую прямо в сетях тянули вернувшиеся с утреннего промысла уставшие, вяло переговаривающиеся рыбаки, водорослями и чем-то пьянящим – может быть, свободой морских просторов, а может быть, тростниковым ромом, который распивали матросы в ближайшей таверне. Пышнотелая торговка с умопомрачительно пахнущим лимоном и пряностями лотком сахарных крендельков залиvisto рассмеялась в ответ на заигрывания моряка, и невольно замершая от всех этих звуков и запахов Агата встрепенулась и, покраснев, отвела взгляд.

– Агата, шевелись уже, – прозвучал недовольный голос отца практически над её ухом, – нам надо успеть отплыть до конца отлива. Где же Хайрат?

Ди Эмери осмотрелся, брезгливо поморщившись при виде рабочих, кативших мимо просмолённые бочки. Вообще весь вид отца выражал неприятие и беспокойство, ведь он всегда плохо переносил качку.

– Вы условились встретиться на пристани? – осторожно спросила Агата.

– Мы условились, что отплываем с отливом, к нашему приезду всё уже должно было быть готово. Вещи, слуги... Почему я должен объяснять очевидные вещи?

Отец был зол, и Агата поспешно прикусила язык.

– О, а вот и вы, Хайрат! – отец смотрел ей за спину и улыбнулся радушно, в очередной раз удивляя Агату, каким разным он может быть. – Я думал, вы уже на корабле.

– Да будет ваше утро благословенно богами, как этот день солнцем, – витиевато ответил посол, кивком приветствуя Агату, двумя руками пожимая руку ди Эмери и не замечая кирию Элен, которая покорно дежурила поблизости. – Рад видеть вас обоих. Решил дождаться... Приятно, что все договорённости соблюдаются.

Его взгляд скользнул по Агате: внимательный, неожиданно пробирающий. И что-то такое прозвучало в его голосе, что ди Эмери словно заледенел и сощурился. Агате показалось, что стало как-то прохладно. Или она просто не выпалась, солнце зашло за не до конца развеявшиеся утренние облака, вот и мерещилось всякое.

– Ещё никто не упрекнул меня в невыполнении обязательств, – ровно ответил ди Эмери, так же двумя руками сжав в вежливом приветствии унизанную кольцами руку Хайрата.

Агата подумала, что все эти кольца должны были весьма ощутимо впиться в кожу от крепкого рукопожатия, но посол даже улыбнулся, словно слова кириоса доставили ему истинное удовольствие.

– Конечно, друг мой, с вами необычайно приятно иметь дело. Нам стоит поторопиться.

Ожидая поездку, она часто представляла, как чинно и изящно взойдёт с пристани по трапу на корабль, и, конечно же, их будет встречать Джонотан, но всё оказалось гораздо прозаичнее.

Они очень торопились, поэтому корабли, отправляющиеся на Восток, в том числе и барк отца, ждали их в море с поднятыми парусами, а им пришлось сесть в шлюпки. Посол плыл на своём корабле, чему Агата была только рада, из-за смутной тревоги, которую она почувствовала рядом с ним. Было бы особенно неприятно путаться в юбке, досадуя на вынужденную неуклюжесть, под его взглядом. Так она хотя бы могла не держать лицо и хмуриться в ответ на приглушённые смешки двух матросов, которые сидели на вёслах.

Кто вообще придумал, что девушка в платье может вскарабкаться на борт корабля из шлюпки! По верёвочной лестнице! Хорошо ещё, что обувь она выбрала удобную. Разумеется, отец просто не подумал, как это будет выглядеть, иначе позволил бы надеть даже брюки. Но теперь уже поздно: её кружевные панталоны (демон морской побрал бы эту северную моду) точно видели эти два матроса.

Интересно, понравится ли им вид кирии Элен, что должна взобраться следом?

Разгорячённая от стремительно набирающей силу жары и сердитая из-за нелепости ситуации, Агата практически вывалилась на палубу, неловко споткнулась, зацепившись за бакштов, и совершенно не изящно полетела бы на отдраенные доски палубы, если бы её не подхватили сильные руки.

Горячие ладони уверенно поддержали за талию, скользнув, словно лаская, к спине и едва уловимо вниз, поддерживая так, что пальцы коснулись там, где под надёжными, как броня, слоями юбок, жёстким ригелином корсета и дурацким кружевом прятались бёдра. И, кажется, этот жест вместо того, чтобы вернуть ей равновесие, пошатнул его ещё больше.

– Кирия ди Эмери, – в низком глубоком голосе, привыкшем отдавать команды, прозвучала мягкая усмешка, – безмерно рад вновь встретиться с вами. Добро пожаловать на борт «Госпожи Дикарки».

Одна рука исчезла с её талии, чтобы мягко пожать дрогнувшие пальцы. А когда Агата наконец открыла глаза, которые успела зажмурить, споткнувшись, мягкие губы Джонни коснулись её руки. Не поцеловали воздух в миллиметре от тонкого кружева изящных перчаток, как это было положено по этикету, а обожгли запястье чуть выше того места, где эти самые перчатки заканчивались.

– Взаимно, кириос ди Арс, – сумела выдать Агата, поспешно отнимая руку и опуская взгляд, так как отец, весьма ловко для своего возраста, поднялся на палубу.

Уж куда более ловко, чем она в этом дурацком платье по чуждой моде. Она даже не успела толком взглянуть в лицо этого нахала Джонотана! Ух, как же ей хотелось посмотреть в его наглые глаза. Даже звание капитана его не изменило!

Агата невольно улыбнулась, пока отец и Джонотан обменивались рукопожатиями, и осторожно пригладила волосы, выбившиеся из элегантного узла, чтобы скрыть смущение и румянец.

Элен в итоге появилась на палубе последней, изрядно раздражённая и пыхтящая от напряжения, зато матросы, вдвоём помогавшие ей залезть по лестнице, светились белозубыми улыбками, точно два фонаря.

– Джонотан, думаю, нам стоит сразу обсудить дела, а Агате – отдохнуть в каюте, – кажется, отец охотно бы взял командование кораблём на себя, если бы хоть что-то понимал в морском деле.

– Конечно, кириос. Вы не против разговора на свежем воздухе, я надеюсь? – поинтересовался Джонотан. – Мне нужно проконтролировать отплытие, а потом мы переместимся в каюту.

И ведь даже не смотрит в её сторону, совершенно точно нарочно не смотрит!

– Да-да, только Агате надо отдохнуть, – ещё раз повторил отец, подозрительно оглядывая суровым взглядом занятых своим делом матросов и, кажется, только сейчас осознавая, на что он согласился.

– Разумеется. Кирию, – очень вежливо и очень ровно улыбнулся Джонотан, кивнув Агате со всем почтением, – проводят в гостевую каюту. И для вас, кирия, – кивнул он Элен, – мы выделим небольшую каюту по соседству. Не обессудьте, что места немного и корабль – не ваше поместье, однако всех постараемся устроить с комфортом.

Он подозвал матроса, который как раз закончил затаскивать бакштов на палубу:

– Рик, проводи! Каюты подготовлены?

– Так точно, капитан, – белозубо осклабился юнец, легко подхватывая оба саквояжа: отец настоял на поездке в монастырь налегке.

И, конечно, именно один из тех двоих, которые сидели на вёслах и насмехались над её нарядом! Из всей команды никого другого не нашлось!

– Прошу вас, кирия, – Джонотан наконец посмотрел в глаза и легко дотронулся до её локтя, направляя в нужную сторону – очень вежливым, даже заботливым жестом.

Ди Эмери нахмурился, и Агата хотела было уже поблагодарить и чинно удалиться (не хватало ещё, чтобы отец заметил их

переглядывания), когда Джонотан перевёл взгляд на её отца и с усмешкой добавил:

– Не стоит женщине мозолить глаза команде, если она не морская дева. Вера в приметы у нас сильна, а представительница прекрасного пола на борту корабля – к беде.

– Попридержите язык, капитан, – одёрнул его ди Эмери, но, кажется, остался доволен. – Ты слышала капитана, дочь? Марш в каюту!

– Да, отец.

Агата гневно посмотрела долгим взглядом на капитана, присела в якобы почтительном реверансе и, гордо приподняв подбородок, последовала за веселящимся матросом, чувствуя позади сопение Элен.

Кажется, с таким надзирателем поговорить и вытрясти всю правду из Джонни будет не так-то и просто. Отец явно поставил Элен именно на этот случай – выбрал самую приближённую к себе служанку и самую строгую из всех.

Глава 5

Это всё качка

Вот ведь нахал Джонни. И отец его поддержал. Одёрнул, но поддержал! И, похоже, вместо увлекательного путешествия, солнца и солёных брызг в лицо её ожидает духота каюты и пара унылых книг, которые, впрочем, давно следовало прочесть.

А ещё непрестанное внимание неожиданно приставленной компаньонки. На просто служанку эта строгая женщина с цепким и колючим взглядом явно не тянула, хотя и отправилась сразу же разбираться с багажом, ланчем и необходимыми вещами, оставив Агату одну.

В каюте было... скучно. Агата походила туда-сюда, выглянула в небольшой иллюминатор, выходящий на ют, пнула саквояж и приоткрыла дверь. В коридоре никого не было, похоже, вся команда находилась на палубе.

Стоило попробовать выйти на воздух и, может быть, даже пробраться на шканцы, чтобы увидеть Джонотана. Скорее всего, отца разместят в соседней каюте, сейчас из неё не доносилось ни звука. Наверное, отец торопится обсудить дела с капитаном, пока его не настигла морская болезнь.

Осторожно ступая и чувствуя, как мерно и почти незаметно покачивается на волнах судно, Агата приоткрыла дверь на ют, но выглянуть не успела: дверь резко распахнулась, и она, наткнувшись на отца, поспешила придать лицу растерянное и несчастное выражение.

– Отец, как я рада, что ты пришёл... мне так дурно, – прошептала Агата, не давая ему заговорить первым, потому что начал бы он с упрёков.

Она старательно дышала, обмахиваясь свободной рукой, второй опираясь на стену и удерживая себя в шатком вертикальном положении, изображая слабость.

– Это всё проклятая качка!

Отец выглядел бледным и злым, и Агата мимолётно подумала, что невозможность противостоять стихии бесит отца гораздо больше

самого факта недомогания. Ему нравилось оставлять за собой последнее слово.

– Ох, меня, кажется, сейчас стошнит! – она склонилась, прижимая руку ко рту и молясь всем богам, чтобы отец поверил её обману.

– Тебе нужен врач! – кажется, она переборщила с изображением дурноты, потому что отец и правда выглядел обеспокоенным.

– О нет, нет, мне просто надо на свежий воздух, – прошептала она несчастно, прикладывая руку ко лбу и из-под опущенных ресниц проверяя реакцию отца. – И очень хочется пить. Я не нашла воды в каюте...

Если быть честной, то она и не искала, но, кажется, на небольшом столике никакого графина не наблюдалось.

– Все, к сожалению, заняты, надо лечь на курс, – Джонотан появился очень вовремя, потому что кириос ди Эмери наконец перестал пристально вглядываться в лицо дочери. – Боюсь, что принести воды для кирии некому. Да и находиться одной на палубе... Я ручаюсь за свою команду, но...

Ди Эмери уже вскинулся было, когда Джонотан улыбнулся, глядя ей в глаза, и добавил:

– Суеверия. Кириос, позвольте сопроводить вашу дочь в капитанскую каюту. Там есть молодое вино, очень помогает при первых признаках морской болезни. Я буду на шканцах и смогу обеспечить её безопасность, даже если кирия захочет немного... постоять у борта.

Кажется, крошечную паузу в конце заметила только Агата, а Джонотан добавил:

– Может быть, вы хотите присоединиться к нам, кириос?

– Я хотел... – кириос помедлил, посмотрел на продолжающую сипло дышать Агату.

Корабль мягко качнуло, отчего внутри у Агаты всё сладко сжалось в предвкушении. Интересно, что будет, если корабль попадёт в шторм? Испугается ли она? Пока Агата чувствовала себя хорошо, хотя и изображала старательно недомогание. А вот отец сильно побледнел и покачнулся.

– Отец, что с тобой? – она подхватила его под руку, забыв о своей роли. – Джонотан, да сделайте что-нибудь!

– Здесь ничего не сделаешь, – Джонотан подхватил ди Эмери под свободный локоть и не слишком аккуратно втокнул в каюту. – Лучшее средство – лежать и не смотреть на горизонт. Отдохните, кириос, через некоторое время вам, вероятно, станет лучше.

– Я не доверю тебе свою дочь! – гневно заявил ди Эмери, впрочем, вышло довольно слабо, потому что на койку он всё-таки опустился.

– У нас с вами договор, – ледяным тоном ответил Джонотан, – на моём корабле кирия в полной безопасности. Все мои люди заняты сейчас тем, чтобы мы как можно быстрее легли на курс. И я в том числе. Поэтому отдыхайте, а кирия выпьет воды у меня в каюте и вернётся к себе.

Отец смерил его тяжёлым взглядом, мрачно взглянул на Агату, которая опять приложила ладонь ко рту и посмотрела так несчастно, как могла, и наконец угрожающе и очень тихо произнёс:

– Если я узнаю, что ты вела себя неподобающе...

С этими словами он кивнул Джонотану на дверь.

– Не беспокойся, отец, я возьму с собой Элен.

Джонотан галантно пропустил Агату вперёд. Оказавшись в проходе, она ещё пару раз вздохнула, на этот раз, чтобы успокоиться, и встретила с насмешливым взглядом Джонотана:

– Что?!

Он усмехнулся и мягко коснулся её дрожащих пальцев:

– Кирия, позвольте вас сопроводить на палубу, – он положил её ладонь на свою согнутую в локте руку – галантный жест, если бы только не шёпот на ухо, заставивший Агату залиться краской: – Ты так дышишь, что, боюсь, если не избавишься от корсета, то задохнёшься. Я могу помочь вместо твоей служанки.

– Ах ты!..

– Тш-ш, если ты меня сейчас ударишь, на шум прибежит твой отец, и я не смогу помочь. Я просто думаю, тебе стоит сменить платье на дорожное или что-то в этом роде – нужно дать грудной клетке дышать свободно, чтобы тошнота утихла. Я, конечно, не лекарь, но кое-что в этом смысле.

Агата не стала возражать, вернулась к себе и с большим удовольствием с помощью Элен сменила такой неудобный в корабельной обстановке наряд на изумрудное платье самого простого кроя: с широким прямоугольным вырезом, выгодно подчёркивающим высокую грудь, но свободным в бёдрах, позволяющее широко шагать и свободно дышать.

– Госпожа, я должна отправиться с вами, – твёрдо сказала Элен, неодобрительно разглядывая вырез на платье. – По приказу кириоса.

– Я буквально на пару минут – и обратно, – пообещала Агата.

– Госпожа!

– Не стоит кричать, отцу очень плохо. Лучше бы ты проследила за его здоровьем, а я уж точно не дам себя в обиду, неужели ты сомневаешься во мне, Элен? – Агата сердито тряхнула головой, подтверждая свои слова. – Будет куда лучше, если ты принесёшь ему что-то выпить или прохладные примочки на лоб, говорят, это тоже помогает. Я скоро вернусь!

– Ваша шаль, госпожа, – компаньонка поджала губы и всем видом выражала неудовольствие, но возражать больше не стала.

Агата позволила набросить тонкую батистовую шаль на плечи, поспешно улизнула от навязчивой Элен и выдохнула.

Джонни галантно поджидал за дверью. Надо же, какая выдержка – даже не влез в окно подглядывать?

Она отвела взгляд, чувствуя неожиданное смущение с ним наедине.

– Выглядит так, как будто капитан на корабле не особо-то и нужен, – усмехнулась она, чтобы скрыть неловкость, глядя на одетого в мундир Джонотана с военной выправкой, завязанными в узел на затылке чёрными волосами и с его привычным дерзким взглядом.

Хотя эта форма ему, безусловно, шла. Высокий ворот камзола подчёркивал красивую загорелую шею, тёмно-синий цвет с белой отделкой смотрелся роскошно. Если бы не знакомый горячий взгляд, Агата бы решила, что он настоящий боевой генерал.

За три года, что они не виделись, он из привлекательного парня возмужал до статного и ещё более уверенного в себе и харизматичного капитана, у которого наверняка в каждом порту теперь по новой «жене».

– Не обольщайся, я вообще не к тебе шёл, а обсудить с твоим отцом дела, но ему так дурно, что я решил повременить, – дразняще улыбнулся Джонотан. – И вообще, это такая работа, которая считается хорошо выполненной, если ты отдыхаешь, – значит, всё налажено и работает как часовой механизм. Идём.

– Ладно, ладно, – Агата лукаво улыбнулась, выслушивая его доводы. – Почти убедил.

Агата быстро оглянулась на каюту, где осталась Элен, которая должна была вот-вот за ней последовать, и хорошо, если помочь отцу, а не следить за ней. Джонотан проследил за её взглядом и вдруг... плавно повернул хитрым образом ручку двери, что-то щёлкнуло.

– Что ты делаешь! – она дёрнулась было его остановить, но Джонни удержал и приложил палец к губам:

– Тш-ш, замки тут, бывает, ломаются. Каютами нечасто пользуются: торговый корабль редко принимает на борт столько важных гостей.

Это было ужасно глупо, но при этом весело, а видят боги, Агате давно не хватало веселья.

– Молчаливая и согласная Агата, – Джонотан улыбнулся и спустился всё так же с ней под руку на палубу, расположенную немного ниже – ту, с которой командовал кораблём. – Даже необычно. Или ты представляешь способы, которыми хочешь меня убить?

– За эти годы я перебрала уже все варианты, капитан ди Арс, – сделала она акцент на должности Джонни.

– Да? И какой был самый... приятный? – Джонотан остановился в тёмном месте возле прохода, куда не дотягивался дневной свет.

В загадочном мелькании теней от качки он выглядел интригующе и даже чуть пугающе, хотя всё ещё улыбался – она видела это по красиво изогнутым губам. Джонни подошёл ещё ближе, и Агата почувствовала, как кровь прилила к лицу.

– Сначала – что поколочу тебя изо всех сил...

– Можно сказать, что эту часть ты уже выполнила, – продолжал улыбаться Джонотан, отесняя её ещё дальше, туда, где их никто не увидит. Горячая ладонь легла на её талию, и Агата упёрлась руками ему в грудь, не позволяя им столкнуться слишком жарко.

Так некстати вспомнилась сцена в доме, когда он нахально натягивал тонкую ткань чулка на её обнажённую ногу, поднимая подол

платья и оголяя до самого бедра.

– Джонотан ди Арс, даже не смей...

Одной рукой он сзади под шею, вплетая пальцы в волосы на затылке и наверх навстречу причёске, горячее дыхание овеяло щёку, а она и без того горела огнём.

– Ты проиграешь наш спор, Джонни, – выдохнула она, – если сделаешь это.

– О нет, я не собираюсь тебя целовать, пока ты не попросишь.

Капитан прикусил мочку уха жаркими губами, прошёлся поцелуями по шее, рождая целую волну горячих мурашек, и руки, которыми она упиралась в его упрямую грудь, заметно ослабли.

Почувствовав, что Агата не отбивается, Джонни наклонился ещё ниже, горячая дорожка из поцелуев пролегла по краю кружева на груди, а когда с её губ сорвался вздох, больше похожий на всхлип, он поднялся выше и, щекоча дыханием щёку, напомнил:

– Просто попроси, и... весь мир будет у твоих ног.

Агата не успела ответить, чувствуя, как мир скорее *уходит* из-под её ног: корабль накренило так сильно, что она буквально впечаталась в Джонни всем телом, толкая его к переборке по другую сторону коридора и хватаясь за его плечи, чтобы удержаться. Проклятая качка – это нечестно!

– Я правильно понял, что это значит «Да, Джонни»? – нагло рассмеялся он, с наслаждением ловя её в свои объятия.

– Возьми меня, Джонни, – с издевательским придыханием прошептала Агата, продолжая цепляться за него, потому что качнуло ещё раз, – и выведи уже на палубу, пока я не переломала себе ноги, так и не увидев открытое море.

– Дерзкая, очень дерзкая Агата, – Джонни усмехнулся, подхватывая её под руку. – Ты знаешь, что полагается за дерзость капитану?

– Я не твой матрос, чтобы мне что-то там полагалось! – заявила Агата, чувствуя, что сердце забилось где-то в горле: это всё виновата качка, точно она, а вовсе не Джонотан, который смотрел на неё, словно представлял, что именно может с ней сделать.

– Но ты на моём корабле, Агата. А на корабле все подчиняются капитану.

– Капитан! – внезапно прокричал юнга, свесившись к ним с ближайшего трапа. – Ой, простите... – смутился мальчишка, заметив капитана в объятиях с гостьей.

– Стой, – приказал Джонотан, мягко, но решительно отстраняя Агату и помогая ей найти опору на шатком полу. – Что там?

– Требуют вас наверх, капитан. Старпом спрашивал, сказал, ветер меняется.

– Иду!

Агата отметила, как он сразу стал серьезнее, но за руку взял нежно, пропустил вперёд, страхуя, а когда в лицо ударил солёный ветер, на мгновение лишая дыхания, придержал за талию, помогая устойчиво встать на палубе. Он нежно скользнул пальцем по её щеке, подхватывая выбившуюся из её причёски прядь и заправляя за ухо, прошептал, вжимая в себя спиной:

– Держись за что-нибудь. Я вернусь, и мы продолжим.

Агата замерла на последних словах Джонотана от предвкушения в его голосе. Тёплые объятия разомкнулись, и Джонотан, легонько щёлкнув её по носу, уверенно, словно по бальной зале, а не по качающейся палубе, отправился на капитанский мостик.

Агата вдохнула полной грудью, подставляя разгорячённое лицо прохладному, солёному ветру.

Откуда-то сверху раздался окрик, и она запрокинула голову, прикладывая ладонь козырьком и щурясь на солнце. Высоко, там, где, казалось, паруса обнимаются с небом, ловко балансировал на рее кто-то из команды. Она невольно улыбнулась, чувствуя головокружение только от вида, как ловко он перебирает ногами.

– Любуешься? – раздался насмешливый голос.

Агата перевела сияющий взгляд на Джонотана:

– Немного. Он же не свалится оттуда? Такая высота!

– Он – наш лучший марсовый, – улыбнулся Джонотан. – Если свалится, разжалую.

– Дурак! – пихнула его локтем Агата, с любопытством оглядываясь.

– Хочешь пройтись по палубе?

– А можно?

– Со мной – да. Иначе, боюсь, ты свалишься за борт, столь старательно разглядывая моих ловких парней на мачтах.

Агата вытащила свою руку из-под его локтя и попробовала сделать по шаткой палубе, которая блестела на солнце так, словно её только что отдраили, хотя бы пять-шесть шагов. Волны были длинные и покатые, и корабль перекачивался с боку на бок, как большое ленивое создание.

Почувствовав, что у неё получается, Агата обернулась на Джонни с вызовом – и тут же едва не грохнулась, когда одна из предательских волн взметнула палубу слишком резко.

Агата легонько вскрикнула, и руки Джонни только в последний миг успели подхватить её в объятия. Ей пришлось вцепиться ему в спину, чтобы не растянуться позорно посреди палубы на потеху матросам. Агата уткнулась лицом ему в китель, а Джонни, непоколебимо стоящий на палубе точно влитой, довольно громко произнёс, непозволительно смыкая руки на её талии:

– Госпожа ди Эмери, надо быть осторожнее! Палуба весьма скользкая, можно очень опасно упасть и повредить себе что-нибудь, – бархатный голос звучал строго и даже отстранённо, вопреки его объятиям и такому волнующему дыханию.

Агата приподняла голову, чтобы взглянуть в его лицо, но позади них появились на палубе рассерженный отец с бледным лицом, по которому пошли пятна, и взлохмаченная Элен.

«Это всё качка», – Агата извиняющимся взглядом посмотрела на обоих, прекрасно представляя, как они с Джонни, замершие в объятиях друг друга, смотрятся со стороны.

Глава 6

САМЫЙ ВЫГОДНЫЙ СОЮЗ

Только спустя три дня кириос ди Эмери наконец сменил гнев на милость и разрешил Агате присутствовать на ужине в гостевой комнате капитанской каюты.

Всё это время ей, словно заключённой, приносила еду Элен, которая хмуро и строго смотрела на неё и даже практически не разговаривала, будучи чрезвычайно оскорблена тем, что её заперли в каюте. Не помогли даже заверения Джонотана, что подобное часто случается, да и дверь под натиском дородной служанки, рвущейся спасти честь наследницы ди Эмери, в итоге открылась.

Кириос, может, и внял объяснениям Джонотана, но это не помешало ему, не сдерживаясь в выражениях, отчитать Агату, а потом каждый день запирает в каюте, если рядом с ней не было Элен. Даже во время недолгих прогулок по палубе её сопровождала верная компаньонка. Джонотана во время этих прогулок удавалось увидеть лишь мельком.

Произошедшее, судя по тому, что видела Агата, на нём не сказалось: капитан, когда удавалось перехватить его взгляд, сочувственно улыбался, от чего ёкало сердце и возникало непреодолимое желание запустить в него чем-нибудь. Конечно, он же капитан, и после его выходок не ему оставаться взаперти наедине со своими мыслями, раз за разом гоняя их по кругу. Неожиданная поездка на Восток теперь казалась чем-то куда более серьёзным, чем изначально.

Отец всегда был довольно строг, даже в детстве, хотя тогда она была на попечении многочисленных гувернанток, которые часто закрывали глаза на шалости девочки, рано оставшейся без матери. Но то, что происходило после приёма по случаю её дня рождения, выходило за привычные рамки.

Сначала поездка в монастырь, приставленная якобы служанкой «надсмотрщица» Элен вместо привычной весёлой Найры, теперь три дня взаперти. Агата подумала, что за шутливыми перепалками с Джонни она будто пыталась вытравить поселившуюся внутри тревогу.

Несмотря на непокорный нрав, она старалась быть хорошей дочерью, и не только потому, что отец был страшен в гневе, но потому, что она была единственной наследницей, и ей хотелось быть достойной. Именно это желание заставляло её соглашаться с выбранными отцом предметами, советами по общению с детьми его партнёров, да даже её гардероб последние годы требовал одобрения отца.

Это задевало, но она убеждала себя, что отец так поступает во благо. Теперь же, вырвавшись из родных стен, Агата начала сомневаться.

Она думала, что Джонотан виноват в произошедшем скандале не меньше, чем она сама, но он разгуливал по палубе. И даже не сделал попыток с ней увидеться, а ещё говорил, что капитан главный на корабле! Да и скандалом произошедшее назвать было сложно: они гуляли по палубе на глазах у всей команды.

Воспоминания о твёрдых, но бережных объятиях Агата старательно гнала прочь. Проболтаться о том, что происходило в коридоре, мог только юнга, но он выглядел слишком смущённым и слишком преданным взглядом смотрел на своего капитана, чтобы начать болтать. И с Джонотаном отец разговаривал ровно, тогда как во взглядах, обращённых на неё, Агата чувствовала молчаливый укор. Уж лучше бы она ужинала в каюте, только не это снисходительное недовольство!

Все эти мысли крутились в её голове, пока Агата, старательно опуская глаза, чтобы не показать, что покорности в ней вовсе не прибавилось, сидела за ужином в капитанской каюте. Молчание нервировало, сочувствующий взгляд Джонотана бесил, хотелось бросить нож и вилку, и, что уж там, тарелку следом, только чтобы заполнить чем-то эту угнетающую тишину.

– Приятно, что мы все наконец собрались за одним столом, – неожиданно произнёс кириос ди Эмери.

Закралось нехорошее подозрение, что отец собрал всех на ужин вовсе не потому, что оттаял.

– Действительно, – подхватил Джонотан, салютуя бокалом, его улыбка сверкнула едва ли не ярче хрустальных граней, – общества вашей прелестной дочери очень не хватало. Надеюсь, теперь она уже совсем поправилась.

– Джонотан! – угрожающе предостерёг кириос.

– Кириос ди Арс! – кажется, Элен нашла неуместным эпитет, адресованный её подопечной.

– Отец? – Агата опустила на тарелку приборы чуть громче, чем следовало.

– Ты ведь лучше себя чувствуешь, дорогая? Капитан очень переживал. К сожалению, я не мог позволить, чтобы он видел тебя в подобном состоянии.

– Негоже молодому человеку входить к незамужней девушке, – покивала, поджимая губы, Элен. – Особенно когда ей нездоровится.

– Нездоровится?

– Морская болезнь, моя дорогая Агата, – кивнул отец, скорбно качая головой. И если бы Агата не чувствовала себя все эти дни превосходно, то могла бы проникнуться искренней признательностью к его беспокойству. – Наверное, это наследственное. Мне всегда не очень хорошо в море. Вот и ты, бедняжка, так страдала. Но мы все очень рады, что тебе уже лучше. Не так ли?

– Думаю, что мне очень помогли прогулки на свежем воздухе, – светски улыбнулась Агата, протягивая руку к бокалу, но Джонотан перехватил его, мимолетно коснувшись её дрогнувших пальцев.

– Простите, кирия, но позвольте предложить вам воды, – сказал он, и Агата различила в его голосе настойчивые нотки. – Если вам нездоровилось, то лучше повременить с вином, даже с таким лёгким. Я бы предложил ром, но... это не женский напиток.

Нахмурившийся было ди Эмери благосклонно кивнул:

– Капитан прав, дорогая. А я, пожалуй, не откажусь от рома. Вдруг он и правда благотворно повлияет на моё состояние. Не зря же его столь ценят в море.

Слуги послушно наполнили его бокал ромом, а по многозначительному взгляду Джонотана в её бокал начали наливать воду из стоящего поодаль кувшина.

Он что-то задумал?! Агата нахмурилась, но настаивать ни на чём не стала. Оставалось надеяться, что он знает, что делает. Разве что подлил в её воду приворотное зелье – и после будет ждать ночью в своей каюте, готовый выиграть спор.

Агата поднесла бокал к губам и демонстративно понюхала, мол, не отравил ли, господин капитан? Джонни так же многозначительно

улыбнулся, не спеша успокаивать.

– Может, и мне ром? – потянула неторопливо Агата.

– Боюсь, с непривычки вы рискуете своим здоровьем, – возразил капитан. – Хотя, если настаиваете... Эй, Рик, подай-ка госпоже чистый ром.

Они снова столкнулись взглядами, Джонни – смеющимся, Агата – колким. Но отказываться было поздно, хотя Элен и принялась цокать и ворчать, пытаясь остановить воспитанницу.

– Пускай, – коротко оборвал отец её неодобрение, – раз капитан считает, что это помогает от дурноты.

Агата с вызовом глянула Джонни в лицо и одним махом выпила полбокала крепчайшего рома с Корсакийских островов. Горло обожгло, и она не удержалась и закашлялась, а потом совсем не благовоспитанному поднесла к носу рукав платья.

– Ещё немного – и из вас выйдет заправский пират, кирия ди Эмери, – прокомментировал Джонни ехидно.

– О... очень помогает от тошноты, – пробормотала Агата, снова вскидывая на него взгляд. – Уже чувствую, как мне полегчало.

Отец словно прислушался к её словам и тоже выпил бокал залпом, довольно крикнул и принялся за еду. Некоторое время ели молча, только раздавался стук приборов по тарелкам, тихо скрипели доски и доносился из-под борта плеск волн.

Джонотан тихо переговорил со слугами, попросив передать пару указаний на шканцы относительно курса, и явно собирался заняться своими делами.

Что, даже не попытается вызволить принцессу из заточения? И это после того, как она туда по его вине и угодила? Ну-ну.

Отец расправился с предложенной едой и ромом, особенно приналёг на последний. Элен не отказывала себе в том, чтобы пригубить вина, хоть и продолжала бросать на Агату подозрительные взгляды. Раз за разом они становились чуть мягче, и вскоре компаньонка начала намекать на то, что пора бить отбой, как сказали бы моряки.

– Агата, тебе нужно пораньше лечь, чтобы на лице не было этих следов от усталости, – со странной заботой начал отец. – Хочу, чтобы по прибытии на Восток ты сияла, как настоящая жемчужина.

– Звучит так, словно ты собираешься заодно продать и меня, отец.

– Продать? Что ты! – его улыбка не была доброй. – Я помогу тебе заключить самый выгодный союз, – отец многозначительно поднял бокал с ромом, который явно развязал ему язык. – И себе заодно. О, это будет лучшая сделка в моей жизни.

– Что же за... союз? – скромно улыбнулась Агата, бросив при этом тревожный взгляд на потемневшего лицом Джонни. – Думаю, ты можешь рассказать и сейчас. Здесь все свои.

Отец ничуть не собирался смущаться от присутствия за столом Джонни, а будто нарочно охотно подхватил тему, опираясь локтями о стол и подаваясь вперед:

– Разумеется, это брачный союз, Агата. Но что за жених! Что за жених! Если наша договорённость сбудется, тебе просто сказочно повезёт.

Агата медленно сглотнула. Конечно, этого и ждала, но всё же прозвучало издевательски. Его ничуть не заботит, что будет думать и чувствовать его дочь.

– Могу я хотя бы узнать, кто этот человек, с которым мне суждено разделить... жизнь?

– Он богат. Баснословно богат, а станет ещё богаче, когда мы объединим наши силы. Об этом союзе будут говорить вплоть до Ивварской столицы.

– Вот как. Что-нибудь ещё я должна о нём знать, прежде чем выйду замуж? – Агата продолжала удерживать застывшую улыбку. На Джонни она больше не смотрела, зато чувствовала его прожигающий взгляд.

– Только то, что ты сделаешь всё, чтобы ему понравиться, дочь.

– А если не понравлюсь?

– Понравишься, – хищно улыбнулся отец. – Перед такой красавицей, как ты, не устоит ни один восточный господин. А уж вкуче с моими богатствами и связями он и сам поймёт, какое сокровище попало ему в руки.

– Что ж! – привлекая к себе внимание, Джонни откашлялся и улыбнулся широко и приветливо, будто был искренне рад грядущей сделке. – Звучит сказочно, кириос! Давайте же выпьем за то, чтобы ваши желания сбывались... наилучшим образом.

Он вынудил отца поднять снова бокал, чокнулся и наблюдал, как тот пьёт до дна.

Агата сделала знак слуге, чтобы тот подлил ещё рома.

Посмотрела Джонни в глаза, чуть сощурившись и склонив голову.

– За наши сказочные желания! – подняла она свой бокал, бросая ему вызов.

Джонни с непроницаемым выражением лица послушно чокнулся и с ней. Агата зажмурилась и выпила ром залпом, совсем как отец, наплевав на то, как жжётся горло и как наверняка краснеет от выпитого её лицо.

– Пойду прилягу, чтобы полегчало, – Агата встала из-за стола.

– Я тоже, – отец грузно поднялся следом. – Погоди, пойдём вместе.

– Да, отец.

Подхватив его под локоть, она чинно, насколько это позволяли качка и ром, ударивший в голову, прошествовала с ним, не оглядываясь на Джонни. В конце концов, это ему надо выиграть спор за месяц, а не ей, – пусть попытается что-то придумать или терпит поражение.

Ох, если бы это была самая большая её забота сейчас...

– Дочь, – чуть заплетающимся языком начал отец, пока они спускались по трапу. – Ты должна вести себя благоразумно. И не смей... Не смей думать, что я выживший из ума старик. Да, мы... Мы богаты, но лишь потому, что я всегда думал наперёд.

– Я знаю, отец.

– И всё, ради чего... – он впечатался плечом в переборку и выругался, когда одна из волн снова подкинула корабль выше, а потом уронила вниз. – Ради чего я стараюсь. Это наше с тобой благо... благополучие.

– Да, отец.

Они остановились у двери в его каюту, а сзади уже сердито топала Элен.

– Не смей поддаваться всяким глупостям. Ты должна быть выше этого и следовать нашей... нашим общим целям. Видишь, я не держу тебя взаперти и не приказываю пороть розгами, хотя порой ты этого заслуживаешь. Но нет, я добр! Добр, и посему ты должна быть особо благодарна...

Кажется, ром его всё-таки сморил. Отец махнул рукой, подзывая мальчишку, что шёл следом из капитанской каюты, и жестом приказал помочь раздеться и лечь.

– Чтобы больше...

– Больше никаких глупостей, отец, – покорно отозвалась Агата, так что даже Элен не смогла бы подкопаться к её тону и покаянному выражению лица.

* * *

Они с Элен вошли в соседнюю каюту, с трудом разворачиваясь в весьма тесном помещении, не предназначенном для пышных дамских юбок, кружев и четырёх больших сундуков с одеждой.

Элен помогала снимать платье, взялась за крючки на спине и вдруг начала так заразительно зевать, что Агата даже удивилась. Ей тоже немного хотелось вздремнуть: плавное покачивание корабля способствовало этому, как и выпитый, в итоге, второй бокал рома – назло Джонни. Но всё же она явно чувствовала себя куда бодрее, чем отец и Элен вместе взятые.

– Я дальше сама, – пробормотала Агата, стягивая утомившее платье и оставаясь в нижней рубашке. – Ступай, ложись, тебе, похоже, тоже нездоровится.

– Да, госпожа.

И пока Агата возилась с укладыванием платья и снятием драгоценностей перед сном, Элен ушла в свою каюту, и спустя уже несколько минут раздался лёгкий храп.

– Хм, – вслух удивилась Агата, прижимая к груди платье, которое аккуратно свернула пополам.

Она подумала, не лечь ли и самой, но какое-то щекотное предчувствие звало на новые приключения. Нет, конечно, отец был прав: он много старается ради богатства и благополучия их семьи и ей правда не стоит вести себя так по-девичьи глупо.

И от брака с богатым восточным мужчиной ей явно не отвертеться.

Кроме того, она была готова к браку с тем, кого выберет отец. Но до сегодняшнего вечера надеялась, что это будет кто-то относительно знакомый, кто-то из их окружения – сын одного из партнёров отца, например. А их всех она знала, пусть даже и формально.

Она даже думала о том, что вполне сможет договориться с будущим мужем, и, вероятно, тот сможет допустить жену не только в свою жизнь, но и в свои рабочие дела. Уж если она умела находить подход к отцу, то договориться с молодым мужчиной будет проще. А теперь получается, что всё, чему её учили, всё, чему она втайне от отца училась сама, пропадёт зря! За исключением разве что этикета и проповедей настоятельницы монастыря.

О, как бы ей хотелось быть наивной и хотя бы на мгновение поверить, что отец делал это ради её блага. Неужели нельзя было заключить эту сделку, не присовокупив её жизнь к торговым договорённостям?

Она стояла посреди каюты, кусая губы и борясь с желанием сделать самую большую глупость и самую импульсивную вещь в своей жизни, когда в дверь коротко стукнули.

Глава 7

Коварный ром

Не дожидаясь разрешения, вошёл Джонни.

– Я раздета! – почему-то из множества заготовленных для их встречи фраз и обвинений, которые крутились у неё в голове, она произнесла именно это.

– Не то чтобы раздета... – Джонни улыбнулся так, что колени почему-то подогнулись, потом тряхнул головой и отвёл глаза. – Но если хочешь, я выйду, пока ты оденешься.

– Неужели в вас проснулась совесть, кириос ди Арс? – издевательски протянула Агата.

Ей не хотелось вымещать на нём свою растерянность, злость и страх, но привычный мир вокруг неожиданно стал таким же неустойчивым, как пол под ногами, ощутимо качающийся в такт волнам. И Джонни, который всегда был надёжной гаванью, тоже вёл себя не так, как всегда. Он не должен был так смотреть! Он должен был шутить и... пытаться сорвать с её губ поцелуй.

– А я уж думала вы пришли помочь мне с моей маленькой проблемой, – сказала Агата, приближаясь к нему почти вплотную.

Что она делает? Несколько часов назад она думала, что недостаточно хорошая дочь, а теперь стоит в одном неглиже перед мужчиной, который уже не имеет никакого права видеть её такой.

– Маленькой проблемой? – Джонотан нахмурился, словно силился понять, какая из её проблем – маленькая, и смотрел слишком сочувствующе, так сочувствующе, что хотелось взвыть или расплакаться, хотя еще минуту назад ей этого вовсе не хотелось.

– Ну как же, сейчас самое время спасти меня от жениха, разве нет? – улыбнулась она самым шальным образом, словно и правда уже не воспитанная дама, а самая что ни на есть пиратка! И невозможно было унять эту кипучую силу, так и толкающую на самые смелые слова: – Мы, кажется, спорили, что в случае победы ты получишь ночь и меня? Ну так давай! Самое время, иначе, как только мы пристанем у восточных берегов, ты точно проиграешь.

– Перестань, Агата, – его тёплые ладони легли на плечи, словно он хотел притянуть её в объятия, но он сам не сдвинулся, отчего она почувствовала, как что-то обрывается внутри.

– Что же... – Агата запнулась, чувствуя, как пересохла от рома губы и как стало тяжелее произносить слова, – теперь я недостаточно хороша? Теперь, когда всё моё приданое обещано другому? – это было зло и неправильно, настолько неправильно, что она осеклась и отступила на шаг, отворачиваясь, обхватывая себя руками.

– Глупая девчонка, – голос Джонотана прозвучал нежным шёпотом у неё над ухом, а горячие, уверенные руки обняли её, прижимая к такой надёжной крепкой груди. – Я готов увезти тебя на необитаемый остров, спрятать ото всех, чтобы ты была только моей.

– Но ты не сделаешь этого... – Агата стояла не шевелясь, чувствуя биение его сердца.

– Я не простил бы себе этого, – Джонотан положил подбородок на её макушку, и, когда очередная волна мягко качнула корабль, Агате показалось, что он укачивает её в своих объятиях. – И ты бы мне не простила. И я обязательно сделаю всё, чтобы предложить тебе вариант лучше.

– Ты же... капитан, – тихо прошептала она, вжимаясь в него всем телом, как, бывало, делала ещё в детстве, когда была напугана и когда он был единственным, кто готов был утешить рано осиротевшую девочку.

У них было одно горе на двоих: в тот страшный день, когда Агата потеряла мать, Джонотан потерял обоих родителей. Шторм не пощадил ни маленькую лёгкую прогулочную яхту, ни троих взрослых, один из которых был опытным моряком.

Но теперь её обнимал не просто знакомый, поспоривший, что сорвёт с её губ поцелуй, а взрослый мужчина, сильный, умелый и столь явно её желающий, что от одной мысли ёкало внутри и замирало в болезненном предвкушении.

Выпитый ром действовал так, что становилось ещё хуже: туманил голову и рождал внутри самые стыдные желания. Такие, о которых не то что не говорят подругам, но даже не думают благовоспитанные девушки её положения.

Агата вздохнула, чувствуя, как кружится голова, и порывисто развернулась в кольцо его рук:

– Мы можем просто уплыть, – она взглянула на него снизу вверх и прикусила губу.

Джонотан приподнял брови в нарочитом удивлении:

– А твоего отца и «надзирательницу», видимо, пустим на корм акулам? – насмешливо поинтересовался он, видя, что буря миновала. – Так поступают пираты, моя дорогая Агата. А я, как ты верно отметила, – капитан.

– Ты дурак дурацкий, – она пихнула его кулачком в плечо, прижимаясь, потому что корабль качало будто бы сильнее. – А я совершенно не знаю, что мне делать. К тому же я, кажется, немного пьяна... Что это вообще было за ужином?

– Очень, очень хороший ром, – ответил Джонотан с хитринкой. – Пришлось пойти на небольшое ухищрение, потому что я не поверил в историю о плохом самочувствии и хотел немного... развлечь тебя.

– Развлечь? – Агата улыбнулась.

Джонни! Только он мог «развлечь» её, спойв отца и служанку ради разговора. Или?

– Тогда, раз уж твой коварный план сработал и мы оба здесь, можешь меня развлекать.

Она снова покачнулась, позволяя Джонни поймать её в объятия.

– Говори тише, моя дорогая, а то через стенку спит твой отец, а совсем рядом – очень-очень строгая надзирательница. Боюсь, нас с тобой обоих посадят в тюрьму. Впрочем, если это будет одна камера на двоих – я не против. М-м. Кажется, что вечер...

Агата приложила руку к его губам и прошептала:

– Ты уже делаешь этот вечер лучше. Я, конечно, немного пьяна, но точно не пожалею об этом. И не буду тебя обвинять.

– Агата, мы не...

– Не можем, – кивнула она. – Мы оба это знаем. Но я не хочу думать, что будет дальше...

– Конечно, не хочешь думать. Вернее, не можешь. Ты и стоишь-то едва, – усмехнулся он, незаметным образом подводя её к переборке, словно просто хотел поддержать.

Чувствовать его рядом было так волнительно и сладко, а внутри уже ломались все преграды. Джонотан склонился ещё ниже, провёл пальцами по её щеке, отвёл упавшие из причёски пряди за спину таким плавным жестом, что кровь снова забурлила внутри.

Агата коснулась спиной гладкого дерева и вскинула голову.

Джонотан смотрел на неё пристально, и Агата ответила ему таким же прямым взглядом, хоть и вспыхнула, как лепестки алых корсакианских роз:

– Но о поцелуе я не попрошу! – упрямо пробормотала она, больше всего на свете проклиная дурацкий спор.

Кажется, нет ничего слаще в мире, чем его поцелуй сейчас.

Кажется, она готова послать к демонам все свои принципы.

Проклятый ром.

Впрочем... Сама виновата?

– Конечно, – прошептал Джонотан со всей серьёзностью ей в губы, – но я сделаю все, чтобы ты попросила...

– Но... если отец проснётся...

– Думаю, вино за ужином было достаточно крепким, чтобы он проспал до утра, – он нежно потянул её за волосы, и Агата покорно запрокинула голову с замиранием сердца, которое после этого пустилось в пляс. – В крайнем случае скажешь, что тебя опять укачало.

– Ты же помнишь, что мы не можем... – Агата неожиданно смутилась, опуская взгляд.

– Что мы не можем? – бархатный шёпот тепло коснулся её шеи, а следом пролегла дорожка из поцелуев – от алеющей мочки уха к основанию шеи, но и там Джонотан не остановился, мучительно помедлил и оставил осторожный, почти неощутимый поцелуй чуть ниже ключицы, руки скользнули от талии к груди и остановились.

Агата словно в тумане подалась вперёд: так сильно ей хотелось, чтобы тёплые уверенные ладони накрыли грудь, поласкали затвердевшие уже соски. Он же не мог не видеть, как ей этого хочется, учитывая, какое тонкое, почти прозрачное на ней было нижнее платье. Она обвила его шею руками, прижимаясь всем телом, потянулась к его губам, но он удержал её и тихо рассмеялся, когда она распахнула глаза и нетерпеливо вздохнула, сердясь, что не может дотянуться до вожделенных губ и получить желаемое.

– Моя нетерпеливая госпожа, – он опять насмеялся, но Агата почти готова была умолять, чтобы он не останавливался, – ты не ответила, что мы не можем.

– Отец убьёт меня, если узнает, что мы... – она прерывисто вздохнула, сбиваясь с мысли, когда он сжал пальцами очень чувствительный сосок прямо через ткань.

– Продолжай, – усмехнулся ей в губы Джонотан.

– Что мы... если ты...

– Если я что? – продолжал дразнить Джонотан, потянув за завязки на её груди и стягивая тонкую ткань с плеча, следуя за ней поцелуями. – Если я сделаю так?

Он отодвинул кружево, ещё прикрывающее её грудь, и его губы скользнули по чувствительной коже, прикусывая нежно, но ощутимо.

В это мгновение корабль качнуло сильнее. Агата покачнулась, не удержав равновесия, и упала бы, если бы Джонни не удержал, вжимая крепкими бёдрами в стену.

– Кто-то, кажется, перебрал рома, – он, явно насмехаясь, сокрушённо покачал головой. – Ты совсем не держишься на ногах.

На особо резвой волне корабль ощутимо подкинуло ещё раз, и Агата охнула, потому что от усилившейся качки всё внутри сладко ёкало.

– Держи меня, капитан, – выдохнула она ему в губы. – Было ужасно, ужасно с моей стороны пить ваше пиратское пойло.

– Ай-ай-ай, – он усмехнулся, – что за слова, кирия?

– Отец утверждал, что за своё поведение я заслуживаю розог, – доверительно прошептала ему прямо на ухо Агата, повисая на шее, потому что корабль стало качать без остановки. И каждый раз, когда очередная вода опадала, Джонотан вжимал её в стену. Было стыдно и сладко, и хотелось, чтобы он не останавливался.

– Хотел бы я на это посмотреть... – пробормотал он, пытаясь удержать шаткое равновесие и Агату в вертикальном положении. Его рука в такт движению волн скользнула по плечу, утягивая за собой тонкую ткань нижнего платья и оголяя грудь.

– Джонни!

– М-м? – его горячий язык игриво лизнул сосок, а потом Джонотан на секунду отстранился, оценивая, как её кожа покрывается мурашками.

– Н-нет... – выдохнула Агата, цепляясь за его плечи.

Это ужасно, ужасно, ужасно стыдно! Как благородной девушке ей давно стоило сгореть со стыда и убедиться, что она совершенно

пропащая душа. Никто больше не возьмёт её замуж, не воспримет всерьёз, а отец... Для отца это станет ударом похуже ножа в спину.

А может, на Востоке не столь строгие нравы? И тому восточному господину совершенно плевать, целовалась ли его невеста с кем другим или оставалась ли наедине с мужчиной, компрометируя себя и разрушая репутацию навсегда.

Навсегда...

Но отец продал её. Не всё ли равно теперь? Что ждать от своей жизни, каких надежд и какого зыбкого счастья? Продана. Отдана ради выгодной сделки. Всем всё равно, что она будет чувствовать. Только не Джонотану.

– Нет? Мне остановится? – он сделал маленький шаг назад, лишая надёжной опоры, вызывая острое чувство потери. – Не останавливаться? Так что же мне нельзя делать? Может быть, так?

Он перехватил её руки на своих плечах за запястья и поднял вверх, одновременно всем телом вжимая её в стену каюты, и прошептал на ухо:

– Когда будешь стонать, делай это тихо, моя госпожа. За стеной твой отец, а ты всё ещё не сказала, что именно его может рассердить.

Мысли потерялись, выпитый ром спутал все рассуждения в голове, а услышанная новость про брак окончательно выбила опору из-под ног.

– Джо-онни-и, – рвано дыша от наслаждения и ужаса быть пойманной, простонала Агата.

– Может быть, я не могу делать так? – одной рукой он удерживал её руки над головой, вжимая в деревянные панели, которыми была обшита каюта, отчего её грудь приподнялась и возбуждённые оголённые соски тёрлись о грубую ткань его кителя, и только тесное соприкосновение их тел удерживало упавшее на бёдра платье. – Мне остановиться?

Его горячая ладонь, задрав подол, легла внизу её живота, пальцы скользнули ещё выше и дотронулись до чувствительных складок, дразня, но не проникая внутрь. Весь мир сошёлся в этой точке, и Агата, кажется, потеряла связь со всем остальным.

– Нет, пожалуйста, – прошептала она в его приоткрытые губы, подаваясь бёдрами навстречу. – Пожалуйста, Джонотан.

– Когда ты станешь целиком моей, обещаю, ты будешь кричать во весь голос, – низкий прерывистый шёпот ещё больше подводил её к грани вместе с уверенными пальцами, толкнувшимися внутрь, туда, где было очень горячо и тесно. – А пока... тшш..

С этими словами его пальцы сначала выскользнули из неё, а потом толкнулись ещё раз, болезненно-сладко задевая трепещущую точку где-то внутри, и Джонотан тихо заворчал, когда Агата цепко впиалась пальцами в его плечо. Ещё немного – и попросту оборвёт пуговицы на кителе, за которые так отчаянно хватается, откинув назад голову и упираясь затылком в переборку.

– Капитан! Капитан! – заорали за дверью, точно знали, где его искать. – Шторм идёт!

Глава 8

Сирена

Джонотан выругался, и даже не мысленно.

Сдерживать себя и не наброситься на Агату, такую безумно желанную, разгорячённую, растрёпанную, было крайне сложно. Если бы его спросили, чего он желает больше всего на свете, ответом было бы – провести эту ночь с той, кто сводит с ума.

Агата уткнулась лицом ему в плечо, будто пыталась ещё спрятаться стыдливо после того, как так горячо поддавалась и отвечала на ласки. Они оба просто рехнулись. Жаль, что, услышав крик, Агата тут же очнулась и оттолкнула его прочь.

– Джонни, это... нельзя так, – она отчаянно краснела, тяжело дыша и пытаясь прикрыться. – Если кто-то узнает, если...

Он и впрямь погорячился и просто не мог остановиться. Но вид полуобнажённой Агаты с беззащитно поднятыми руками и высоко вздымающейся грудью, так сладко стонущей в его объятиях, был сильнее его и сорвал все запреты.

Он сдерживал магию, но её наслаждение было слишком ярким и манящим, и то, как было хорошо ей, заставляло и его тело гореть огнём. Какого морского демона их прервали именно в этот момент!..

Джонотан резко подхватил и донёс Агату до кровати у окна каюты, опустил на мягкое одеяло. Корабль качало уже не на шутку. Пламя свечей в канделябре тревожно колебалось и рассыпало сияющие блики по её нежной коже, покрывшейся лёгкой испариной. Похоже, без его присутствия не обойдутся.

Магический дар сходил с ума от пробуждённой в ней страсти – Джонотан ощущал её как свою. Агата тут же ухватилась руками за шею и попыталась привлечь к себе. Будто то, что он поцелует её сейчас, чуть пьяную и шальную от страсти, сделает эту сцену куда более благопристойной... соответствующей нормам? Джонотан оперся на руку, нависая над ней, а второй ладонью ласково коснулся алеющей щеки. Губы Агаты, припухшие от страсти, так и манили к себе. Как же удержаться?..

Упрямица ди Эмери ведь умеет просить, правда?

И неважно, что он сам хочет этого до смерти.

Она пыталась притянуть его к себе без лишних слов, но Джонни упрямо усмехнулся, удерживая её ладонью под затылком и глядя большим пальцем шею.

– Мы всё еще спорим? – выдохнул он ей в губы, вплетая пальцы в рассыпавшиеся каштановые кудри, отливающие в свете свечей драгоценным золотом, и не давая поднять голову. – Только попроси...

– Ненавижу тебя, – прошептала в ответ Агата.

– И кто из нас самый упрямый?

– Я думаю, ты сломаешься первым... – Агата моментально прикрылась одеялом и только обожгла дерзким взглядом из-под тёмных ресниц.

– Капитан! – заорали снова за дверью, уже с нотками испуга.

Джонотан с трудом приподнялся и сел на краю узкой кровати. До безумия хотелось послать к демонам и всю свою ответственность, и чувство долга, и этот проклятый спор – а заодно и отца Агаты с планами на выгодный брак!

Да она суцая сирена с невинным обликом, таящая в себе, кажется, не одну сотню сюрпризов. Вот и сейчас он не узнавал и узнавал её одновременно: этот дерзкий взгляд, невинно прикушенная губа, знакомые жесты – и одновременно что-то новое, дикое и первозданное в этой ярости.

Агата собрала одеяло в ворох и сердилась, но была так же желанна.

Прости, ди Эмери, но договор придётся нарушить. Он не отдаст её никакому восточному богачу и никому другому. После того, что только что между ними было... После того, что он себе позволил, – он уже обязан на ней жениться.

Джонотан чувствовал, что горит точно от лихорадки, и уже хотел сорвать с себя дурацкий камзол, когда Агата резко бросила:

– Тебе надо идти, капитан, – слова Агаты настолько не соответствовали её позе и соблазнительному виду, что Джонотан на мгновение задохнулся, словно его окатило одной из ледяных волн, всё набиравших силу за бортом.

– Дикая, опасная, сладкоголосая сирена, заманивающая несчастного капитана в свои сети, – улыбнулся он мстительно. – Я вернусь, и мы продолжим.

– Продолжим?! – уточнила, сводя брови, Агата, закутываясь в одеяло так, что ещё сильнее захотелось снова её раздеть.

В её голосе прозвучала дрожь, и Джонотан даже с магией не мог различить, волнение это, страх или желание... или всё сразу.

– Продолжим... спорить? Или ты гордишься собой, что я так легко тебе сдалась? Потому что... – она осеклась и еще сильнее вцепилась в одеяло, – думаешь, что и победишь легко?

– Ты сама решила со мной спорить, кирия ди Эмери, а это опасная затея.

Джонотан улыбнулся и только в последний момент увернулся от полетевшей в него подушки. Он чувствовал, что говорит не то, что хотелось сейчас, что внутри целая буря эмоций и страстей, но и времени на серьезные признания не оставалось.

– Дождись меня, – попросил он, осторожно возвращая подушку на постель.

Но вслед за ней в него полетела пышная верхняя юбка, которая попала под руку Агате.

Джонотан ловко поймал её и демонстративно повесил на спинку стула, разгладив смятую ткань. Прижал палец к губам, приказывая ей хранить тишину, и быстрым шагом покинул каюту, пока на всём корабле не подняли шум, способный разбудить отца Агаты и устроить настоящий скандал.

* * *

– Капитан, ветер усиливается! – крикнул марсовый.

– Уже порывистый? – он и сам чувствовал, что нет, но его долго не было на палубе, стоило уточнить.

– Никак нет, капитан.

– Пройдём, – уверенный голос Джонотана легко разнёсся по мостику, а значит, и правда всё было не так уж плохо.

Погода и впрямь резко изменилась: ветер поменял направление и усилился, туманная морось накрыла корабль. Но дождя пока не было, только нависли свинцовые тучи, сгущая и без того непроглядный мрак наступившей ночи.

Штормило не то чтобы очень сильно: короткие волны перехлёстывали через фальшборт лениво, словно оценивая, выстоит ли корабль. На мостике и вовсе пока было сухо. Но Джонотан уже чувствовал, что через несколько часов волны станут мощнее.

Холодный ветер остудил разгорячённое близостью тело, переворошил мысли, и с каждой последующей волной, на которую легко взбиралась «Дикарка», он чувствовал, как возвращается ясный рассудок.

Погода портилась быстро, но ничего, вызывающего тревогу, Джонотан не замечал. Команда хорошо знала своё дело, палубный груз закрепили надёжно, и волноваться капитан мог только из-за того, что Агата осталась в одиночестве в каюте в таком виде, от которого у него мысли были совсем не те, что сейчас нужно.

Удерживать корабль против ветра было скорее приятно. Не бороться, но стать частью шторма, словно всё усиливающийся левант вовсе не пытался развернуть их и хорошенько помотать по волнам.

Восток даже так преследовал его, словно сама природа послала этот встречный ветер и протестовала против того, чтобы он привёл корабль с драгоценным грузом в порт Шарракума.

Штурвал из красного дерева был послушен его рукам, и, чуть перекладывая руль, чтобы взлетать на гребни волн, Джонотан испытывал не меньшее воодушевление, чем недавно лаская столь внезапно отзывчивое тело Агаты. Кажется, они и правда переборщили с ромом... и дошли туда, куда непозволительно доходить юной кирии. Смертельно непозволительно.

Но и остановиться было невозможно.

– Капитан! Капитан! – окликнул его незнакомый голос.

Точно не кто-то из его матросов: пусть он мог и не знать их всех по голосам и в лицо, но двигались они ловко и легко, а этот юноша путался в ногах и едва ли не падал.

Впрочем, было от чего: волны перестали быть ленивыми и резво, словно детскую игрушку, подкидывали солидный барк. А парень, кажется, был из слуг. Джонотан нахмурился. И какой остолоп отправил его на палубу в шторм?!

Джонотан с досадой и жалостью наблюдал, как парень, цепляясь за перила, поскользываясь и едва не падая, спускается к нему. Ну

точно, никак кириос проснулся после рома и чего-то захотел. «Дикарка» плясала на волнах так, что это неудивительно.

– Капитан! Кириос ди Эмери... – слуга в своем рвении угодить господину явно лишился рассудка – полез прямо на капитанский мостик, не получив на то разрешения.

Джонотан закатил бы глаза, если бы не необходимость следить за курсом, и не чувство ответственности за всех людей на корабле, и за этого балбеса в том числе. В набегаящий шторм команде не до того, чтобы утрясать вопросы с благородными господами: сейчас все бегали по палубам, подчиняясь чётким командам боцмана, которые были громче волн.

– Стой там! И держись! – отрывисто крикнул Джонотан слуге: теперь ветер приходилось перекрикивать. Оставалось надеяться, что тот услышит и уцепится за ограждение трапа, и не рискнёт подходить ближе. – Что нужно кириосу, – начал он снова, набрав побольше воздуха, – что он решил послать тебя на верную гибель?

Кажется, до этого момента слуга не сильно заботился о своей безопасности, потому что краем глаза Джонотан заметил, как тот побелел и двумя руками обхватил перила. И вовремя: с гребня волны они сиганули вниз, и Джонотан невольно улыбнулся, чувствуя, как летит вместе с кораблём и всем миром в стремительном и едва управляемом движении.

– Ну, так что там кириос? – Джонотан вновь удержал корабль против ветра, поймал носом поднимающуюся волну и смог отвлечься.

– К-кириос просит вас к себе, капитан.

– Сейчас?

– Да, капитан, дело жизни и смерти, как он выразился.

– Пресвятые боги, – выругался себе под нос Джонотан. – И подождать никак?

– Никак нет, кириос. Простите, кириос... капитан, – слуга, кажется, мечтал убраться обратно в каюту, но и работу свою старался выполнить хорошо.

– Клод, встань на руль!

– Что такое, капитан? – старпом вынырнул откуда-то из тумана, мокрый, но довольный – его ребятам нравилась небольшая встряска.

– Груз у нас беспокойный, – отозвался Джонотан, передавая штурвал.

– Зато какой... выдающийся, – хитро усмехнулся тот.

Джонотан, хватаясь за перила и переборки, добрался до нижних кают. Бросил взгляд на ту, в которой, должно быть, замирала от страха Агата. Столкнувшись с юнгой, Джонотан приказал дежурить неподалёку и в случае чего помочь госпоже с любой просьбой.

– Вы хотели видеть меня, кириос, – Джонотан не стал церемониться и сразу же распахнул дверь в каюту: качало всё сильнее, и ему стоило быть на мостике, но приходилось считаться с желаниями нанимателя: его долг действительно был ещё довольно велик.

Глава 9

Страшнее штормов

– Мы должны немедленно зайти в порт! Это приказ.

– В порт? Дня через два мы уже придём в Шарракум.

– Сейчас же! – голос кириоса сорвался, и Джонотан заметил, что выглядит тот неважно: побледневшее лицо покрылось испариной, а глаза нездорово блестели. И, кажется, его трясло, но качка не позволяла этого с уверенностью утверждать.

– Мы посреди моря, кириос, – ровно ответил Джонотан.

– Это всё ты! – неожиданно прокричал ди Эмери, ткнув в него пальцем. – Ты нарочно это подстроил! Чтобы мы все сгинули!

– Кириос, вы не в себе. Глотните рома и ложитесь спать. Ничего страшного не происходит. «Дикарка» выходила и из худших штормов.

– И это название! – бешено сверкая глазами, прорычал Эмери. – Думаешь, я не понимаю, почему ты так назвал корабль? «Госпожа Дикарка»! Не смей вообще даже думать о моей дочери!

– Вы считаете свою дочь дикаркой? – не удержался Джонотан, улыбнувшись. О, если бы только кириос ди Эмери знал, насколько необузданной может быть его дочь.

Кириос до Эмери побагровел и не нашёлся, что ответить, и неудивительно: его снова начало мутить. Он даже замахал рукой на Джонотана, будто пытался заставить молчать.

Волна за бортом разбилась с таким грохотом, что стеклянные фонари под потолком едва не разлетелись на осколки.

Схватившись за переборку, отец Агаты наконец прохрипел:

– Я приказываю свернуть! Сейчас же!

– Это обычный шторм, кириос, не стоит рушить все планы, – как назло, потемнело ещё больше и трянуло так, что и Джонотан с трудом удержался на ногах ровно. – Клянусь, ничего ужасного не происходит.

– Ты слышал приказ! – возглас прозвучал истерично.

– Кириос...

– Немедленно! Если ты... Если ослушаешься – сделаешь хуже ей, клянусь тебе. Не выводи меня из себя, Джонотан ди Арс, пока я не приказал пустить тебя на корм рыбам!

– Вы что-то путаете, кириос, – ледяным тоном протянул Джонотан, едва удерживаясь, чтобы не осадить зарвавшегося ди Эмери ещё грубее. – Прекратите истерику. Пока мы в море, я капитан и принимаю решения.

Ди Эмери хватал ртом воздух, будто силился что-то придумать, но Джонотан подумал о его дочери и добавил:

– Как бы ваш ужас ни приманил каких-нибудь морских чудищ, – усмехнулся он, глядя в глаза нанимателю. – Что ж, ради безопасности экипажа и ваших нервов я выведу судно из штормового фронта, но имейте в виду: мы сделаем большой крюк и потеряем время.

Конечно, он мог повлиять на старика магией и сделать так, как ему выгодно. Но не стоило упускать возможность оттянуть время прибытия на Восток и провести больше времени с Агатой, чтобы придумать способ, как вытащить её из сделки, в которой она лишь разменная монета и ключ к богатствам. Не такого будущего она заслуживает! Чем дольше продлится плавание – тем лучше.

У него будет время не только придумать способ освободить Агату от долга, но и заслужить её прощение. И даже... выиграть спор?

Он быстро глянул в окно и проговорил:

– Вы правы, ветер становится угрожающим. Прикажу сменить курс и пройти безопасным маршрутом. Держитесь крепче, кириос, качка только началась. И можете помолиться богам, чтобы мы все остались живы.

– О, милосердные боги! – слуга ди Эмери, который до этого, действительно рискуя, осмелился подойти к нему на палубе, теперь сидел на корточках, раскачиваясь то ли от ужаса, то ли всё-таки в такт с волнами. – Капитан? Мы все умрём?

– Конечно! – не выдержал Джонотан и усмехнулся. – Рано или поздно мы все умрём. Но не сегодня.

Он обнадеживающе похлопал парня по плечу, вышел из каюты и бросил приказ старпому, который спускался по трапу:

– Сворачиваем на северо-восток.

– Но, капитан...

– Старик трясётся, как сухая травинка, от этого шторма. Решил, что мы разобьёмся насмерть.

– Если мы поменяем курс, нас могут ждать вещи пострашнее шторма.

– Веришь в легенды? – усмехнулся Джонотан, выкручивая штурвал и с трудом сохраняя устойчивое положение: теперь волны били в правый борт.

«Дикарка» разворачивалась неохотно, волны безостановочно перехлёстывали через фальшборт, заливая палубу. А ведь против ветра они шли легко.

– Верю, что не все пути безопасны и не вся суша спасительна, – мрачно отозвался старпом, перекрикивая ветер.

Джонотан только сжал зубы. Старпом был прав, вдоль торговых путей и у берегов последнее время стало относительно безопасно, но и там, бывало, хозяйничали пираты.

* * *

Шторм не был опасен, Джонотан чувствовал это своим чутьём так же ясно, как перемены настроения Агаты. Так же, как мог предугадывать её желания, спрятанные за ворохом условностей и оков статуса, он предугадывал, куда стоит направить «Дикарку».

И, что бы ни говорил ди Эмери, по праву рождения Джонотан был ему ровней, а уж обеспечить Агате ту жизнь, которой она достойна, он сможет. Шторм не утихал несколько часов, Джонотан всё так же уверенно вёл корабль, но он знал, что скоро команда начнёт уставать, и что хорошо бы им выйти на более спокойную воду.

– Капита-ан! – раздался сверху крик, и Джонотан мысленно пообещал задать трёпку марсовому, который был слишком высоко, хотя, возможно, это ветер заглушал слова. – Судно по левому борту!

Джонотан взгляделся в сизую мглу, но сложно было разглядеть что-то в ночном мраке: до рассвета ещё было далеко:

– Это не наши?

– Никак нет, те следом идут, не отстают.

– Флаг?

– Вам не понравится!

Джонотан выругался: если пиратский корабль окажется манёвреннее, им будет туго.

– Один?

– Пока не видно, капитан!

Дальше пришлось действовать быстро: Джонотан и сам не помнил, когда в последний раз пробовал повернуть столько манёвров в один момент.

«Дикарка» была быстроходным барком, но проигрывала в парусном вооружении: у неприятеля было на две мачты больше, и, судя по косым парусам и стакселю, те готовы были идти по краю штормового фронта, поджидая «Дикарку» с кораблями эскорта.

Кажется, кто-то прознал про ценный груз на борту? Неудивительно, раз ди Эмери нанял столько вооружённой охраны. Он бы ещё флаг красный повесил на грот-мачту с призывом «Сокровища здесь!».

Джонотан скрипнул зубами, мысленно ругаясь на отца Агаты. Пираты не сунулись бы в шторм, а он провёл бы их без особых потерь. Теперь же придётся искать новые способы уйти от погони.

– Идём к Кривым островам, – наконец приказал он старпому. – У нас есть шанс пройти там, где не смогут они.

Отдав управление рулевому, Джонотан выхватил у того трубу и разглядел наконец врага в лицо. И вот теперь ругательство сорвалось ещё страшнее.

Ну конечно, морские демоны бы его побрали! Джонотан криво усмехнулся. Вильхельм со своей шайкой. Проклятый Вильхельм, кормить рыб ему на дне целую вечность!

Сердце шторма осталось позади, но сейчас опасность стала ещё острее: один из кораблей эскорта уже сцепился с самым быстроходным пиратским: из аркбаллисты разбойники перебили одну из мачт.

Пираты теснили к островам, и оставалось только надеяться на удачу. Ввязываться в открытый бой с Агатой на борту было последним делом, на которое решился бы Джонотан.

Пока вооруженная охрана «Дикарки» следовала позади, был шанс не столкнуться с Вилли с глазу на глаз. Вот этого Джонотан хотел бы меньше всего. Но пират знал эти воды как свои пять пальцев, да и его магический дар был не слабее силы Джонотана.

А если вскроется правда про их давнее дело, будет совсем паршиво.

Корабль Вилли, его «Венценосная Мари», остался позади, но один упрямый барк гнал «Дикарку» упрямо на мель. Джонотан снова встал

на руль, проходя самые опасные места, выхватывая намётанным глазом подходящую глубину сквозь обрывистые скалы.

– Поворот оверштаг! – резко крикнул Джонотан команде, оглядываясь.

– Что вы хотите, капитан?! – крикнул старпом, когда команда уже понеслась выполнять приказ.

– Обезвредим эту занозу в заднице, пока они остались одни. Приготовиться к abordажу! Я убью каждого, кто посмеет тронуть хоть пальцем моих людей.

Ради Агаты он и правда готов был убивать, не щадя. И если зачем-то был дан этот дар влиять на других – сейчас самое время!

Пираты с соседнего борта загомонили, готовясь к сражению. Оставалось надеяться, что они плохо знают, с кем связались на самом деле.

Джонотан наступил ногой на один из abordажных крюков, пролетевших мимо борта и упавший на палубу. Рубанул изогнутой саблей трос, по которому пытались забраться на «Дикарку» двое из шайки Вилли, и пираты с воплями ухнули в кипящие под бортом волны.

Ещё двоих он встретил лицом к лицу. Магия давно просила воли, и теперь был повод не ограничивать себя ничем. Пираты, увидевшие его лицо, замерли на мгновение.

Джонотан чувствовал, как колотятся их глупые сердца. Магический дар дотянулся до границ их жизни, опутал на считанные мгновения. Считанные, но достаточные для того, чтобы отточенное кривое лезвие оставило свой кровавый след.

– Колдун на борту! – донеслось рядом, но было поздно: этот вскрик оборвался, как и нить жизни его обладателя.

Джонотан действовал куда резче и жёстче, чем прежде в боях. Никогда прежде он не сражался не только за себя и свою команду, но и за ту, кому было отдано его сердце. Агата не должна пострадать! И он сделает всё, чтобы покончить с вторжением врага.

Переступив через упавшее тело, Джонотан резко обернулся, заметив ещё подступающих врагов. Но азарт схватки уже захлестнул его с головой, а команда, радостно заметившая в первых рядах капитана, с воем бросилась на пиратов.

Коротко помолившись Великим духам, в которых верила его мать, Джонотан повёл людей за собой.

Всё закончилось быстро: его магия, воодушевлённость команды и эффект неожиданности сыграли свою роль. Выжившие пираты отступали, спасая свои жизни. Джонотан, чувствуя, как начинает темнеть перед глазами от чрезмерного использования магии, столкнул за борт последнего торопящегося покинуть «Дикарку» головореза, но тот с отчаянной ловкостью смертника рванулся вбок, и кривая сабля полоснула по плечу Джонотана. Тот перебросил свой клинок в здоровую руку и, уже не церемонясь, добил противника.

Перед глазами плыло от боли и магического перенапряжения, но, кажется, теперь он мог позволить себе эту слабость. Корабль был свободен от пиратов, как и путь, оказавшийся таким опасным.

«Ди Эмери теперь придётся расплачиваться за риск», – успел подумать Джонотан, проваливаясь в черноту.

* * *

Он вынырнул из беспамятства, словно из тёмной, накрывшей с головой волны. Осторожно пошевелился. Тупая боль свела на мгновение плечо, и только: ему повезло, удар прошёл по касательной. И, похоже, слабость была вызвана откатом после магии, а вовсе не пустяковой царапиной. Джонотан вздохнул, чувствуя, что улыбается шальной улыбкой: приятно выходить победителем из схватки.

Он открыл глаза, с удовлетворением отмечая, что видимая часть корабля не пострадала, а команда на своих местах и уже занята делом. Старпом прекрасно знал, как может выглядеть капитан после заварушки с использованием магии, поэтому Джонотана, видимо, некоторое время и не трогали. Однако внутри неприятно царапнуло. Что-то было не так.

Джонотан быстро, но осторожно, чтобы не потревожить плечо, поднялся, уверенным шагом прошёл на мостик. Шторм утихал, еще ощутимо качало, но не верилось, что несколько часов назад они боролись со стихией.

Джонотан уже готов был поверить, что этот шторм был подарком богов. Да и нападение пиратов в целом не слишком сказалось на его

людях. А время в пути значительно увеличится: необходим мелкий ремонт, а сопровождению явно досталось сильнее, чем «Дикарке». Это всё играло ему на руку.

– Отлично сработано, капитан, – старпом воодушевлённо махнул ему, не отвлекаясь от забот. – Рад, что вы в порядке, капитан. Чуть-чуть подлатаемся – и снова в деле. Буквально немного времени на подлатать парус и пару снастей. Ничего страшного, капитан. Куда хуже пришлось им, ух... Кажется, восемь или семь ублюдков отправились на дно морское.

Джонотан кивнул, осматриваясь. Что-то не так. Всё было хорошо, но магия внутри так и царапала, подталкивая проверить каюты...

Следуя тревожному наитию, он поднялся по трапу и стремительно прошёл по коридору. Кивнул на приветствие улыбающегося матроса, собиравшего с пола воду ветошью, помедлил мгновение у двери каюты, занятой ди Эмери, и, не стучась, распахнул дверь в соседнюю. Разобранная кровать со скомканным в ногах одеялом, небрежно брошенное платье и туфли, упавшая на пол книга с раскрывшимся переплётом и помятыми страницами, погасшие свечи.

Джонотан зло и отчаянно ударил кулаком по косяку, не замечая боли в раненой руке, но чувствуя, как болезненно сжалось сердце. Каюта была пуста, и магия подсказывала ему, что бесполезно искать Агату на корабле.

Глава 10

Переговоры

Несмотря на задержку из-за ремонта незначительных повреждений снастей, догнать «Венценосную Мари» оказалось легко. Подозрительно легко, подумал Джонотан, получив подтверждение марсового, что на одной из мачт, пронзающих небо на горизонте, действительно развевается чёрный флаг. Не стоило сбрасывать со счетов вероятность, что Вильхельм просто позволил ему это.

В стремительной погоне «Госпожа Дикарка» практически подошла к Шарракуму. Какая-то сотня миль, и они окажутся в безопасных восточных водах. Безопасных для торговых судов, но никак не для пиратов. А если Вильхельм рискует нарваться на береговую охрану, то, несомненно, не просто так.

Заметив, как маневрирует и ложится в дрейф «Мари», Джонотан напрягся. Вильхельм затеял свою игру и явно хочет вовлечь в неё всех. Ну-ну. Как бы он не переиграл сам себя. Один свой корабль он уже почти потерял, и Джонотан с радостью уничтожит ещё с десяток пиратов. Однако Джонотан знал, что Вильхельм не из тех, кто будет всё время действовать в лоб.

С пиратского корабля приветственно помахали, и вскоре на воду спустили одну из шлюпок. Главарь шайки держался в стороне, но приглашение было настойчивым.

– Капитан, вы же не отправитесь туда в одиночку? – буркнул старпом, загораживая Джонотана плечом. – С этих уродов станется убить вас в спину.

– Не трясись, Клод, я знаю, что ему нужно.

– Что же?

– То, что есть на борту «Дикарки». Вернее, кто. Держи оборону и не подпускай их близко. В случае чего готовься дать бой. Но сдаётся мне, сейчас это не потребуется вовсе, – Джонотан сощурился, разглядывая собравшуюся на соседнем борту команду пиратов.

И «Госпожа Дикарка», и «Венценосная Мари» лениво покачивались на волнах, развернув паруса так, чтобы оставаться на месте, не бросая якорь.

Сердце Джонотана колотилось всё сильнее, по мере того, как он приближался к пиратскому судну. Он ни на миг не верил в возможность того, что Вильгельм убьёт похищенную Агату, но что может действительно сотворить это чудовище в человеческом облике – оставалось только догадываться.

Забравшись на борт, Джонотан отыскал взглядом Вильгельма, с довольным видом прохлаждающегося у основания грот-мачты. С тех пор как они виделись лицом к лицу в последний раз, минуло уже больше года.

Пирату было уже больше сорока, и он мог бы поспорить в количестве морщин и шрамов с пятидесятилетним, однако светло-серые, почти прозрачные глаза Вильгельма глядели по-прежнему цепко и въедливо, а магический дар с лихвой уравнивал его с любым крепким и сноровистым двадцатилетним матросом.

Джонотан дорого бы отдал, чтобы больше не иметь чести встречаться с этим человеком, однако именно сейчас Вильгельм имел слишком много поводов для личного свидания.

– Ну, здравствуй, Вильхельм! – сложно было сдержаться и не ударить ублюдка, да хотя бы за шантаж в прошлом, но сейчас это он был на чужом корабле.

Однако уже то, что он поднялся на борт «Мари», стало облегчением: Джонотан дотянулся до Агаты магическим чутьём и почувствовал, что она жива и невредима. Слава богам! И дару, который позволял ему чувствовать, что с ней все в порядке.

– Джонни, мальчик мой! – Вильхельм распахнул объятия, сверкнув поистине лучезарной улыбкой, вот только глаза остались холодными. – Когда же ты запомнишь: капитан Вильхельм. М? Чем обязан? Потерял что-то? – шутливо выгнул бровь пират.

– Скорее приобрёл, Вильхельм, – подчёркнуто вежливо улыбнулся Джонотан. – Хотел поделиться... радостными новостями, а ты так формально.

Вильхельм сощурился, пристально вглядываясь в его лицо. Со стороны, возможно, казалось, что они действительно давние знакомые, вот только от подавляющей волю магии едва ли не потрескивало в воздухе.

– Прости, в каюту не приглашаю, тороплюсь, знаешь ли, – голос Вильгельма звучал равнодушно, но на мгновение его взгляд метнулся

к «Дикарке», словно он силился разглядеть содержимое её трюмов. – Не каждый день бедным морякам столь благоволит попутный ветер и улов бывает так богат.

– На мостике даже привычнее, – спокойно ответил Джонотан, ни на мгновение не переставая чувствовать чужое воздействие. – Хотя, полагаю, с него сложнее разглядеть, что у самых берегов Шарракума улов был бы богаче.

– Неужели? И насколько? Расскажешь по старой дружбе?

Чужая воля почти ощутимо скользнула, прощупывая слабые места. Ничего такого, что Джонотан не мог бы контролировать, похоже, ему удалось заинтересовать пирата, но позже точно разболится голова. Тянуть не стоило.

– Два корабля с грузом, – дёрнул уголком губ Джонотан.

– Всего два, – совершенно незаинтересованным тоном уточнил Вильхельм. – То есть один, потому что я не поверю, что ты отдашь свою «Госпожу» мне. Или новости не радостны и скорее меня опечалят? Ты же не собираешься стать сухопутной крысой, мальчик мой? Ты же знаешь, что я всегда готов взять тебя в команду.

– Два, – веско уронил Джонотан, стараясь не проявлять вспыхнувшую злость и не послать Вильхельма к морскому демону.

Ему с лихвой хватило трёх лет шантажа из-за одной-единственной сделки, когда он согласился перепродать груз. Если бы он только знал, что обходительный торговец – пират! Но Вильхельм умел очаровывать и применять свой дар. Недаром за его голову была назначена огромная награда, и на любом корабле береговой охраны всего Энарийского королевства знали, что Вильхельма ди Морена в случае поимки надлежит заковать в подавляющие магию оковы и ни в коем случае не вести никаких переговоров.

Что ж, он теперь нарушит ещё и этот запрет. Потому что переговоры были единственным, что могло вернуть ему Агату.

– То есть ты готов стать у меня матросом? – в притворном изумлении Вильхельма прозвучала откровенная насмешка. – Джонни, мальчик мой, ты уверен, что это не тот случай, когда лучше самому... удовлетворять свои желания? Нет? Ну-ну, не кипятись, я просто поражён, что старина Харт выловил такую интересную рыбку, которая стоит аж двух кораблей. Что ж... По старой дружбе я, пожалуй,

согласюсь. По рукам. Корабли буду ждать сам знаешь где. Прости, нет времени самому озаботиться. Ты же не против?

– Где Агата? – висок уже ошутимо прошивала боль, и расшаркиваться и дальше Джонотан не видел смысла.

– Агата? А-а-а, так вот как зовут нашу маленькую рыбку, стоющую большого улова! Признаться, официально нас не представили, но, кажется, ты говоришь о прелестной дочери ди Эмери... Нашёл себе девушку? Неужели ди Эмери согласился отдать эту золотую рыбку тебе? Конечно, нет. Какой-то капитан – и золотая рыбка. Буквально... исполняющая все желания.

Ублюдок резко хрипло рассмеялся, не переставая ловить взглядом эмоции на лице Джонотана. Но, кажется, он был так доволен своей шуткой, что не замечал ничего кроме.

– Вильгельм! – в голосе Джонотана прорвалось что-то такое, что заставило пирата приподнять удивлённо брови. – Мы договорились?

– Два корабля со всем грузом в обмен на крошку ди Эмери? – деловито уточнил Вильгельм, отсмеявшись. – Договорились. А чтобы ты не сомневался в моей искренней благодарности... Так приятно иметь с тобой дело! Я сделаю тебе подарок в благодарность за улов. Раз уж ты получишь девушку, я избавлю тебя от необходимости просить благословения.

С Вильгельма неожиданно слетела вся его показная доброжелательность. Холодные белёсо-голубые глаза смотрели колко и остро, подмечая каждую эмоцию:

– Ты передашь мне кириоса ди Эмери немедленно. После чего я и твоя золотая рыбка будем ждать тебя с грузом в условленном месте.

– Покажи мне Агату, – ровный тон давался всё сложнее, но Джонотан ещё мог обуздывать чужую магию, неустанно пытающуюся нащупать брешь в его защите. – Я хочу быть уверен, что с ней всё в порядке.

– А магия тебе на что? – Вильгельм посмотрел пристально, в упор, и этот взгляд тягучей болью ударил в висок.

– Фонит, знаешь ли, – ограничивая чужую волю, проговорил Джонотан, – от твоего влияния.

Вильгельм изобразил искреннее изумление:

– Что ты, Джонни... Просто наша дорогая гостья ещё не пришла в себя, на что там смотреть. А, впрочем... Хэй, ребятки! Девуцу тащите

сюда, да не уроните за борт, уплывёт!

Джонотан с разочарованием думал о том, что, если он даже убьёт Вильгельма прямо сейчас, оставшаяся часть команды сможет разорвать на части. Он найдёт и уничтожит их всех до одного позже – если хоть волос упадёт с её головы.

И едва устоял на месте, когда увидел, как пираты тащат Агату на палубу. Чем больше тяги он покажет Вильгельму, тем хуже будет самой Агате и всем остальным. Усилием воли Джонотан удержал себя в руках.

– Не смей к ней прикасаться, – процедил он, незаметно сжимая кулаки.

Агата была бледна, тонкое ночное платье было влажным, наверное, после шторма, и липло к коже, волосы в беспорядке рассыпались и падали на лицо. Но Джонотан с облегчением почувствовал, как ровно и сильно бьётся её сердце. Она была в порядке, хоть и не приходила в себя. Не надо ей этого видеть. Он потянулся магией, зная, что это воздействие ослабит его, но он должен сделать хоть что-то, чтобы её защитить, чтобы ей не было страшно. Она не очнётся, пока не окажется в безопасности. Если, конечно, не вмешается Вильгельм.

– А то что?.. – сощурился Вильгельм, с любопытством окатывая его взглядом. – Устроим с тобой дуэль? Да? Нет? Зрителей у нас тут немало, однако сдаётся мне, мой мальчик, что ты не уйдёшь отсюда живым. И ладно ты, невелика потеря, а вот бедняжка ди Эмери – юная, невинная, милая крошка... Разве заслужила она такой печальный конец?

Вильгельм снова хрипло рассмеялся, а Джонотан невольно сделал шаг к Агате, уже готовый послать к демонам свою выдержку и забрать её силой.

– Но-но, не горячись, дружок! – резко вскинулся Вильгельм, и один из его шайки прижал к нежной шее Агаты кривой грязный нож. – Ещё шаг – и рыбка отправится кормить акул. Ты меня знаешь, Джонни, я слов на ветер не бросаю, верно?

– Верно, Вильгельм. Но не ты один. Отпусти её – и я тебя не трону.

– Не-не, погоди. Отдать тебе Агату... м-м-м, это так романтично. Прямо как в сказках для принцесс, однако... Нет, всё же нет. Как же

без благословения её отца? Грешно, мой друг, грешно. Я понимаю твоё рвение, эта крошка такая сладкая, так и манит. Какие эмоции, какие страсти в этом юном, ещё не знающем греха теле. Ей-богу, как я тебя понимаю, невозможно удержаться. Даже я... Стой-стой, – он выставил вперёд ладонь, заметив выражение лица Джонотана. – Потише, парень.

– Ты заткнёшься уже? – Джонотан готов был лично вырвать его поганый язык.

– Когда-нибудь – обязательно, – хмыкнул Вильхельм, – и даже не против буду покормить акул, мне всё равно, а им – радость. Но не сейчас. Сначала – ди Эмери, я же обещал, что тебе не надо будет его уговаривать, я всё сделаю сам? Вот и не лапай её, пока я тебя не избавил от этой проблемы. Всё с ней будет в порядке. Харт, привяжите её к мачте, на свежем воздухе быстрее очухается. Вот видишь, Джонни, мальчик мой, как я для тебя стараюсь. Поторопись.

Вильхельм затряс пальцами, прогоняя его прочь.

– Где встреча? – быстро спросил Джонотан и с силой стиснул челюсти, чтобы не проломить его башку прямо сейчас и не приказать всей команде «Госпожи Дикарки» снести пиратов с лица земли.

Потерять Агату он не мог себе позволить, даже если принесёт благо всему обществу, избавив мир от полсотни его отбросов.

– Там, где два твоих обещанных корабля. Проклятый ди Эмери задолжал мне слишком много, а ты знаешь, за эти годы ещё набежало куда больше процентов. Так что мне нужно всё, мой друг. Всё – и чтобы сам подонок наблюдал, как я разрушу его мечты и всю его торговую империю, – Вильхельм подался вперёд к Джонотану и проговорил заговорщически так, чтобы слышал лишь он: – А ещё, знаешь... трахнуть его невинную дочку прямо на его глазах было бы верхом моего торжества, но в этом уравнении есть ты, мой милый Джонотан, и я сделаю на это скидку. По рукам?

Он протянул свою ладонь, и Джонотан стиснул пальцы старого ублюдка, отчаянно желая разломать его кости на тысячу крохотных осколков. Но Вильхельм тоже маг и не позволит чужой силе разрушить его так просто.

– А мы могли бы стать отличной командой, Джонни, мой Джонни. Два мага – два непобедимых пирата, гроза всех морей и океанов Энарийского королевства. Может, ещё подумаешь? Смотри, каким щедрым я могу быть. А богатств ди Эмери хватит тебе и твоей милой

крошке на до-о-олгую безбедную жизнь, что тебе жизнь её старика, который и без того тебя ненавидит и мечтает, чтобы ты сдох и не мешал его планам? Ты ведь тоже прекрасно это знаешь. Он спит и видит, как продать свою дочку самым выгодным образом, а ты – дурацкая помеха на этом пути.

– О да, – задумчиво протянул Джонотан в ответ, – это звучит вполне... неплохо, – он не выпускал руку пирата и уставился прямо в прозрачно-голубые глаза, чуя в них бездонную пропасть – прямо в глубине крохотных колодцев зрачков. – Вся сила, власть. Слава, – он помедлил, будто и правда примерял всё это на себя. – Безумно заманчиво.

– Я чувствую, как ты думаешь об этом. У тебя есть шанс. Поклянись именами богов, что готов к этому, – и я приму тебя в команду. А потом отпущу, коли ты решишь уйти со своей милой крошкой на вольную жизнь. Но два мага-пирата – это красиво.

Джонотан улыбнулся одними губами.

– Клянусь, Вильхельм ди Морен. Клянусь, что похороню тебя самым торжественным образом – со всеми твоими богатствами и почестями, о которых ты так гредишь. Никаких акул. Ты будешь погребён вместе со своим золотом, и, клянусь, это будет красиво.

Он вырвал свою ладонь и услышал вслед хриплый каркающий смех Вильхельма, довольного тем, что нашёл себе соперника по силам.

Перед тем как сесть в шлюпку, Джонни с тревогой обернулся на Агату – такую нежную и хрупкую в кружевах ночного платья. Солнечный свет блеснул золотом в её рассыпавшихся по плечам каштановых кудрях, когда её голова безвольно запрокинулась к мачте. Она так и не пришла в себя, это у него получилось, но Джонотан чувствовал, как ровно бьётся её сердце. И в унисон ему замедлился его собственный пульс, схлынула на мгновение злость.

Джонотан вспомнил, как доверчиво она льнула к нему совсем недавно, отдаваясь на волю своих чувств. Такая нежная. Такая страстная. Её любовь, которую она ещё скрывала даже от самой себя, придавала сил и ему. Джонотан улыбнулся, наверняка безумно, и мысленно проклял Вильхельма и всю его команду.

Он готов обменять её жизнь и свободу на жизнь её отца – и гореть в бездне за это. Но старик прожил своё, а Агата заслуживает куда

лучшей судьбы, чем быть проданной или убитой и осквернённой руками этого ублюдка Вильгельма.

Ведь так?..

– Запри кириоса ди Эмери в каюте, – мрачно скомандовал Джонотан старпому, прежде чем встать на мостике.

– Но, капитан. Запереть в каюте?! Господин ди Эмери спрашивал, что...

– Никаких вопросов. Давай!

Руки привычно легли на штурвал, только не мягко, позволяя «Госпоже Дикарке» свободно скользить по волнам, лишь немного направляя в нужную сторону. Сейчас Джонотан вцепился в отполированное дерево мёртвой хваткой, чудом не ломая крепление штурвала.

Усталость накатывала волнами, он провёл без сна штормовую ночь, терпел магическое похмелье, когда потряхивало всё тело. Теперь сознание то и дело норвило подёрнуться дымкой.

Однако разобраться во всём и принять решение надо с холодным разумом. Не то чтобы у него были варианты. Однако время до прибытия к территориальным водам Шарракума ещё оставалось, чтобы принять факт: ему придётся предать человека, его вырастившего... ради спасения той, которую он любит. Той, от которой почти услышал заветное: «Да».

Джонотан снова с силой ударил по штурвалу, едва не заставив «Дикарку» проглотить гребень волны и потерять скорость. Невыплеснутая ярость и боль давили на сознание, и он сделал глубокий вдох.

Джонотан знал, кто его враг сейчас, и знал, насколько этот враг безумен. Вильгельм – не только беспринципный пират, готовый на всё ради мести и своего развлечения. Он ещё и одарён силой, равной той, которой обладает сам Джонотан, а значит, их противостояние не будет лёгким.

Глава 11

Из огня да в полымя

Очнулась Агата оттого, что кто-то отвесил ей пощёчину. И без того мутная голова дёрнулась, и она ударилась затылком обо что-то твёрдое.

– Полегче, полегче, Харт, – незнакомый низкий голос практически над самым ухом заставил её распахнуть глаза, и Агата утонула. – Очнись, красотка, прошёл уже целый день. Уж свежий ветер должен привести тебя в чувство, а?

Ощущение от взгляда незнакомца, чьё лицо было неприлично близко, настолько близко, что она могла рассмотреть тёмные ободки его голубых радужек, было такое же, как когда она рассматривала одну из картин в кабинете отца.

На колоссальном полотне во всю стену позади рабочего стола, размётанный в щепки, исчезал в гигантской волне парусник. Отец всегда отчитывал её в этом кабинете, и всегда она чувствовала себя, как те крошечные, по сравнению со стихией, люди, цепляющиеся за обломки.

Вот и сейчас она рвано вздохнула, моргая, и попробовала было оттолкнуть незнакомца, но руки не шевельнулись, только больно впились в предплечья и запястья грубые верёвки.

Она покрутила головой, пытаясь понять, что произошло и где она вообще находится. И, холодея, осознала, что привязана к мачте чужого корабля.

Ночной шторм закончился, и глаза слепило полуденное солнце. Сколько же она пробыла без сознания?

Агата дёрнулась ещё раз, в полной мере осознавая тщетность всех попыток выбраться, и с вызовом посмотрела на мужчину:

– С кем имею честь говорить?

– О, прекрасная госпожа, как вы заговорили. Что ж, позвольте представиться. Вильхельм, – он приподнял потёртую треуголку, склоняясь в шутовском поклоне, прикреплённые к краю стеклянные бусины насмешливо звякнули, красные перья едва не мазнули ей по лицу. – Капитан Вильхельм ди Морен, к вашим услугам, кирия.

– И почему же, капитан, – она сделала насмешливое ударение на слове «капитан», дёрнув уголком губ и стараясь не показать, как ей на самом деле страшно, – вы держите девушку привязанной к грот-мачте?

– Возможно, моих бравых матросов напугали ваши знания? Грот-мачта... ну надо же. Может быть, вы и кораблём умеете управлять? Хотя я не жду многого от женщины...

– Пока нет, но, если очень потребуется – могу и научиться, – растянула губы в улыбке Агата, изо всех сил пряча от пирата страх, пробирающий до нутра. Она сощурила глаза. – Вам нужна помощь, капитан ди Морен?

Вильхельм вновь приблизился вплотную, практически прижимаясь к ней, связанной и беспомощной, всем телом. Он костяшками пальцев погладил заалевшую от злой беспомощности щеку, нежно заправил выбившуюся прядь волос за ухо, а потом неожиданно цепко, почти больно взял за подбородок пальцами, запрокидывая ей голову так, что она вновь ощутимо стукнулась затылком.

– Знаешь, я уже видел когда-то твоё лицо, дерзкая крошка. Тогда... О да, тогда ты была сильно моложе, как, впрочем, и я. Однако я тебя помню. Эти капризные очаровательные губки и горячий взгляд. Ты почти не изменилась, кирия ди Эмери. Да-да...

Агата с трудом сглотнула, понимая, что это не просто случайный разбойник, попавшийся им на пути. Она не могла вспомнить, кто это, и не врёт ли он, что они были знакомы. Хотя этот колдовской взгляд. Но кто он? Кто?! И если они были знакомы, стоит ли надеяться, что жуткий пират отпустит её... Или, наоборот... стоит ждать чего хуже?!

От мучительных попыток вспомнить только разболелась голова.

Вильхельм приблизил к ней лицо, Агата была бы счастлива отпрянуть, но ловкие, горячие пальцы удерживали подбородок. Когда кончик его носа коснулся её щеки, она замычала и дёрнулась, и пальцы с подбородка переместились на шею, не сдавливая, не перекрывая воздух, лишь накрывая и поглаживая, не причиняя боль, но обещая её в случае неповиновения. Агата снова сглотнула, зажмуривая глаза, словно бы если она не будет видеть этого пугающего мужчину, то его не станет и в действительности.

– Кто вы?

Чужой нос скользнул по щеке вверх, коснулся мочки уха, вызывая мурашки и ледяную дрожь, а потом бархатный голос, шевельнувший волосы, заправленные за ухо, прошептал:

– О, ты обязательно узнаешь, кто я. Чуть позже. Знаешь, что я обычно делаю с такими маленькими сладкими рыбёшками, как ты?

Агата только втянула воздух и застыла: вырваться всё равно было бесполезно. Уверенные губы коснулись уха, обжигая прикосновением, а потом сменяясь зубами, пальцы скользнули по шее к груди, накрывая её и беззастенчиво сжимая, вырывая из груди неожиданный стон.

Агата распахнула глаза и, дрожа всем телом, взглянула на ухмыляющегося пирата. Только сейчас она хоть немного очнулась от его завораживающего взгляда.

Вильгельм отошёл на шаг, наклонил голову немного вбок, изучая её с головы до ног:

– Я решаю, съедобная ли рыбка, стоит ли выбросить обратно в море или съесть? И сейчас мне кажется, такой соблазнительной, вкусной рыбки я ещё не вылавливал.

– Я бы тоже не прочь полакомиться, – хохотнул грубый мужской голос откуда-то из-за её спины. – Поделитесь, капитан?

Со всех сторон раздались смешки, и, холодея, Агата осознала, что её окружает по меньшей мере дюжина мужчин – очевидно злых, разгорячённых дракой и очень недружелюбно ее разглядывающих.

Она почувствовала себя, как наколотая на булавку бабочка, выставленная на публику.

– Молчать! – неожиданно рявкнул Вильгельм. – Вам работы мало? Кому мало, могут покормить акул, те, кажется, пропустили свой обед.

Нестройный гул раздражённых голосов раздался вокруг, а к капитану вразвалочку, как будто бы была сильная качка, подошёл внушительного вида мужчина. Он масляно взглянул на Агату, отчего ей захотелось прикрыться или хоть как-то сдвинуться, чтобы верёвки не приподнимали так сильно грудь, едва скрытую ночной сорочкой, и обратился к Вильгельму:

– Кэп, так это... эта сладуля – моя! Моя добыча, это я прихватил её с корабля.

«Сладуля! Гадость какая!» – подумала Агата, морщась от отвращения, а потом постаралась ещё сильнее прижаться к мачте, потому что этот здоровенный мордоворот приблизил к ней лицо. На неё пахло перегаром и запахом пота, и Агата пожалела, что сознание никак не хочет её покинуть. Наоборот, всё представлялось совершенно ясным.

А ведь она даже не помнила, как сюда попала! Неужели вот этот... пират притащил её на руках? Где Джонни? Что вообще произошло?.. Она помнила только сильную качку... И что попробовала выйти из каюты, упала. Кажется, ударилась головой.

– Твоя, говоришь? – опасно сощурился Вильхельм, делая шаг вперёд. И, несмотря на то что он уступал верзиле в росте, тот попятился.

Капитан и правда внушал ужас, голубые глаза, густо подведённые чёрным, недобро сверкнули:

– А дама выглядит не слишком-то довольной. Если она твоя, то почему привязана к мачте *моего* корабля?

– Так это... я ж, чтоб не убежала.

– Чтобы не убежала... – Вильхельм покивал, – конечно. Вы слышали? – он повысил голос и добавил издевательским тоном: – Старина Харт считает, что эта маленькая пташка могла убежать по воде.

Со всех сторон грянул раскатистый смех, отчего Агата вздрогнула всем телом.

– Что-то я не вижу у неё хвоста, Харт, – Вильхельм опять склонился к Агате и, практически касаясь её губ, спросил:

– Может быть, ты русалка, а не маленькая соблазнительная рыбка? М-м?

– Н-нет, – Агате хотелось, чтобы голос прозвучал уверенно, но получился какой-то придушенный, жалобный писк.

Осознание происходящего накатывало волнами, и сейчас очередная такая волна вогнала в слабость и панику, тошнота подбиралась к горлу, и Агата с трудом контролировала себя.

– Нет? – Вильхельм посмотрел на её босые ступни, едва касающиеся досок палубы: привязали ее так, что она практически висела на веревках.

Присел на корточки и обвёл пальцем косточку на щиколотке. От щекотного прикосновения Агата дёрнула ногой, но, к сожалению, пнуть пирата ей не удалось.

– А вообще, стоит проверить, – он посмотрел на неё снизу вверх, и от этого взгляда захотелось провалиться, да хоть в морскую пучину, потому что пристальный взгляд не обещал ничего хорошего.

– Только слепой может принять девушку за морское чудище... – процедила Агата, приподнимая подбородок. – Отпустите меня, и вы получите сполна. Мой отец очень богат. В ваших интересах не навредить, а заработать, разве нет, господин ди Морен? Если вы, конечно, способны видеть... дальше своего носа.

– О-о, – с предвкушением протянул Вильхельм, – вот наша сладкоголосая сирена и показала зубки. Лучше спрячь их, моя хорошая... Очень полезный... навык.

В следующую секунду блеснула сталь, и Агата содрогнулась всем телом, тщетно задёргавшись, но путы неожиданно перестали её держать. Она бы рухнула на палубу к перерубленным верёвкам, если бы её не подхватил Вильхельм. Он придержал её за талию и совершенно бессовестно скользнул ладонью по ягодицам. Агата попробовала было отпихнуть наглеца, но одеревеневшие мышцы не слушались: она и стоять-то толком не могла.

– Посмотрите-ка, кажется, действительно, русалка, – хохотнул Вильхельм, с лёгкостью подхватывая её и закидывая на плечо.

О боги, можно она просто умрёт здесь от стыда? Это наказание богов ей за то, что она так неосмотрительно вела себя с Джонни.

Агата дёрнулась было ещё раз. Но добилась только того, что наглый пират не больно, но возмутительно обидно и стыдно шлёпнул её.

– Куда вы меня тащите?! – от стыда и ярости на глаза навернулись злые слёзы.

Как же унизительно висеть вот так вниз головой на плече какого-то пирата! А вокруг ещё и его команда. Вниз головой разглядеть было сложно, но Вильхельм хотя бы отдалённо мог претендовать на звание джентльмена, остальные же были мордоротами вроде утащившего её Харта.

– В моё пиратское логово, конечно, – весело отозвался Вильхельм, легко поднимаясь по трапу и пинком открывая дверь.

Он спустил её на пол, не отказав себе в удовольствии огладить её тело, едва скрытое ночным платьем, отчего Агата шарахнулась в сторону, наткнулась на кресло и чуть не упала. Обняв себя руками и мелко подрагивая от страха и холода, она зябко переступила с ноги на ногу и исподлобья посмотрела на пирата:

– Что вам нужно?

Вместо ответа Вильхельм, не церемонясь, пихнул её в кресло:

– Так как я ожидал несколько другой добычи, ещё не решил. Сядь уже и не трясись так.

Склонив голову, он посмотрел на неё тягучим, изучающим взглядом, от которого нестерпимо хотелось прикрыться. Боги, она в одном ночном платье перед этим мужчиной!

– Какого морского дьявола ты вообще оказалась на корабле?

– Путешествовала... с отцом, – Агата почувствовала, как глаза против воли щиплют злые отчаянные слёзы.

Она ведь даже не знала, что произошло. Только то, что был шторм. Пираты напали прямо в шторм? Она не слышала ничего такого, но за плеском волн и качкой – не удивительно. Жив ли вообще отец? А Джонни? Ох, Джонотан... А остальные? Они же шли в сопровождении других кораблей!

– Да ты совсем расклеилась, рыбка моя, – Вильхельм смотрел на неё всё так же пристально, особого сочувствия в его взгляде Агата не заметила. – Эдак мы не сможем перейти от разговоров к самому интересному.

– К самому интересному? – переспросила Агата, готовясь защищаться до последнего, даже обхватила себя за плечи и глянула на Вильгельма исподлобья.

– Ну что обычно случается с хорошенькими девушками, которые попадают к ужасным злым пиратам? – Вильхельм осклабился и выразительно приподнял брови.

О боги! Она сжала пальцы так, что ногти впились в плечи. Что же делать? Он же не будет... Он же не возьмёт её силой?

– У меня есть превосходный ром. – Вильхельм отвернулся к столу, звякнуло стекло. – Помогает от душевных переживаний, холода... да вообще от всего!

Бежать, надо бежать!

Агата лихорадочно огляделась, она не успеет выскочить за дверь, но если... Взгляд упал на тяжёлый литой канделябр. Дальше она уже не думала, вскочила, хватая канделябр, и замахнулась, чтобы опустить импровизированное оружие пирату на голову.

Вот только не учла, что канделябр окажется очень тяжёлым, а коварная волна качнёт корабль так не вовремя!

Удар пришёлся Вильхельму по руке. Тот зашипел раздражённо, но всё, чего она добилась – это то, что он выпустил бутылку с ромом.

Хрусталь брызнул осколками вперемешку с янтарной жидкостью прямо на пол и её босые ноги. Резко и неприятно запахло алкоголем. Жёсткая рука вырвала из её вмиг ослабевших пальцев канделябр и, словно лёгкую деревяшку, отбросила в сторону.

Раздался грохот, от которого Агата содрогнулась всем телом, а в следующую секунду оказалась со сведёнными за спиной стальной хваткой руками.

Глава 12

Три варианта

– Знаешь, что не должны делать хорошие маленькие рыбки вроде тебя? – голос Вильгельма утратил шуточные нотки.

С лёгкостью удерживая её запястья за спиной, он подтолкнул её к столу так, что Агата не удержала равновесия и практически рухнула на столешницу грудью, зелёное сукно неприятно обожгло щеку.

– Думать, что они опасные пираньи! Иначе придёт нехороший пират и преподаст небольшой урок.

– Пустите меня! – Агата, задыхаясь от ужаса, забилась в его руках, когда уверенная рука легла ей на бедро, сминая и сдвигая вверх подол ночного платья.

Вильгельм погладил обнажившуюся кожу, наклонился к её уху:

– И что мне за это будет?

Сквозь тонкую преграду ткани она спиной чувствовала холодящий металл пуговиц его сюртука, пугающую тяжесть тела и то, как мощно и ровно вздымалась и опускалась его грудь в такт учатившемуся дыханию.

– Пустите же! – Агата попробовала выкрутить руки из его захвата, но не вышло: он держал крепко, не причиняя особенной боли, но так, что она даже не смогла сдвинуться.

– Предположим, я тебя отпускаю, – уверенные губы оставили след лёгких поцелуев от уха до основания шеи, вырывая вздох и щекотные мурашки, – и куда ты денешься? Мы посреди моря, на корабле ты – единственная женщина...

Пока Агата дрожала от обманчиво-мягких поцелуев, тяжело дыша и подрагивая в тщетной попытке вырваться, Вильгельм продолжил движение ладони вверх: едва дотрагиваясь пальцами, скользнул по нежной коже внутренней стороны бедра и остановился, коснувшись кружева.

Агата тоже замерла, разрываясь от эмоций: ей хотелось вырваться из ненавистного захвата, и вместе с тем она понимала, что этот пират прав: ей просто некуда бежать.

«Это не Джонни! Ох, если бы только Джонотан успел и вытащил её!»

Она рванулась ещё раз, выгибаясь изо всех сил, выворачивая руки, и постаралась лягнуть наглого пирата ногой, но добила только того, что он ещё сильнее вдавил её в стол и прижался бёдрами.

– Какая шустрая рыбка, тш-ш-ш, не брыкайся и не серди меня.

Он потянул её запястья немного вверх, перехватывая поудобнее, раздался шорох, а потом её запястья плотно обхватила шёлковая ткань, как будто платок, который он снял с шеи.

– Вот так, рыбка моя, теперь, когда ты не будешь мне мешать, нам будет гораздо удобнее разговаривать. – Горячая ладонь отпустила связанные за спиной руки Агаты и легла на поясницу. – На чём мы остановились?

– На том, что вы отпустите меня, а я уж разберусь, куда денусь, – буркнула Агата, из последних сил пытаюсь занять менее унижительное положение, но всё было тщетно: пират держал её намертво.

Агата уткнулась лбом в поверхность стола и тяжело дышала, пытаюсь собраться с силами, чтобы хоть как-то вывернуться из хватки.

– Да-а-а, точно, именно на этом, – вторая рука вернулась на её бедро, скользнула вверх и легла на кружево, поглаживая сквозь него. Агата рвано вздохнула. – Сколько же одежды носят девушки. И это ночное платье? Ужасно...

Он смял ткань и отодвинул её до талии, обнажённая нежная кожа покрылась мурашками, Агата забилась, едва ли не зарывав от бессилия и злобы.

– Да как вы смеете!

– Хм, действительно, – пальцы покружили вокруг самых чувствительных мест, дразня и против воли срывая прерывистый вздох с губ Агаты. – Я – капитан на этом корабле, рыбка моя. И делаю, что хочу. А если меня не слушаются... Старина Харт вот не послушался и притащил тебя на корабль.

Пальцы описали ещё круг и дотронулись там, где Агата боялась ощутить прикосновение. Она вздрогнула, протестующе дёрнулась, но Вильгельм усилил давление на поясницу, вынуждая прогнуться и прижать бёдра ещё плотнее к столешнице.

– Знаешь, что будет с Хартом? – большим пальцем одной руки он погладил её крестец, а вторая огладила обнажённые ягодицы.

Агата молчала, судорожно выдыхая, губы пересохли, сердце билось где-то в горле от ужаса и того, что его прикосновения творили с её телом.

Пальцы ещё раз погладили ягодицы, а потом кожу внезапно обожгло болью. Агата вскрикнула, содрогнувшись всем телом, уже сама вжимаясь в стол.

– Любого, кто приведёт женщину на корабль, ждёт плеть, – Вильхельм вновь наклонился, и горячие поцелуи обожгли шею, жёсткая щетина царапнула кожу, а наглая ладонь погладила ягодицу, горевшую от шлепка, словно в попытке загладить вину. – Гораздо большее, чем это, а Харт не пытался меня ударить...

– Пустите меня! Вы не... прошу вас. Мой отец сделает всё, чтобы выкупить меня. Если вы не тронете... – Агата с пылающими щеками, готовая расплакаться то ли от унижения, то ли от незащитности, принялась брыкаться и извиваться изо всех сил.

Ей удалось наконец пнуть наглого пирата, от чего он ослабил хватку и отступил на мгновение, которого ей хватило, чтобы, пусть и неловко, но развернуться к обидчику лицом и встать. Предательское ночное платье, хоть и изрядно помятое, скользнуло по телу, скрывая наготу. Агата сразу же почувствовала себя увереннее и, сверкая глазами, тряхнула головой: растрёпанные кудри пушились от морской солёной влаги и лезли в лицо, а руки были надёжно связаны за спиной.

– Ты знаешь, мне нравится, как ты сопротивляешься, – Вильхельм склонил голову набок, изучая её с лёгкой усмешкой. – Такая красивая и непокорная... Мне кажется, мы могли бы договориться, правда?

Агата на всякий случай сделала осторожный шаг, смещаясь в сторону и, когда Вильхельм даже не шелохнулся, не спуская с него взгляда, обошла стол, на котором... О боги, она не будет об этом думать сейчас, нет, никогда не будет!

Сглотнув, Агата отвела взгляд от зелёного сукна и расправила плечи, пытаясь пальцами развязать узел на запястьях. Щёки горели, но подбородок она вздёрнула, а массивный стол казался достаточно надёжной преградой, чтобы хотя бы начать соображать.

– Я буду... рада договориться, – выдавила она тихо, чтобы голос не сорвался и не подвёл.

– Что ж... – он словно бы в задумчивости коснулся пальцами своего подбородка и пошёл в её сторону. Агата двинулась в

противоположную, но Вильхельм, как оказалось, просто решил сесть в массивное кресло.

Теперь она стояла перед ним, за окнами капитанской каюты катило свои бесконечные волны настоящее море. Агату пробила дрожь из-за того, что тонкое кружево ночного платья могло прикрыть её наготу, но точно не согреть.

– Что ж... – Вильхельм оглядел стол, словно что-то хотел найти, и покачал головой. – Я даже не могу выпить приличный ром, потому что ты расколотила последнюю бутылку, а за новой пока послать некого...

– Простите... – неожиданно смутилась Агата, хотя вины уж точно не чувствовала, просто этот стол и сидящий за ним Вильхельм в её уставшем от нервных потрясений сознании смешивался с образом учителя.

Вильхельм, кажется, действительно удивился и приподнял бровь, взгляд заострился и стал ещё более опасным.

– А ты умеешь извиняться, – он выглядел слишком довольным, – это... хорошо, – он подался вперёд, оперевшись локтями на стол и сложив руки в замок. – Я предлагаю тебе простую сделку.

– Сделку? – облизав пересохшие губы, переспросила Агата. – Если дело в деньгах, мой отец...

– Нет, – перебил её Вильхельм, – деньги меня не интересуют. То есть интересуют, конечно, но с тобой гораздо интереснее... поиграть.

– Я не понимаю... – тихо проговорила Агата, поведя плечами, чтобы унять дрожь.

– Я отпущу тебя и даже позабочусь о том, чтобы ты благополучно и целой и невредимой добралась до отцовского корабля, но взамен тебе придётся кое-что сделать...

Он помедлил, задумчиво улыбаясь, как будто ему слишком нравилось то, что было у него в мыслях.

– Я не буду с вами с... с-пать! – гневно выпалила Агата, хотя голос всё равно сорвался.

– О, нет-нет, моя маленькая рыбка, ты была весьма убедительна, когда пыталась разбить мне голову. Я, пожалуй, предложу тебе два... нет, даже три варианта. Потому что ты такая славная, сладкая рыбка.

– Что за варианты? – насторожённо спросила Агата, делая шаг назад, потому что предложение Вильхельма не могло сулить ничего хорошего.

Может быть, ей удастся выскочить за дверь? Там надо будет только пересечь шканцы и влезть на борт. Скорее всего, она сможет прыгнуть. Точно сможет, уж духу ей хватит. Но вот сможет ли она хоть куда-то доплыть? За бортом, насколько она могла судить, было лишь открытое море, но, может быть, где-то совсем рядом острова? Или отцовский корабль? Наверняка её ищут! Конечно, Джонотан её ищет!

– Я бы не советовал, – с ленцой протянул пират, заметив её взгляд и кивая в сторону двери. – Вся команда сейчас, конечно, занята, но боюсь, мои ребята давненько не были на суше. Недостаточно давно, чтобы не послушать меня, но...

Агата содрогнулась и снова посмотрела на Вильгельма:

– Так что вы мне предлагаете?

– «Что вы мне предлагаете, господин Вильгельм?» – поправил он её.

Агата промолчала. Вильгельм приподнял бровь, показывая, что ждёт.

– Что вы предлагаете, г-господин Вильгельм? – повторила она, всё равно запнувшись, потому что пират менее всего походил на господина. Он был... пиратом!

– Уже лучше, рыбка моя, – улыбнулся он, кивая. – Вежливой быть очень легко, правда? – он помолчал немного, явно наслаждаясь её гневом, нетерпением и отчаянием. – Как я сказал, у тебя есть три варианта. Ты можешь выбрать любой, и после того, как выполнишь требование, я гарантирую, что верну тебя. По рукам?

– Я хочу сначала услышать варианты, – процедила Агата.

– Мне кажется, ты не в той ситуации, чтобы торговаться, – с наигранным сожалением вздохнул Вильгельм.

– Никакого... спать мы не будем? – запнувшись не то потребовала, не то уточнила Агата.

– Клянусь, – пират прижал руку к груди, склоняя голову, а потом обжёг взглядом белёсо-голубых пугающих глаз. – Если только ты сама не попросишь тебя трахнуть.

Агата отшатнулась, но Вильгельм только рассмеялся. Его смех был неожиданно мягким и действительно весёлым, морщинки собрались в уголках его глаз, а улыбка была белозубой, хотя мало кто из пиратов мог таким похвастаться.

Несмотря на ужас ситуации, на секунду Агате стало любопытно, кем же он был до того, как стал пиратом. Всё-таки манеры и речь у него были как у знатного кириоса.

Но Вильхельм, отсмеявшись, вновь заговорил:

– Итак, я сейчас пойду наказывать Харта. Он заслуживает по меньшей мере сорока плетей за то, что притащил женщину на борт. А то и всех пятидесяти. Возможно, команда проголосует за то, чтобы потом он отправился на корм акулам. У тебя есть три варианта на то время, что я буду занят: ты идёшь со мной на палубу, где смотришь на порку, а потом я делаю то же самое с тобой. Не пятьдесят, конечно... но сама понимаешь, рыбка моя, мы на пиратском корабле, я не могу наказать Харта и не тронуть тебя. По-хорошему, я должен выбросить тебя за борт, но думаю, моих ребят вполне устроит вид твоего обнажённого тела, извивающегося под плетями. Я даже сделаю это мягко, потому что обещал вернуть тебя в целости.

Агата задыхнулась, представив себе это, сердце забило где-то в горле, в глазах потемнело, и она покачнулась.

– Ну-ну, не пугайся так, я же обещал три варианта. Тебе не обязательно сразу соглашаться на первый.

– Вы, вы... чудовище!

Вильхельм лишь развёл руками, дескать, что поделать. Руки так и не удалось освободить, и Агата с трудом оставалась на ногах в условиях качки.

– Вариант второй: ты становишься на колени и просишь тебя простить за ужасный поступок. Хорошо просишь. Твой ротик должен быть мягким и нежным, убедительным, одним словом.

– Я не по... – начала была Агата и осеклась, широко распахнутыми глазами глядя на Вильхельма. Она уже хотела было согласиться на этот вариант, когда вдруг поняла, что именно подразумевалось под извинениями. – Вы обещали, что...

– Никаких грязных развлечений? Ну, это и не оно, а извинения. Я предпочитаю, чтобы миленькие девушки приносили их именно так.

Агата замотала головой со всем отчаянием, предполагая, что хуже варианта быть не может. От одной мысли хотелось сгореть со стыда.

Вильхельм приподнял брови, откровенно веселясь:

– Нет? Ты уверена? Ну, тогда остаётся третий, и самый скучный вариант: я уйду на палубу и запираю каюту, чтобы ты была в

безопасности...

Агата посмотрела на него с отчаянным недоверием.

– Ты снимаешь эту ночнушку... Или нет, оставь, я же благородный пират, в конце концов. Так вот, ты ложишься на этот стол, как послушная девочка, я буду так любезен, что сам подниму подол, чтобы твоя чудесная попка ожидала моего возвращения. А потом я тебя накажу. Просто шлепки, ничего страшного. Мы бы уже могли закончить, если бы ты не брыкалась. С другой стороны, тогда у тебя не было бы этого третьего варианта в обмен на свободу. Мне кажется, это честная сделка.

Глава 13

Дерутся все

Как только за Вильгельмом закрылась дверь, Агата вскочила и заметалась по каюте. Разумеется, она не собиралась покорно ждать его возвращения. Даже мысль о том, чтобы просто спрыгнуть в море и плыть, пока её не найдёт кто-то из своих, уже не казалась безумной. Всё что угодно, только не унижительная «сделка»! Её, конечно же, уже разыскивают, и надо просто хотя бы где-то спрятаться, а лучше – попытаться выбраться наружу и осмотреться.

Агата на цыпочках подошла к двери, прислушиваясь, готовая в любой момент отпрянуть. Даже сквозь массивную деревянную дверь доносились голоса. Нет, через палубу не выбраться.

Она лихорадочно огляделась и заметила на стене два клинка, закреплённых крест-накрест. Наверняка уже не боевые, а только декорации для устрашения, но всё же. Она с трудом просунула запястья под один из краёв лезвий и перетёрла ткань, связывающую руки. Хоть бы этот Вильгельм не вернулся и не застал её в этой унижительной позе...

Проклятый платок разошёлся на нитки, и Агата с наслаждением разодрала его на части, мечтая избавиться и от этого воспоминания, и от запаха Вильгельма, которым была пропитана ткань.

Осмотревшись снова, она подхватила валяющийся на полу канделябр и, стараясь не шуметь, продела его в дверную ручку. Слабая защита, но сойдёт в качестве щеколды. По крайней мере, она будет знать, что кто-то ломится в каюту.

От мысли, что на неё может открыться охоту вся команда этого проклятого Вильгельма, затошнило. Или это качка снова дала о себе знать? Она перевела взгляд на окно; за прямоугольными стёклышками покачнулся далёкий горизонт, и дурнота подкатила к горлу.

Этот пират знает её отца! Агата замерла на мгновение, всё ещё шокированная этой мыслью. Он знал её девочкой... И всё равно предлагал все эти отвратительные вещи! Она передёрнулась, зябко обхватывая себя за плечи. Что же делать? Как можно выбраться совершенно одной, безоружной, с корабля, кишящего пиратами?

Агата прерывисто вздохнула, чувствуя, что по щекам покатались неконтролируемые слёзы.

Боги, чем она это заслужила? Хотелось сжаться, замереть где-нибудь в углу, закрыть глаза и чтобы всё это оказалось страшным сном, но она не позволила себе разрыдаться. Сердито отёрла слёзы рукой и нетвёрдым шагом двинулась к окну: для начала вдохнуть свежий воздух и прекратить эту глупую истерику. Она жива, и даже непоправимого не случилось.

Не к месту вспомнились такие сильные и уверенные руки Джонни, и мелькнула предательская мысль, что надо было его хотя бы поцеловать... Проиграть спор, ну и к демонам его, просто признаться, что она давно об этом мечтала. Хотя то, что Джонотан позволил себе в прошлую ночь, когда она была пьяна и когда дала ему зайти так далеко... Даже вспомнить – и то жарко и стыдно. И такой же жаркий и стыдный ком прокатывается внизу живота.

А теперь... Вдруг она отсюда и вовсе не выберется?

И первый поцелуй случится вовсе не с Джонотаном, если этот мерзкий пират, если этот ублюдочный Вильхельм только посмеет снова... Слёзы ещё сильнее затуманили взгляд, Агата моргнула, совершенно не аристократично хлюпнув носом, и, борясь с тошнотой, потому что на каждой волне её желудок делал кульбит, шагнула вперед.

Вот только под ногами хрустнуло разбитое стекло, и крупный осколок порезал босую ступню.

– Чтоб вас всех морские чудища сожрали, – прошипела Агата, садясь прямо на пол и подтягивая ногу так, чтобы рассмотреть, не остался ли осколок в ноге. Ей повезло, если можно было назвать везением разрезанную ногу. Из ранки текла кровь.

Боль неожиданно отрезвила и разозлила. Агата решительно встала, не обращая внимания на боль в ноге и обходя осколки. Это же капитанская каюта? Она подёргала ящики стола. Большинство были закрыты, но в верхнем лежали письменные принадлежности: писчая бумага и нож для бумаги.

Обрадовавшись какому-никакому оружию, следующим делом она с мстительным удовольствием вывернула содержимое небольшого шкафа с личными вещами Вильхельма. Выбрав рубашку из самой

тонкой ткани, она, помогая себе ножом, оторвала длинный лоскут и аккуратно забинтовала ногу.

После чего решительно распахнула небольшое окно. Влажный солёный ветер ударил в лицо, на мгновение лишая дыхания, но это было даже приятно. Может быть, и тошнота пройдёт. А может, удастся разглядеть знакомые паруса «Госпожи». Агата высунулась в окно едва ли не по пояс и заметила наверху шлюпку, раскачивающуюся на канатах прямо за кормой.

Отчаяние толкало на безумство. Что лучше, ждать в каюте возвращения пирата и унижения, которое тот предлагает как «сделку»... Или рискнуть жизнью, но потянуть время? Выбраться наружу, чтобы хоть подарить себе шанс на спасение.

Окно открывалось совсем немного, и Агата пыталась прикинуть, справится ли с тем, чтобы выбраться на крохотный балкон в шаг шириной – а с него перебраться на опасно раскачивающуюся шлюпку?

Агата бросилась к стене и попыталась снять с неё один из тупых клинков, но те были приколочены намертво. Ладно! Она сцепила зубы, подхватила со стола нож для писем, который с трудом можно назвать оружием, но это лучше, чем ничего.

За стенами каюты снова слышались шаги. От мысли, что сюда скоро войдёт Вильхельм, внутри всё превратилось в холодный ком ужаса. Агата замерла, прислушиваясь, но вместо шагов раздались громкие крики на палубе, а потом будто и правда звуки плети. Снова крики, чей-то смех. Кажется, они заняты делом, а Вильхельм явно не верит, что Агата сможет от него куда-то деться.

Она снова бросилась к окну, которое открывалось всего на четверть. Слава богам, она сейчас не в пышном платье с корсетом, а в тонком ночном платье. И стоило благодарить кирию Элен, которая так пристально следила за питанием и не позволяла есть слишком много сладкого. На южных окраинах Энорийского королевства ценили стройных молодых леди, умеющих вовремя падать в обморок и быть невесомым и воздушным созданием.

Агата решительно поставила здоровую, не раненую ступню на узкую лавку вдоль окон, схватилась руками за деревянную раму. Свежий воздух так и манил свободой, а рядом раскачивался борт шлюпки. Конечно, добраться до неё будет то ещё испытание, но страх перед пиратами придавал сил.

Неожиданный сквозняк бросил ей в лицо волосы, и в попытке их убрать она неосторожно дёрнулась и наступила на раненую ногу. Зашипев от боли и злости, Агата покачнулась и с замиранием сердца услышала, что лавка грохнулась на пол. Морской демон с ней, здесь она всё равно не останется! Она поудобнее вцепилась в раму и подтянулась. Живот, конечно, обдерёт, но это меньшее из зол.

На грохот явно кто-то пришёл. Дверь задёргалась. Раз... ещё раз... Снаружи грохнули кулаками по несчастному дереву. Канделябр, игравший роль засова, со звоном выпал на пол.

– Так-так-так, кажется, маленькая рыбка решила уплыть?

Агата дёрнулась, чувствуя, как заполошно забилося сердце, но вскрикнула не столько от испуга, сколько из-за того, что разжала пальцы и деревянная рама ещё сильнее впиалась ей в рёбра.

– Кирия, – послышался смеющийся, полный предвкушения голос, и Агата чуть не завопила от ужаса, – кажется, вы куда-то торопитесь? Рыбка моя, тебе помочь? Хотя я понимаю твоё замешательство, – Вильхельм даже не пытался скрыть веселье в голосе, – но всё же затрудняюсь решить: с какой же стороны стоит помочь?

Агата, ощутив прикосновение к обнажённому бедру под задравшимся платьем, резко выдохнула и в одно движение выбралась на крохотный балкон. От ужаса снова поскользнулась, ступив на раненую ногу, и только в последний момент ухватилась руками за декоративную колонну из дерева. Качнулась над морской бездной, пытаюсь достать ногами до опоры.

– Лучше прыгну в море, чем пойду на твою «делку»! – выплюнула Агата, хотя голос, к её сожалению, дрогнул: развевающий волосы ветер и пенящиеся гребешки волн далеко внизу не добавляли спокойствия.

Но она ведь неплохо плавает. Просто разжать руки и прыгнуть. Она всхлипнула, потому что удалось нащупать пальцами скользкий край резной декоративной балюстрады и подтянуться обратно.

Сквозь плеск волн послышался ещё какой-то шум. Агата с замиранием сердца наконец посмотрела через окно, из которого с таким трудом выбралась.

Это Джонотан?! Ей не снится, это правда он?!

– Что за «делка»? – прорычал разъярённый Джонни, схватив Вильхельма за ворот и толкнув к стене.

Боги, откуда он здесь взялся?! И какое же счастье! Агата едва не заревела от облегчения.

– Твоей рыбке крайне повезло, что её подобрали мои парни, а не кто-то ещё. Посуди сам, какой бы другой пират на моём месте удержался от... самого сладкого? Между прочим, вы оба не цените мою щедрость, – Вильхельм растянул губы в насмешке, это было видно даже через мутное стекло. – Кирия ди Эмери всего лишь должна была выполнить пару безобидных условий, да, крошка?

Хотелось заорать, но Агата чувствовала, как горло сдавило от одной мысли, что Джонни это узнает, услышит – всю ту пошлость, что предлагал Вильхельм от «нежного и убедительного ротика» до «чудесной попки». Руки дрожали, и она чувствовала, в любой момент сорвётся снова.

– У нас с тобой был иной договор, – процедил Джонотан. – Ты поклялся, что она не пострадает!

– А она и не пострадала. Может быть, ей бы даже понравилось. Ты не дал нам проверить.

Джонотан резко ударил Вильхельма в лицо. Брызнула кровь, и проклятый пират отшатнулся прочь.

– Кажется, ты забываешься, – Вильхельм отёр рукавом кровь и угрожающе надвинулся на Джонотана.

– Может, вы перестанете драться и вытащите меня отсюда?! – завопила Агата, чувствуя, что пальцы уже сводит от боли, и вновь соскальзывая ногами. – Тогда я смогу разбить головы вам обоим!

– Так вы согласны на сделку, госпожа? – Вильхельм отпихнул Джонотана и первым подошёл к окну.

– Вильхельм, клянусь всеми богами, я убью тебя!

– Подожди, Джонни, я наслаждаюсь прекрасными видами. Мне казалось, ты тоже?

Вильхельм явно разглядывал её грудь, едва скрытую ночным платьем, и ноги, которые облепила полощущаяся на ветру тонкая ткань.

– Ах ты! – начала было Агата, но задохнулась, когда вспотевшая ладонь соскользнула.

Джонотан одним быстрым движением отпихнул наслаждающегося происходящим Вильхельма, перехватил её за

запястье и рывком втянул внутрь, предусмотрительно положив ей руку на затылок, чтобы она не стукнулась головой.

Но когда он притянул было её к себе – взъерошенную, покрасневшую, сердитую и смущённую одновременно, Вильгельм неожиданно ударил Джонотана.

Агата взвизгнула и забилась, когда пират дёрнул её, практически вжимая в себя в стальных объятиях.

– Не торопись, золотце, – нахальные ладони огладили её талию и скользнули ниже. – Ты такая ценная, что просто так я тебя не выпущу.

Агата забилась в его руках, но тот лишь рассмеялся ей в ухо, прижимая её к себе спиной и перемещая руку на грудь.

Джонотан набросился на Вильгельма, и на этот раз его кулак прилетел пирату в скулу. Он был настолько зол, что даже не подумал воспользоваться магией.

Агата взвизгнула и, пользуясь шансом, со всей силы лягнула Вильгельма, выворачиваясь из ослабевшей на мгновение хватки:

– Пусти же! – она задёргалась ещё сильнее и, получив вожделенную свободу, бросилась в угол каюты, потому что Джонотан и Вильгельм явно не собирались останавливаться, сцепившись в рукопашной.

– Ты! Подлый! – Джонотан замахнулся ещё раз, но Вильгельм перехватил его руку. – Ублюдок!

– О, мальчик мой, я был рождён в законном браке, представь себе! – пират с силой отпихнул Джонотана и выхватил шпагу. – А вот тебя явно стоит поучить манерам.

Кончик шпаги указывал точно в грудь Джонотану. Тот застыл, потому что был безоружным. Агата вспыхнула. Наверняка ведь чувствовал, что не стоит доверять этому Вильгельму, или это было условием, чтобы его пустили на этот корабль! Пират он и есть пират – может сколько угодно играть в благородство, а потом напасть на безоружного, и ведь клялся, что отсутствие оружия – знак благих намерений, вот только свою саблю оставил при себе!

Вильгельм улыбался, и в сочетании с разбитой в кровь губой и начинающим расплываться на скуле синяком выглядело это особенно жутко.

– Что скажешь, крошка? – взгляда с Джонотана Вильгельм при этом не спускал. – Как ты смотришь на то, что я немного укорочу

твоему храброму защитнику его длинный язык? О, да не пугайся ты так! Поверь, есть много способов удовлетворить женщину, кроме как...

– Заткни... свой поганый рот! – бросил Джонотан, ловко отбрасывая рукой направленное в него лезвие. Он поднырнул под локтем Вильгельма, подхватил валяющийся на полу канделябр и отбил от выпада шпаги.

Тут корабль плавно, но ощутимо качнуло на волнах, и Агата вновь почувствовала подступающую дурноту. Порезанная ступня неприятно ныла, а импровизированная повязка сбилась. Она только что чуть не свалилась в море! Её всю облапал какой-то пират! А Джонотан, её Джонни!..

– Хватит! – крикнула она, но её ослабевший голос потонул в грохоте, с которым Джонотан отпихнул со своей дороги стул. Он и Вильгельм были слишком увлечены противостоянием, которое грозило превратиться в банальный мордобой.

– Прекратите же! – не выдержав, закричала Агата, вскакивая на ноги и с ужасом представляя, что будет, если на шум заглянет кто-то из команды Вильгельма.

– О, рыбка моя, – Вильгельм успел отвесить ей поклон, продолжая уворачиваться от канделябра: в руках Джонни он оказался не в пример лучшим оружием, – я сейчас убью этого не в меру пылкого старого друга, и мы продолжим наш разговор! Вдруг ты решишь, что моя сделка лучше, чем предложения этого наглеца? По крайней мере, я с тобой был предельно честен!

– Ты уже ничего не продолжишь! – Джонотан швырнул свободной рукой подвернувшийся под руку хрустальный бокал, продолжая отбиваться подсвечником.

Вильгельм успел увернуться, и бокал угодил в стену прямо над головой Агаты и весёлыми колючими брызгами усеял пол. Корабль качнуло, её вместе с ним, и она шагнула в попытке удержать равновесие, опять наступив на стекло и взыв от боли.

– Заткнитесь! Заткнитесь вы оба! – Агата схватила стул, вокруг которого они бегали, и решительно приблизилась, уже даже не глядя под ноги.

– Рыбка, ну что ты... – начал было Вильгельм, но она со всей силы замахнулась и, сама не удивляясь тому, что получилось, огрела не

ожидавшего такой прыти пирата стулом по голове.

Стул вырвался из ослабевших пальцев. Вильгельм дёрнулся и обмяк, рухнув ей под ноги.

– Я же не... убила его? – отшатнувшись, прошептала Агата, с ужасом глядя на распластанное на полу тело пирата.

Глава 14

Цена свободы

– Да что ему сделается, – Джонотан с силой пнул того в бок. – Очухается.

Агата кивнула, всхлипывая и чувствуя, как неконтролируемые слёзы потекли по щекам.

Джонотан оказался рядом, обнимая. Она плакала, сотрясаясь всем телом и пряча лицо у него на груди. Как глупо рыдать, когда уже всё в порядке, но она судорожно вздрагивала и никак не могла перестать.

– Ну что ты, всё хорошо, – Джонотан перевёл дыхание, мягким и нежным движением убрал с её лица растрепавшиеся волосы, успокаивающе погладил щёку, целуя куда-то в макушку. – Ты отлично справилась, моя маленькая драчунья. Прекрасный удар, даже лучше, чем я учил.

Она рассмеялась сквозь слёзы, комкая дрожащими пальцами рубашку у него на груди, словно боялась, что кто-то может вновь её забрать. Объятия Джонотана казались самым надёжным местом на свете. Он пах солью, морем и собой, – так хорошо и так знакомо, что Агата вздохнула, всё ещё подрагивая, но чувствуя себя гораздо лучше.

Раздался стон и невнятные бормотания, и Джонотан незамедлительно развернулся так, чтобы встать между очнувшимся Вильгельмом и Агатой.

– Бездна морская, – простонал пират, осторожно ощупывая голову и медленно вставая на ноги. – Если вам так необходимо было уединиться, могли бы просто попросить. Джонни, мальчик мой, ты бы поостерёгся. Уверен, что справишься с таким темпераментом? Оставь её мне. На перевоспитание, разумеется. Этой маленькой дикарке определённо нужна твёрдая рука.

Агата так вцепилась в Джонотана, что должны были остаться синяки.

– У нас был договор, Вильгельм, – ровно ответил Джонотан, успокаивающе поглаживая дрожащую Агату по спине. – Я свою часть сделки выполнил.

– Такой молодой – и такой зануда, – укоризненно покачал головой пират, поднимаясь на ноги. – Рыбка моя, бросай его. Обещаю, со мной тебе будет веселее.

Агата гневно сверкнула глазами, но предпочла прятаться за Джонотаном.

– Вильхельм!

– Да идите уже, – небрежно отмахнулся тот, отпивая ром прямо из горла и опускаясь в кресло. – Был рад знакомству, кирия ди Эмери. Пожалуй, сделаю тебе небольшой подарок: скорректируем наш с тобой договор, и пусть он остаётся в силе. Тебе стоит только выбрать один из вариантов, и я исполню любой твой каприз.

Агата вспыхнула и отвела взгляд. Джонотан явно будет выпытывать у неё подробности. Но она скорее сгорит от стыда, чем расскажет о том, что происходило в этой каюте.

В дверь постучали и, хохотнув, проорали:

– Капитан, к вам тут посетитель!

– Извини, что не провожаю, Джонни. Твоими стараниями меня ждёт на редкость приятная встреча, – Вильхельм улыбнулся зло и страшно, и Агата невольно посочувствовала внезапному визитёру.

А когда дверь распахнулась и отвратительно ржущие пираты впихнули в каюту мужчину с мешком на голове и связанными за спиной руками, поспешно отвернулась и позволила Джонотану увести себя на палубу.

Кто бы это ни был, он не заслужил того, чтобы с ним обращались подобным образом, но Агата чувствовала, что приключений для неё более чем достаточно. Этому несчастному они никак не смогут помочь. Слава богам, она теперь в безопасности! Оставалось узнать реакцию отца на её похищение, но она надеялась, что хотя бы на этот раз он порадуетя, что она цела.

* * *

Джонотан так усиленно оберегал её от всех пиратов, словно пытался закрыть собой не только от опасности, но даже от взглядов, что могли коснуться её тела. Агата чувствовала, что он словно закипал от одного нахождения на одной палубе с этими отморозками. И где-то

в глубине будто ощущала его магический дар, который норовит вырваться и уничтожить всех, кто посмеет ей угрожать.

– Осторожней. Иди ко мне, – он протянул ей руки, стоя на дне шлюпки и помогая перебраться. – Скорей.

Агата оттолкнулась от чужого корабля и прыгнула к нему, снова почувствовав надёжные объятия.

Пара матросов быстро погребла, приближая их к родной «Госпоже Дикарке». Позади доносилось улюлюканье с пиратского корабля, и оставалось только гадать, как они не сцепились в очередном смертельном бою.

На лицах матросов, везущих их под покатым бок «Дикарки», застыло напряжённое выражение, а ссадины и кровавые отметины на одежде говорили красноречивее слов. Они уже сражались – но теперь достигли мира?

Джонотан не давал ей говорить, только прижимал к себе и касался бесконечно заботливо и нежно. Агата позволила себе ни о чём не думать и выдохнуть пережитый ужас. Запах Джонотана, родной и близкий, такой приятный, позволял забыть обо всём.

Он оставил где-то свой китель, остался в простой рубашке, тоже в паре мест заляпанной кровью. Агата с ожесточением вцепилась в его руки и предплечья, будто сейчас, когда всё уже закончилось, она может как-то удержать себя и его от жажды мести.

Он здесь, он с ней, и пусть отец хоть сходит с ума от ярости – теперь ей точно плевать. Именно Джонотан спас её из рук пирата! И возможный брак с властным восточным господином теперь казался далёким как никогда. И пусть. И пусть даже вся торговая империя отца потерпит крушение из-за сорвавшейся сделки, даже если так: плевать!

Она жива, цела и сохранила свою честь именно и только благодаря Джонни!

– Помогите, быстрее, – скомандовал он, когда они причалили к борту.

Агате подали руку, команда действовала слаженно и быстро. Кто-то принёс сухое покрывало, накинул на плечи. Она с благодарностью завернулась в колочую, пахнущую солью и немного рыбой ткань, и только сейчас осознала, что мелко и постоянно дрожит, даже зуб на зуб не попадает, хоть ужас и оторопь давно прошли.

– Поворот, быстро, – продолжил командовать Джонотан. – Клод, вы готовы? Команду всю наверх. Поднять стаксель. Поднять фок и грот.

– Есть, капитан, – быстро отчитался старпом и передал приказ боцману.

По палубе забегали матросы. Все действовали быстро и чётко, словно давно знали, что нужно делать, но внимание Агаты рассеивалось. Страшно хотелось спать, силы резко покинули её, тёплое покрывало приятной тяжестью давило на плечи, хотелось свернуться в этом коконе, закрыть глаза – и только каким-то чудом Агата ещё держалась на ногах, а не падала на палубу.

Паруса наполнялись ветром, Джонотан отдал ещё пару быстрых команд и снова вернулся к ней. Агата не знала, куда ей податься: то ли усесться уже на свёрнутые кольцами канаты, то ли доползти до каюты.

– Пойдём, – Джонни бросил на неё быстрый взгляд и повёл за собой.

Видимо, теперь не хотел отпускать от себя дальше, чем на шаг. Агата шла, пошатываясь и спотыкаясь, но не выпускала его такую тёплую и живую ладонь из своей – держала, словно это спасательный трос, выпустив который она тут же потонет.

Он привёл её на капитанский мостик, куда обычно не позволялось подниматься не офицерам корабля, усадил бережно на тяжёлый низкий сундук у борта и обнял снова, легко и совсем невесомо целуя макушку, висок, проходя губами по щеке. Присел на корточки рядом. Прижался тепло и нежно снова, будто стирал поцелуями следы слёз и солёные капли моря.

– Побудь здесь со мной. Ладно? Боюсь теперь хоть на миг отвести от тебя взгляд.

Даже в таком шатком положении он сохранял спокойствие и опору – казалось, он един с бурным морем за бортом и ему нипочём ни качка, ни порывы ветра, бьющие в лицо.

– Джонотан...

Подобрав под себя ноги, Агата прильнула к нему со всей доверчивостью, шурясь от солнца и теней от парусов, которые скользили по лицу. Ветер кидал в лицо волосы, но Агата даже не замечала пряди, липнущие к губам. Она притянула Джонотана к себе, обхватила его за затылок, чувствуя, как дрожат кончики пальцев. Не

хватало слов, чтобы описать, как она была счастлива смотреть в его лицо, в эти горячие тёмные глаза, полные обжигающей любви и будто... раскаяния. На красивую линию твёрдых губ, которых она ещё ни разу не касалась настоящим поцелуем. Снова и снова Агата пробегала взглядом по его любимому и мужественному лицу, не в силах насмотреться.

– Пожалуйста...

Он смотрел прямо в глаза так загадочно, что она терялась.

– Это просьба тебя поцеловать? – прошептал Джонни серьёзно, обводя тыльной стороной ладони её щеку и оказываясь ещё ближе.

– Я убью тебя.

– За последние дни это пытались сделать не раз...

Агата ухватила пальцами за ворот его белой рубахи, скомкала ткань, глядя на то, как пульсирует венка на его загорелой шее и как Джонотан напряжённо сглатывает, когда она попыталась приблизить его к себе.

Вот упрямец! Агата задрала к нему лицо, глядя в глаза, и почти улыбнулась, но вспомнила о том, что не успела выяснить:

– Все живы, Джонотан? Что с Элен и отцом? И как вы разошлись с этим... с этими пиратами?! Ты нашёл способ заставить их уйти ни с чем? – Агата заметила, как Джонотан замер от её расспросов. – Джонотан ди Арс! Немедленно отвечай мне!

Он молчал, и Агата резко попыталась обхватить его за щеку, но он ловко вывернулся из объятий и встал. Агата вскочила следом, мигом забыв о смертельной усталости, в один шаг, качнувшись на волне, догнала и пихнула Джонотана к фальшборту и снова трянула его за шиворот. Джонотан попытался мягко обхватить её снова, но Агата была непреклонна:

– Отвечай!

– На какой из вопросов? – болезненно улыбнулся тот, и только сейчас Агата обратила внимание, каким смертельно уставшим он на самом деле был. Как она раньше не заметила запавших, лихорадочно блестящих глаз, заострившихся черт и новой морщины на лбу, словно ему пришлось много хмуриться. Казалось, стоит ей выпустить его из хватки – и он не сможет прийти в себя.

– Джонотан?! – Агата схватила пальцами одной руки его лицо, впиваясь в щеки, потрепала, заставив смотреть на себя и не терять

сосредоточенности.

– Успокойся, пожалуйста! – Сдаваясь, он поднял ладони, опираясь спиной о борт и снова пытаюсь улыбнуться. Он даже не обращал внимания на матросов, которые что-то кричали и явно требовали внимания своего капитана. Краем глаза Агата видела, что старпом заставляет их держаться подальше. – Я сделал всё, чтобы спасти твою жизнь. Чтобы спасти тебя!

– Что ты недоговариваешь?! – окончательно полыхнула Агата, чувствуя, как сжимается от нехорошего предчувствия сердце. – Отец?! Он... Джонотан...

– Он жив, – хмуро проговорил Джонотан, обнимая её за спину и привлекая к себе. – Послушай, я сейчас всё тебе расскажу...

Его голос стал вкрадчивым, будто он пытался не просто успокоить её, но и воздействовать своей магией. Агата почувствовала тёплые лучи его энергии, обнимающие её со всех сторон и влияющие на её чувства. Так вот как ощущается его сила!

– Немедленно! Немедленно говори... Джо... нотан, – отбивалась Агата, здорово растеряв силы и рвение поколотить несносного капитана за то, что тот утаивает от неё.

– Он жив.

– Где он?.. – прошептала из последних сил Агата, холодея и подчиняясь магии Джонотана. На мгновение опуская голову ему на плечо и касаясь щекой его головы. Мягкая, убаюкивающая сила так и звала успокоиться, сдаться, довериться Джонотану во всём.

– Такова была цена твоей свободы.

– Что... Скажи мне, что я ослышалась, – шептала Агата, пытаюсь вцепиться в Джонотана всеми пальцами, но те лишь мягко касались его плеч и спины. – Ты же... Ты же не мог отдать моего отца этому... этому ублюдку, Джонотан. Ты не мог.

– За тебя я отдам кого и что угодно.

– Он. Мой. Отец, – прохрипела Агата куда-то ему в плечо, собрала силы и наконец пихнула его. И ударила снова ослабевшими руками. – Немедленно! Мы... должны... вытащить его! Джонотан. Ди. Арс!

Агата, шатаясь, попыталась ударить снова, но только повалилась на него от качки, и Джонотан охотно поймал её в объятия, успокоил снова и вздрогнул, когда она попала затылком ему в нос.

– Тише, тише, любимая.

– Я убью тебя! – Агата приподнялась снова и уставилась на Джонотана Смахнула растрёпанные кудри, лезущие в лицо, и пыталась найти, чем ударить его снова, когда Джонотан наконец признался:

– Кто тогда будет спасать твоего отца?

– Ты... что?.. – пропыхтела она, пытаясь понять его.

– «Госпожа Дикарка» давно получила приказ преследовать его вместе с двумя оставшимися кораблями, моя воинственная госпожа. Ещё до того, как мы вернулись на борт. Или ты думала, я предложил бежать с поля боя, оставив Вилли не только с богатством, но и кое с кем очень для тебя важным? Или ты думаешь, я такой же ублюдок, как и он, а?

На этот раз была его очередь ухватить её за подбородок и заставить смотреть глаза в глаза.

– Прости, Джонни... – прошептала Агата. – Я не...

Он навис сверху, предлагая продолжить фразу:

– «Джонотан, я была не права и прошу... нет, умоляю поцеловать меня прямо сейчас?»

Агата чувствовала его тепло и громко бьющееся сердце даже сквозь тонкую рубашку и своё несчастное ночное платье, наверное, больше похожее на лохмотья, и от волнения перехватило в горле. Кажется, она проиграла этот спор. Да и не всё ли равно?

Когда Джонотан... Когда он так близко?! Когда он спас её. Когда готов идти до конца. Агата улыбнулась тревожно, со сладким замиранием сердца предвкушая, как он коснётся её наконец уверенными, волнуемыми губами и заставит снова ухнуть в пропасть самых нежных, невероятных чувств.

– Джонотан ди Арс, пожалуйста...

Но её просьбу – тотальный и окончательный проигрыш в дурацком, никому уже не нужном споре – не дал договорить шум голосов и внезапный топот ног по трапу. Агата запрокинула голову, чтобы увидеть, какой наглец посмел вломиться на капитанский мостик, и обомлела.

– Агата ди Эмери! Джонотан ди Арс! – хрипло воскликнула кирия Элен, впервые в жизни растрёпанная и лохматая. Она схватилась рукой за ограждение трапа, ведущего на капитанский мостик, и глядела на них дикими глазами, словно едва проснулась. – Что я... пропустила?..

Глава 15

И снова в бой

«Всё», – хотелось буркнуть Агате, но не осталось сил.

Элен и правда проспала и шторм, и похищение своей воспитанницы, и то, как отца обменяли на её – Агаты – жизнь и свободу. И бой с пиратами?! Вот это сон!.. Надо будет узнать у Джонотана рецепт того, что он подливал ей в вино. На будущее, так сказать.

Всё происходившее дальше она запомнила урывками. Кажется, кирия Элен скатилась в банальную истерику, и Джонотан успокаивал её магией, после чего та, перестав раскачиваться и причитать, наконец взяла себя в руки и увела вяло сопротивляющуюся Агату в каюту, где помогла переодеться и расчесала волосы.

После этого, кажется, ещё заглядывал Джонотан, но Агата не помнила, то ли ей приснилось, то ли Элен и правда не выгнала капитана. Прежде чем уйти, Джонотан решительно подошёл к Агате и нежно коснулся её щеки – наплевав на все условности.

После этого ей снилось что-то мягкое и уютное, и что она проиграла-таки спор и Джонотан наконец целовал по-настоящему – долго, мучительно-сладко и так... так...

Так что, когда кто-то настойчиво потряс её за плечо, она сонно пробормотала что-то вроде: «Отстань» и лениво отмахнулась, переворачиваясь на другой бок, чтобы продлить сладкую негу.

– Кирия ди Эмери! Кирия ди Эмери! – её энергично тряхнули ещё раз. – Агата, просыпайтесь же! Тут капитан, а вы совершенно не готовы никого принимать.

– Кирия Элен, и вы тут? Отлично! – в каюту вошёл Джонотан, и Агата резко села на кровати, пытаясь проснуться и подтягивая одеяло до подбородка. – Запритесь в каюте. Сможете придвинуть к двери сундуки и скамью?

– Что происходит?! – Агата обернулась к окну, силясь разглядеть в бескрайнем море опасность, и тут же вспомнила, что они шли под всеми парусами, чтобы догнать Вильгельма и сразиться с ним за жизнь отца.

Внутри всё похолодело, и Агата с трудом сглотнула. Кажется, вот и проклятый чёрный флаг неподалёку.

– Я буду с тобой! – она вскочила с кровати, тут же выкинув из головы все мысли о приличиях и соответствии каким-то нормам общества.

Они все могут погибнуть в этой схватке! А он и без того видел её куда более обнажённой, хоть об этом никто не знает.

– Нет, Агата, вы останетесь тут. Это будет мой разговор.

– Но там мой отец! – почти зарычала она, обернувшись к Джонотану, который выглядел чуть лучше, чем до её сна. – Что ты планируешь сделать?!

Однако по-прежнему под его глазами пролегли тени, и, несмотря на весь собранный и напряжённый облик капитана «Госпожи Дикарки», Агата чувствовала, что Джонотан ди Арс идёт на пределах своих сил – как человеческих, так и магических.

– Мы уже уничтожили один из их кораблей. И одержали верх в абордажном сражении со вторым – те бежали от нас, сверкая пятками. Я убил не одного ублюдка и готов убить остальных. Всех, Агата, чтобы никто больше не тронул тебя и пальцем.

– Но... – Агата осеклась, вспомнив пятна крови на его рубашке, которую он успел сменить. Сейчас Джонотан был в боевом мундире, вооружён абордажным клинком и ножом, а уж решимость в глазах говорила лучше любых слов. Она никогда не видела его таким жестоким, но понимала и чувствовала, что сейчас иначе нельзя. – Ты знаешь этого Вильгельма...

– К сожалению. Не сейчас, Агата!

– Но у него мой отец.

– И именно поэтому мы его преследуем, не так ли?

– Просто... просто он ведь не убьёт его, да? Ему нужны его деньги? Джонотан? И у тебя наверняка есть план. Позволь мне быть рядом.

– Ты останешься здесь, чтобы я мог спокойно делать то, что должен, – приказал Джонотан и, увидев, что она собралась возразить, быстро добавил, смягчая свой тон и растущую панику: – Стоит тебе появиться на палубе, как я сразу начну думать в том направлении, которое никак не могу озвучить при почтенной кирии.

На губах Джонотана ди Арса снова появилась его улыбка, вкрадчивая и обаятельная, такая обезоруживающая, что Агата даже растерялась.

– Кириос ди Арс! – Элен выглядела так, словно собиралась выгнать Джонотана из каюты и никогда больше не подпускать к своей госпоже.

– Джонотан!

– Всегда к вашим услугам, дамы, но сначала я должен уладить небольшое недоразумение на пути к большому счастью.

С этими словами он одним быстрым движением пересёк каюту, притянул Агату в объятия и нежно поцеловал в заалевшую щёку:

– Буду с нетерпением ждать твои мольбы, – шепнул он Агате и добавил громче: – На удачу, кирия!

Отвесив галантный поклон Элен, он скрылся за дверью, щёлкнул замок. И Агата на секунду задохнулась от недоброго предчувствия. Джонотан всё так же шутил и подначивал её. Но она отчётливо видела запавшие глаза и тщательно скрытую усталость. Она могла сколько угодно беситься, что последнее слово осталось за ним, но тревога была сильнее.

И... он её запер!

– Каков нахал! – пробормотала она, чтобы хоть что-то сказать в ответ на тревожный взгляд кирии Элен. Та даже никак не прокомментировала пусть и целомудренный, но поцелуй.

Тут корабль сильно качнуло, послышался далёкий стук, отчего Агата, растеряв остатки сна, вскочила, сбрасывая одеяло. Кажется, они разворачивались. Подкатывающая вместе с воспоминаниями о пиратах паника была сильнее возмущения тем, что её заперли.

– Элен, помогите же, – она сдвинула сундук со своими платьями, но этого явно было недостаточно для того, чтобы удержать дверь закрытой, в случае, если кто-то будет ломиться.

А будет ли? Агата замерла, отпустив единственный стул в каюте.

Ведь Джонни не просто так преследует пиратский корабль? У него же наверняка есть план, как вызволить её отца. Так зачем тогда он вообще её запер?

– Вот так они точно не смогут проникнуть внутрь! – пропыхтела Элен, которая в отличие от задумавшейся и нервно кусающей губы Агаты, весьма энергично обеспечивала им безопасность.

Выглядела она несколько растрёпанной и запыхавшейся, зато к двери было сдвинуто всё, что в принципе можно было двигать в каюте, – пара сундуков и скамья, шляпные коробки Агаты и даже какой-то обрывок каната, судя по степени запылённости, вытащенный предприимчивой служанкой из-под койки. Неаккуратную гору вещей венчал подсвечник, покачивающийся в такт волнам на стуле.

– И никто не подумал, как мы будем выбираться, если, скажем... пираты подожгут корабль? – тихо сказала Агата, но Элен, кажется, услышала, побледнела и шумно втянула воздух.

– Они правда могут это сделать?

– Если бы я знала, – пробормотала Агата, меряя шагами каюту, почти не замечая покачивания на волнах.

Она не могла находиться в неведении и ждать, пока всё закончится. От чувства собственного бессилия подташнивало, но паника кирии Элен, возможно, сыграет ей на руку. Ей надо что-то предпринять, как-то контролировать происходящее, а не только позволять событиям тянуть её, словно утлое судёнышко.

Агата успокаивающе дотронулась до плеча кирии Элен:

– Я думаю, что всё обойдётся. Слышите, как тихо? Ничего особенного не происходит, просто переговоры. Уверена, что капитан ди Арс намеренно сгущает краски. Пожалуй, я попробую выбраться на палубу и проверю.

– Но дверь...

– А чтобы вам было спокойнее... – Агата взвесила в руке уже привычную тяжесть канделябра (уж на этот раз, если что, она не промахнётся). – Я возьму с собой вот это.

– Не пуцу! – неожиданно прытко для своего возраста и комплекции кирия Элен встала на защиту импровизированной баррикады. – Я поклялась кириосу ди Эмери защищать вас, а я никогда не нарушу клятвы! И вы не одеты!

Несмотря на ужас происходящего, Агата закатила глаза. Хоть что-то остаётся неизменным. Это странным образом утешало, хотя никакое платье не спасет её, если Джонни проиграет.

От одной мысли сердце гулко застучало в груди, грохотом отдаваясь в ушах. Но Агата вздохнула. Она верит Джонотану. Он не проиграет, не может проиграть!

Мелькнула мысль вырубить Элен канделябром, но в итоге она сдалась, сердито плюхнувшись на койку, вертя в руках подсвечник.

Лезть на рожон глупо и недальновидно! Но она всегда вела себя как приличная кирия, подчинялась отцу, следовала всем условностям, но и это не спасло её от пиратов. Её похитили тогда в бою, хотя она даже не дёргалась дальше каюты... Агата передёрнулась, вспомнив Вильгельма. Да она с ума сойдёт от беспокойства! Надо выбраться на палубу, чтобы знать, что происходит.

Тут корабль неожиданно резко качнуло, раздался страшный грохот и скрип. Словно что-то огромное скреблось и царапалось снаружи корабля.

– Морской демон! – неожиданно вскрикнула кирия Элен, в ужасе прикрывая рот ладонью.

– Какой... – начала было Агата, но осеклась: конечно же, это корабли столкнулись бортами, но если кирия Элен готова заблуждаться, стоит ей позволить. – Ох, он, видно, огромный! А что, если мы начнём тонуть?! О, кирия Элен, уверена, что боги будут к нам благосклонны, но надо разобрать эту баррикаду, чтобы выбраться.

На этот раз, видимо, искренне веря в существование мифического чудовища, кирия, бормоча молитвы, принялась оттаскивать сундуки.

– И помогите мне одеться! – не особо надеясь на удачу, потребовала Агата. – Где мои брюки для верховой езды, они точно должны быть!

– Ох, кирия ди Эмери, нельзя девушке....

– Я не хочу утонуть! – Агата сбавила напор. Видят боги, она действительно боялась, но вот только не за себя.

К счастью, хотя и сомнительно, что с таким счастьем согласился бы кто-то из команды Джонотана, снова заскрипел корпус, и кирия Элен, оставив возражения, скоро нашла необходимую одежду и помогла ей переодеться:

– Ох, кирия, неприлично...

– Если до нас доберутся пираты, будет уже всё равно.

– Но чем вы сможете помочь? – кирия Элен нервно помогла заплести ей волосы в простую косу и, поднявшись, добавила неожиданно: – На корабле можно спрятаться? Спрячьтесь, кирия, богами вас заклинаю! В каюте вас, наверное, будут искать, но, может,

вам удастся найти укромное место. Вашу мать я не смогла отговорить и уберечь, но вас уберегу!

– Вы знали мою мать? – Агата схватила Элен за руку.

– Да, кирия ди Эмери... ваша матушка была моей госпожой.

– Почему отец никогда не говорил мне? – Агата нахмурилась, на мгновение забывая, что хотела немедленно подняться на палубу: о матери отец всегда говорил неохотно, мрачнел, и постепенно Агата привыкла, что эта тема запретна.

– Ох, не к добру сейчас рассказывать об этом, – покачала головой Элен, глядя куда угодно, только не на Агату. – В том шторме... яхта, на которой плыла ваша матушка, разбилась. Я была с ней и смогла спастись, а она – нет. И...

Как назло, снаружи начал доноситься шум и крики, и Элен испуганно замолчала. Это абордаж, они всё-таки сошлись в бою.

– Ох, кирия, что же будет... – Элен действительно выглядела испуганной. – Может, не ходить вам?

На несколько мгновений Агата малодушно испугалась своего порыва. Испугалась того, что заставила Джонотана броситься в бой, чтобы спасти отца, не позволила ему даже перевести дух...

Да, она не смогла бы жить спокойно, зная, что оставила отца взамен своей жизни и свободы у пиратов. У тех пиратов, которые страшны не просто жестокостью, но и извращённым понятием мести.

Вильгельм знал её отца и явно хотел свести старые счёты. И едва ли готов просто убить, но что... что может прийти в голову этому ублюдку – можно было только гадать. И от этой мысли всё так и холодело, и становилось мерзко и тошно.

Но и то, что она подтолкнула Джонотана к очередному смертельному бою, не давало покоя. Он боролся со штормом, сходилась с пиратами в бою, вытащил её – чтобы снова попасть под вражеские сабли.

И надежды на спасение почти нет.

– Я выясню, что там, и вернусь, – вместо ответа заявила Агата и подхватила оттянувший знакомо руку канделябр. – Подыграйте мне.

И она заколотила им что есть сил в дверь:

– Эй, кто-нибудь! Вы слышите?! Кирии Элен плохо! Позовите доктора! Откройте! – она забарабанила ещё сильнее: – Кто-нибудь, отоприте дверь! Доктора!

Только бы кто-то из команды услышал. Она подёргала ручку и толкнула наудачу дверь, но нет, та не поддалась, а её сил точно не хватит, чтобы её выбить.

– Ну хоть кто-нибудь! Помогите!

– Кирия? С вами всё в порядке? – раздался приглушённый дверью голос.

«Это же не пираты?» – мелькнула в голове мысль, а потом Агата прокричала, вкладывая всё отчаяние, которое чувствовала:

– Доктора! Кирии плохо! А у нас заело дверь, не могу открыть!

Бесконечно долгое мгновение ей казалось, что Джонотан донёс приказ о том, что она заперта, всей команде, но тут щёлкнул замок, и дверь распахнулась.

Агата успела спрятать за спину канделябр, когда молодой матрос, заглянул внутрь, прежде чем торопливо броситься на палубу:

– Поищите доктора сами, боюсь, что вся команда слишком занята.

Агата успела разглядеть окровавленный рукав рубахи и саблю, прежде чем он взбежал по трапу. Но не успела она выскочить из каюты, как с палубы донёлся страшный шум, топот множества ног, и по трапу спустились ещё трое или четверо матросов.

Не одни, они вели под руки отца!

– Живой, – буркнул один из матросов, волоча кириоса ди Эмери к каюте.

Агата взволнованно бросилась ему навстречу, но лишь убедилась, что тот без сознания. Его волокли по палубе, матерясь и задевая стены. Лица матросов и их внешний вид говорил лучше любых слов. Они на последнем издыхании!

– Где Джонотан?! Где капитан? – закричала Агата, пытаясь найти на лицах матросов ответы, но те не замечали её истерики и, отдав отца, бросились обратно наверх.

Он должен быть жив. Должен.

Джонотан сдержал обещание! Сумасшедший, отчаянный Джонотан! Он вытащил их обоих из бездны: и её, и отца, которого так ненавидит. Но сделал это ради неё, рискуя жизнью.

Он выцарапал отца из пиратских лап, но бой не окончен...

– Элен! Позаботьтесь об отце, сделайте что-нибудь! – бросила она Элен и выскочила из каюты.

В тонких хлопковых брюках и белой блузе было не в пример удобнее перемещаться, поэтому Агата весьма ловко, даже несмотря на качку, поднялась по трапу и замерла.

То, что она увидела, заставило душу снова ухнуть в пятки.

Глава 16

Шаткое равновесие

Джонотан был жив, о да! Ещё как!

Окровавленный и разъярённый, он прямо на глазах у Агаты переступил через убитого пирата. Схватив очередного врага, он будто магией заставил того потерять силу воли, снова поднял кровавое лезвие и собирался перерезать горло.

Агата не видела ничего, кроме него, хотя вокруг орали и сражались, и ей самой грозила смертельная опасность. Она никогда не думала, что Джонотан может быть в такой ярости, что волны его магии могут захлёстывать всех вокруг, а кровь – литься по его рукам, смешиваясь с брызгами моря.

– Джонотан, – прохрипела она, моля прекратить это.

Ведь должен быть суд! Ведь пираты тоже заслуживали иной кары, разве нет?!

Он резко обернулся, будто способен был различить её слабый голос даже сквозь безумные крики боли и ярости, сквозь звон металла и полыхание огня.

Только сейчас Агата увидела, что корабль Вильгельма... Ох! Он горел, уходил под воду – накренился уже так, что скоро зачерпнёт волны всей палубой, один борт почти касался поверхности! Пираты спешно бежали с него, кто-то прыгал в воду, кто-то пытался перебраться на «Дикарку» или добраться вплавь до второго пиратского судна, уже поднявшего паруса.

Они победили? Но бой ещё продолжается!

– Стойте! – она не успела додумать мысль, не успела испугаться, но голос всё равно сорвался, потому что, кажется, все, кто был на залитой кровью палубе – и пираты, и команда «Госпожи Дикарки», – обернулись на неё.

Она спустилась по трапу, чувствуя, как ветер охлаждает вспотевшую шею и бросает в лицо выбившиеся из косы волосы.

– Агата! – Джонотан резко повернулся к ней, выпустив жертву – пират осел без сознания на палубу.

Это мгновение затянулось. Агата видела только его сверкающие яростью и жаждой мести глаза, любимые и такие чужие, смертельно вымотанные магией и смертью, и сейчас больше всего на свете она жаждала его спасти.

Но она похолодела, когда взгляд Джонотана, направленный прямо на неё, застыл.

Какого морского демона?! Волосы лезли в глаза, и Агата торопливо откинула тыльной стороной руки мешающие пряди... и увидела позади Джонотана знакомое лицо.

Вильгельм! Он маг. Он тоже владеет силой!

Сражение отхлынуло от двух магов, будто все разом поняли, что сейчас решится их судьба. Пираты ощерились клинками против матросов, и всё вокруг замерло в шатком равновесии.

– Ах, Джонотан... – цокнул Вильгельм, тоже порядком залитый кровью, рукав его камзола был разорван и лишился почти всех пуговиц, щеку пересекала глубокая кровавая царапина. Его хриплый голос звенел от напряжения. – Мой мальчик, – прохрипел он ещё ниже, приближаясь ближе к шее Джонотана, на которой сомкнул цепкие пальцы, унизанные перстнями, – я дождался, верно? Ты сделал всё, чтобы спасти свою малышку, но я... пират и знаю, когда нужно использовать силу, а когда – ждать. И я ждал слишком долго. О да. Даже позволил тебе спалить мой корабль, паршивец ты эдакий.

– Вильгельм! – сорвался голос Агаты.

– Вы посмотрите, кто к нам пожаловал, – он улыбнулся, хищно блеснули холодные, словно воды северного моря, глаза, когда он поманил её пальцем. – Рыбка моя, ну что же ты там стоишь, иди сюда. Иди-иди, пока я не свернул твоему ненаглядному шею. Он положил слишком много моих ребят, чтобы я оставался для него старым добрым другом. Да, Джонни? Ты ведь рассказывал Агате о нашем лихом совместном прошлом?

Он врёт. Этот пират всегда врёт.

Джонотан прикрыл глаза, и она не могла понять, собирает ли он силы для борьбы или магия Вильгельма уже одерживает верх.

– Ну-ка подойди, ди Эмери! – приказал Вильгельм, сорвавшись на окрик. – Моё терпение на исходе.

Агата на негнущихся ногах прошла через толпу пиратов, окруживших своего главаря. Те встретили её ожесточёнными

масленными взглядами и шёпотом, обещавшим самую извращённую расправу.

Они потеряли всё награбленное и корабль, многих убил Джонотан с командой.

Теперь пираты не остановятся ни перед чем.

Она остановилась перед Вильгельмом, вскинув подбородок и стараясь не смотреть на Джонотана. Тот был жив, и это главное. Она сделает всё, чтобы Вильгельм не посмел...

– Давно не виделись, рыбка моя, – Вильгельм разжал её сведённые судорогой пальцы, отрывая одну руку от канделябра, который она, оказывается, сжимала так, что побелели костяшки. – Что же ты молчишь? Не рада встрече?

Его губы мазнули по запястью – там, где отчаянно бился пульс.

– Ну-ну, не нервничай так. Жаль, конечно, что Джонни, милый мой Джонни, такой врун. Я тоже расстроен, моя дорогая. Мы договорились о честной сделке, но он решил, что может обхитрить старого пирата, забрать себе и девушку, и одного подлого торговца, и даже драгоценности.

– Отпусти его! – выдавила Агата, не отнимая руки, но сжимая её в кулак.

– Что-что? – Вильгельм в притворном изумлении приподнял брови. – Вы слышали? Отпустить его! Этот парень только что отправил к акулам десяток наших парней – и мою славную «Венценосную Мари». И, конечно, я должен отпустить его!

Пираты дёрнулись, будто желая кровавой мести прямо сейчас, но тут же подняли клинки все из команды «Дикарки» и охраны сокровищ ди Эмери – а их было немало. Но никто не торопился бросаться в бой, ведь их капитан был в лапах пирата.

Джонотан дёрнулся, но Агата не нашла в себе сил посмотреть на него. Он справится. Ногти впились в ладонь – останутся следы, но боль отрезвляла, заставляла сконцентрироваться на главном.

– Наша сделка, – проговорила она и отстранённо порадовалась, что голос хоть и прозвучал тихо, но не дрогнул. – Ты обещал мне любое желание.

Вильгельм её услышал. Выпрямился и оглядел с головы до ног. Тяжёлый, холодный взгляд задержался на обтянутых брюками бёдрах, скользнул по белой блузе с кружевом по вороту и пригвоздил к палубе,

пробрал сильнее, чем скабрзные шуточки. Но Агата стояла прямо, не отводя взгляд и сжимая одну руку в кулак. Другую оттягивал канделябр, но она ни за что не разжала бы сейчас пальцев на своём единственном оружии.

– Действительно. И что же ты хочешь, Агата?

Она вздрогнула, словно звучание её имени – впервые за всё время их «знакомства» – сделало сделку весомее. Ей весело не было и до этого, но теперь и Вильхельм перестал веселиться. Он выглядел хищником, злобной акулой, а она и правда была маленькой глупой рыбёшкой, заплывшей туда, где для неё было слишком глубоко. Но терять всё равно было нечего.

– Отпусти Джонотана, заberi свою шайку и уплывай. Ты уже потерял корабль и всё ценное, что на нём было. Но ты ещё можешь спасти свою паршивую жизнь!

Показалось, что где-то рядом маячит ещё корабль, но Агата смертельно боялась хоть на миг отвести взгляд от пирата – этот безумный может убить Джонотана ради веселья... и её эмоций.

Вильхельм холодно улыбнулся:

– Вот как. Но, крошка, я должен тебе желание, а не три.

Она почувствовала, как сердце бьётся где-то в горле. Тёплый ветер путался в её волосах, а солнце рассыпало весёлые блики на воде вокруг и грело кожу. Но Агате казалось, что всё внутри заледенело, она не выдержала и посмотрела на Джонотана, который стоял, замерев, и сглотнул – дёрнулся его кадык.

Медленно приоткрыв глаза, он нашёл её взгляд и будто улыбнулся – не улыбка, но её бледная тень. А ещё... незаметно указал взглядом на клинок, выпавший из рук убитого им пирата – до него было два шага.

– Не... трогай... её, – с явным трудом, но Джонотан проговорил слова по слогам, хотя, судя по всему, Вильхельм сражался с его магией и всё ещё одерживал верх.

Если Агата правильно поняла, Джонотан тянул время и давал ей возможность отвлечь Вильхельма.

– Мальчик мой, не шуми, – Вильхельм неожиданно улыбнулся, хотя на его висках тоже выступил пот: борьба с магией Джонотана явно не была лёгкой. – С этой маленькой рыбкой у нас действительно сделка. И, в отличие от тебя, она пока не нарушала договорённостей. А

что хочет получить больше положенного... мне даже нравится. Люблю дерзких.

Он ухмыльнулся и вновь оглядел её, склонив голову набок:

– Я бы спросил у тебя, какой вариант ты выбрала, но ты хочешь, чтобы я исполнил три желания, ведь так?

Джонотан дёрнулся, но магия, похоже, сковала крепко. Он поморщился, как от боли, на лице выступил пот, по лбу пролегла мучительная морщина, а челюсти были крепко сжаты. Он только тихо прорычал, сопротивляясь происходящему и мелко подрагивая, как если бы всё его тело сводило судорогой, которую он пытался подавить.

Агата незаметно сделала шаг ближе к клинку, не сомневаясь, что готова убить Вильгельма, чтобы прекратить эту пытку. Только как справиться с настоящей акулой?

Вильгельм остановил её жестом:

– Не торопись, рыбка моя. Джонни, мальчик мой, уж не знаю, что ты там подумал, но я, вообще-то, помню её малышкой. Нежной розовощёкой малышкой, которая очень меня боялась и искала утешения у тебя. А теперь посмотри, какая она стала. Это восхищает, не правда ли? Даже больше, чем то, какой она стала соблазнительной.

Он вновь окинул её взглядом:

– Забавно, что если бы ты не попала, то всего этого бы не было. Правду говорят, женщина на корабле – к беде. Отцу твоему я бы мстил, но одна человеческая жизнь – и реки крови... Как много власти у женщин. Я даже подумываю согласиться на не очень-то выгодную сделку.

– Договорились? – Агата резко протянула пирату дрожащую и напряжённую ладонь, продолжая искоса следить за Джонотаном.

Ещё шаг – и она бросится и схватит вместо канделябра саблю.

– Ты мне нравишься, рыбка моя. Нет ничего более приятного, чем достойный противник. Даже жаль, что ты не хочешь присоединиться ко мне. Не хочешь? Жаль-жаль. Но всё-таки я ещё раз пойду тебе навстречу в знак моего особого расположения. Твои три желания – мои три условия.

Вильгельм заметил наконец её движения и демонстративно наступил ногой на саблю, к которой она так стремилась. И улыбнулся – нагло, издевательски.

Своей рукой он снова сжал горло Джонотана, и лицо последнего смертельно побледнело. Она мало знает о том, как на самом деле действует магия, вдруг Вильхельм заставит сердце Джонни остановиться навсегда?!

Агата замерла, задыхаясь. Она не думала, что придётся выполнять все три условия, не была к этому готова, но Вильхельм выкрутил так, что одно выполненное условие не поможет. Слёзы застилали глаза, и она поспешно моргнула.

– Нет? Ну что ж, тогда...

– Ты отпустишь отца, Джонотана со всей командой и кораблём, дашь нам уйти, – срывающимся голосом потребовала Агата, кровь стучала в ушах, а перед глазами всё расплывалось. – Никто не пострадает.

– Мне нравится, как ты торгуешься. Ты ведь понимаешь, что я могу сейчас передумать?

– Я думаю, что ты хочешь отомстить за что-то моему отцу, – прошептала Агата, – но ты сам предложил три желания в обмен на три твоих условия.

– И ты согласна? – он наклонился к самому её лицу, жадно вглядываясь в глаза и, кажется, в самую душу. – Ты правда согласишься на все три условия? Ты помнишь их, правда?

Она промолчала, кивнув в знак согласия, чувствуя, что голос её предаст, и не отводя взгляд.

– Какая жертвенность, – он покачал головой. – Это даже красиво, мне нравится. Будет жалко тебя сломать, но уговор есть уговор. Я отпускаю Джонотана, оставляю в живых твоего подлого папашу, забираю своих парней и ухожу... на этом корабле, правда, потому что твой мальчик уничтожил мой. Но это всё такие мелочи, ведь Джонотан и твой отец будут живы, правда?

Агата судорожно кивнула, слёзы застилали глаза, а страх мешал думать трезво. Что угодно, лишь бы он не убил Джонотана у неё на глазах, – а он может это сделать!

– Ну и ты, крошка, уйдёшь со мной. Ведь исполнять мои желания тебе придётся лично... – Вильхельм мечтательно улыбнулся. – Это будет интересно. Эй, спустите шлюпки для капитана ди Арса и его нанимателя! Они отправятся в путешествие.

Джонотан не подавал признаков жизни, всё его тело напряжённо застыло, вены на шее вздулись, а глаза под веками быстро дергались. Агата ждала момента, когда Вильхельм хоть на миг потеряет бдительность. Она разmozжит ему голову этим канделябром без тени сомнений. Только бы один маленький шанс.

Шлюпки спустили на воду, и Вильхельм уже собрался спихнуть в одну из них Джонотана, но паруса двух кораблей, что приближались к ним, явно нарушили его планы. Агата силилась понять, кто это, и её сердце забилося быстрее, когда она разглядела на флагах цвета Шарракума.

– Твою мать! – Вильхельм выглядел зло. – Что ж, рыбка моя, наши торги немного затянулись.

– Уходим, капитан, – потянули пираты, вынуждая Вильхельма принимать решение быстро. – Это береговые...

– Предлагаешь взлететь? – грубо рявкнул Вильхельм и вдруг снова улыбнулся. – Нет, это невежливо. Подождём гостей и встретим со всем теплом и лаской. Агата, иди ко мне, не бойся. Твой мальчик останется жив.

Агата сделала шаг вперёд, протягивая руку к Джонотану в неосознанном желании коснуться, поддержать. Словно это могло как-то ему помочь. Но Вильхельм перехватил её руку, дёрнул на себя так, что она покачнулась и повалилась бы на него, если бы он не удержал за талию, рука скользнула на бедро.

– А теперь, рыбка моя, ты будешь молчать, – прошептал он на ухо. – Одно неверное слово или лишнее движение, и я просто сверну твоему Джонни шею.

Агата стояла не шевелясь, в оцепенении, отстранённо отмечая, как зашевелились пираты, как на лицах команды «Дикарки» за ожесточением мелькает надежда, как её собственное заполошно бьющееся сердце замедляется, выравнивается дыхание.

Она стояла напряжённая, как струна, пытаясь понять, что будет дальше. Береговая охрана – это ведь хорошо? Они арестуют пиратов, больше никто не погибнет. И Вильхельм получит по заслугам. Вот только?

– Думаете обменять меня на свободу, – вскинулась она, делая попытку отойти в сторону.

– Сообразительная рыбка, – шепнул ей на ухо Вильхельм, его пальцы больно сжали бедро.

Корабль качнуло в очередной раз, два корабля состыковались бортами. Скоро перекинули сходни, и на корабль, словно чёрные тени, ловко перебрались с два десятка человек. Смуглые лица, бесстрастные взгляды, они неуловимо быстро рассредоточились по палубе и замерли, ожидая, пока высокий мужчина в сопровождении уже знакомого Агате посла Хайрата ибн Али неторопливо приблизится к ним.

Глава 17

Восток – дело хитрое

Прибывший мужчина казался спасением – полное добродушное лицо, тёмные пронизательные глаза, круглые, похожие на спелые вишни. Он бесстрастно оглядел окровавленную палубу, скользнул по её лицу, задержавшись взглядом лишь на мгновение – слегка нахмурился, заметив, что Вильхельм прижимает Агату к себе. Она снова дёрнулась и успела уловить едва заметный кивок, адресованный Хайрату.

– Как вовремя вы прибыли! Рад приветствовать вас на своём корабле, господин Акрам али Асад! – голос Вильхельма сочился доброжелательностью. – Да будут ваши дни светлы, как солнце в этих краях.

Агата дёрнулась, не в силах сдержать изумление и шок. На своём корабле?! Жёсткие пальцы больно впились ей в бедро, а магия хлестнула болью по всему телу.

– Мир вам, добро пожаловать на берега, – всё так же без эмоций кивнул Акрам али Асад, произнося слова с сильным акцентом. – С кем имею честь?

– Капитан Джонотан ди Арс, – проговорил Вильхельм. – Вы прибыли вовремя: моя команда храбро сражалась, и я рад передать в руки правосудия этого пирата.

Он резко толкнул Джонотана вперёд. Агата дёрнулась было к нему, но Вильхельм удержал её крепко и своим даром сковал тело. А Джонотан в последний момент стряхнул с себя гнетущую его магию и успел подставить руки, чтобы не разбить лицо о палубу.

– Он лжёт! – голос прозвучал хрипло, но поднялся на ноги Джонотан медленно и уверенно. – Джонотан ди Арс – это я, а он – пиратский подонок, дважды напавший на наши суда. Вся команда подтвердит вам это.

Агата почувствовала, как всё плывёт перед глазами от облегчения: он в порядке! Они все теперь будут в порядке. Отец жив, Джонотан, её Джонни, – тоже, и ничего непоправимого не успело случиться. А Вильхельм, хоть и пытается пойти напролом, получит по заслугам.

Она вырвалась из рук Вильгельма, желая встать рядом с Джонотаном, но пират перехватил её за запястье и дёрнул на себя.

– Как легко обвинить невинного, не правда ли? – проговорил Вильгельм, криво улыбнувшись. – Чего не скажешь, чтобы спасти свою паршивую шкуру! Я рисковал жизнью, чтобы спасти эту девушку и её отца из его рук.

Вильгельм почти нежно отвёл с лица застывшей Агаты выбившиеся из косы волосы. Блеснули на ослепительном солнце многочисленные перстни на его пальцах. Прядь волос зацепилась за один из браслетов, и Агата поморщилась от боли, когда Вильгельм убрал руку.

Терпеть эту отвратительную ложь было невыносимо, но она с ужасом чувствовала, что не может толком шевелиться. Почему его ещё кто-то слушает!

– Господин Хайрат! – напрягшись изо всех сил, она обратилась к знакомому послу: – Вы же знаете, что этот человек врёт! Вы же были на приёме!

– Видите? – проговорил Вильгельм, впиваясь пальцами ей в руку, а другой указал на Джонотана. – Он влиял на неё магией и заставлял смотреть, как пытал её отца! Бедняжка напугана и не понимает, что говорит. Велите привести кириоса ди Эмери, он был без сознания после пыток, но думаю, мой доктор уже привёл его в чувство, и кириос сможет подтвердить мои слова.

Что он сделал с ним, раз надеется, что отец оправдает лжеца?!

– Раз в деле замешана магия... – Хайрат начал неторопливо прохаживаться перед ними, пока его вооружённые люди оцепили весь корабль. Говорил он на энарийском гораздо лучше, чем начальник береговой охраны, почти чисто, – то мы не можем судить вас прямо здесь. Господин Акрам али Асад, пусть же лучшие ваши паладины заберут всех на берег и обезвредят на время всех одарённых. Мы обязательно выясним, в чём тут дело, и очистим прибрежные воды Шарракума от гнусных разбойников. А пока мы с госпожой ди Эмери, – он протянул Агате ладонь и требовательно потянул к себе, – отправимся во дворец, как и было оговорено.

Агата бросила быстрый взгляд на Джонотана, который из последних сил стоял на ногах, но яростно сверлил пирата взглядом.

Вильхельм, подчиняясь Хайрату и его внушительной силе в сотню таинственных воинов в чёрном, неохотно выпустил её из своей хватки.

Она готова была поклясться, что Вильхельм не собирался уступать Хайрату, злость, казалось, расходилась от него физически ощутимыми волнами, но силы были явно неравны, а ложь пирата и вовсе зависела от слова этого восточного предателя.

Но Хайрат ибн Али был ещё настойчивее, и Агата будто влипла из одной паутины в другую – и ещё хороший вопрос, кто из врагов был опаснее! Если с Вильхельмом и его нравом она познакомилась достаточно, то этот посол-колдун бросал в трепет оттого, что был так непредсказуем.

Предатель!

Они говорили с ним совсем недавно. Он отправился из её дома сюда, клятвенно обещая отцу и ей выгоднейшую сделку и самые прекрасные условия встречи, но тут же поверил пирату и забыл всё, что ему невыгодно!

– Капитан, – невозмутимо обратился Хайрат к Вильхельму, бросив, правда, взгляд и на Джонотана, будто проверял его реакцию. – Кажется, вы должны были доставить ещё кое-что ценное.

«Ещё кое-что ценное» звучало так, словно саму Агату присовокупили к товару, который надо было просто сгрузить вместе с другими вещами, и она с трудом удерживала бушующий внутри гнев и ярость.

Но взгляд Джонотана, твёрдый и несломленный, внезапно охладил её пыл. Агата не слушала слова Вильхельма и смотрела только на мужчину, которому больше всего хотелось отдать сердце, с которым стоило сбежать ещё давно – бросив все свои надежды и обязательства! Они были бы свободны!

Джонотан, окровавленный и едва живой, позволил скрутить себе руки, но продолжал прятать в уголках губ улыбку и расправил плечи, как только его оставили в покое.

– Вы, должно быть, об этой вещице? – Вильхельм вытянул вперед руку, демонстрируя запястье с множеством браслетов – среди грубых полосок кожи и деревянных, чёрных бусин блеснула на солнце золотая цепочка.

Хайрат криво улыбнулся, скрывая явное недовольство, что ценная для него вещь оказалась на Вильхельме:

– Рад, что вы сумели её сберечь. Кирия, – он неожиданно подтолкнул Агату к Вильхельму, подавляющая магия отпустила на мгновение, – будьте так любезны, помогите капитану снять браслет и передайте мне.

Агата замерла, не в силах пошевелиться и заставить себя приблизиться к Вильхельму. Да никогда в жизни! Неужели у Хайрата мало слуг, чтобы сделать это?

– Кирия ди Эмери, не заставляйте меня повторять мои просьбы, – голос Хайрата вместе с его магией словно хлестнул. – Вы показались мне достаточно благоразумной, надеюсь, что первое впечатление было верным.

Агата сжала зубы, отгоняя подкатывающую тошноту. Хотела же приключений, вот получай.

Она бросила взгляд на Джонотана; даже со связанными руками, он не был сломлен, вот и она постарается. Они хотя бы все живы, а что до унижительного положения... Пока она сама не решит, что сломлена, никто не сможет этого сделать.

Агата вскинула подбородок и быстро подошла к Вильхельму. Пальцы, к счастью, не дрожали, и маленький замочек, хитро спрятанный в плетении браслета, больше похожего на изящную золотую цепочку, легко поддался.

– Жаль, что наша сделка не состоялась, – прошептал ухмыляющийся Вильхельм так тихо, чтобы слышала только она, – я бы предпочёл, чтобы ты сняла с меня не только этот артефакт.

Артефакт? Агата вскинула на него взгляд, Вильхельм смотрел пристально, впрочем, как и всегда.

– Удачи тебе, рыбка, – ухмыльнулся он, и ей ничего не оставалось, как отойти, сжимая тонкую цепочку в руке.

Хайрат забрал у неё браслет, один из многочисленных слуг почтительно поднёс небольшую шкатулку, которая перекочевала куда-то в складки одеяния Хайрата уже вместе с цепочкой.

Значит, артефакт. И несложно догадаться, что Вильхельм отнял его у отца. Так вот что отец прятал, увозя из монастыря?! Агата почувствовала, как злость на отца и его тайны смешивается с сочувствием к нему. Вильхельм явно вывернул из него всю душу. Но сначала – спасти бы себя!

– Вот теперь мы точно можем отправляться, – Хайрат прервал её мысли и позволил себе довольно улыбнуться.

– Я бы хотела прежде привести себя в порядок, с вашего позволения, – попросила Агата, надеясь, что ей позволят вернуться в каюту, и она сможет хоть что-то узнать у отца. К тому же стоило взять с собой Элен. Девушке её статуса не полагается появляться на людях без сопровождения.

– Вас примут наилучшим образом в доме господина Орхана, да будут долги и благословенны его дни и горячи ночи. Нам необходимо поторопиться.

– Но что с моим отцом? И вы же знаете, что этот, – она кивнула на Вильгельма, – не капитан ди Арс!

– Кирия ди Эмери, – Хайрат подался к ней, рука легла на её плечо словно бы в ободряющем жесте, вот только её пронзило болью от магии: на секунду показалось, что руку прижгло калёным железом, – позвольте совет: вы здесь в гостях, а в наших краях ценятся женщины не только красивые, но и покорные и мягкие. Уверен, в вас есть всё, что господину Орхану необходимо от его невесты, не правда ли?

Агата сжала зубы и кивнула, выдавив улыбку. Вот лицемерный урод! И отец ещё говорил, что она должна быть благодарна?

– Тогда мы незамедлительно отправляемся. Об отце не беспокойтесь, его тоже сопровождают к господину Орхану самым почтительным образом.

Последнее прозвучало скорее как издёвка, но Агату успокоило хотя бы то, что отец будет с ней в одном доме. Или дворце? Кто такой вообще этот Орхан? Всё, что она знала – что он должен был стать партнёром отца, ну и её мужем. Торговец тканями и драгоценностями, давние связи, но поставок с Востока раньше точно не было. И никаких подробностей. Она не знала, к чему ей готовиться. Да она даже не знала, сколько Орхану лет!

Агата позволила увести себя с палубы, бросив последний, долгий взгляд на ободряюще улыбнувшегося ей Джонотана. Если бы она могла ему помочь! Но, кажется, она и себе пока помочь не в силах. Хайрат прекрасно знает, кто есть кто, но ему, похоже, есть дело только до таинственной цепочки.

На берег её доставили в шлюпке. И Агата даже порадовалась, что была в удобных брюках. Пусть она была одета неподобающе для

высокородной леди, да ещё и в восточной стране, но зато ей самой было так куда комфортнее и спокойнее. А всё, что у неё осталось – похоже, возможность держаться с достоинством.

Когда уже на берегу мужчинам, в том числе и Хайрату, подвели великолепных лошадей, а ей было указано на паланкин, который должны были нести шестеро слуг, она даже не возразила. Молча забралась в душную, пахнущую тяжёлыми благовониями повозку, позволив себе только долгий пристальный взгляд на Хайрата. Тот, кажется, почувствовал себя неуютно, во всяком случае, взгляд отвёл первым. Маленькая победа таковой, конечно, не была, но немного подняла Агате настроение. У неё была она сама, и она попробует справиться. Возможно, с планом отца и была согласна та Агата, которая уплывала из дома в своё первое большое путешествие, но всё, что произошло в море, как она сама чувствовала, изменило её.

Раньше она, скорее всего, отреагировала бы куда спокойнее и на рабов, и на тесный паланкин. Женщины на Востоке, наверное, так и передвигались: закрытые от лишних взоров, на плечах полуобнажённых сильных слуг, чьи тела лоснились от пота на жаре, в завешанных тонким, расшитым блестящими нитями шёлком коробках. Но она была гостьей из другой части мира. Неужели не было обычного экипажа?

Агата поджала под себя ноги – только так можно было не биться головой о потолок и осторожно выглянула, отодвинув ткань паланкина, в надежде хотя бы увидеть город, в который попала.

Её надеждам не суждено было осуществиться: Хайрат, который, как оказалось, ехал рядом верхом, издевательски улыбнулся, словно только и ожидал этого момента:

– Любопытство не поощряется в наших краях. Вы обо всём узнаете, когда придёт время, кирия ди Эмери.

Агата против воли вспыхнула и задёрнула ткань, чудом её не оборвав.

Лицемерный, наглый тип. Она вздохнула, пытаясь успокоиться, тяжёлые благовония пощекотали ноздри. Да даже привыкшая к жаркому климату родных корсакийских островов, она потеряет сознание, если сейчас же не вдохнёт свежего воздуха!

Она сдвинулась немного в сторону, чтобы оказаться ближе к занавесам с противоположной от Хайрата стороны, и осторожно

отодвинула самый краешек.

Выглядывать наружу совсем открыто было бы опрометчиво: насколько она знала, женщины в общественных местах Ануара должны прятать лицо до замужества. После брака свободы становилось больше, если, конечно, позволял супруг.

Спасибо отцу за то, что приглашал к ней и Джонотану учителей. И пусть Агата изучала только то, что, по мнению отца, было необходимо леди, она всегда находила способ попасть на занятия к Джонотану или стащить его учебники. А что-то он и сам с радостью ей рассказывал.

Агата, покачиваясь в такт движениям паланкина, вспомнила, как порой искоса подглядывала за ним, сидящим перед книгой и кусающим кончик пера. Тёмные взлохмаченные пряди падали на лоб так, что до ужаса хотелось подойти и поправить, но она знала: стоит приблизиться – и он обожжёт взглядом карих глаз, вечно насмешливых и дерзких.

Она была юна, но уже тогда амбициозна: отец часто и много говорил о торговле, уделяя куда больше внимания деловым партнёрам, нежели ей. При этом никто особо не следил за ней, под запретом был только рабочий кабинет отца, и Агата незаметно присутствовала и в гостиных и даже в курительной комнате, где мужчины, часто задерживаясь после ужина, обсуждали дела. Если гости отца и удивлялись первое время, то после привыкали и не обращали внимания на девушку, тихо читающую и практически незаметную.

Но Агата слушала и наблюдала, следила за лицами.

Подруг у неё не было, отец периодически устраивал приёмы дома, как того требовали правила высшего общества, но для Агаты это были поверхностные знакомства – вежливые разговоры ни о чём в блестящих гостиных и приветственные кивки на прогулках в парках. А Джонотан был всегда рядом. И его общество не было ни мимолётным, ни запретным... поначалу.

Так опрометчиво отец принял его почти что в семью и позволил жить и учиться рядом – ведь когда они повзрослели, мыслей об учебе стало гораздо меньше и сосредоточиться удавалось с трудом.

...Ведь перед глазами так и стояло лицо Джонотана, и его губы, кусающие задумчиво гладкий краешек пера, а больше всего на свете хотелось, чтобы они прикоснулись к ней. Чтобы он однажды

остановил в коридоре, прижал к стене и признался, что и сам не может спать, не думая о ней.

Она была влюблена в него до дрожи в пальцах и комка в горле, когда понимала, что никогда не сможет сказать это вслух. И даже сейчас – до сих пор не призналась! Джонотан... Агата с силой сжала в руках тонкую ткань занавеси, удерживая рвущееся изнутри отчаяние. Всё ли с ним в порядке? Сумеет ли он доказать, что Вильхельм врёт?!

Сердце сжималось от тревоги, но Агата заставила себя собраться и вспомнить всё, что знала про загадочный Ануар. Они прибыли в столицу – Шарракум. Здесь процветала торговля, порт привлекал выходцев из самых разных стран, что делало нравы мягче, а законы менее суровыми, по сравнению с остальной страной. Законы были строги и здесь, но она уж точно ничем себя не скомпрометирует, выглядывая из-за занавесок.

Агата надеялась разглядеть улицы, возможно, даже запомнить путь от пристани до дома господина Орхана, но паланкин со всех сторон окружили всадники, поэтому ей пришлось довольствоваться видом на верхние этажи простых домов терракотового цвета с причудливыми, украшенными мозаикой и искусной лепниной башенками ветроуловителей-бадгиров.

Из уроков Агата помнила, что такая простая конструкция могла отлично охлаждать помещение без всяких амулетов: за счёт воздушных потоков, проходящих через охлаждённые подвалы помещений, воздух внутри вентилировался и остывал, а излишнее тепло через эти же башни выходило наружу. Они радовали глаз и оживляли однообразие построек, но сложно было поверить, что хоть что-то здесь может принести прохладу. Ветра не было вовсе, в плотном влажном воздухе пахло чем-то пряным, кажется, жареной рыбой и умопомрачительно – свежим хлебом, отчего сразу же захотелось есть. К привычным запахам примешивался растекающийся сладкий дурман благовоний и дым кальянов – такой тяжёлый и душный, что Агата чихнула и поспешно отпрянула от занавеси. Ужасно хотелось сменить наряд с облегающего на что-то воздушное и свободное, что позволило бы воздуху остужать кожу.

Выждав немного и убедившись, что никто из сопровождающих не обратил на неё никакого внимания, она вновь выглянула.

Острые тени неподвижных пальмовых листьев серыми полосами расчерчивали гладкие стены. Внешне аскетичные дома, кажущиеся вырезанными из картона на фоне яркого голубого неба, чередовались с более богатыми. Эти не лепились так тесно друг к другу, и через высокие, тоже ничем не украшенные снаружи сплошные каменные ограды свешивалась пышная зелень и цветы, больше похожие на диковинных птиц, а не на растения.

На улице, кажется, было оживлённо – продвигались они медленно, и до Агаты доносились обрывки разговоров на ануарском. Она попробовала разобрать хотя бы отдельные слова, но получалось плохо, потому что в жарком воздухе стоял многоголосый гул, смешивающийся с цокотом копыт, судя по звуку, по булыжной мостовой. Что ж, ей ещё представится возможность проверить, насколько хороши были её учителя.

Вскоре они свернули на более узкую улицу, по бокам которой впритык друг к другу стояли дома. Кажется, богатые, потому что зелень за оградами и даже в немногочисленных маленьких окнах стала встречаться всё чаще. Здесь было тихо, только эхом отражался от стен перестук лошадиных копыт.

От неудобной позы заломило всё тело, и Агата села поудобнее, подтянув колени к груди и положив на них голову. И без того уставшая, она прикрыла глаза и не заметила, как задремала под мерное раскачивание паланкина.

Глава 18

Он – не мой господин

Очнулась Агата от того, что носилки опустили на землю, и она чуть не вывалилась, пребольно ударившись локтем о деревянный столбик. Ворох шёлковых занавесей ничуть не смягчил удар, и она едва успела принять невозмутимый вид, когда они отодвинулись, и Хайрат, расплываясь в улыбке, подал ей руку.

Чувствуя слабость после сна в неудобной позе и лёгкую растерянность, она приняла руку посла без задней мысли и зашипела от боли, совершенно не готовая к тому, что по всем нервным окончаниям будто бы прокатился огонь.

– Рад, что вам так понравились виды Шарракума, – улыбнулся Хайрат, помогая ей встать на ноги. – Однако на будущее учтите, что, вплоть до самой свадебной церемонии, никто из мужчин не должен видеть вашего лица.

– Кроме вас, разумеется? – не сдержалась Агата, вырывая руку и радуясь, что боль сразу же исчезла и она смогла разглядеть что-то вокруг кроме лица и глаз посла.

Они оказались не просто у большого дома богатого господина – это здание куда больше было похоже на дворец. Высокие каменные стены, из-за которых возвышалось буйство зелени и цветущих деревьев, окружали мраморное здание с высокими колоннами.

Ворота были распахнуты, и причудливо петляющие дорожки так и звали ступить в этот благоухающий прохладой и свежестью сад. Словно пёстрый, полный жизни оазис посреди жёлтокаменной пустыни.

Хайрат покачал головой, тонко улыбаясь, глядя куда-то ей за спину:

– Фадия, твоя новая подопечная – кирия ди Эмери, обещанная господину Орхану, да будут долги и великолепны его дни.

От ворот к Агате подошла, переваливаясь с ноги на ногу, полная женщина с убранными под фиолетовую шаль волосами. Ей было лет сорок, но от сурового выражения лица уже сейчас у рта и на лбу

пролегли морщины. А глаза – чёрные, подведённые сурьмой, – и вовсе кидали в дрожь.

– А, новенькая... – пренебрежительно сказала через губу Фадия, оценив Агату с ног до головы так, как на базаре выбирают лошадь подороже. Женщина заворчала по-ануарски, и Агата отчасти перевела, отчасти догадалась о смысле: – Переодеть, отмыть – может, и сгодится, о, смилуйся, господин, над не ведающей душой.

Когда Фадия схватила её за руку и потащила за собой, Агата вывернулась и крикнула Хайрату:

– Куда вы меня ведёте? Дайте поговорить с отцом! Я хочу убедиться, что он в порядке!

Зная Вильгельма, можно было предположить, что тот подвергнул отца пыткам и издевался, лишь бы узнать про эту загадочную цепочку!

Хайрат не ответил, только дал знак Фадии, пренебрежительно потряхнув пальцами.

– Сюда! – рявкнула женщина на энарийском. – Сюда, говорю! И молчи, пока не спросили! Позор, какой позор! – Фадия разразилась тирадой на своём языке, наверняка имея в виду брючный наряд Агаты, а потом больно схватила за запястье и попыталась уволочь вставшую столбом Агату к дальним воротам.

– Отпустите! – рявкнула Агата, доведённая до белого каления, и приготовилась бороться за свою свободу и гордость до последнего.

Но стоило Хайрату скрыться за поворотом, как железная хватка Фадии мигом ослабла. Агата даже споткнулась, не поверив, что желанная свобода далась ей так легко, и хотела было броситься следом за ним, но Фадия, пусть и неожиданно мягко, удержала:

– И куда бежишь? Неприятностей хочешь? – Фадия сокрушённо покачала головой. – Молодая да порывистая... Что птичка. Ну-ну, не сверкай глазами так сурово, я и так вижу, что хороша.

Фадия улыбнулась мягко, весёлые морщинки в уголках её чёрных глаз сделали полное лицо добродушным и открытым, и Агата замерла, не зная, как реагировать.

– Я должна увидеть отца!

– Ну так увидишь! Ты на себя посмотри, – Фадия подтолкнула Агату к воротам. – Какого мужчину ты сможешь убедить, если похожа на оборванку? Ох, птичка, послушай Фадью, умойся и отдохни.

Она настойчиво потянула Агату вглубь сада, та даже споткнулась от такого напора.

– На ногах не держишься, – поцокала Фадия, подхватывая её под локоть. – Откуда ты такая?

– Из Энарии, мой родной город – Варда, на юге, – ответила Агата, перестав вяло сопротивляться и позволяя провести себя в глубину сада к массивным воротам, охраняемым двумя юношами.

Фадия что-то коротко и резко скомандовала. Агата не разобрала слов и подумала, что это больше похоже на какую-то кодовую фразу, словно магическое слово, открывающее двери в сокровищницу из детской сказки. Вот только чувствовала она себя вовсе не в сказке, когда за её спиной с гулким лязгом захлопнулись обитые толстыми листами железа створки.

подавив дрожь и чувствуя себя слишком уставшей для расспросов, словно последняя вспышка с просьбой отвести её к отцу лишила остатков сил, Агата покорно шла за Фадией.

Дородная женщина перемещалась на удивление проворно для своих пропорций и буквально летела по мощённой крупным камнем, петляющей в пышной зелени дорожке, огибающей холм и весьма круто взбирающейся наверх.

Они миновали дышащий свежестью зелёный коридор пышно разросшегося винограда с тяжёлыми, налитыми соком гроздьями и вышли на небольшую площадку на холме, спускающемся к морю.

Агата жадно вдохнула свежий, горчащий солью на языке воздух и, стиснув пальцы, взгляделась в далёкие волны, словно ожидала увидеть там, на горизонте, знакомые паруса «Госпожи Дикарки». Пена с шипением растекалась далеко внизу, но мерный рокот долетал и сюда – словно свободное дыхание огромного зверя.

– Что ты замерла на солнцепеке? – Фадия развернула её за плечи спиной к морю. – Марш в дом! Ты не смотри, что Фадия добрая. Фадия, конечно, тебя научит управлять всеми этими мужчинами, птичка. Видит солнце, да не опалят нас его лучи, тебе это нужно. Но не будешь слушаться, накажу!

И она вновь схватила её за запястье и поволокла в дом. Вид у неё при этом вновь стал суровый, и Агата с тоской подумала, что хоть та её и назвала птичкой, вот только улететь она может так же, как уплыть, когда была рыбкой на корабле Вильгельма.

– Вы знаете, где мой отец? И где Джонотан? – пропыхтела Агата, шагая за быстро идущей Фадией, которая практически тащила за руку.

– Джо... Джоно... тан? – попробовала повторить незнакомое слово Фадия, обернувшись.

– Капитан нашего корабля, который привёз нас сюда, в Ануар. С ним договаривался мой отец, заключивший сделку с Орханом. Вы должны знать! – отчаянно просипела Агата в ответ на невозмутимое и непонимающее лицо Фадии. – Капитан Джонотан ди Арс, которого несправедливо обвинили в пиратстве, это ложь! Джонотан сделал всё, чтобы спасти меня, – Агата зло добавила, видя, что Фадия не реагирует на её слова: – Он – самый красивый мужчина и капитан на свете, и он...

Фадия дёрнула её за руку.

– Самый красивый мужчина на свете – твой новый господин Орхан аль Гаффар, милосердный и всепрощающий, самый великодушный и могучий, властитель всех богатств. Милочка, запомни это и не вздумай говорить иначе.

– Он не мой господин! – возмутилась Агата.

– Это мы ещё посмотрим, – загадочно улыбнулась Фадия и больше ни на один вопрос отвечать не стала.

В конце концов она привела Агату в большой зал и выпустила на свободу. Свободой это, конечно, можно было назвать относительно: в прохладном зале с множеством резных колонн, удерживающих куполообразный мозаичный свод, сидели на лавках у стен и на мраморных ступенях вокруг небольшого бассейна десятков девушек в разноцветных нарядах разной степени откровенности. Значит, она попала в гарем? Если этот Орхан не султан, то явно кто-то приближённый к нему, раз может позволить себе такую роскошь – содержать множество наложниц.

– Позаботьтесь о юной госпоже, – отдала приказ Фадия, и мигом парочка девушек в простых серых платьях вскочила со своих мест и приблизилась к Агате. – Отведите в хаммам, отмойте и переоденьте, чтобы она сверкала, как ярко начищенный алмаз. Нам надо будет удивить повелителя – и удивить приятно, – добавила Фадия на ануарском.

Агата застыла на месте, позволив двум служанкам – а это явно были служанки – щебетать и рассматривать её диковинный и ужасный

для Востока наряд – брючный костюм на женщине, позволяющий разглядеть мужчинам всё тело!

Как будто рубашка из столь тонкого полотна, что грудь казалась вовсе не прикрытой, да свободные шаровары из шёлка на ближайшей девушке, кормящей рыбок в бассейне и поглядывающей на Агату с любопытством, были лучше!

От всего пережитого, от ужаса пиратского плена, от последующего сражения и предательства Хайрата пришёл ступор. Хотелось замереть, закрыть глаза и не видеть того, что происходит. Чтобы весь этот сумасшедший мир вокруг неё тоже застыл и перестал раздирать на части: часть сердца болела за отца, часть за свою собственную судьбу, а ещё оно рвалось от одной мысли о Джонотане, которого обвинили так несправедливо.

Сдаваться неправильно, она не должна... но и сил бороться со всем миром сейчас не было. Если кто-то от страха может бежать, кто-то – нападает в ответ, то она снова, как тогда в комнате, куда забрался Джонни со вторым чулком, замирала, затаив дыхание.

Ладно, она выяснит всё что можно, прежде чем будет действовать. Ей явно не расскажут про отца и про Джонотана просто так, но разузнать побольше можно и в этом хаммаме. К тому же, среди всех этих величественных колонн и блеска, украшенных золотом мозаик, она сама себе казалась оборванкой. Да в родной Энарии от неё бы шарахались на улицах, появившись она в том виде, в котором была сейчас, после всех злоключений!

Служанки повели её по коридорам, из одних дверей в другие, пока не добрались до зала на самом нижнем, подвальном этаже. И, несмотря на усталость и растерянность, Агата отмечала и забранные решётками окна, и стражников, стоящих практически у каждой двери.

В небольшом, сплошь отделанном белым мрамором зале царил приятный после палящего солнца полумрак: из пары крошечных круглых окошек под потолком был виден край земли и небо. В нос ударил влажный воздух, тепло окутывало тело так, что хотелось и правда выдохнуть и расслабиться.

– Какая белая, – удивлённо пробормотала девушка на ануарском, и это Агате было понятно: служанка с таким удивлением рассматривала её кожу, помогая снять одежду.

– Как молоко, – хихикнула вторая, пухлая и явно любящая поесть, и добавила что-то неразборчивое, опустив голову, когда случайно встретила с Агатой взглядами.

Кажется, их искренне радовало разнообразие в цветнике Орхана, который тот получит в самом скором времени. Ещё одно украшение для услады глаз. И ничего о том великом союзе и важной сделке, о которой толковал отец. Его самого будто списали со счетов? Не продал же он её в самом деле ради того, чтобы Агата стала тридцатой наложницей без права голоса?

Нет, Орхан явно обманул и отца, а может, и Хайрата. И это обязательно нужно выяснить как можно быстрее. И спасти Джонотана от ложного обвинения. А значит, стоит попасть к Орхану во всеоружии.

Агата позволила себя раздеть догола и прошла в парную, где клубы горячего воздуха скрывали всё на расстоянии вытянутой руки. На пару мгновений показалось, что она задыхается – так крепко окутал царящий тут жар, и Агата повернулась к выходу, но её ухватили за руку и успокоили.

Девушки, сами оставшиеся в тонких простынках на голое тело, споро расстелили белую ткань на горячий мраморный камень посреди парной и жестами пригласили Агату улечься прямо на него.

«Как можно любить жару, когда живёшь в таком жарком климате?» – промелькнула у неё мысль, но тут же исчезла, когда тепло камня перестало обжигать и начало плавно пробираться в тело, до самых глубоких мышц, расслабляя и отпуская всё напряжение.

Девушки принесли ещё пару кадок с водой, добавили в них что-то, отчего густая пышная и ароматная пена поднялась над деревянными краями. Агата зажмурилась, когда четыре руки принялись тереть тело мочалками, нанося такую пышную пену, что вскоре ни самой Агаты, ни служанок толком было не разглядеть, а пар в комнате стал ещё гуще.

Волосы промыли ароматным настоем и ополоснули прохладной розовой водой. Тонкий запах пощекотал ноздри, напоминая о розах, оплетающих её балкон и, должно быть, все ещё буйно цветущих далеко дома.

Горький комок подкатил к горлу, но умелые руки растёрли по распаренной коже душистое масло, ещё больше расслабляющее тело.

Агата даже почувствовала, словно может заснуть прямо тут на этом горячем камне, окружённая мягкостью, заботой и невероятными ароматами восточных масел – густой, сладковатый с ноткой остроты запах амбры, орегано, ванили и экзотичной, непривычной смеси специй, казалось, ласкал обнажённую, распаренную кожу и дурманил разум.

Интересно, каждая ли наложница удостоивается такой чести – или всё-таки к Агате будет особое отношение? Надо отыскать... Фадию и заставить рассказать, чего от неё ждут. Эта надзирательница точно может пойти навстречу.

– Неужели господин Орхан сегодня же позовет её к себе?

– Эту? – служанка нежно, едва касаясь, втирала в плечи пахнущее чем-то тяжёлым и пряным масло.

От запахов и жары кружилась голова, и Агата лежала, упираясь лбом в скрещенные руки. Казалось, что она балансирует на тонкой грани между явью и сонной дрёмой и того и гляди провалится в беспомыслие.

– Ты разве не слышала, как давеча Фадия обсуждала с Курбаном, что это та самая девушка... – дальше было что-то нечленораздельное... – Которая должна... и этот артефакт?

Опять этот артефакт! Чем же так примечательна тонкая цепочка, что Хайрат из-за неё нарушил все договорённости и оболгал невинного человека?

Чужие руки на мгновение замерли, кажется, девушка и впрямь была удивлена. Потом раздалось неразборчивое бормотание, Агата уловила что-то про солнце и луну и отчетливое «Спасибо». Служанка, кажется, благодарила местных покровителей. А потом раздался восторженный шёпот:

– Как интересно! Она такая красивая! Господин Орхан точно захочет провести с ней не одну ночь! Такая кожа! А волосы!

Служанка отвела от лица влажные пряди, словно хотела лишний раз дотронуться. Чувствовать себя занятой диковинкой было неприятно, но ловкие руки служанок отвлекали даже от этих мыслей. Она подумает о том, какое место ей отведено здесь, потом, а пока надо постараться не поддаться неге и не заснуть, чтобы узнать хоть что-то ещё.

– Если проведёт хоть одну. Ты посмотри на синяки. Бедняжка, кто-то был слишком груб с ней. Надо бы шепнуть Фадии, а то вдруг она и для обряда уже не подойдёт.

Если бы не блаженная нега, растекающаяся по телу, Агата бы точно больше не смогла притворяться, что не понимает ни слова. Да как они вообще могли такое подумать!

А потом она вспомнила Джонотана, его нежные, но обжигающие страстью прикосновения и то, как нестерпимо хотелось позволить ему вообще всё.

Растирающие её тело руки только способствовали этим мыслям. Хорошо, что её алеющие щёки можно было списать на жаркую влажность хаммама.

– Не наше это дело, – неожиданно серьёзно одернула та, что восхищалась волосами Агаты. – Господа сами разберутся, и уверена, господин, да померкнут звёзды перед его мудростью, подарит ей кинжал, а то слишком уж ядовиты некоторые цветы и слишком любят ранить своими шипами.

Агата силилась понять смысл фразы, но, похоже, это было что-то образное, на что её знаний не хватило.

Служанки помогли ей подняться, разомлевшая Агата качнулась и упала бы, поскользнувшись на влажном мраморном полу, но они ловко поддержали её, заворачивая в мягкую ткань. После горячего воздуха парной небольшая комнатка, предназначенная для отдыха, показалась прохладной.

Агата практически упала на кушетку, пока служанки споро расставляли на низком резном столике, инкрустированном перламутром, фрукты и сладости. Ей в руки дали маленькую, ароматно пахнущую кофе чашечку. Разомлевшая Агата попробовала и кофе, и ароматную медовую пахлаву, пока одна служанка, не переставая восхищаться, сушила и расчёсывала её волосы, а вторая принесла одежду.

Хотелось подремать прямо на кушетке, несмотря на то что после хаммама тело словно наполнилось энергией и пело, но вошла Фадия:

– Что вы здесь копаетесь? Что было велено?! Ну-ка, дайте я на неё посмотрю, – даже на певучем чужом языке слова прозвучали резко, но к самой Агате Фадия обратилась уже мягче: – Господин Орхан оказывает тебе великую честь предстать перед ним.

Агате пришлось встать. Служанки, не слишком церемонясь, стянули с неё простыню, снова оставив обнажённой. Она невольно прикрыла рукой грудь, чувствуя себя неловко под взглядами трёх чужих женщин. Конечно, у неё были горничные, но никогда она не чувствовала себя настолько беззащитной, как сейчас – когда Фадия обошла её по кругу, одобрительно кивая:

– Вот теперь и правда хороша, птичка.

Агата надеялась, что платье ей принесут из тех, что были привезены из дома, и опасалась, что придётся надеть что-то прозрачное, вроде нарядов девушек, которых она увидела, но, кажется, ей полагался какой-то традиционный костюм.

Служанки помогли надеть очень широкие, длиной до щиколоток, шаровары, выглядящие значительно целомудреннее, чем даже привычные юбки. Тонкий дамаст цвета розы, отделанный парчой с серебряными цветами, приятно охлаждал нежную после всех процедур кожу.

Блуза с широкими рукавами, напоминающая мужскую, из тончайшей белой шёлковой кисеи, по верхнему и нижнему краю украшенная вышивкой, имела такой вырез, что Агата невольно стянула края у горла, но Фадия цыкнула и заколола их булавкой с блеснувшим камушком. Не то чтобы это сильно помогло: ни формы груди, ни даже цвета кожи эта блуза почти не скрывала.

Сверху, правда, полагалось что-то вроде халата – очень плотно прилегающего к спине и свободно падающего атласными, богато расшитыми складками до пола. И совершенно не помогающего прикрыть грудь.

Волосы ей заплели в косы и перевили нитями жемчуга, такими длинными, что Агата почувствовала, как потяжелела голова. Под грубоватыми пальцами надсмотрщицы нижнюю часть лица закрыл тонкий платок, который Фадия собственноручно закрепила у неё на висках. Собственное дыхание сразу показалось слишком частым и жарким, а кровь прилиwała к щекам из-за того, что при таком количестве одежды Агата все равно чувствовала себя практически обнажённой.

Оставалось надеяться, что этот загадочный Орхан не воспримет её очередной наложницей, а прислушается к её словам.

И почему она только в это верит?..

Глава 19

Трое в камере, не считая тайн

Кажется, стало ещё темнее. Джонотан с трудом мог дышать сквозь пыльную ткань. Сначала кто-то резко одним движением и не слишком аккуратно разрезал верёвки на запястьях – лезвие чиркнуло по коже, но Джонотан только с облегчением размял затёкшие плечи и пошевелил пальцами, которые болезненно закололо. С подозреваемыми в пиратстве береговая охрана Шарракума не особо церемонилась, но Джонотан не предполагал, что однажды окажется на их месте.

Мешок, пахнувший поётом и солоновато кровью, с головы сняли только перед тем, как грубо втолкнуть в тесную камеру. Он пошатнулся: всё ещё мутило от использования магии и от влияния Вильгельма, но на ногах удержался.

А вот кириос ди Эмери, которого втолкнули следом, упал, словно тюк с соломой, и даже не пошевелился. Хотелось пнуть его ещё разок, и посильнее, но Джонотан присел на корточки рядом и приложил пальцы к шее. Сейчас он бы не рискнул обращаться к магии, чтобы проверить, жив ли кириос. Надо было вернуть себе силы, а значит – набраться терпения. Ещё никогда он не черпал из собственного источника так много.

– Да жив он, собака, – прокомментировал насмешливый голос Вильгельма позади, прежде чем Джонотан ощутил под пальцами слабое, но ровное биение пульса. – Что ему сделается.

Кириос ди Эмери определённо был жив, как и, к огромному сожалению Джонотана, Вильгельм. Пирата, в отличие от них, привели без мешка на голове, да и не вталкивали, словно преступника. Однако они все оказались в одной камере, что обнадеживало. Был шанс, что его самого не казнят сразу, как пирата, без суда и следствия.

Камера была крошечной, с узким, больше похожим на щель, окошком под самым потолком, настолько низким, что Джонотан с лёгкостью мог бы дотронуться до него рукой. А ещё здесь было невыносимо сухо и душно. В горле моментально запершило, а пить и так хотелось нестерпимо. Но вряд ли их тюремщики будут столь

любезны, что предложат воды. В камере не было вообще ничего – голые каменные стены и земляной, утоптаный до жёсткости камня пол.

– Какого демона ты устроил, Вильхельм?! – Джонотан поднялся на ноги резким движением, пригнулся и со всего размаха ударил пирата снизу вверх в челюсть.

Удар цели не достиг: Вильхельм ловко увернулся, явно ожидая нападения.

– Не наглей, Джонни, славный благородный пират! – он отклонился и сделал шаг назад. – Не боишься, что я использую против тебя магию? Удивительно, как это ты так увлёкся своим могуществом, что чуть не выгорел?

– Я справлюсь с тобой и без всякой магии! – Джонотан поднырнул под его рукой, резко развернулся и нанёс удар по ногам.

Вильхельм покачнулся и простонал, но не упал, только вскинул руки, защищаясь.

– Обидно проигрывать, да? – хмыкнул он.

– Не так обидно, как быть убудочным пиратом! – Джонотан обходил его по кругу, выбирая новое направление удара, мечтая раскрасить физиономию уroda по полной. – А тебе? Понравилось в моей шкуре?

– О, не то слово! Особенно та часть, где благородный капитан спасает невинную девушку из лап грязных пиратов! Правда, с небольшими, но приятными условиями...

– Не смей! – зарычал Джонотан и ударил в скулу, а когда пират закрылся, вмазал в живот и в нос.

Вильхельм прохрипел, хватаясь за переносицу, поморщился и с удивлением глянул на свои ладони, по которым потекла кровь.

– Джонни, Джонни, сколько же в тебе злости, – каркающим смехом рассмеялся он. Было видно, что ему больно, но язвительность и наглость никуда не исчезли. – Я, конечно, всё ещё не готов простить тебе смерти моих людей, да и «Мари», моя прекрасная «Венценосная Мари» теперь – лишь обломки на морском дне, но ты мне всё равно нравишься, мальчик мой. Если бы ты так не пытался быть хорошим...

– Пошёл ты! – Джонотан замахнулся, целясь в лицо, когда с пола раздался надсадный кашель.

Ди Эмери, который всё это время лежал без сознания, начал приходить в себя, застонал и зашевелился. И быстрый взгляд, который кинул на него пират, стоил Вильгельму сильнейшего удара в челюсть. Джонотан даже встряхнул кистью. Кажется, он окончательно отшиб и без того разбитые костяшки пальцев.

Пират загородился, будто просил о пощаде, вытянул растопыренную ладонь к Джонотану. И уставился на ди Эмери.

– Что, очухался, тварь? – Вилли сплюнул на пол кровь и неожиданно криво улыбнулся Джонотану. – Предлагаю прерваться, раз уж кириос ди Эмери решил наконец вернуться из небытия и составить нам компанию. Как же мы можем столь варварски драться в столь блистательном обществе?

Джонотан сощурился, не в силах сдержать любопытства. Что же за такие счёты у Вильгельма с кириосом? Ди Эмери, как будто резко постаревший, пытался нащупать опору и сесть потвёрже. Он упёрся спиной в стену и запрокинул голову, щурясь и глядя на Вильгельма.

Джонотан не ненавидел отца Агаты, не мог. И даже ощутил на миг волну вины, захлестнувшей с головой, что готов был пожертвовать его жизнью, чтобы спасти Агату. Но Сезар ди Эмери – её отец и тот, кто спас его самого после гибели родителей. Каким бы паршивым ни был характер этого человека, он всё ещё ему должен.

И это не тот долг, от которого можно откупиться деньгами.

– Удивлён, мальчик мой? – голос Вильгельма словно заледенел, взгляд, обращённый к кириосу, стал злым и жестоким, что вкупе с окровавленным лицом выглядело особенно жутко. – Конечно, удивлён. Сложно представить своего благодетеля, практически усыновившего сиротку, истинным виновником всего происходящего. Кириос ди Эмери... Прекрасный, уважаемый торговец... с невероятно интересным прошлым.

– Давай к делу, – резко бросил Джонотан, теряя терпение.

Ладно он сдуру однажды влез в сделку с Вильгельмом – чтоб тому провалиться в бездну прямо тут, – но неужто и ди Эмери имел с ним дело?

Джонотан не сразу вычислил, с кем связался, когда пират под видом благонадёжного господина умолял выручить в непростой ситуации и помочь сбыть несколько ценных вещей. В тот момент Джонотан поверил, что это человек, пострадавший от пиратов и

вынужденный попроситься с фамильными ценностями, чтобы выручить из плена свою сестру, за которую требовали выкуп.

В итоге это и правда оказались фамильные ценности – только принадлежали они отнюдь не Вильгельму, а как раз тому, кто пострадал от лап беспринципного ублюдка. Но Джонотан успел запятнать свою репутацию и с трудом скрылся от правосудия, которое привёл к нему двуличный предатель, а позже и многократно шантажировал, угрожая обвинить в преступном сговоре.

– Мальчик мой, возможно, я худший из людей, но среди пиратов я лучший, – Вильгельм растянул губы в улыбке, и следы крови жутко отпечатались на его зубах. – А вот твой драгоценный покровитель ди Эмери – редкостный урод. Ты в курсе, что это он пустил меня по миру много лет назад? Подставил в крупной сделке и разорил, а я... Ха, я ещё мечтал быть благонадёжным владельцем предприятия. Но моя наивность разбилась в тот же момент, когда я увидел наглые и бессовестные глаза этой сволочи, которая лгала мне в лицо. Забавно плетёт нити судьба: он нанял тебя спасти свою дочь от меня. Хотя сам же и подверг её опасности. И он продал твою возлюбленную в гарем. Бедная рыбка, жаль её. Надо было оставить себе, раз ты не в состоянии о ней позаботиться.

– Замолчи! Замолчи! Это не моя вина! Ты сам рискнул всем в той сделке! – ди Эмери трясся, как в лихорадке. – Ты проклятый брехливый пират и скажешь что угодно, лишь бы выставить себя получше, но ты – жалкий отброс и трус. Слабак, который решил, что после первой же неудачи надо убивать и грабить!

Вильгельм было дёрнулся к ди Эмери, и Джонотан встал между ними, схватив пирата за рукав и оттолкнув прочь, но напрасно. Пират лишь криво усмехнулся, поднимая ладони.

– Я не буду его бить, мой мальчик. Я – не ты, чтобы без толку махать кулаками. Погляди, как ты раскрасил моё лицо, – он ощерился снова, но в холодных глазах не было и следа веселья, а кровавые следы на подбородке и под носом только добавляли его облику дикости. – Надеюсь, тебе полегчало, – рассмеялся он и сам себя оборвал: – Но кулаки не помогут от того, что плещется внутри. Я привык бить иначе.

Ди Эмери попытался отползти ещё дальше, будто не слышал слова Вильгельма, который и правда не собирался никого бить, а только стоял, покачиваясь, как на палубе в шторм, и глядел на своего

давнего врага с такой ненавистью и расчётом, что бросало в холодный пот.

– Ты... Ты, Джонотан ди Арс, – хриплый, сипящий голос кириоса ди Эмери стал выше, его дрожащий палец ткнулся в Джонотана, – щенок, я приютил тебя из жалости, а ты снюхался с пиратами!

Кириос сипел так, словно его душили, и трясся, как от лихорадки. Джонотан смотрел на него со смесью жалости, безгливости и гнева.

– Я спасал Агату – вашу дочь!

– Плевал он на твою Агату, – хохотнул Вильхельм. – Я всё никак не мог взять в толк, зачем он потащил в море девчонку, когда сам, крыса трусливая, даже палец в воду не опускал. А я долго ждал. Очень долго.

Вильхельм приблизился к ди Эмери и, нависая над ним, поинтересовался таким ласковым тоном, что Джонотана передёрнуло, а кириос отпрянул к стене:

– Ну же, мой старый друг, расскажешь своему доблестному капитану про вещицу, которая так нужна Орхану, между прочим, правой руке правителя и министру торговли всего славного Ануара? Так нужна, что Орхан лично согласился облагодетельствовать твою славную, невинную дочь и оставить её в своём гареме после выполнения одного маленького, но такого важного в жизни каждой девушки ритуала.

– Не смей, – прохрипел ди Эмери с ужасом в глазах.

– Сущя безделица, – проигнорировал его Вильхельм, оборачиваясь к Джонотану, – всего лишь артефакт, который даёт простым смертным то, что у тебя, мой мальчик, и у меня есть с самого рождения. И – нет, это не то, что первым пришло тебе в голову, хотя я понимаю, при виде полуголой Агаты у меня у самого все мысли там. Но тише! Не дёргайся, если хочешь услышать историю целиком.

Джонотан стиснул челюсти, изо всех сил удерживая себя в руках, но всё-таки опустил сжатые кулаки и нахмурился, не желая верить Вильхельму.

– Капля крови для подтверждения добровольности намерений – и простой кусок металла позволяет диктовать своему владельцу волю тем, кто и без того её не имеет. И только нежные женские ручки и девственная кровь могут активировать и передать этот артефакт, –

закончил пират, откровенно забавляясь, и добавил: – Варварский Восток, куда им до наших высоких благородных порывов.

– Ты веришь пирату, Джонотан?! – высоким голосом воскликнул Сезар ди Эмери, и не надо было владеть магическим даром, чтобы почувствовать его парализующий страх.

– Ты врёшь, Вильхельм, – процедил Джонотан, поворачиваясь к пирату.

Вильхельм удивлённо поднял брови. Мол, неужто тебя так помотало, что ты уже не чувствуешь, как трясутся поджилки у старого ди Эмери?

– Сезар ди Эмери не отдал бы этот артефакт (если он и правда существует) просто так. Даже ради выгодного брака своей дочери. Он бы оставил его себе.

Вильхельм довольно расхохотался, даже хлопнул в ладони от радости.

– В том-то и дело, мой друг! В том-то и дело! Как говорится, всё бы ничего, но есть один нюанс – верно? Как говорят у благородных. Поправьте меня, если я вру. Нью-анс. Крохотный. Артефакт – древняя семейная реликвия, наделённая особой силой. Он – какая прелесть! – попросту не сработает, если его не передали добровольно...

– Говори, – хмуро припечатал Джонотан, чувствуя, как чёрная мрачная буря растёт внутри и как он уже понимает, что услышит дальше.

– Вот ты, Джонни, был слишком добр к этому человеку, – кивнул на замолчавшего ди Эмери Вильхельм, – а мы сразу поговорили со стариком по душам. И вовсе не обязательно было для этого поить его дорожным ромом! Есть множество других прекрасных способов развязать язык...

В противовес его словам Сезар ди Эмери язык словно бы проглотил: ужас сковал его так, что знаменитый торговец только следил, как заколдованный, за пиратом, а его руки мелко и противно дрожали, будто он снова и снова переживал то, что случилось на борту «Мари». Но чем дальше, тем меньше вины чувствовал за собой Джонотан.

– Ты даже не поверишь, Джонни, у кого благороднейший кириос ди Эмери отобрал артефакт силой.

– Он лжёт, – глухо повторил отец Агаты, мотая головой.

– Скажи ещё, что я лгу о том, кто убил родителей нашего несчастного влюблённого мальчика. Знаешь, Сезар, я знал, что ты – редкостная тварь, но, ей-богу, ты перещеголял даже меня! Не подумай, что я завидую, хотя – немного есть! Немного есть! Браво, Сезар!

Вильхельм резко и отчётливо захлопал в ладони. Так, что от каждого гулкового хлопка в камере просыпалось такое же гулкое, мерзко бьющее по ушам эхо.

– Хватит! Хва-тит, – ди Эмери тяжело сглотнул и после странной паузы повторил фразу, будто она была заклинанием: – Он лжёт, Джонотан, – продолжая кивать, точно сломанная кукла, твердил отец Агаты. – Он пират! И ублюдок! Он своей магией заставил сказать неправду, чтобы выгородить... Он...

Джонотан на мгновение прикрыл глаза, позволяя себе чувствовать больше. Позволяя остаткам магических сил освободиться и становясь больше, чем он есть. И открыл глаза снова, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– Брось, Сезар! – рявкнул вдруг Вильхельм так, что ди Эмери заткнулся. – Может, Джонни и помотало неслабо – ещё бы, он убил половину моей команды, – пират повернулся и искоса ухмыльнулся с обещанием мести, – но он не дурак. А ещё не всю свою силу истратил на эту жестокость. А мы, маги, как ты знаешь, прекрасно чувствуем...

Всё, происходящее в камере, смазалось до неясных ощущений стоящих вокруг людей. Один – тот, кого он должен ненавидеть всей душой. И второй – тот, кому он должен быть благодарен и обязан всем, что у него есть. Только какого-то демона всё было совершенно иначе, и ярость, которая просыпалась внутри, затмевала разум.

– Случился шторм, Джонотан! Я не мог знать...

– И снова ложь, – расхохотался Вильхельм.

Его каркающий смех больше не цеплял, как раньше. Он звучал отражением собственной ярости, и Джонотан сам не помнил, как рванул к ди Эмери, желая стереть того с лица земли. Как схватил за горло – и отголоски магии опутали Сезара, пробуждая жуткие воспоминания детства.

Смеющиеся глаза отца. Лицо матери, скрытое в тени тонкой ажурной шляпки – такое невыносимо прекрасное, лучащееся счастьем и молодостью – за считанные часы до смерти, на набережной. А её волосы так постоянно лезли в лицо от сильных порывов, что она смеялась, поправляя их раз за разом.

В тот день впервые спустили на воду новую маленькую и юркую быстроходную яхту – подарок отца его матери, – и они оба, несмотря на ухудшающуюся погоду, отправлялись в небольшой рейс. Лёгкая, увеселительная прогулка для бывалого моряка, которым был отец Джонотана.

Джонотан так просил, чтобы его взяли с собой... Но кириос ди Эмери называл десяток причин, почему детям нельзя, почему они должны остаться на берегу. И как они втроём с Агатой, тогда ещё совсем крошкой, прекрасно проведут время за играми. А к вечеру вернётся из города кирия ди Эмери и его родители, они соберутся на чай и поделятся впечатлениями.

Джонотан помнил, как сильно это его злило и как он хотел быть взрослым, вырваться и броситься в приключение вместе с родителями... и как потом ди Эмери неумело утешал, твердя, что это воля богов позволила ему уцелеть, что это он, Сезар, уберёт мальчика от гибели.

Джонотан вспомнил свои чувства, когда на него обрушилась, как цунами, эта жуткая, леденящая душу весть. Их больше нет. Его родителей больше нет в живых. Их обоих забрали к себе боги, и он, такой ещё юный, восьмилетний Джонотан, остался один со своим неподъёмным, непереносимым горем.

И сейчас перед ним тот, кто виноват в их гибели. Джонотан держал ди Эмери за горло, сцепив пальцы, смотрел в хорошо знакомые глаза и видел в них смерть... Или это лишь отражение его самого?

– Нет, постой! – Вильхельм схватил Джонотана за шиворот и отпихнул, заставляя отступить. – Моя очередь тебя остановить! Как много людей хотят твоей смерти, Сезар, погляди! Стой, Джонни. Месть надо подавать холодной, а ты и без того слишком выгорел.

Кириос ди Эмери приподнял ладони к лицу, пытаясь защититься, и это говорило лучше любых слов. Но он продолжал упрямо бормотать:

– Это был шторм! Несчастный случай! Я не мог знать! Шхуна потеряла управление, а рядом оказались скалы. Моя жена... Моя Мари тоже погибла там, Джонни! Ты знаешь! Как ты думаешь... Неужели я мог...

– Твоя жена – случайная жертва, увы! Боги покарали тебя, отправив её домой на яхте вместе с обречённой четой ди Арс. И даже это кажется мне недостаточной платой за твои грехи, ублюдок ты, ди Эмери! – выплюнул Вильхельм. – Даже она тебя ничему не научила!

Джонотану казалось, что его накрыла и волочёт по каменистому дну, выбивая воздух из лёгких и сдирая кожу, огромная волна – обрывки воспоминаний причиняли почти физическую боль. Остатки магии обострили все ощущения, словно он был оголённым нервом. Шум собственной крови в ушах заглушал заполошный стук сердца ди Эмери. Его липкий, тошнотворный страх и ложь, горящая на языке, только усиливали гнев.

Джонотан сбросил руки Вильхельма, отпихивая того с пути с такой силой, что пират врезался в стену, зашипев от боли:

– Полегче, Джонни, я в отличие от тебя планирую еще пожить, – он встряхнулся и склонил голову набок, словно прислушиваясь. Взгляд на мгновение стал цепким и внимательным, а потом он неожиданно рассмеялся. – А вот тебя точно вздёрут, мальчик мой. Кулаками ты машешь превосходно, но слишком напролом...

Джонотан боролся с тем, чтобы не убить ди Эмери голыми руками прямо на месте, пытался подавить гнев и усмирить, загнать в дальние уголки сознания раздирающую боль, когда дверь камеры распахнулась, впуская одетых во всё чёрное мужчин. Двое оттеснили Джонотана к стене, ещё двое встали рядом с Вильхельмом.

Безмолвные, никак не реагирующие на очевидно произошедшую среди заключённых драку, они дождались, пока ещё двое молчаливыми тенями подхватят ди Эмери под руки и выведут из камеры, и выскользнули следом.

– В тебе маловато хитрости, мальчик мой. Ты силён и отважен, но любую силу надо использовать вовремя, – ещё не захлопнулась дверь, когда Вильхельм одним прыжком преодолел разделяющее их расстояние, с силой ударил в живот и добавил выворачивающую мышцы болью магию.

Пока Джонотан глотал воздух, пират метнулся и ловко подставил ногу, не давая двери закрыться, его магия ещё раз царапнула волной. Вильхельм, словно дождавшись чего-то, рывком распахнул дверь и опустил обе руки на плечи стражника, стоявшего снаружи.

Глаза того остекленели.

– Провались в бездну, – прохрипел Джонотан, глядя исподлобья и медленно разгибаясь. Не желая отпустить бушующую ярость и терять эту ложную силу, хоть и стоило – объекта мести уже не было рядом, а Вильхельм... Плевать на него, он лишь жалкий шут.

– Ты слишком нестабилен, мальчик мой. Поэтому самое время подумать головой, – Вильхельм постучал пальцем по лбу свободной рукой и, всё так же удерживая стражника, захлопнул за собой дверь. – Если она, конечно, останется у тебя на плечах, – скрежет замка и толстая дверь приглушили издевательский смех. – Счастливо оставаться, мальчик мой.

Джонотан лишь оскалился и показал ему грубый жест, посылая мысленно туда, откуда жизнь берёт своё начало.

Глава 20

Улыбайся да опускай глаза

Агата шла чуть позади Фадии, подстраиваясь под её шаги и радуясь, что на этот раз управляющая гаремом идёт неторопливо: непривычная одежда движений не стесняла, а шаровары Агате даже понравились, но расшитые золотой нитью и бисером остроносые туфли на плоской подошве и без задника то и дело норовили соскользнуть с босых ног.

Агата думала, что они вновь выйдут на улицу, но на этот раз Фадия повела её через бесконечную вереницу богато украшенных и меблированных комнат. Белый мрамор давал приятную прохладу, а в забранные решётками окна без стёкол влетал пахнувший солью и свежестью зелени ветер. Даже не верилось, что она в жарком пустынном краю – роскошный дом Орхана утопал в зелени, кружевные тени переплетались с причудливыми росписями и узорами на стенах, оживляли богатую мебель. Во многих комнатах, через которые они проходили, прохладно журчали фонтаны.

Ноги то утопали в разноцветных коврах, расстеленных в комнатах с мягкой мебелью и многочисленными диванами и подушками, то приходилось ступать маленькими осторожными шагами по отполированному до зеркального блеска мрамору. Взгляд блуждал по восхитительным инкрустациям на стенах и потолках: перламутровые бутоны расцветали на малахитовых стеблях, драгоценная ляпис-лазурь сверкала золотыми звёздами, словно настоящее небо над головой.

Агата старалась не слишком крутить головой, но любопытство всё равно брало верх. Ей так хотелось путешествовать и увидеть новые страны. Что ж, не всегда наши желания сбываются так, как мы этого хотим.

Им не встретилось ни души, и странное ощущение покинутости и одиночества вновь вернулось. Агата тревожно огляделась, прижимая обе руки к груди, едва прикрытой тонкой тканью блузы, и чувствуя, как колотится сердце.

– Что замерла? – Фадия бросила на неё взгляд через плечо. – Поторопись, у господина ещё приём послов сегодня, не стоит

заставлять его ждать.

Перед входом в длинный, слабо освещённый сферическими лампами из разноцветного стекла коридор за Агатой словно из ниоткуда появились вооружённые палашами стражники, безмолвными тенями двинувшиеся следом. Не та компания, которую было приятно ощущать за спиной. Агата оглянулась несколько раз, но стражи будто ничего не замечали: смотрели строго вперёд и казались големами, а не живыми людьми.

– Кирия, – окликнула Агата, и когда Фадия никак не отреагировала, продолжая величественно колыхаться перед ней, прибавила шаг и пошла рядом, попробовав ещё раз: – Фадия, а почему здесь никого нет?

– А кто же здесь должен быть? – Фадия и правда выглядела удивлённой.

– Просто такой большой дом, а мы не встретили ни души, – смущённо отозвалась Агата.

– Так это женская половина, всем девушкам сейчас позволено гулять в саду в честь твоего сватовства.

– Что? – Агата сбилась с шага и замерла было, но Фадия ловко подхватила её под руку и повлекла за собой: мягко, но уверенно.

– Ох, птичка, неужто тебе и этого не рассказали? С отцом твоим уже всё оговорено давно, конечно, только тебя и ждали. Сегодня очень важный день: ты познакомишься с господином Орханом, и по нашей традиции он подарит тебе золото. Не забудь, птичка, подаренное ты должна прямо там надеть. Сразу же.

– Я ничего не понимаю, – проговорила Агата, нервничая и теребя свободной рукой драгоценную брошь, скалывавшую ворот блузы. – Я увижу отца? Если сегодня сватовство, то и отец должен присутствовать.

Она не теряла надежды узнать хоть что-то. Может быть, отец уже тоже здесь? Раз она была на женской половине, то и не могла с ним увидеться. Все-таки традиции, пусть и такие чуждые, – это важно.

– На сватовстве только ты и твой жених, – покачала головой Фадия. – Будут присутствовать три свидетеля, чтобы убедиться, что ты приняла дары и не открывала лица. Я тоже удостоена чести быть там, и твоя служанка, как же ее... Элен, кажется: кириос ди Эмери, да даруют ему боги светлых дней, настоял, чтобы обязательно

присутствовали женщины, потому что так положено по вашим обычаям.

– Но... – начала было Агата, радуясь, что будет хотя бы одно знакомое лицо, но не веря, что отец не счёл нужным ни предупредить её, ни хотя бы увидеться.

Союз с Орханом был важен для него, а отец всегда сам контролировал то, что было для него важно.

– Опять перечишь? – перебила, сурово нахмутив брови, Фадия. – Послушай старую Фадю, птичка, и прикуси свой язычок. Вот взойдёшь на брачное ложе – и наступит твоё время петь. А сегодня прими дары, поблагодари и надень. Сама надень, сразу же! Это и есть подтверждение твоей доброй воли. И отца потом поблагодари. Как он заботится о тебе, да будут боги к нему так же милостивы, как к нашему господину! Даже старую Фадю позвали, чтобы только все традиции соблюсти.

Агата сочла за благо промолчать, чтобы не ответить что-то действительно дерзкое.

Наконец длинный коридор закончился, и, миновав огромный, пустой и гулкой беломраморный зал с маленьким бассейном, в котором лениво шевелили плавниками золотые карпы, их маленькая процессия остановилась перед массивными, богато украшенными причудливой вязью дверьми.

Тени от резных колон выходящего в сад портика и снопы солнечного света расчертили мраморный пол в зале, и Агате на мгновение показалось, что она стоит в начале доски, на которой играли в игру, где надо свергнуть короля. Ещё ребёнком она нашла фигурки в кабинете у отца, и гувернантка, которую после того случая отец разжаловал, сказала, что это подарок от его торговых партнёров матери Агаты.

Она долго пыталась понять, как надо перемещать фигурки и какая из них – король, пока однажды за этим занятием её не застал отец. Он почему-то ужасно рассердился и выгнал её из кабинета. Позже она узнала, что фигурки, так искусно вырезанные из дерева, сгорели в камине, а ей было навсегда запрещено входить в отцовский кабинет.

Древки секир синхронно ударили об пол, заставив Агату вздрогнуть и отшатнуться от неожиданности, вынырнув из воспоминаний. Двое стражников, неотличимых от тех, что

сопровождали Агату, разве что в руках они сжимали устрашающего вида секиры с двойными лезвиями, вытянулись по струнке. Фадия торопливо расправила длинные полы её расшитого халата, сбившегося в ногах, пока они шли, поправила тонкую вуаль, закрывающую лицо. И отошла в сторону, кивнув стражникам.

Ещё один удар об пол, и массивные створки ворот начали открываться.

– Улыбайся, птичка, да опускай глаза, – прошептала Фадия, подталкивая её в спину. – Молчи и не забудь поклониться господину. Да будут солнце и луна благосклонны к вашему союзу.

Агата, собрав всю свою решительность и вздёрнув подбородок, шагнула вперёд. Свет, в котором плавали пылинки, снопами лился сквозь огромные окна и заставил её сощуриться. На мгновение замедлив шаг, она успела окинуть взглядом огромный зал, ощутив дым от пряных, дурманящих голову благовоний.

Стены, искусно украшенные майоликой, тонкие колонны, удерживающие колоссальных размеров купол, сплошь покрытый мозаикой, изображающей небо с золотыми звёздами, складывающимися в созвездия и на другом конце зала, на небольшом возвышении – ложе, больше всего напоминающее трон, на котором сидел мужчина.

Агата вздохнула, расправляя плечи, и, не торопясь, приблизилась. Не столько из-за внезапной робости перед этим подчёркнуто роскошным залом или чтобы показать, что не собирается бежать и кланяться, сколько из-за того, что боялась случайно потерять на скользком мраморном полу странную туфлю без пяток. Она шла так осторожно, что не слышала звука собственных шагов, хотя, возможно, их заглушал грохот её собственного сердца.

Не дойдя совсем немного до усталого коврами помоста, она замедлилась, пытаясь решить, что делать дальше. Фадия наставляла кланяться, но всё внутри Агаты протестовало против этого, потому что явно имелся в виду не реверанс.

Агата знала, как вести себя женщине ее положения в составе делегации, приехавшей на Восток: учителя, нанятые отцом, не зря получали своё жалованье. Но она была совсем одна. Ни один учитель, да даже собственный отец, который всё это спланировал, не готовил её ни к чему подобному. Если бы она была у себя дома, или хотя бы в

привычном платье, то просто поприветствовала бы Орхана молчаливым реверансом, но делать его в шароварах и тапочках, пусть даже таких красивых, было бы странно. К тому же никто не учил её, как приветствовать жениха, если он восточный богач, восседающий на золотом троне!

Терзаясь сомнениями, она сделала ещё один маленький шаг вперёд и наконец посмотрела ему в глаза.

Мужчина, расслабленно сидевший с кальяном в руке на диване, задрапированном золотым шёлком, безусловно, привлекал внимание. Белые одежды, на первый взгляд выглядящие простыми, как и белоснежный тюрбан, украшенный эгретом с крупным синим камнем и белыми перьями, подчёркивали смуглую кожу и не могли скрыть мощного, сильного тела.

Он явно знал, как держать оружие, пусть даже сейчас длинные пальцы были унизаны перстнями, а ноги обуты в такие же остроносые туфли, явно непригодные для битв, какие были на Агате. Даже они не делали его менее мужественным.

Чёрный, как опалы в узорах на потолке, взгляд окинул её с головы до ног и задержался на вороте блузы с таким выражением, что Агата невольно дотронулась ладонью до удерживающей ткань броши.

Глава 21

Проклятое золото

– Рад видеть вас в целости, кирия ди Эмери, – лениво проговорил на энарийском, растягивая гласные, Орхан. Сделал короткую затяжку, выпустил терпкий дым и продолжил рассматривать Агату с лёгким любопытством. – Мне доложили, что вы столкнулись с настоящими пиратами у берегов Шарракума? Слава дарующему силу Солнцу, что мои доблестные воины сумели схватить их и спасти вашу жизнь.

– Ваши доблестные воины, – Агата кашлянула, чтобы хоть как-то отвлечь внимание Орхана от разглядывания броши под ее пальцами, – действительно схватили пиратов и спасли наши жизни. Однако вместе с пиратами задержали и капитана Джонотана ди Арса, который честно и преданно служил моему отцу и привёз нас сюда. Вы должны освободить его, господин Орхан аль Гаффар. И мой отец! Я... не видела его с того самого момента, как господин Хайрат забрал меня с корабля.

– О, кирия, ваша доброта и забота, судя по всему, столь же безмерна, как и ваша красота, – Орхан отложил стеклянную трубку кальяна на низкий, инкрустированный перламутром столик, – но проблемы слуг не должны занимать и омрачать ваши думы, эти мелочи не стоят и мгновения вашего внимания. Позвольте мужчинам заниматься делами, а вы... Вы – прекрасная услада моих глаз.

Агата моргнула, чувствуя поднимающуюся злость. Заниматься делами! Она всю жизнь пыталась доказать отцу, что тоже может заниматься делами, и в итоге это привело её сюда – к вальяжно развалившемуся мужчине, который пялится на ее грудь, едва скрытую тонкой тканью, и которого не интересуют её чувства вообще. Да он даже её не слушает! Уж не поэтому ли ей закрыли лицо – вряд ли сердито поджатые губы могут быть усладой для глаз.

Агата вздохнула, понимая, что надеяться не на что, но она может хотя бы попытаться отсрочить эту дурацкую помолвку, или как там называется всё происходящее. Она должна увидеть отца и понять, что происходит и что именно он обещал! Надо выяснить, насколько она нужна этому Орхану.

– Но... мой отец... – Агата сделала маленький шаг вперёд, не обращая внимания на хриплый и нарочитый кашель Фадии. – Я так хотела бы увидеть своего отца. Сегодня важный день, а я далеко от дома, и ни одного знакомого лица рядом.

– О, чужеземная чаровница, – Орхан так стремительно поднялся со своего ложа и в два шага сократил расстояние между ними, что Агата невольно отпрянула, – скоро все будут здесь и засвидетельствуют, что ты добровольно приняла мои дары. Просто мне не терпелось увидеть тебя.

Он легко коснулся её щеки. Сквозь тонкую ткань, закрывающую половину её лица, Агата почувствовала тепло его пальцев, но вздрогнула, словно от озноба.

– Ты очень красивая, кирия ди Эмери, – проговорил он почти шёпотом, наконец глядя ей в глаза. – Жду не дождусь, когда увижу тебя всю.

«Ещё один озабоченный на мою голову», – подумала Агата.

Она не нашла нейтрального ответа, который можно было бы озвучить, но, кажется, её молчания оказалось достаточно. Орхан осторожно дотронулся до её перевитых жемчугом волос, и Агате стоило немалых усилий не дёрнуться от его движения.

От ануарца пахло терпким ароматом благовоний и масел, слишком сильно, хоть запах и казался поначалу приятным, и ещё – горьким дымом. Агата, сглотнув, задержалась взглядом на его чёрной ухоженной бороде, слабо лоснящейся от уходовых масел, перевела взгляд от тёмной загорелой шеи до лица, чувствуя, что снова попадает в лапы новому пауку – готовому опутать и лишить воли.

– Я не наложница и не ваша жена, чтобы вы так торопили события, господин, – Агата спокойно, но настойчиво убрала его ладонь.

– Разве не об этом мы договорились с твоим отцом? Твоё сердце будет принадлежать мне, о, прекрасная кирия, и я осыплю тебя золотом... – казалось, он пропускает мимо ушей все её слова и просьбы.

Орхан мягко взял её ладони и развернул на себя, будто желая осмотреть ещё лучше, и жаркая волна стыда и злости заставила покраснеть щёки, скрытые под невесомой тканью.

Агата попыталась вырваться, но Орхан сдавил её пальцы, впервые демонстрируя силу, надавил большими пальцами в середины ладоней до лёгкой боли и тут же проговорил:

– Тише, сейчас ты увидишь своего отца. Кажется, в тебе слишком много ярости Солнца, а не мягкости и мудрости Великой Луны, но жизнь в Ануаре расставит всё по своим местам. Прошу же немного терпения, дорогая...

На слове «терпение» распахнулись двери, и в зал кого-то привели. Агата дёрнулась, чтобы взглянуть, и ахнула: отец! И вместе с Элен! Слава богам, они живы и здесь, она больше не одна!

– Вот видишь, я никогда не лгу. Я же обещал, верно? – Орхан ещё не отпускал. Он улыбнулся, обнажая белый ровный ряд зубов, и в чёрных, круглых, чуть навывкате хитрых глазах вспыхнул смех.

– Отец! – Агата наконец вырвалась и бросилась было к единственным знакомым лицам в этой жаркой чужой стране, но замерла: с отцом и явно испуганной Элен в зал вошли ещё трое мужчин, похожие один на другого как братья: высокие, плечистые и довольно крепкие – с такими даже не придёт в голову сражаться.

– Сезар ди Эмери будет свидетелем, не переживай, о, строптивая красавица, – Орхан сделал какой-то жест, и один из трёх мужчин проводил отца до низкой софы у окон.

Послушная ему Элен... которая должна была следить за Агатой всё путешествие и которую так ловко вывел из участия с помощью хитрости и рома Джонотан, – теперь так же покорно заняла место рядом с отцом, молча взирая на Орхана и на Агату, но явно не понимая, что ей теперь делать.

И даже сейчас Агате чудился во взгляде укор в её адрес, будто она могла что-то сделать и как-то защитить свою честь! А впрочем, не знала ли Элен сразу, что всё должно закончиться вот так? Нет, явно не думала, иначе не была бы так рассеянна и строга сразу.

Но сейчас ни её строгость, ни возмущение не играют никакой роли!

Отец выглядел живым и здоровым, но будто одурманенным после всего пережитого и только слабо кивнул в ответ на пытливый взгляд Агаты. А может, то было воздействие магии Вильгельма – пират явно не отпустил отца просто так.

– Как видишь, всё в силе. Время исполнить наш уговор, – произнёс Орхан.

«Наш уговор»?! Вот как. Агата стиснула челюсти совсем как Джонотан, чтобы не бросить что-то гневное: она не знала и десятой доли того уговора, по которому отец заключил эту сделку, и он даже не сказал ей про артефакт! Только подумать: она узнала про артефакт не от родного человека, а от подлого пирата, который хотел их убить!

В один миг от волнения за жизнь отца она впервые дошла до нестерпимого желания его ударить, но показывать это при Орхане явно не стоило. Надеяться оставалось только на себя.

– Конечно, господин, – притворно улыбнулась она, поворачиваясь к Орхану и делая свой взгляд как можно более послушным и мягким, – раз вы исполнили своё обещание, я исполню своё. Только вы обещали освободить и нашего знакомого капитана, которого по ошибке схватили вместе с пиратами и...

– Меньше слов, дорогая! Меньше слов, я устал, – Орхан покачал головой и резко и повелительно захлопал в ладони. – Ахмед, давайте же сюда.

По его команде двое здоровяков притащили роскошный, украшенный золотом сундук и гулко ударили им о пол. Трое мужчин приблизились и почтительно поклонились Орхану.

– Орхан, брат наш, да будут ясны твои дни и озарены луной ночи, – начал один из них на ануарском. – Рады быть свидетелями радости твоей и подтвердить, что твои намерения чисты и избранница твоя принимает благосклонность твою и обещает открыть лицо своё только перед тобой, стать отражением твоим, как лунный свет – лишь отражение света солнца.

Ох, наверное, это всё издержки торопливых попыток перевода с ануарского – не говорят же они так в самом деле каждый день между собой? Хотя некоторая велеречивость была и у Фадии, но этот мужлан с бесконечными расшаркиваниями в словах казался особенно смешным.

Но если она правильно поняла: брат? Они все братья? Агата переводила взгляд с одного лица на другое, и ей все больше казалось, что она сходит с ума.

Трое молодых мужчин были похожи. Если бы не отличия в их одеждах, то можно было бы надеяться, что все происходящее – дурной

сон. Они выглядели моложе Орхана, возможно, даже моложе самой Агаты, но казались такими же опасными, как и их брат. Правда, смотрели на неё скорее с живым любопытством и восхищением, без маслянистой, оседающей на коже нежеланным прикосновением похоти. Но она, оказывается, – отражение света! Видимо, сияющего Солнца самого Орхана. Прекрасно просто.

Агата бросила гневный взгляд на отца, тот смотрел прямо на неё, лицо его оставалось безучастным, таким же, как и всегда. И как она не замечала раньше, какие холодные у него глаза?

– Ахмет, Ахмад и Ахмед, да будут ясны ваши дни и жарки ночи, – проговорил Орхан нараспев на ануарском, – благодарю, что разделяете радость мою. Пусть свет мой озаряет избранницу мою, как сияет это золото, переданное в дар.

Оставалось надеяться, это слова ритуала, а не они все как на подбор сумасшедшие – с ней-то Орхан разговаривал на человеческом.

С этими словами Орхан принял из рук одного из братьев (Агата не смогла бы их отличить, даже если бы поняла, кто из них кто) тонкую и изящную золотую тиару. Он повернулся к Агате и, глядя в глаза, словно коронуя, опустил украшение на голову. Металлический край неприятно дёрнул волосы и царапнул кожу.

Орхан расправил цепочки, падающие на лоб и волосы полукружьями, и прошептал:

– Твой взгляд обжигает так же, как пламя, в чьём жаре создавались эти украшения. Забавно, что в наших краях того, кто может себе позволить одевать своих женщин в подобные украшения, называют дарующим воду, неправда ли? – он провёл рукой, словно бы поправляя цепочку, и его пальцы неожиданно коснулись щеки Агаты под тонким покрывалом.

Она едва не отпрянула, но второй рукой он удержал её за запястье:

– Как удачно я выбрал для тебя второе украшение! – он говорил так тихо, что Агата едва разбирала слова. – Будет напоминать тебе о том, что надо усмирять свой нрав, огненная моя.

Следующее украшение поднесли двое братьев – несчётное количество тонких золотых цепочек, словно драгоценная паутинка, переплетённых между собой.

– Расстегни брошь, дорогая, – приказал Орхан, встряхивая цепочки, которые рассыпали золотистые искры и тихий, едва

слышимый перезвон.

– Что? – прошептала Агата, делая маленький шаг назад.

– Это ожерелье, – невозмутимо пояснил Орхан, поднимая цепочки выше. – Хочу посмотреть, как оно будет выглядеть на твоей коже.

Агата беспомощно оглянулась на отца, который будто дёрнулся в её защиту, но промолчал. Элен пошла вперёд, но её остановила Фадия и что-то быстро и яростно зашептала.

Агата скользнула взглядом по улыбающимся братьям и, стиснув зубы, подняла руки к шее. Она не покажет страх, это просто дурацкий ритуал. Лучше она сама расстегнёт эту брошь и сама придержит блузу, и не даст повода этому партнёру отца, чтоб его боги покарали, дотронуться до неё лишний раз.

Пальцы подрагивали, но Агате удалось убедить себя, что от злости, а не от страха, когда она расстегнула брошь, прихватив ткань на груди и обнажая ключицы.

Она только прикрыла глаза, когда тёплые пальцы скользнули по чувствительной коже и ловко застегнули на шее тонкое ожерелье. Оно обхватило горло плотно, словно ошейник, врезаясь в кожу. На грудь упали тонкие, почти невесомые золотые цепочки, крепящиеся к ожерелью и словно драгоценная вышивка украсившие её блузу.

– Поддай руку, дорогая, – приказал Орхан, и на запястье замкнулся тонкий золотой браслет и точно такой же на втором. – Очень красиво. Ты прекрасна, кирия ди Эмери.

– Благодарю, – кивнула Агата и поспешила заколоть ворот; звякнули цепочки, пощекотала кожу та, что на шее, и только тогда она поняла, что браслеты на запястьях тоже крепились к ожерелью.

Словно... платье? Она выдавила улыбку, стараясь не думать и не чувствовать, как нагревается прохладный металл и перестаёт ощущаться на коже, как много на ней золота, она, кажется, ощущала вес каждого звена всех этих цепочек.

Фривольный крой и прозрачная ткань блузы и без того нервировали, как и пристальный, изучающий взгляд Орхана.

Но надо сдержаться и показаться покорной, чтобы добиться большего доверия и свободы. А потом сумеет поговорить с отцом по душам, выяснить всё про артефакт и условия сделки – и освободиться так, чтобы не потерять голову или свободу на жестоком и чужом Востоке!

– И, наконец, последний дар, – проговорил Орхан, забирая из рук третьего брата знакомый Агате тонкий браслет.

Он оказался слишком велик для её тонкого запястья, и Орхан обернул его два раза, прежде чем застегнуть, и погладить кожу там, где заполошно пульсировало сердцебиение.

– Отныне и до первой Луны со мной да не увидит ни один мужчина твоего лица. Иначе трижды принявшая будет трижды проклята, – торжественно произнёс Орхан.

– Да будет так, – практически хором произнесли три брата.

И Агате, которая до этого момента воспринимала всё происходящее как досадное недоразумение, которое можно было исправить, как-то договориться, изменить условия сделки и убедить отца вернуться домой, вдруг стало по-настоящему страшно.

Она отшатнулась было назад, оступаясь и путаясь в цепочках и длинном халате, и туфля, больше похожая на роскошно расшитый тапочек без задника и каблука, всё-таки соскользнула с её ноги.

Агата успела почувствовать приятную прохладу мрамора, а в следующий момент Орхан неожиданно опустился на одно колено, подхватывая её ступню.

Тёплые сильные руки щекотно скользнули по подъёму, погладили косточку, и под её ногой оказалось крепкое бедро в белоснежном шёлке шароваров. Она покачнулась, всплеснув руками, отчего цепочки в очередной раз зазвенели, но равновесие удержала.

– Осторожнее, кирия, – Орхан подобрал её туфлю и помог надеть, но пальцы продолжали удерживать щиколотку. – Вам нужно научиться ходить в наших нарядах. Должно быть, сейчас всё для вас непривычно.

– Д-да, – кивнула Агата, стараясь удержать равновесие и не опереться об Орхана.

Как же злит, когда тебя трогает чужой мужчина и ты ничего не можешь сделать. Да даже оттолкнуть его теперь было нельзя.

Сердце заныло, когда она вспомнила, как Джонни – совсем недавно! – так же стоял у её ног и как сладко было потом узнать, что это он. И хоть он вёл себя на грани приличий, а то и вовсе нарушал их, с ним не было страшно. Агата знала, что никогда в жизни Джонотан не причинит ей боль. Сейчас же она дрожала так сильно, что предательски звенели цепочки, выдавая её страх.

Но Орхан истолковал её боязнь иначе:

– Трепетная, словно бутон розы, – он ещё раз обвёл ласкающим движением косточку на щиколотке и, отпустив наконец ногу на пол, поднялся. – И такая же нежная. Я прикажу, чтобы тебя обучили всему, что должна знать девушка. Ты будешь самой прекрасной розой в моём саду.

«Чтоб у тебя завяло всё», – едва сдерживаясь и изо всех сил впиваясь ногтями в ладони, подумала Агата и мило улыбнулась, хотя смысла в подобном притворстве не было: под покрывалом не видно, и вряд ли её улыбка достигла глаз.

– Благодарю вас за заботу, господин Орхан. Я хотела бы переговорить с отцом, по нашим традициям он должен благословить меня наедине, с глазу на глаз, – это святое правило, которому мы неукоснительно следуем много веков.

– Кириосу ди Эмери будет оказан приём, достойный самого верховного правителя, а вам, моя дорогая, следует отдохнуть и вспомнить, что согласно нашим традициям, – сделал он акцент на этих словах, – вам не стоит более искать встречи ни с одним мужчиной, кроме меня.

– Но он мой отец! – Агата не смогла сдержать возглас.

– И он возложил ответственность за вас, кирия, на меня, – ответил Орхан, делая знак слугам, – а я всегда серьёзно отношусь к своим обязанностям. Так что советую следовать моим просьбам, иначе мне – увы, моя дорогая, как я это не люблю – придётся научить вас послушанию.

Он кивнул подошедшей Фадии:

– Займи мою прекрасную невесту. У тебя три дня, чтобы к обряду она знала всё, что приличествует знать будущей жене и усладе своего мужа, – и добавил, глядя прямо в глаза Агате: – С нетерпением жду нашей следующей встречи, дорогая.

«С таким количеством золота на мне – прямо-таки бесценная», – подумала Агата, позволяя Фадии и подоспевшей и, судя по молчаливости, пребывающей в шоке Элен себя увести.

Они вернулись в уже знакомый зал, стражники всё так же безмолвно несли свою службу за закрывшимися за спиной Агаты резными дверями. Солнце уже садилось, и Агата рассеянно смотрела, как длинные золотисто-розовые лучи теперь подчёркивали затейливую резьбу на колоннах, углубляя прохладные тени. Двор был наполнен

безмятежностью, в отличие от бури, бушевавшей у Агаты внутри: за портиком едва шевелились пышные фиолетовые соцветия и сочная зелень, наполняя тёплый ветер из приоткрытых окон благоуханием и свежестью.

– Я хотела бы прогуляться по саду, – обратилась Агата к Фадии. – Вы говорили, что в честь моего сватовства всем девушкам дозволено гулять. Надеюсь, на меня это тоже распространяется?

– Конечно, госпожа, – Фадия на этот раз даже поклонилась.

Неужели её новый статус невесты всё-таки имеет какой-то вес?

– Но разве вы не хотели бы побыстрее показать остальным девушкам прекрасные дары? – Фадия, кажется, искренне верила, что Агате это интересно, потому что заговорила доверительным шёпотом: – А как господин Орхан дотронулся до вас! Это, конечно, небывалая дерзость с его стороны – позволить так откровенно... Но вы правы, вы новенькая, а после такого ваш статус уж точно возрастет.

Из-за того, что Орхан трогал ее щиколотку, ее статус возрастет? Боги, дайте сил и пару учебников местного этикета, кажется, её учителя были недостаточно хороши, потому что отношение к любой близости в их культурах определённо отличаются.

– Я хочу в сад, – повторила Агата, вновь впиваясь ногтями в ладони, чтобы не броситься бегом в спасительную тень деревьев, которая хотя бы на время укроет её от всех условностей.

– Как скажете, госпожа, – послушней прежнего кивнула Фадия, и в её глазах почудилось какое-то ожидание. – Пойдёмте же, я думаю, вам понравится ещё один подарок вашего нового господина, да будут вечны и радостны его дни! Он сделал это для вас, госпожа. Вам непременно понравится!

Агату захлестнуло нехорошее предчувствие. Они переглянулись с Элен и вышли в сад по ступенькам вслед за Фадией, благодушно указавшей широким жестом на невысокую стену, окружающую внутренний двор.

Элен тихо всхлипнула, охнула и без лишних слов осела на землю, лишившись сознания. Агата успела с укором подумать, что, похоже, это она сама скорее будет следить за безопасностью своей надзирательницы, чем наоборот! Сначала она проспала всё сражение с пиратами, шторм и жуткую качку, а потом очнулась только перед

прибытием в порт Шарракума. И только для того, чтобы снова без толку свалиться в обморок!

Но, медленно подняв взгляд к стенам, на которые указывала Фадия, Агата испытала немедленное желание последовать примеру Элен. Только нежной впечатлительной барышней она никогда не была, и крепкий организм не желал предаваться слабости.

Вся верхняя часть стены оцетинилась пиками, на которые были надеты человеческие головы. Она узнала несколько из них – пираты, ещё недавно угрожавшие Агате и смеющиеся над ней, привязанной к мачте на борту «Венценосной Мари».

Агата с трудом сглотнула, переводя взгляд с одной головы на другую и больше всего надеясь не узнать среди них казнённого как пирата Джонотана.

Глава 22

За милость повелителя

Душноватое тепло центрального зала гарема, где все так же сидели занятые кто чем девушки и куда её и едва пришедшую в себя Элен проводила Фадия, показалось Агате отрезвляюще холодным. Ее едва не трясло от озноба после увиденного, пока Фадия не переставала восхвалять свет её очей Орхана Великого. К счастью, голова Джонотана, похоже, все ещё оставалась на его плечах. Она надеялась на это, из последних сил сохраняя невозмутимое выражение лица.

Нестерпимо хотелось остаться одной, хотя бы в тишине подумать, что делать дальше. Агата надеялась на разговор с отцом, но пока подойдёт и Элен. Толку от оказавшейся слишком впечатлительной служанки пока было мало, но её привели вместе с отцом. Возможно, и о судьбе Джонотана ей что-то известно.

Напряжённо думая, как бы избавиться от Фадии и остаться наедине с Элен, Агата не сразу заметила, что к ней приблизилась одна из девушек.

– А вот и наша новенькая, – если бы она не тянула противно гласные, подражая ануарскому акценту, хотя сама – светловолосая и голубоглазая – местной явно не была, то могла бы показаться Агате милостливой. – Были слухи, что ты станешь женой господина Орхана, да будут славны его дни, но, похоже, даже место младшей наложницы тебе не светит.

– Придержи язык, Айра, – цыкнула на неё Фадия, ещё пытаясь увести их за собой, но внезапно вспыхнув: – Господин Орхан своими руками надел на Агату не только золото, но и, – она многозначительно приподняла бровь и прижала палец к обветренным губам, – оброненную туфлю! Своими собственными руками! Даже... – она выдержала демонстративную паузу и понизила голос, – сам коснулся её щиколотки!..

На этот факт Айра только недоверчиво фыркнула, хотя по всему залу тут же разнёсся торопливый шепот с ахами, вздохами, а кое-кто из девушек даже зажал руками рот, чтобы не издать поражённый вздох. Их господин коснулся щиколотки, подумать только!

Агата подумала о том, что было бы с этими впечатлительными курочками, узнай они о Джонотане, о том, как он однажды надевал на её бедро утерянный чулок и как потом в каюте... Нет, для них она навсегда станет падшей женщиной.

Впрочем, будь он тоже восточным господином на троне – это бы никто не осудил.

Элен попыталась вмешаться и отгородить Агату от недружелюбно настроенной публики, но деловитая Айра отодвинула компаньонку прочь, и Агата сама вышла вперёд, чтобы несчастной Элен не досталось вместо неё.

– Ну-ну. Так вот это теперь считается золотом? – Айра небрежно поддела пальцем одну из цепочек, лежащих на груди Агаты. – Да его и не видно! Только служанкам такое и носить.

– Не слушай её, птичка, сам господин Орхан оказал тебе великую милость своими дарами, а она – завистливая змея, по которой скучает плеть. Вот пожалуюсь на тебя господину, – добавила Фадия, сердито глядя на ничуть не смутившуюся Айру, – будешь знать, как злословить!

– Так я ничего такого не сказала, – изящно пожала плечами та. – Просто помогаю разобраться, ведь Священная Луна, озаряющая ночной небосвод, велит девушкам всегда помогать друг другу. Вот я и говорю, чтобы эта новенькая не обольщалась. Она господину нужна только постель греть в те дни, когда мне боги не позволяют быть с ним. Иначе перед всеми он бы не дотронулся до нее до самой свадьбы. Все знают, что я – любимица Орхана, и так останется впредь!

Элен снова попыталась защитить свою воспитанницу, но на сей раз её сдержала Фадия, твердя, что никто не смеет прикасаться к избранницам самого Орхана и лучше бы ей, Элен, держаться от них подальше, а то не ровен час и великий господин узнает, выйдет из себя и...

Агата никогда не считала себя сдержанной, наоборот, отец всегда твердил, что ей стоит смирять свой огненный характер. И Агата привыкла сдерживаться и быть невозмутимой, как того требовало светское общество. Но шторм, плен у пиратов и зыбкость её положения, кажется, сломали и без того хлипкие оковы условностей. Поэтому, когда Айра, ещё раз, насмехаясь, потянула за цепочку на её

груди и ожерелье-ошейник ощутимо впилось в кожу, Агата перехватила её руку и с силой сжала:

– Не смей ко мне прикасаться! – проснувшаяся злость пробудила в Агате настоящую демоницу. – Или злишься, что сам повелитель склонил передо мной колена... в то время как ты ползаешь у него в ногах, вымаливая милость?

– Замолчи! Ай, ты делаешь мне больно! Она напала на меня! – выступившие на глазах явно картинные слёзы не помешали Айре пребольно наступить Агате на ногу и вцепиться ногтями ей в руку.

– Это ложь, – Агата со всей силы отпихнула ненормальную, но та держалась крепко, а дурацкие расшитые тапочки, наоборот, едва не сваливались с ног.

«Только бы не разбить голову», – подумала Агата, когда они обе повалились на пол.

Она сильно приложилась локтем, зато второй, судя по придушенному сипу, угодила внезапной сопернице в живот.

– Я тебе лицо расцарапаю! – заорала та и действительно кинулась на неё с кулаками.

– Убью, – мрачно и решительно отозвалась Агата, чувствуя внезапный азарт.

После шторма, плена, волнения за судьбу отца и Джонотана, унижительной встречи с Орханом оказалось неожиданно легко и приятно дать волю своей злости, вцепиться противнице в волосы, отдирая от себя, и орать, катаясь с ней по полу. Боли Агата не замечала: когда они были подростками, Джонотан считал её партнёром по играм, а не хорошей девочкой, и мутузил так же, как всех своих товарищей.

– Спасите! Она на меня напала! – завизжала Айра, и ей завторила низким голосом Элен, когда Агата ловко вывернувшись, заломила руку внезапной соперницы за спину. – А-ай, больно!

– Агата, кирия! – оклик Элен отвлёк на мгновение, и этого хватило скользкой девице, чтобы вывернуться из захвата и ухватить Агату за одну из кос.

Жалобно звякнули цепочки, драгоценный венец упал с головы, но Агата только сжала зубы, хотя больно было ужасно.

– Ах ты змея! – она вспомнила, как Джонотан учил её правильно сжимать руку в кулак, и со всей силы ударила вцепившуюся в её

волосы Айру в плечо.

Костяшки пальцев больно заныли, мерзкая цепочка-ошейник впиалась в шею от резкого движения руки, но наградой ей был вопль противной девицы и её некрасиво скривившееся лицо.

Вот только порадоваться Агата не успела: удар вышел на удивление сильным, а Айра, так и не выпустив её косу из рук и не удержавшись на скользком полу, с воплем спиной полетела в бассейн с рыбками, увлекая её за собой.

Агата приземлилась прямо сверху, зажмурившись от плеснувшей во все стороны воды. Богато расшитый халат сразу же намок и потяжелел, а тонкая блуза облепила грудь, приятно охлаждая разгорячённую кожу. Вот только цепочки подаренного украшения зацепились за вышивку на рубашке Айры, и встать никак не получалось.

– Ты... ты, – задушенно просипела Айра, расцарапывая Агате руки в попытке спихнуть с себя.

– Ну, я, – согласилась Агата, рванула цепочки посильнее, наплевав на боль в шее и надеясь, что замысловатое украшение порвётся наконец. Но оно выдержало, в отличие от драгоценной вышивки.

Нитки порвались, брызнули во все стороны жемчуг и яшма, украшавшие вырез Айры, на которой Агата удобно устроилась верхом.

Воды в мелком бассейне почти не осталось, и она на секунду пожалела, что у местной красотки нет никаких шансов захлебнуться. Что-то злое и жестокое разливалось в груди, подстёгнутое болью. От правого запястья расходилось, вызывая колючие мурашки, странное тепло. Агата почти не слышала ни визгов девушек вокруг, ни окриков, даже придушенные всхлипы Айры доносились как сквозь вату.

– Ещё раз сунешься ко мне – убью, – просипела Агата, тряхнув головой, сбрасывая наваждение и одной рукой удерживая девицу, а второй растирая шею, на которой точно должен был остаться след от ожерелья.

– Тебя накажут! Орхан так...

– Я предупредила! – прошипела Агата и, скинув ненавистные тапочки и оскальзываясь на мокрой мелкой плитке, поднялась.

Она готова была к выволочке от Фадии, да к чему угодно, потому что нервное напряжение, сковывающее всё тело, отпустило после драки. И пусть приличные кирии так не поступают, Агата чувствовала

глубокое удовлетворение от столкновения с противницей, которая была ей... равна по силам. Потому что теперь, пожалуй, ей хватит уверенности и на противостояние с сильными мира сего. А всего-то надо было – помахать кулаками!

Агата усмехнулась, откидывая с лица влажные волосы, и замерла, когда услышала хлопки за спиной.

– Восхитительно! – раздался весёлый голос. – Сколько страсти!

Агата резко развернулась, чувствуя, как невольное смущение заликает щёки: в дверях, довольно скалясь, стояли три брата Орхана. Здоровенные, как на подбор, и одинаково восхищённые увиденным зрелищем. А вообще, с какой стати они так свободно заходят на женскую половину?! Агата сердито запахла полы мокрого халата, прикрывая почти обнажённую грудь.

– Что вам нужно?! – бросила она с привычными нотками хозяйки большого дома и наследницы одного из самых больших состояний их земель.

Один из братьев, Ахмад или Ахмед, даже оторопело округлил глаза. Только сейчас Агата заметила, что все девицы мигом смолкли, и даже Айра, барахтающаяся в воде, перестала зло фыркать и отплевываться, а молча выбралась и тоже опустила глаза.

Братья заговорили все разом на ануарском с размахиванием руками, и Агата перестала их понимать, но тушеваться и просить прощения даже не думала. В конце концов, это их – восточные – традиции пресмыкаться перед мужчинами и падать ниц каждый раз, когда один из «озарённых Солнцем» криво посмотрит или что-то скажет.

Ахмад, или Ахмед, или Ахмет – кто-то из них – шагнул к ней и требовательным кивком позвал за собой, не забыв эмоционально поцокать и помахать второй рукой.

– Куда? – Агата нахмурилась, продолжая держать руки скрещёнными на груди и прижимать локтями мокрый халат, с которого капало на мраморный пол.

Ахмет-Ахмад-Ахмед выразительно покачал головой и принялся повторять:

– Кириос... Кириос Эмери! Эмери, понимаешь? Твой папа! – с ударением на последний слог наконец выговорил ануарец. – Хади, хади!

– Я иду с госпожой, – Элен наконец ловко вывернулась из хватки Фадии и бросилась к Агате, осматривая её со всех сторон и всем своим видом показывая, что больше никому не позволит обидеть вверенную ей госпожу.

– Нетъ, – попытался было возразить Ахмед-или-кто-из-них, прихватывая Агату за локоть, – только ты.

– Элен идёт со мной, ясно?! – Агата снова закипела. – Идём! Сейчас мы поговорим наконец с отцом и закончим всё это! Сумасшедший дом.

– Сначала я выдам ей сухую одежду! А вы отвернитесь немедленно, бесстыдники! – замахала Фадия руками. – И вон, вон отсюда! – встала вдруг она на их сторону и повела Агату с Элен прочь из зала, не преминув перед уходом угрожающе погрозить пальцем притихшим девушкам и грозно нахмурить брови.

Глава 23

Послушай

– Ох, ох! Мне придётся потрудиться с тобой, – причитала Фадия себе под нос, шагая впереди и уводя их к чередке комнат.

И всё же в её ворчании Агата различила будто горделивые нотки, словно та давно мечтала, чтобы кто-то поставил зарвавшуюся любимицу Орхана на место.

– Что за поведение! Тоже мне, благопристойная госпожа! Ах! Хорошо, что это не видел господин, иначе надрал бы уши вам обоим – собственноручно! Не посмотрел бы, что ещё лишь невеста! Нет, милочка, попала сюда – забывай старые привычки, забывай скорее! Иначе не сносить тебе головы!.. – всплеснула руками Фадия.

При упоминании головы и Агате, и, судя по всему, Элен сразу поплохело. Слава богам, Фадия не повела их снова через тот злосчастный сад. Интересно, как долго Орхан собирается упиваться собственной жестокостью?!

Но времени и сил на жалость к казнённым пиратам не хватало. У Агаты было о ком переживать – помимо себя! И если судьба отца сейчас её беспокоила всё меньше, то о жизни Джонотана она думала каждую минуту.

Фадия привела их в отведённые Агате роскошные покои. Высокие потолки, выложенные мозаикой, как в зале, где Орхан навешал на неё золото, мраморный пол, устланный ковром с таким мягким ворсом, что ноги в нём утонули по щиколотку.

Здесь было достаточно прохладно: в забранное решёткой приоткрытое окно с мелкой витражной расстекловкой влетал свежий, пахнувший солью и свободой ветер. Изящная мебель то ли из светлого дерева, то ли из слоновой кости, множество цветных подушек и воистину огромная кровать тонули в зыбком полумраке – солнце совсем село, и в комнате кто-то зажёг свечи в небольших подвесных светильниках, украшенных мелкими стёклышками. Свет дробился и создавал причудливые тени на тонкой занавеси светлого, лёгкого балдахина, скрывающего кровать. Агата подумала, что было бы чудесно выспаться как следует после всего произошедшего. Может

быть, утром окажется, что это всё сон после лишнего бокала на приёме в честь её дня рождения?

Но Фадия и Элен, кажется, воодушевленные тем, что Агата смогла за себя постоять, тормозили её и споро помогли переодеться в сухое.

Новый наряд оказался таким же, как прежде, только халат теперь был из шёлка глубокого синего цвета, расшитый звёздами на плечах и диковинными цветами и птицами по подолу, словно волшебный сад ночью. Вышивка была изумительной – серебряная нить и мелкий бисер, который в свете свечей стал похож на настоящие капли росы.

– Надо поскорее приказать, чтобы доставили ваш багаж, кирия, – Элен придирчиво разглядывала наряд, задержавшись на откровенном вырезе тончайшей блузы, ворот которой удерживался только волей богов и ненадёжной брошью в виде крошечной остроконечной звезды, повторяющей те, что были вышиты по вороту и груди. – Это же разврат!

– Не слушай, птичка, – Фадия оттеснила Элен в сторону и материнским жестом приобняла Агату за плечи. – Ты прекрасна, словно Луна тихой ночью. И это чудесный наряд! Разумеется, он только для гарема и для глаз Орхана и родственников. Ни один посторонний мужчина не увидит тебя такой. Ты дома, и в безопасности!

– Но слуги!

– Они просто слуги! – отрезала Фадия. – Их не пустили бы даже на порог женской половины, если бы они могли причинить вред!

Фадия и Элен обменялись одинаково гневными взглядами, от которых Агата чуть было не закатила глаза: женщины, когда стояли вот так рядом, были даже похожи. Обе крепкие, суровые и, что было неожиданно приятно, каждая по-своему за неё переживала.

– Элен, мы в гостях, – примирительно проговорила Агата и подняла ладонь в предупреждающем жесте, когда Фадия что-то хотела возразить. – Пока я не жена Орхана, я в гостях, но в гостях надо быть вежливой. Мне очень нравится этот наряд. И я благодарна подаркам. А теперь, когда мы с этим разобрались, я бы хотела увидеть наконец отца.

Агата вскинула подбородок и расправила плечи, надеясь, что её выдержки хватит, чтобы всё разузнать и не избить ещё кого-нибудь.

Хорошо бы отец прояснил, что он обещал Орхану и где сейчас Джонотан.

Элен, к счастью, не стала возражать, только недовольно поджала губы.

Агата думала, что Фадия вновь поведет её через бесконечные анфилады комнат, но оказалось, что теперь без отдельного распоряжения Орхана она может находиться только на женской половине дома, а для встреч с родственниками есть отдельная примыкающая к роскошной спальне гостиная.

– Господин Орхан сделал тебе столько подарков, птичка, – с придыханием проговорила Фадия, показав жестом служанкам поставить большие блюда с фруктами и сладостями на низкий столик, окружённый мягкими диванами с множеством шёлковых подушек. – Порадуй его чем-нибудь и обязательно передай благодарность через своего отца.

– Спасибо за совет, Фадия, – старательно изображая покорность, кивнула Агата, опускаясь на диван и чинно складывая руки на коленях. – Так и сделаю.

После всех волнений неожиданно проснулся аппетит, и она с трудом сдерживалась, чтобы не запихнуть в рот кусочек ароматной пахлавы, прямо перед ней истекающей медом на маленькой, расписанной тюльпанами тарелочке.

Элен нерешительно замялась на пороге, но Фадия подхватила её под локоток, решительно увлекая за собой:

– Покажу вам, где найти всё необходимое для нашей госпожи. Как чудесно, что вы будете подле неё. Это подчеркнёт статус невесты господина!

– Я собиралась остаться сейчас! – возразила Элен, но с этим не была согласна уже Агата: она должна переговорить с отцом без лишних ушей.

– Кирия Элен, вам стоит отдохнуть. День выдался тяжёлый, мы с вами обсудим все вопросы завтра, – мягко, но уверенно проговорила Агата.

Губы Элен сжались в ещё более тонкую полоску, но возражать она не стала, и Агата наконец осталась одна.

Ожидание затягивалось: Агата успела попробовать и пахлаву – нежную, с орешками и очень сладкую, – и непривычный кисловатый напиток из ягод, который охлаждался в большой чаше с быстро тающим льдом.

За приоткрытым окном царила ночь, Агата выглянула, сияясь разглядеть хоть что-то сквозь прутья решётки в темноте сада, окружавшего дом, но слышала только шорох шагов и тихий лязг металла – похоже, охрана бдит круглосуточно. Интересно, они защищают женскую половину дома от вторжения извне или решётки на окнах и охрана нужны, чтобы покорные и всем довольные девушки не сбежали в пустыню или к близкому морю?

Наконец, когда Агата скинула туфли и почти решилась забраться на низкий диванчик с ногами, дверь приоткрылась, и безмолвный слуга с почтительным поклоном впустил её отца.

Агата вскочила с места и замерла, не зная, то ли броситься ему на шею, то ли отвесить звонкую пощёчину – так, чтобы он в один миг прочувствовал всё, что ей пришлось пережить! И даже столкновение отца с Вильхельмом не разжалобило её сердце: судя по всему, именно отец и виноват во всём, что с ними случилось!

– Агата, дочка моя... – отец пошёл к ней, и впервые она заметила, как он резко постарел.

На загорелом лице с многочисленными ссадинами и кровоподтёками проступили морщинки у глаз и в уголках губ. А сами глаза заметно погасли и теперь беспокойно перебегали с её лица на обстановку вокруг. Будто теперь отец перестал вести себя так заносчиво и самоуверенно и везде ожидал увидеть врагов.

Такое у него бывало и раньше, когда он возвращался с какой-то сделки суетливый и напряжённый, приказывал слугам внимательнее следить за домом, наглухо закрывал шторы и отказывался пускать гостей. Прежде он объяснял это тем, что у него жутко разболелась голова и начался приступ мигрени, который мог затягиваться и на неделю. Отец в то время почти не выходил из комнаты и постоянно отговаривался этим неважным самочувствием, хотя продолжал активно писать и отправлять письма своим знакомым.

Теперь Агата понимала, что это вовсе не плохое самочувствие, а последствия заключённых и наверняка не очень-то благородных и честных сделок, от которых получал выгоду в первую очередь сам

отец. Немудрено было нажить врагов – и порой врагов весьма деятельных и опасных.

Агата вспомнила лицо Вильгельма, когда он рассказал о том, что помнит её маленькой девочкой. Теперь вспоминалась и вся та сцена: она не могла уснуть, как часто случалось после гибели матери, и отец, до ночи засидевшийся с трубкой, встретился там с резким и громким человеком. Тот говорил на повышенных тонах, а когда она вошла в кабинет, вцепился в неё пронизательным взглядом, и губы его нехорошо изогнулись в мстительной улыбке.

Это был он. Это был Вильгельм – тот же тяжёлый взгляд, то же тёмное и мрачное ощущение от него, хоть и прикрытое саркастичным тоном.

Агата потрянула головой, отгоняя ненужное больше прошлое.

– Ну что, отец, – обманчиво-плавно начала она, замерев перед ним. – Надеюсь, ты доволен заключённой сделкой? – она окинула взглядом свой наряд, вытянула руки, любуясь переливами прозрачной шелковистой ткани, вопиюще оголяющей её тело.

Отец заметно стушевался и смутился, будто не желая видеть дочь в таком образе.

– Послушай, дочка...

– Ты действительно гениальный торговец, отец, – горько улыбнулась Агата. – Теперь я воочию убедилась, насколько богат и знаменит мой жених, Орхан Всемогущий-как-его-там. Я не могу корить тебя за то, что ты не побеспокоился о моём будущем. Мне обещают всё золото и все шелка этого мира.

– Дочка, послушай же меня! – Сезар ди Эмери сделал ещё шаг к ней, собираясь обнять, и вдруг оступился и едва не рухнул на пол.

Агата подхватила его под руку и с трудом усадила на низкую софу у стены. От отца пахло спиртом и благовониями, в неряшливо рассыпанных волосах застряла соломка – наверняка последствия того, что он полдня провёл в темнице. Он задышал громко и надсадно и будто содрогнулся в рыданиях – не оставалось ничего, кроме как обнять старика.

– Прости меня. Прости дурака старого, девочка моя, – забормотал отец невпопад, выбрался из её объятий и склонился низко к коленям, обхватив руками голову. – Я всё делал, чтобы ты ни в чём не нуждалась. Я делал всё. Эти годы. Когда-то я знал, что такое нищета!

Моя бабка дошла до того, что просила подавание при короле Эдвиге, и я видел это своими глазами, когда был ещё совсем мал, но уже понимал.

Отец соединил пальцы в замок и принялся хрустеть суставами, будто не знал, чем ещё себя занять, и вдруг вскинул голову, вперив в Агату пронзительный взгляд.

– И я поклялся тогда, заклиная всех богов, что никогда, никогда не повторю её путь и не позволю моей семье нуждаться ни в чём! Я шёл к этому всю жизнь и сделал нас богатыми и влиятельными! Поверь мне, если бы я знал... Если бы мог предположить, что этот мерзавец Вильхельм посмеет...

– Ты должен был предположить, папа. Должен! Он рассказал, что уже видел меня раньше. Когда я была маленькой, сколько мне было? Пять? Семь?

– Он мерзавец и заслужил то, что с ним случилось! – упрямо и привычно повысил голос отец. – Неужто ты поверила ублюдку?! Он расскажет что угодно, лишь бы оправдать своё пиратство и мерзкую натуру...

– Да, он пират и ублюдок, зато... честный! Он прямо сказал, чего хочет и что мстит тебе. Значит, есть за что. Расскажи мне всё, – ещё упрямей сказала Агата, вглядываясь в его лицо. – Теперь я должна знать правду. Всю правду. Иначе – я клянусь, отец! – иначе я сама прикажу Орхану повесить и твою голову на те пики! Слышишь?!

Голос сорвался, рыдания душили теперь и её. Самый близкий человек, самый родной... оказался предателем и торгашом, готовым променять её свободу на богатства. Разрушающим судьбы других.

– Что именно ты хочешь услышать? – отец продолжал сидеть, склонившись и смотря в пол, будто по-прежнему искал выход, как ускользнуть от неприятной, откровенной правды.

– Всё, начиная с истории Вильхельма и вашего знакомства и заканчивая артефактом, что сейчас надет на мою ногу.

– Это старая история, и она никак не влияет на твоё замужество, – упрямо мотнул головой отец, – а поговорить я хотел именно об Орхане.

– Здесь не о чем говорить! Я не хочу за него замуж, но непохоже, чтобы ты собирался разорвать помолвку, – Агата нервно прошлась туда-сюда: ноги приятно тонули в мягком ворсе ковра, но даже это сейчас раздражало. – Что с Джонотаном?

На удивление этот вопрос стал последним камнем, разбившим всю сентиментальность минутных душевных терзаний Сезара ди Эмери и его попыток хоть в чём-то покаяться. Именно напоминание о Джонотане почему-то снова впустило страх во взгляд отца, и Агата не могла понять почему.

– Даже думать о нём не смей! – отец быстро обернулся, а потом торопливо распрямился, и в его голосе вновь прозвучали жёсткие нотки, хотя сцепленные в замок пальцы мелко задрожали. – Не пропадёт! Твой любимый Джонни – тот ещё пройдоха и наглец, которому никто и ничто не закон! А пропадёт – туда ему и дорога! Он, между прочим, прекрасно знаком с местными традициями. Или ты думаешь, почему я нанял его везти нас сюда?! Он, я знаю, успел снюхаться с людьми отсюда за те пару лет, что проторчал возле Шарракума. Лучше бы и не возвращался!..

Джонотан знает местных? Агата сощурилась.

– Так всё это время он был на Востоке, здесь? Он мне не говорил...

– Вот видишь! – отец обвинительно ткнул пальцем, будто это полностью подтверждало его слова, и тут же снова вернулся к своей теме: – Забудь о нём. Тебе стоит быть мягче и покорнее с Орханом! Он прекрасный мужчина, ты будешь жить в роскоши, практически как восточная принцесса! У тебя будет всё самое лучшее, всё, чего ты достойна!

– А ещё я буду сидеть вот в этих комнатах, – Агата резким жестом обвела пространство вокруг рукой, – ходить на цыпочках перед этим Орханом, а если ему что-то не понравится, то он либо отдаст меня братьям, либо моя голова украсит его стену! Не так ли? Тебе это кажется отличной сделкой? Я была уверена, что вы просто заключаете контракт! Что я смогу помогать тебе с делами! Я училась! Я делала всё, чтобы помогать тебе!

– Ты женщина! Никто не будет заключать с тобой сделок! – отец вскочил было, но сразу же устало опустил обратно и продолжил уже спокойнее: – Никто не будет смотреть, насколько ты образованна и насколько хорошо разбираешься в нюансах, все будут видеть только богатую наследницу рода и жаждать заполучить тебя и вместе с тобой прибрать к рукам моё дело.

– И ты нашёл покупателя подороже.

– Орхан – отличный торговец, – кивнул отец, словно не заметив яда в её голосе. – Целая торговая империя в его руках. Золотые рудники, плантации специй, драгоценные камни и редкие ткани. И я буду его единственным партнёром и представителем в Энарии.

– Что станет с твоим делом потом? Ты не вечен, отец, – слова прозвучали жестоко, но Агата нарочно не стала их смягчать.

– В договоре с Орханом прописано, что если от вашего брака родится наследник, он останется с отцом, если девочка, её я возьму к себе на воспитание и подберу ей достойного жениха, которому и передам все дела. Таким образом наш род будет процветать и дальше ещё долгие годы после меня.

Агата села, вцепившись пальцами в прохладный шёлк обивки. Бесполезно возражать и что-то доказывать. Бесполезно объяснять отцу, что так поступать нельзя, что она не вещь и не строчка в договоре. А вот выяснить то, что поможет ей как-то выбраться из этой сделки, стало острой необходимостью.

– А всё-таки, что произошло между тобой и Вильгельмом?

Кажется, отец не ожидал столь внезапной смены темы, потому что он моргнул, словно пытаясь понять, о чём она.

– Как я уже сказал, это давнее дело, но раз тебе так любопытно... – он бросил на неё быстрый взгляд, словно оценивая, как много может рассказать. – Мы были торговыми партнёрами, Вильгельм вложил в одно невыгодное дело. Я отговаривал его, конечно. Но в итоге сдался и согласился помочь. Предчувствие меня не обмануло: кроме того, что большой прибыли там ждать не приходилось, корабли попали в шторм. В тот день Вильгельм потерял все вложения и обвинил в этом меня, потому что деньги я вносил от его лица. Он тогда был честным, но не слишком крупным торговцем, чтобы ему позволили зафрахтовать судно без дополнительных рекомендаций.

– Почему он всё потерял? – нахмурилась Агата. – Ведь страховка...

– У него её не было. Я же говорю, он не располагал достаточными средствами и не разбирался...

– Ты не подсказал ему, что надо обязательно страховать груз? – не поверила Агата и добавила после небольшой паузы: – Ты сделал это специально.

Она сжала руки на коленях, прокручивая в голове всё, что знала о морской торговле. Конечно, намеренно, вряд ли Вильхельм был настолько наивен. Скорее, он просто доверился старшему и более опытному партнёру. Отец пустил его по миру, скорее всего, прибрав оставшееся по векселям себе, в счёт оплаты расходов. А Вильхельм остался кругом должен. То, что его подставил отец, не делало пирата в её глазах лучше и никак не обеляло всё, что он позволил себе с ней, но Агата почувствовала что-то вроде... сочувствия? По крайней мере, он хоть и развлекался за её счет, но в целом повёл себя относительно благородно.

– Я знаю, что ты сейчас меня осуждаешь, – проговорил отец, нарушая сбивчивый ход её мыслей, – но это торговля, моя дорогая. Я не могу позволить себе вытаскивать каждого неудачливого партнёра, иначе моё собственное дело пойдёт под откос.

Агата хотела съязвить относительно незавидной участи Джонотана, но одёрнула себя: если бы произошло что-то непоправимое, отец, скорее всего, сразу бы сказал, а пока нужно не давать волю эмоциям и помочь себе. Хотя бы сведениями.

– Что это за артефакт? – она приподняла и развернула ногу, на которой теперь красовалась золотая цепочка. Повинуясь порыву и чтобы хоть как-то молчаливо выразить протест, Агата сняла слишком длинный для её тонкого запястья браслет и надела на щиколотку. Если Орхану он так нужен, вот пусть и снимает его оттуда. Мелочно, но это помогло успокоиться.

– Большая ценность, – скупо отозвался отец и тревожно огляделся, словно проверяя, что они действительно одни. – Он всегда принадлежал роду аль Гаффар. Все в роду обладали способностями: кто-то даром убеждения, кто-то мог укрощать пустыню... Говорят, отцу господина Орхана особенно благоволили боги, но на самом деле он был выдающимся магом.

– Откуда ты знаешь?

– Мы пробовали наладить с ним связь много лет назад, ещё до трагедии, которая произошла с твоей матерью и родителями Джонотана, когда они погибли в шторм. Отец Джонотана, как ты знаешь, был талантливым моряком, они с женой тогда доплыли до берегов Шарракума.

– Но ты никогда не ходил с ними в плавание, – ввернула Агата, и отец кивнул, подтверждая сказанное:

– Морская болезнь, будь она неладна! К тому же, твоя мать уже носила тебя и боялась оставаться на столь долгий срок одна. Если бы не это, возможно, все эти годы мы бы уже успешно торговали с Шарракумом.

– И не пришлось бы меня продавать? – язвительность всё-таки прорвалась, и Агата заставила себя прикусить язык: подобных историй она раньше не слышала, как и не знала того, что её отец был настолько дружен с отцом Джонотана.

Джонни рос в их доме, но на половине слуг, учился с Агатой, но его никогда не приглашали на совместные прогулки и в поездки. А как только он подрос, отец отправил непокорного и дерзкого воспитанника в морское училище.

Значит, его отец был простым моряком... Странно, что простому моряку её отец доверил заключение подобной сделки. И какая жестокая ирония, что Джонотан тоже пришёл к этим берегам, но, в отличие от своего отца, в этот раз привез кириоса ди Эмери. На свою же беду!

Страх за судьбу Джонотана, эта полнейшая неизвестность снова заставляла сердце колотиться, но Агата силой воли никак не выдала тревогу и продолжила расспрашивать отца с демонстративно равнодушным видом:

– Так что за артефакт? – вновь вернула она разговор к необходимой ей теме. – И как он оказался у нашей семьи? И зачем понадобился Орхану?

– Артефакт усиливает или проявляет магические способности. А Орхан – единственный в их роду – родился без дара.

Агата распахнула глаза, посмотрела на отца и перевела взгляд на цепочку, почти неощутимую на щиколотке.

– То есть я сейчас могу... – она оборвала себя, прислушиваясь к ощущениям, но нет, всё было как прежде. – Но я ничего такого не чувствую!

Отец вновь тревожно огляделся, глаза забежали, и наконец он проговорил так тихо, что Агате пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать сказанное:

– Он не работает.

– Что? – Агата растерянно посмотрела на отца. – Как это – не работает? Но Орхан... О боги! Ты всё это время знал, что он не работает!

– Тш-ш, не кричи так, – отец дёрнулся к ней, как будто готов был закрыть ладонью ей рот. – Никто об этом не знает, кроме меня. А Орхан и так влиятелен и богат, и все слушаются каждого его слова. Скорее всего, он и не заметит, что артефакт не работает.

– Как можно этого не заметить!

– Для этого я и хотел с тобой поговорить, – шёпотом произнёс отец, и они оба склонились над низким столиком с позабытыми яствами, словно два заговорщика. – Будь милой и покладистой, убеди Орхана в том, что артефакт работает, и его магия – дар убеждения. Это легко будет проверить. Я соглашусь на несколько уступок по договору, чего от меня точно не ожидают, а ты впредь будешь слушать его и делать всё так, как он захочет. Договор с Орханом будет подписан сразу после обряда, я здесь именно для этого, после сразу же отправлюсь домой. И так за время моего отсутствия совершенно точно уже полный бардак в делах. Поэтому сделай всё как должно!

– То есть я ещё и должна покрывать твою ложь! А Вильгельм?! Он точно знает, что артефакт не работает, иначе оставил бы его себе!

То, что отец бросит её здесь, даже не удивило. Отец просто считал, что передаёт её мужу. Вот только сердце сжалось на мгновение. Не ожидала она, что долгожданное путешествие обернётся вот так. Хороший же подарок на день рождения он ей преподнёс!

– Вильгельма скоро повесят.

– Что с Джонотаном? – быстро вставила Агата и вздохнула, чтобы загнать подступающие слёзы: она осталась совсем одна.

– Последний раз я видел и его, и Вильгельма в темнице. Надеюсь, они оба там и остаются.

Агата вскочила, сжимая кулаки.

– Но Джонотан ни в чём не виноват! Он спас меня! И тебя спас!

– У него были какие-то дела с пиратами. Он сам подтвердил, что знает Вильгельма, не так ли? – отрезал отец гневно. – А значит, его место – на виселице!

Глава 24

Тайны и секреты одалисок

Не успела Агата возразить упрямому отцу, как в комнату постучали, а потом без ожидания вошла Фадия:

– На сегодня всё, всё, мои дорогие! – Она повелительно хлопнула в ладони: – Время спать! Завтра нашей дорогой невесте надо сиять, как начищенный бриллиант, а известно каждому, что лучший способ для девушки выглядеть привлекательно и свежо – глубокий и здоровый сон.

– Вы правы, – отец тяжело поднялся с места.

Фадия отвесила ему не очень почтительный поклон и мягко выпроводила из комнаты:

– Завтра, завтра, все разговоры завтра – и не раньше, чем придёт время обеда.

Агата поняла, что спорить со строптивой надзирательницей – не то же самое, что лукавить перед набожной Элен, поэтому глубоко вздохнула и бахнулась на кровать, накрыв лицо лёгкой, почти невесомой подушкой.

Глаза устало горели, и всё происходящее с каждым часом ещё больше напоминало восточную сказку, в которую сама Агата так нелепо угодила. Отец продал её на Восток – богатейшему местному властелину земли и воды и чего-то там ещё, они едва вырвались живыми из лап пиратов, угодили в шторм, а теперь Агата вроде принцессы, запертой в башне, только вот прекрасный принц тоже окружён врагами и посажен за решётку!

Вся надежда на сказочного дракона.

Точно. Это единственное, чего недостаёт в этом царстве абсурда!

Агата рассмеялась прямо в подушку, перевернувшись на живот, скомкала несчастную на укрытой шелками постели и осталась лежать, оперев подбородок в ладони и в полудрёме наблюдая, как невесомо колышется на неосязаемом ветру полог балдахина.

Уверенные тёплые пальцы нежно обвели косточку на ноге, провели щекотную линию вдоль так и оставшегося на ноге артефакта, скользнули вверх по икре, рассыпая мурашки, и, наконец, дразняще

огладили бедро. Агата то ли всхлипнула, то ли простонала, переворачиваясь на спину, перехватывая наглые ладони, которые всё равно нежно и уверенно обхватили за талию, притягивая к горячему торсу. Мягкие, невесомые поцелуи продолжили дорожку вдоль её ключицы, мазнули по скуле. Агата прерывисто вздохнула, подаваясь навстречу, стремясь поймать губами ускользающий поцелуй.

– Просыпайся, птичка!

Под сомкнутые веки хлынул свет, и Агата вскочила, распахивая глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение и с трудом осознавая, что сидит одна посреди огромной кровати в ворохе подушек и сбившихся простыней. Затканное вышивкой тяжёлое одеяло она скинула на пол ещё вечером. Тонкая ночная сорочка задралась до талии и сползла с плеча, растрепавшиеся от беспокойного сна волосы липли к влажному лбу; в комнате душно пахло благовониями, палочка которых, забытая с вечера, ещё тлела на низком столике в углу комнаты.

– Совсем разоспалась, красавица, – добродушно пожурила Фадия, распахивая окна и впуская с солнечным светом тёплый, пахнущий влажной землёй и зеленью ветер. – Через несколько часов станет совсем жарко, а так успеешь прогуляться в саду до уроков.

– До уроков? – переспросила Агата, моргая от ярких лучей, играющих на золотой вышивке балдахина, и потирая пылающие щёки. И резко тряхнула головой. – Вы не знаете, что с нашим капитаном, Джонотаном ди Арсом?

Сон был таким ярким, что она слезла с кровати и проверила, не спрятался ли там Джонотан, как уже делал однажды. Но там нашлись только вчерашние злополучные тапочки. Приснится же такое!

Вчера их разговор с отцом прервала Фадия, столь решительно выпроводившая отца из её покоев, что Агате не удалось выяснить хоть что-то про Джонотана. Ей не хотелось верить, что он до сих пор в темнице.

Разговор с отцом оставил гнетущее впечатление: Агата и без того чувствовала себя преданной, но то, что злополучный артефакт не работал, стало неприятным открытием.

– Перестань! – Фадия упёрла руки в бока. – Перестань думать о других мужчинах, когда перед тобой стоит важнейшая задача: соединиться святыми узами брака с самим Орханом, чья власть и могущество...

– Я просто беспокоюсь о его жизни и свободе, – перебила Агата. – Мы должны отплатить ему за то, что он доставил нас сюда в целостности и сохранности, довёз до берегов священного Шарракума вопреки сильнейшему шторму и жестоким пиратам. Можно ли узнать, освободил ли его милостивый и справедливый Орхан?

– Я узнаю, деточка, но не говори об этом ни с кем больше! – сурово припечатала Фадия и тут же сменила тон на елейный и вкрадчивый: – Господин Орхан, да даруют боги вам двоим своё благословение и долгие ночи, между тем, очень доволен вчерашней встречей.

Агата вскинула брови.

– Неужели?

Фадия заговорщицки подмигнула, прошла, переваливаясь, до умывального столика и посмотрела на Агату с такой гордостью, словно расположение Орхана было лично её заслугой:

– Ты так удачно потеряла свою туфлю. Так и знала, что ты не так проста, как кажешься, птичка. А теперь умываться и гулять! Свежий воздух очень полезен для цвета лица. Иди-ка сюда!

– Так что за уроки? – уточнила Агата, пока Фадия лила воду на её сложенные лодочкой ладони из большого серебряного кувшина с тонким носиком.

– Господин специально пригласил девушек из дома любви, чтобы они научили тебя всем премудростям и ты знала, как угодить господину под вашей первой луной.

– Под первой луной, – задумчиво повторила Агата, надеясь, что просто неправильно поняла подтекст.

– Да, обряд продлится до заката солнца, после чего вас с господином Орханом оставят одних, – Фадия демонстративно мечтательно закатила глаза, а потом неожиданно пристально посмотрела на Агату. – Ты ведь знаешь, что происходит между женщиной и женщиной, когда они остаются наедине?

Агата моргнула, сильно удивившись вопросу, который у неё на родине был верхом неприличия. Конечно же, все девицы на выданье только об этом и говорили, тайком передавая друг другу запретные романы с пикантными подробностями (обложка от молитвослова отлично подходила по размеру большинству изданий) и посмеиваясь и краснея на балах и приёмах под прикрытием вееров.

У Агаты тоже было припрятано несколько подобных, необычайно полезных для развития воображения книжиц, но, разумеется, как приличная кирия, она и помыслить не могла, чтобы в подобном признаться. К тому же, до недавнего времени она была совершенно уверена, что с ней-то подобное может произойти только в законном браке, который казался таким далеким, что мечты о любви и о такой влекущей воображение близости иногда заходили неприлично далеко относительно морали, вкладываемой юным девушкам в головы.

– О... – стараясь не рассмеяться, она подняла брови и изобразила высшую степень невинного изумления и смущения. – Я не... в монастыре говорили, что это ужасно, ужасно неприлично, и я обо всём узнаю после свадьбы от мужа.

Это совершенно точно не сработало бы с проницательным отцом или с кирией Элен, но Фадия неожиданно поверила в полную неосведомлённость Агаты.

– Ох, птичка моя... – Фадия выглядела одновременно шокированной и крайне довольной. – Столько тебе ещё предстоит узнать! Надо будет обязательно рассказать господину Орхану, он будет очень...

– Расстроен?

Может, Орхану и не нужна такая неопытная жена, при таком-то гареме? Агате даже не пришлось скрывать надежду за волнением.

– Что ты, что ты! – замахала на неё руками Фадия. – Господин будет рад обучить тебя всему. Особенно после того, как девушки тебе сегодня расскажут, что и как надо делать.

«Помогите мне боги», – подумала Агата, представив, как Орхан позволит себе всё, что делал Джонотан, и едва не простонала.

Ей срочно надо было что-то придумать! И всё время, пока Фадия, радостно бормоча, помогала одеться во всё тот же традиционный наряд, хмурилась, пытаясь найти выход. Только бы узнать, что с Джонотаном всё в порядке. Часть её отчаянно надеялась, что он уже ищет способы вызволить из ловушки и себя, и её.

Прогулка прошла, как в тумане: цветущие сады вокруг дома Орхана, больше походившего на сказочный дворец с башенками и длинными увитыми зеленью галереями, поражали воображение, но ни свежая зелень, ни диковинные цветы не могли привлечь внимания напряжённо думающей Агаты.

Она кивала, вполуха слушая перечисление богатств Орхана: и верблюды, и добыча золота, и лучшие на свете ткани, и даже к специям этот восточный делец успел приложить руку... Агата мечтала вернуться в прохладу дворца: её лицо вновь было прикрыто тонкой вуалью, и даже лёгкий бриз с моря не мог сделать легче частое и горячее дыхание. Возможно, это было делом привычки, но всё, чего Агате хотелось, – добежать до моря, скинуть с себя непривычный наряд и окунуться с головой в воду.

Она с тоской посмотрела вдаль: с холма, на котором раскинулся богатый район Шарракума, открывался восхитительный вид на плещущееся внизу море. Оно с далёким рокотом накатывало на прибрежные скалы, обещая свободу и укрытие. Это были странные мысли, но, кажется, после первого в своей жизни плавания Агата ощутила тот самый вкус свободы, о котором с сияющими глазами рассказывал Джонотан, возвращающийся на праздники из морской академии.

«Джонни, где же ты сейчас?» – Агата сжала кулаки, чтобы ногти впились в ладони: слабая боль отрезвляла, прогоняла страх и тоску. Печалиться у неё ещё будет время, если ничего не выйдет и ей придётся стать женой Орхана!

– Я ведь могу задавать вопросы? – спросила она, кажется, оборвав Фадию на полуслове: слишком ушла в свои мысли.

– Какие вопросы, птичка? – совершенно не обиделась Фадия, но голос прозвучал насторожённо.

– Я же могу расспросить девушек из дома наслаждений, так вы сказали? – она даже не стала пытаться изображать смущение – под вуалью практически не видно лица, а щёки и лоб и так пылают от жары и волнения. – Переживаю, что ничего не знаю. А Орхан заслуживает лучшей невесты в мире. Но... там же не будет посторонних?

– Ох, птичка моя! – Фадия выглядела такой обрадованной, что Агате даже стало совестно, что расспрашивать она планирует вовсе не о женских хитростях, а о нравах в городе и том, как остаться незаметной на улице, на случай если ей удастся выбраться. – Конечно, ты можешь спрашивать их о чём угодно! Этот урок только для тебя. И не переживай о гареме господина. Шипят эти змеи громко, да укусить теперь поостерегутся.

Агата только кивнула, радуясь, что лишних ушей не будет, а значит, есть шанс узнать что-то действительно полезное.

* * *

Спустя несколько часов после прогулки Агата сидела в одной из комнат уже знакомого хаммама с ногами на низкой, украшенной мелкими квадратиками мозаики каменной скамье, смущённая, но полная любопытства, и отмечала, как сильно отличаются традиции в разных странах. Она всегда была прилежной ученицей. И не только потому, что не хотела расстраивать отца, но и потому, что было действительно интересно узнавать новое. Но никогда раньше её урок не проходил так.

Ни лаконичной и строгой классной комнаты, ни учебников. Хотя книгу ей почтительно подали и поставили перед ней на небольшой складной подставке, чтобы на страницы не попали ни вода, ни ароматные масла. Теперь Агата, чувствуя, как пылают щёки, листала красиво оформленные страницы с текстом, написанным от руки на ануарском, которого было совсем немного, и старалась не представлять Джонотана и себя саму, повторяющих то, что было на красочных и очень детальных иллюстрациях.

То, что две женщины немногим старше неё на полном серьёзе и ничуть не смущаясь прямо друг на друге показывали и объясняли, как доставить удовольствие мужчине, совсем не помогало собраться.

– А потом, госпожа, вот так нежно, едва прикасаясь, обводите косточку и ведёте вверх, – руки одной из одалисок следовали за её же словами и мягко оглаживали смуглую, блестящую от масла кожу второй, которая лежала на животе на тёплой мраморной плите и служила наглядным пособием, потому что, разумеется, ни один мужчина не мог находиться на женской половине, да ещё и при таких обстоятельствах.

Обе были практически обнажены, как и Агата. Когда Фадия привела её в хаммам после прогулки, Агата удивилась было, но вспомнила, что таковы традиции Шарракума – женщины часто собирались именно в хаммаме, порой проводя здесь целый день.

Это тоже было странным и непривычным – находиться в тёплом влажном помещении, когда и на улице царил жара. К тому же она не ожидала, что урок будет... таким!

– Как же вам повезло, госпожа! Девушки из гарема говорят, что господин Орхан прекрасный и щедрый любовник!

– Боюсь, что мне сложно даже представить – насколько, – ядовитая горечь оттого, что выхода действительно нет и скоро она вот так же будет ублажать Орхана, всё-таки прорвалась, но, поймав недоумённые от её резкого тона взгляды девушек, она поспешно добавила: – В стране, откуда я родом, совсем иные нравы.

– О, не бойтесь, госпожа! Господин Орхан никогда не позволит себе просить ничего подобного, что может вас отвратить! Вы испытаете лишь истинное наслаждение, госпожа, и мы даже вам завидуем, не то что... – тоненькая одалиска со смуглой кожей даже приподнялась на каменном ложе.

Агата непонимающе приподняла брови, и девушка поспешно добавила:

– Вчера у нас появился клиент, явно из ваших краев. Говорят, что капитан.

Сердце Агаты сладко ёкнуло, и ей стоило огромных усилий не засыпать девушку вопросами, а продолжать бесстрастно слушать.

– Красивый такой, сильный, – она мечтательно прикрыла глаза. – Но его требования!

– Какие ещё требования? – отмерла Агата, внезапно вспомнив, что девушек к ней пригласили не обычных, а из дома наслаждений, а значит, Джонотан...

Она сжала кулаки.

– Ох, не волнуйтесь так, госпожа, – вторая девушка погладила её по плечу. – Господин Орхан никогда не потребует ничего такого. И он намного моложе! И осыплет вас золотом, госпожа. А уж после нашего урока будет весь ваш! А этот капитан хоть красив и щедр, но все-таки старый...

– Орхан моложе? – Агата нахмурилась, внутри всё кипело от гнева. А потом внезапно все детали этого странного диалога сложились в понятную и очень тревожную картину.

– Намного! А этот капитан! Уже седой, но... Ох, у него такие извращённые фантазии... – и обе девушки почему-то захихикали, но

уж напуганными и недовольными точно не выглядели. – И он очень, очень богат!

– Он уже оплатил ещё один визит, придёт вечером. Обещал заглянуть к нам сегодня ещё раз, – и они снова весело рассмеялись.

– Он сказал, что он капитан?

– Да, какого-то торгового флота, мы не поняли. Но принёс много золота!

«Ворованного золота», – подумала мрачно Агата, не спеша рассказывать девушкам о том, что они развлекались не просто с капитаном, а с настоящим развратным пиратом. От воспоминаний о том, что он предлагал в качестве сделки, снова кинуло в дрожь.

– И ещё он хотел, чтобы мы были с ним все втроём и... – круглолицая и ладная девушка переглянулась с подругой.

– Перестань, Бадиа, приличной госпоже вовсе не стоит этого знать!

Значит, Вильхельм уже разгуливает в городе на свободе! Не стоило удивляться, что этот предатель выкрутится и из неприятностей с береговой охраной, и ещё поимеет свою выгоду. Снова притворился капитаном и тратит деньги на развлечения, ничуть не опасаясь гнева Орхана или мести Джонотана.

Его команду казнили и головы надели на пики! Кто-то погиб в abordажном бою, но едва ли Вильхельм по этому поводу предавался страданиям или печали дольше минуты – предпочёл, похоже, искать утешение в чьих-то нежных объятиях.

Но где же сам Джонни?! Орхан приказал удерживать его в темнице, чтобы Агата была сговорчивее и не сделала глупостей – если разгадал с Хайратом, что её сердце уже отдано другому?

Её мучительные размышления под весёлую болтовню девочек из увеселительного дома прервала Фадия, которая вдруг начала торопиться и попросила всех одеться.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Агата, запахивая шёлковый халат на смазанном маслом теле, таком разнеженном и разгорячённом, что не хотелось куда-то снова бежать.

– Ничего особенного. Правда, ваш этот красавец-капитан, сказали, сбежал из самого подземелья. Так что теперь вам переживать за него нечего, – проворчала Фадия, вместо служанки убирая влажным полотенцем пролитое масло.

– Сбежал?.. – растерянно пробормотала Агата, замерев на месте.

Куда же он делся?! Джонотан ди Арс должен... Нет, он просто обязан вытащить её отсюда, если не хочет узнать, что она дошла до самого низкого – должна склониться к ногам Орхана и ублажать его, как любая наложница гарема!

Он сбежал вместе с Вильгельмом? У них же были какие-то совместные дела. Возможно, ради свободы Джонотан мог с ним объединиться?

Думать так о Джонотане, её храбром Джонни, было тошно, но если он будет жив и свободен, то она простит ему даже временное сотрудничество с пиратом.

Агата снова прокрутила в голове всё, что знала. Отец говорил, что в темнице Джонни с Вильгельмом оставались вдвоём, когда его самого освободили. Вильгельм один на свободе... Он должен что-то знать про Джонотана!

– Да. И теперь, раз он нарушил приказ нашего светлейшего – да будет небо над его головой всегда ясным, – этому твоему Джонотану, или как его там, не сулит ничего, кроме отрубленной головы. Это Восток, деточка. Здесь не потерпят лжецов и преступников. Вот видите, я говорила вам, что не стоит беспокоиться о том, кто не стоит и вашего пальца, дорогая.

Глава 25

Орхан всемогущий

– Кирия, успокойтесь же, кирия! – Элен, пыталась хоть как-то остановить мечущуюся по покоям Агату.

Она уже раскидала в бессильной злобе все подушки, отказалась от предложенных служанками фруктов и теперь кружила, пытаясь хоть что-то придумать, пока Фадия отправилась, как она сама выразилась, «обрадовать» девушек из гарема обедом с господином Орханом в честь того, что Агата приняла золото и помолвка состоялась. Как будто у неё был выбор!

– Кирия, да остановитесь же! – взмолилась Элен, схватив её за руку и усаживая перед зеркалом. – Не можете же вы такой растрёпанной явиться на обед с женихом! Что скажет кириос ди Эмери?!

– Плевать, что он скажет, – Агата рванулась было, чтобы вскочить, но Элен удержала за плечи и принялась расчесывать её ещё влажные после хаммама волосы. – Он продал меня в гарем! Кирия, вы же понимаете, что он спит со всеми этими женщинами!

– Придержите язык, кирия, – сурово одёрнула Элен. – Если все тут с ума посходили, что допускают подобное, это не значит, что и вы должны опуститься и вести себя подобным образом! Вы благородная кирия, а не девица из публичного дома!

– Неужели? – Агата поддерживала кипящую в груди злость, чтобы не разрыдаться и не смириться с происходящим, рано ещё сдаваться. – Чем гарем отличается от публичного дома?! Тем, что хозяин один и надо ещё подраться за его внимание и благосклонность?

– Будьте благоразумны, кирия, – сказала Элен, ловко заплетая ей косы, и неожиданно нежно погладила по голове. – Посмотрите, как пройдёт обед. Может быть, всё не так плохо и вы найдёте общий язык с господином Орханом. Хотя нравы здесь чудовищные, – Элен поджала губы, – но, возможно, вам достаточно будет дать понять Орхану, что такая красавица и умница, как вы, может быть только единственной. И что к вашему мнению он прислушаться обязан, мало ли какие тут традиции.

Агата так удивилась словам всегда строгой и брюзжащей Элен, что даже злость поутихла, словно свернулась глубоко внутри ядовитой змеёй. Она посмотрела в зеркало в тяжёлой золотой оправе, изображающей сплетение ветвей, свет от светильников оживил чёрный глаз искусно сделанной пичужки, и вздохнула, успокаиваясь:

– Кирия Элен, подайте мне, пожалуйста, те украшения, которыми вчера столь щедро одарил меня жених.

И всё время, пока Элен, бормоча что-то недовольное в адрес хозяина дома, помогала ей застегнуть тонкие цепочки, и когда они следом за Фадией шли в сопровождении безмолвных стражей через богато убранные комнаты, Агата больше не проронила ни слова. Она подумала, что может быть, ей стоит довериться Элен. Всё-таки та была сейчас её самым близким человеком, у них одна Родина и одна вера, а разногласия пусть останутся в прошлом. Пришло время объединиться против общего врага.

Агата хмыкнула сама себе, не определившись, кого именно назвала в мыслях врагом в первую очередь: властолюбивого и самоуверенного Орхана, отца, который сам не ведал, на какую сделку соглашался, Вильгельма, по чьей вине Джонотан в опасности, или всех их вместе.

Только Элен, очевидно, не поддерживала того, что происходило, а гарем и обычаи Востока и вовсе приводили набожную компаньонку в ужас. Агате хотелось верить, что отец нарочно взял с собой именно Элен, но она не позволила надежде смягчить её сердце.

О том, как отец мог поступить так с ней, она подумает потом: либо, когда окажется на свободе, либо, когда все закончится так, как он и запланировал. А пока ей нужен хоть какой-то план. Может быть, стоит попробовать соблазнить Орхана? Не зря же она выслушивала этих одалисок – прислужниц в гареме.

Сердце неприятно сжалось, когда она представила себя у ног Орхана и после, натирающую его тело маслом... Мысли перескочили на Джонотана. Хорошо, что он сбежал! Наверняка он её ищет, но до обряда осталось каких-то полтора дня. А этот Вильгельм... он словно в насмешку разгуливает на свободе и развлекается с местными девицами, хотя вот чья голова по праву должна украшать стены этого дома!

«Вильхельм! Ну конечно!» – дурацкая туфля снова соскользнула с ноги, и Агата замешкалась, отставая от Элен и Фадии.

– Кирия!

– Госпожа!

Они на удивление синхронно повернулись, практически сразу обнаружив, что она не идёт рядом, и Агата моргнула и улыбнулась, потому что ей пришла в голову совершенно безумная мысль.

– Никак не могу привыкнуть к этой обуви, – пробормотала она, опуская глаза. – Поторопимся, не стоит заставлять господина Орхана ждать.

План был безумен, но предельно прост. Осталось только пережить обед. Агата так увлеклась продумыванием деталей, что лишь рассеянно кивнула на слова Фадии о том, что за обедом ей позволено снять вуаль с лица.

– Надо же! Хоть на том спасибо, – всплеснула руками и неожиданно недовольно проговорила Элен, до этого долго молчавшая, словно затаившая что-то. Агата ещё никогда не видела её такой сосредоточенно-злой, как сейчас. Голос Элен стал совсем саркастичным: – А то я уже думала, бедную кирию ди Эмери до самого обряда будут морить голодом.

– Господин Орхан щедр и добр, – возмутилась оскорблённая до глубины души Фадия, упирая руки в боки. – Никто и не думал обижать госпожу!

– Только одевают её так, словно в этом доме закончилась приличная одежда и не хватает платьев, – не сдавалась Элен, сначала тихо ворча себе под нос, а потом громче и громче, явно решив припомнить строгой надзирательнице все грехи, что случились с Агатой в этом доме: – На неё напала какая-то безумная девица! И вы пригласили обучать её девиц из публичного дома! Чему хорошему они могут научить юную и невинную кирию?! Я начинаю думать, что нам следует любой ценой разорвать эту помолвку, если и дальше дело будет идти таким чередом. Я несу ответственность перед кириосом ди Эмери за честь моей подопечной, а также перед лицом всех наших богов, и надеюсь, мои молитвы будут услышаны!

Фадия уже открыла была рот, от гнева её полное лицо пошло пятнами, которые были видны даже на загорелой коже, когда Агата

поспешно встала между двумя воинственно настроенными женщинами:

– Элен, Фадия! – она говорила мягко, но уверенно, как и положено госпоже. – Я очень ценю вашу заботу, но не потерплю никаких разборок ни при мне, ни у меня за спиной, – и строго добавила, радуясь тому, как всё удачно складывается: – Кирия Элен, я хочу поговорить с вами после обеда.

Фадия победно глянула на Элен, которая хотела что-то ответить, но Агата сделала страшные глаза. К счастью, Элен, кажется, что-то поняла, потому что недовольно поджала губы и кивнула.

В этот момент, словно только и дожидаясь окончания перебранки, слуги распахнули двери, почтительно кланяясь, и Агата вошла в зал, отведённый под трапезы. Будучи знакомой с традициями Ануара, она всё равно на мгновение помедлила на пороге, отмечая, что нет ни привычного стола, ни стульев.

В просторном светлом помещении с большими окнами, красиво задрапированными тонкими шёлковыми занавесками, прямо на устланном ковром полу, вокруг небольших низких столиков было набросано множество подушек.

Никто пока не сидел, но в зале было необычайно многолюдно, хотя Агата рассчитывала, что это будет обед в узком семейном кругу. Впрочем, учитывая, что здесь были, кажется, все девушки из гарема, собравшихся, возможно, и считались семейным кругом.

– Прошу, – Орхан активно покрутил пальцами в кольцах и драгоценных камнях. На его подчёркнуто мужской руке даже звякнули браслеты.

Он встретил их появление с живым интересом и вперил в Агату жгучий, как у всех восточных мужчин, взгляд огромных чёрных глаз, в которых читался живой ум и цепкость. Он явно был не из тех, кто упустит своё.

Впрочем, именно это и сделало его самым влиятельным торговцем и богачом этого города, другой не обзавёлся бы всеми этими бесконечными верблюдами, шахтами, золотом и таким количеством девиц в гареме, готовых, судя по всему, усладить его сиятельство не то что по первому щелчку пальцев, но даже по первой его мысли.

Агата прошла по притихшему залу. Взгляды всех собравшихся так жадно липли к коже, что хотелось их с себя смыть. Даже отец следил

за её появлением, будто не дыша: небось боялся, что она после их ссоры выкинет что-то, за что он рискует тоже угодить в темницу.

А ей было что сотворить. Ударить Орхана по лицу. Высказать правду о том, что артефакт, ради которого и была, похоже, затеяна вся сделка, – не работает! Разгромить к морским демонам весь этот чинный трапезный зал, полный тонкого фарфора, золочёных графинов, кубков и причудливых, изящных кальянов из стекла.

Но по правую руку от Орхана сидел Хайрат, и его взгляд скользнул по коже, словно ядовитая змея – опасная, но не стремящаяся укусить, пока не сделаешь резкого движения. Он маг, может прочесть её мысли или – что ещё страшнее – подчинить её волю, если что-то пойдёт не так.

Как хотелось, чтобы артефакт вот прямо сейчас подарил ей особую силу!

Но Агата приподняла уголки губ, чтобы улыбка мелькнула лишь в глазах, и прошла самой чарующей походкой, не забывая покачивать на ходу бёдрами – назло завистливым соперницам из гарема. Обойдя сидящих на подушках братьев, смотрящих на неё, точно она выступала на сцене, Агата приблизилась прямо к Солнцу и Звёздам – самому Орхану Всемогущему, не обращая внимания на сердитое шиканье Фадии и перешёптывание за спиной.

Рядом с повелителем как раз было свободное место. Напротив сидел отец, но даже он держался настороженно и только бросал на Агату умоляющие взгляды.

Орхан сначала удивлённо замер, хищно осмотрев её с ног до головы, но потом всё же рассмеялся её вызову, сверкнув белыми, словно морской жемчуг, которым был расшит его шелковый кафтан, зубами. Наверняка Фадия сказала бы, что смех её повелителя чисто журчание ручья в прохладном лесу, но Агате он больше напомнил тихий рык оборотня, готового в следующий миг превратить улыбку в оскал.

Кажется, место для Агаты было предназначено куда дальше – на женской половине стола, в окружении других девиц, но пора было указать богачу и властителю душ, что она претендует на нечто большее, чем услужливая и согласная на всё девица.

– Могу я сесть с вами, о мой господин? – произнесла она на энарийском, продолжая делать вид, что ничего не понимает на

местном языке, и сделала взгляд как можно более томным и загадочным.

Она смотрела прямо на него, опустил ресницы и мягко улыбаясь, и Орхан похлопал рукой по вышитой подушке по левую руку от него:

– Я бы посадил тебя на колени, прелестная Агата, но боюсь, тогда придётся провести обряд раньше, а мы ведь хотим соблюсти все традиции.

В его голосе прозвучал намёк на вопрос, и Агата, розовея от собственной дерзости, а может быть, от того, что сердце колотилось так, что гнало кровь по венам слишком быстро, оперлась о его плечо, чувствуя, как впивается в кожу жемчуг вышивки, и села рядом, прошептав еле слышно:

– Боюсь, что некоторые традиции я могу нарушить по незнанию.

Орхан рассмеялся и, перехватив её руку, поцеловал ладонь.

– Обычно за это я строго караю, – он посмотрел на неё долгим, пристальным взглядом и вновь улыбнулся, когда она замерла, боясь пошевелиться и даже вздохнуть. – Но пока твоя непосредственность мне нравится. Отныне я позволяю тебе обедать со мной за одним столом, – он легко коснулся её щеки рукой, скользнул большим пальцем к губам: – Вчера твоя красота была спрятана под покрывалом, и я был восхищён красотой твоих прекрасных глаз, а сегодня, видят звёзды, вовсе попаду в плен.

Агата улыбнулась, опуская ресницы и стараясь думать только о хорошем, например, о том, что надо пообедать, а непривычные блюда выглядят красиво и аппетитно пахнут. Она осмелилась поднять взгляд и быстро оглядеться, только когда Орхану поднесли чашу для омовения рук. Отец выглядел более спокойным, чем когда она только вошла, а вот Хайрат хмурился, хоть, к счастью, на неё и не смотрел.

– Господин, я бы не стал оказывать таких знаков внимания этой девушке, – приглушённо проговорил он на ануарском, явно уверенный, что они его не понимают.

Агата искренне мысленно поблагодарила отца за то, что несмотря ни на что, его дальновидность и расчёт могут спасти её из ловушки: он нанял лучших учителей ануарского тогда, когда казалось, что это бесполезная трата времени.

– Учи, – твёрдо приказывал он, запирая её с ануарской женщиной, которая не говорила на энарийском, в комнате для занятий. – Знание чужих языков – крайне полезное умение. Когда-нибудь скажешь мне «спасибо».

– Ты даже не торгуешь с Ануаром! – возмущённо кидала вслед Агата. – Учил бы сам?!

– Увы! – резко всплеснул руками Сезар ди Эмери и сжал кулак. – Мои мозги слишком стары для этого, Агата. Я упустил своё время. А ты не упусти своё!

– Тебе лишь бы запретить меня здесь, – зло прошептала Агата ему вслед и повернулась к ануарской женщине с покрытыми волосами, скромной и молчаливой, которая отводила глаза, чтобы не вмешиваться в ссору своих нанимателей, хотя совершенно не понимала, что они говорят.

– Саба аль хейр, – с натяжкой улыбнулась ей Агата, выдавая единственную фразу, которую уже успела запомнить. – Доброе утро.

Вот и теперь Агата продолжала безмятежно улыбаться и, чтобы ничем не выдать своего замешательства от этих слов, поспешила подать Орхану салфетку из тончайшего белоснежного шёлка с золотой вышивкой, чтобы он мог вытереть руки. Это должен был сделать слуга, но пусть лучше её волнение маг спишет на дерзкие действия и робость перед Орханом, чем поймёт, что до неё доходит смысл разговора.

Орхан же и вовсе отреагировал благосклонно, позволив промокнуть руки, униженные перстнями.

– Моя невеста – не твоё дело, Хайрат, – осадил он его, подавая знак слуге, чтобы тот попробовал блюдо. – Я сомневался в том, что она вообще мне нужна, но когда увидел эту сладкую, колючую, но такую прекрасную розу, решил, что, возможно, сами боги послали мне первую жену. Не ты ли убеждал меня, что пора продолжить род?

Они говорили между собой на ануарском, несколько не смущаясь того, что ни отец Агаты, ни она сама по идее не понимают языка и не могут следить за беседой. И Агата в который раз порадовалась, что ничем не выдала своих, пусть и не самых блестящих, но всё-таки достаточных для понимания знаний.

К тому же чисто по-женски ей были приятны слова Орхана. И пусть он хвалил лишь её внешность и воспринимал примерно так же, как любую красивую вещицу в своем доме, даже такое отношение гарантировало ей некоторую безопасность. По крайней мере до тех пор, пока она изображает покорность и не вскроется правда о неработающем артефакте.

– Попробуй это, моя дорогая, – Орхан протягивал ей кусочек мяса – душистого и вкусно пахнущего, удерживая его двумя пальцами: ели в Ануаре руками, и Агата моргнула, не сразу сообразив, что именно он хочет. – Попробуй же.

То, что происходило, казалось ужасно интимным и неправильным, но что она могла сделать, если уже сама села рядом и всячески привлекала его внимание?

– Вы не видели, как она танцевала с этим сбежавшим капитаном ди Арсом, господин, – ележно протянул Хайрат, и Агата, заметив, что Орхан нахмурился, сочла за благо открыть рот и осторожно откусить кусочек мяса, хотя видят боги, хотелось откусить Орхану палец, даже несмотря на риск подавиться многочисленными перстнями.

– Я же уже приказал отрубить ему голову, – Орхан мимолётно дотронулся пальцем до её губ, вызывая прерывистый вздох, и улыбнулся, снова оmyвая руки от жира.

– Думаете, по мёртвому она будет вздыхать меньше? – кажется, Хайрат позволил себе небывалую дерзость, потому что Орхан прямо-таки прорычал в ответ:

– Она будет любить только меня! Помни своё место, Хайрат, или я сам тебе о нём напомню! – и добавил уже спокойнее, обтерев руки и кривовато улыбнувшись, замечая, что Агата смотрит на него тревожно: – Чтобы сегодня же его поймали и обезглавили! И не дай Луна, эта девочка об этом узнает. Пусты слух, что я щедро наградил его и отпустил домой. После первой же ночи, когда артефакт будет активирован, она уже никуда от меня не денется.

И он нежно погладил её по спине, спустившись ниже талии, отчего обратившаяся в слух Агата вздрогнула.

– Не бойся, услада моих очей, – Орхан заговорил с приятным акцентом на энарийском и улыбнулся, и его суровое лицо преобразилось: он вновь выглядел радушным и довольным жизнью, – мой гнев направлен не на тебя.

– К сожалению, я совершенно не знаю ануарский, мой господин, – изображая искреннее расстройство, проговорила Агата извиняющимся тоном, послав отцу, который мог легко разрушить её легенду, предупредительный взгляд. – Поэтому чувствую себя такой потерянной, когда не понимаю, о чём вы говорите.

Если бы отец понял, о чём они только что говорили, то не сидел бы такой самоуверенный! Впрочем, ему явно плевать на судьбу Джонотана!

– Не переживай, моя трепетная роза, – Орхан нежно коснулся её щеки. – Уверен, нам с тобой будет не до разговоров.

Агата чуть не взвыла от бессилия, посмотрев на отца самым тяжёлым взглядом и подумав, что даже Вильгельм слушал и придавал значение её словам.

– Не хочу омрачать обед и женский слух деловыми разговорами, – произнёс между тем отец, – но повод более чем радостный, и я хотел сказать, что все бумаги с нашей стороны готовы. Я вижу, что оставляю дочь в надёжных руках, и готов буду отправиться сразу, как мы покончим с формальностями.

Агата едва не закатила глаза и принялась незаметно накручивать на палец кисточку подушки, на которой сидела, – всё что угодно, только бы отвлечься и не дать почувствовать проклятому магу её эмоции: больно подозрительно Хайрат на неё косился во всё время разговора. На миг даже показалось, что не только Хайрат смотрит так въедливо: по спине пробежали мурашки, будто за ней – именно за ней – следит кто-то ещё, и следит недобро.

Интересно, могут ли девицы из гарема наблюдать за сидящими на ужине из потайных окон или вон из-за той картины, чудовищно огромная рама которой висит как будто криво и отходит от стены?

Вспомнились истории о тайных убийцах и отравлениях, и Агата резко отставила бокал с вином.

– Ваша дочь, мой друг, – с готовностью отозвался в этот миг Орхан, – прекраснейшая из женщин. Она станет украшением моего дома, а наше с вами общее дело будет процветать. Восхищаюсь вашим талантом находить союзников. И рад, что вы обратили ваш взор так далеко за море. Я рад породниться с вами, кириос. И если у меня были какие-то сомнения прежде, то, как только ваша чудесная дочь переступила порог моего дома, они пропали. И в качестве

благодарности и моего доброго расположения я подарю вам один из своих кораблей. Уверяю, мои люди так же надёжны, как ваши, и будут хранить ваш покой на пути домой, вы заслужили это после всех злоключений по дороге сюда. А найти капитана и команду для такого прекрасного торговца, как вы, не составит труда.

– Благодарю за столь высокую оценку моих деловых качеств, – ди Эмери приложил руку к сердцу и немного наклонил голову, – и за столь щедрый дар.

«И не скажешь, что накануне он дрожал от ужаса из-за того, что правда об артефакте может вскрыться», – мрачно подумала Агата, улыбаясь так, что уже начало сводить скулы, и мысленно обещая себе поискать местную библиотеку или что-то вроде того, где можно будет попробовать узнать об артефакте. Орхан сказал что-то про активацию, а значит, вполне вероятно, что у неё на ноге сейчас не золотая побрякушка, а действительно ценная вещь.

– А ведь ди Арс хороший капитан и сильный маг, – ележно протянул Хайрат на ануарском, вздыхая. – Жалко будет терять такого, особенно с учётом договора с этим, – он взглядом указал на ди Эмери.

– Договорись со вторым, как его там? Который пират, – небрежно отмахнулся Орхан. – Как временное решение, разумеется. Когда найдём замену, отрубим пирату голову.

– Прекрасный план, господин, – хмыкнул Хайрат.

Лицемерная тварь! Агата изо всех сил сжала край подушки, на которой сидела, представляя, что это шея Хайрата. А ведь был таким обходительным на приёме в честь её дня рождения! А теперь делает всё, чтобы Джонотана казнили. И ведь не вмешайся, иначе придётся показать, что она их понимает, а это преимущество Агата предпочитала пока оставить в тайне.

Да и не поможет её вмешательство: что бы она ни сказала, это будет проявлением заботы о Джонотане, а Орхан подобного явно не потерпит. Самовлюблённый восточный хлыщ! Чтоб тебя твои змеи из гарема покусали! Если её план не сработает, то она устроит ему «украшение его дома», пусть даже это будет последнее, что она сделает в своей жизни!

Агата мило улыбнулась и продолжала изображать изящную, очень дорогую и очень молчаливую статуэтку до конца обеда, чем, кажется,

несколько усыпила бдительность Орхана и бросающего на неё подозрительные взгляды Хайрата.

Глава 26

Я убью тебя

Медленный вдох, и ещё более медленный выдох. Джонотан провёл в этой темнице на одном месте, не двигаясь, уже целую бесконечность. Только полная неподвижность и глубокое дыхание могли вернуть ему утерянную силу. «Выгорел», – как насмешливо, но точно бросил Вильхельм.

Он и правда выгорел дотла – и не только потому, что обратился к своей магии, сражаясь с нашествием пиратов, бросаясь в абордажный бой, чтобы защитить то, что было дороже всего. Джонотан готов был сгореть, лишь бы не дать погибнуть в море и от рук грязных ублюдков Агате: ведь *именно он* стал причиной того, что она оказалась здесь, в этом Восточном море, на пути в проклятый Шарракум.

Проклятье! Именно он, ведомый жаждой мести и поиском правды.

Он провёл здесь, в Ануаре, последние годы, и обнаружил следы родителей, что когда-то побывали на берегах восточной страны и погибли вскоре после этого. Именно он разузнал про артефакт, который так тщетно много лет искал Орхан – потому что именно этот артефакт оказался каким-то образом в руках Сезара ди Эмери. Джонотан понял, что единственный способ узнать правду – это помочь Орхану заключить сделку с ди Эмери, ключевым элементом которой станет загадочная семейная реликвия.

За последний год Джонотан почти докопался до правды, он чувствовал все эти годы, что родители погибли не просто так, что кому-то была выгодна их гибель, случившаяся так скоро после путешествия на Восток. Удалось выяснить, что они привезли немалое богатство и погибли так скоро и нелепо: отец Джонотана никогда бы не направил яхту в шторм, он всегда прекрасно чувствовал стихию и её опасность!

Джонотан сделал всё, чтобы эти переговоры с Орханом начались, чтобы Сезар раскрыл карты, которые держал в рукаве всё это время... И невольно ведь именно он, Джонотан, втянул Агату в эту проклятую сделку.

Снова сделав глубокий медленный вдох, Джонотан представил, как светлая, сияющая сила Солнца – местного божества – наполняет его изнутри, исцеляя и возвращая способность обращаться к живой энергии и становиться больше, чем он есть на самом деле. А когда открыл глаза, то будто со стороны увидел, какими тёмными и мрачно-кровавыми они стали. Он искал правду и нашёл её.

Никогда он не допускал, что виновником смерти родителей мог быть сам Сезар ди Эмери. Отец Агаты слишком умело защищал свой разум от чужого вторжения, и это было с ним всегда, уходил от влияния, словно становился неуловимым. Впрочем, Джонотан и не мог предположить, что тот горюющий от потери жены мужчина может быть не жертвой, а виновником трагедии. И только теперь всё встало на свои места. Теперь есть вполне определённая причина для ненависти, а не только навязанный долг и скотское отношение ко всем людям, даже к собственной дочери.

– Ana dhahib liqatlih, – произнёс Джонотан во тьме одними губами на ануарском. – Я убью тебя, Сезар ди Эмери.

Больше ничто не удержит его от мести.

На миг Джонотан представил, что овладевает могуществом магов стихии – может уже не только проникать в чужую душу и связывать её с собой, но и стать больше, разломать к демонам и эту мрачную камеру и решётку, удерживающую внутри.

И тьма будто услышала его и колыхнулась, оживая. Решётка поплыла перед глазами, отчасти скрытая сумраком и влажным колыханием воздуха.

– Hal ‘ant huna? – прошелестело чужое дыхание.

– Naem, – эхом отозвался Джонотан, одним движением поднимаясь и подходя к двери. – Я здесь.

Тень за решёткой ожила и проступила человеком в чёрной маске на всё лицо, из-под которой едва заметно блестели тёмные глаза.

– Отдали приказ убить тебя на рассвете, – произнесла тень.

Ключ повернулся в замке, раздался глухой скрежет и щелчок.

– Уходи, быстро, – проговорил теневой страж со знакомым говором.

– Десир, ты?

– Я, – ухмыльнулась тень и отступила, пропуская Джонотана в коридор.

– Как ты сюда проскользнул? – Джонотан бесшумно прошёл за провожатым, и они оказались в маленькой, тускло освещённой чадающей масляной лампой комнатухе.

– Когда ищешь возможность отдать долг жизни, нет ничего невозможного.

Джонотан не мог увидеть кривую улыбку бывшего вора, но почувствовал её, на ходу переодеваясь в предложенные им чёрные одежды, чтобы скрыть и своё лицо.

Мысленно поблагодарив богов и себя за то, что пару лет назад спас от казни за воровство тощего как жердь юношу, Джонотан проследовал за ним по петляющим каменным коридорам, уходящим то вниз, то вверх под землёй. Здесь уже не было никакого освещения, теневой страж шёл в полном мраке и вёл за собой так уверенно, явно был здесь не раз.

Два года назад, когда Джонотан впервые оказался в самом Шарракуме, он ужаснулся жестокости законов Ануара и не мог не заступиться за угловатого и злого воришку: тот хоть и дрожал от ужаса от неизбежного наказания, но скалился на стражей, которые примчались на крики торговца. Украденная золотая подвеска могла стоить Десиру жизни (или как минимум отрубленных рук).

Уже потом Джонотан узнал, что парень украл её, чтобы попасть на отбор в теневую стражу начальника береговой охраны, опаснейшего человека Ануара – Акрамай аль Асада: сбор был огромен для почти нищего парня, что ухаживал за больной сестрой.

Скрипнула тяжёлая, обитая железом дверь, но этот звук поглотил гомон торговой площади: они вышли из подземелья одним из многих потайных ходов, известных только теням.

– На восходе отплывает торговое судно «Амарелла», идут к Энарии, это твой шанс, – Десир вложил ему в руку маленький звякнувший мешочек. – Теперь мой долг полностью уплачен.

Джонотан, сощурившись после полумрака подземелья, посмотрел вверх: на выцветшем, пылающем жаром небе практически в зените застыло солнце. Чёрная злость словно скрылась от яркого света, уступая место тревоге:

– Нет. Я должен увидеть Агату. Сможешь провести меня в дом Орхана?

Десир отрицательно замотал головой и отступил прочь.

– Я должен её увидеть, – повторил Джонотан на ануарском, преследуя стража и чувствуя, как плещется внутри восстанавливающаяся магия, но ему не хотелось заставлять друга.

– Весь город – словно растревоженный улей, – с трудом перевёл мысленно Джонотан: голос тени, готовый слиться даже с крохотной тенью тканевого навеса у грязной стены дома, прозвучал глухо. А вот следующие слова были ясны как молния, разорвавшая полумрак: —... Все только и говорят о том, что господин наконец выбрал себе первую жену. Обряд уже завтра.

Выбрал жену, значит?!

– Ты поможешь, – вместо убеждений прохрипел Джонотан, сжимая кулаки: он не отдаст Агату, не откажется от неё, как отказался кириос ди Эмери. Он втянул её в это, хоть и не предполагал, что Сезар ди Эмери пораскинет мозгами и решит, что для надёжности сделки с Орханом ему не хватит артефакта и надо присовокупить к договоренности собственную дочь!

И именно он теперь должен Агату из этого выволить. Они ещё не закончили их спор. Он ещё ни разу по-настоящему не коснулся её губ.

Джонотан мучительно остановил жаркие воспоминания их ночи в её каюте и то, чем едва не закончилось всё, если бы не шторм. Если бы не проклятый Вильхельм!

– Я не влезу в спор с Орханом, – бросил Десир, собираясь привычно смыться: он всегда предпочитал ускользнуть от опасности, и даже железный кулак аль Асада не мог выбить из бывшего воришки застарелую привычку. – Это его невеста. Не твоя, – оскалился наглец напоследок.

Джонотан мысленно прорычал и отбросил мрачное сомнение, которое шепнуло, что, может, Агате будет лучше и впрямь выйти замуж за Орхана? Он – проклятье! – неприлично богат, хорош собой и держит в руках огромную власть. Он может защитить Агату и позаботиться о ней, возможно, даже лучше самого Джонотона.

Он схватил Десира за шкирку и упрямо повторил:

– Я должен её найти. Ты знаешь, на что я способен. Помоги хорошему, и будешь жить. Я не желаю тебе зла, ты вытащил меня, но этого мало. Я не из тех, кто отступит. Мне нужна Агата и её отец, который убил моих родителей. Мне нужна месть. – Последние слова вышли резким, пробирающим и злым шёпотом, сковавшим теневого

стража невидимой цепью: Джонотан из последних сил сдерживал себя. Зато слова про кровную месть хорошо понимают на Востоке – здесь не прощают обид и предательства.

Десир медленно моргнул и наконец с трудом отозвался:

– Разговор с ней не обещаю... но ты сможешь её увидеть.

Они прошли по пыльным, залитым жарким солнечным светом улицам, не скрываясь, – простые люди, встречающиеся им на пути, почтительно расступались: тени в Шарракуме боялись и уважали.

Джонотан и Десир только раз свернули на узкую улицу, где на верёвках, натянутых прямо между домов, сушилось бельё: у патрулирующих улицы тени могли возникнуть ненужные вопросы.

– Тебе надо убраться из города до заката, – Десир огляделся и поманил Джонотана за собой. – Раньше попадёшь на корабль – целее будешь. Охрану на улицах к обряду увеличат вдвое, а если тебя не поймут, Орхан назначит награду, и за тобой начнут охотиться и наёмники.

– Разберусь, – коротко ответил Джонотан, следом за Десиром хватаясь за едва заметный выступ на стене и подтягиваясь наверх.

– Быстрее, – поторопил тень, бесшумно спрыгивая в зелёную прохладу сада, – охрана тут ходит постоянно.

Десир вёл его по тенистым, петляющим в зелени дорожкам. Они крались бесшумно, успешно избегая встречи с бдительной охраной. Мелькнула среди пышно цветущих кустов табака тонкая девичья фигурка, отчего Джонотан сбился на мгновение с шага и чуть не улетел в колючий розовый куст, потому что показалось, что это Агата. Но то была лишь одна из многочисленных служанок, которая торопилась на женскую половину.

Они обогнули дом и, не скрываясь, вошли в боковое помещение, служившее казармой для многочисленной охраны господина Орхана. Сейчас в прохладном, безликом помещении, не украшенном ни мрамором, ни тем более мозаиками, с голыми стенами из сероватого известняка, никого не было: только аккуратно свёрнутые тонкие матрасы намекали на то, что здесь бывают люди.

– Что бы ни случилось дальше и что бы ты ни увидел, молчи и держи свой дар в узде, – предупредил Десир, пошарив по стене и нажимая на определённую плитку, бесшумно открыв узкий лаз в стене. – На обеде точно будет Хайрат. Нельзя привлечь его внимание.

Предупреждение зародило неприятную волну тревоги, магия колыхнулась, словно хотела успокоить тревожно сжавшееся от нехорошего предчувствия сердце.

– Ты хорошо осведомлён, – Джонотан не стремился выведывать секреты тени, но то, как ловко тот провёл его по городу и в хорошо защищённый дом Орхана, вызывало смутную тревогу.

– Приглядываю за сестрой, – коротко бросил Десир, и Джонотан не стал уточнять, работает ли она в доме или попала в гарем наложницей.

Скорее всего, первое, но и она сама, и Десир вполне могли желать ей второго. Это было сложно понять, но за те пару лет, что Джонотан провёл на Востоке, *принимать* подобные традиции он научился.

Они поднялись по спрятанной в стене винтовой лестнице, сложенной из грубо отёсанного известняка все того же скучного серого цвета. Солнечный свет золотыми полосами лился сквозь узкие, снаружи наверняка и вовсе неразличимые, щели между камнями. Считающий на всякий случай ступени Джонотан прикинул, что, должно быть, они уже выше второго этажа, когда лестница привела их на узкую, пару ступней шириной площадку перед низкой деревянной дверью.

– Только посмотришь, – почти беззвучно прошептал Десир. Джонотан скорее догадался по смыслу и движению губ, нежели расслышал слова, и кивнул в знак согласия.

Комнатушка за дверью была маленькой и тесной – душный каменный мешок, где они едва уместились вдвоём. Зато маленькое окошко располагалось в основании купола, раскинувшегося над пышно украшенным шёлковыми занавесями и живыми цветами залом, где в эту самую минуты были накрыты столы.

Джонотан думал, что с такой высоты ему придётся долго высматривать Агату, но сразу нашёл её, хоть в первые мгновения подумал, что обознался.

Она была единственной женщиной за низким круглым столом и непринуждённо сидела на подушке, как и остальные сотрапезники, изящно подобрав под себя ноги.

В первое мгновение, когда он только её разглядел, Джонотан тихо вздохнул и понял, что всё это время не дышал вовсе: так боялся увидеть её испуганной, сломленной и несчастной. Но Агата – его

Агата! – всё так же высоко держала подбородок и улыбалась так ослепительно, что тепло её улыбки пробиралось куда-то в его сердце. Он точно знал, как в этот момент насмешливо сияют её глаза, как именно изгибаются нежные губы. И был так рад видеть, что с ней всё в порядке, что не сразу обратил внимание, во что она одета и как неприлично близко сидит к благосклонно улыбающемуся Орхану.

Джонотан был слишком высоко под куполом, но даже с такого расстояния он мог рассмотреть нежную кожу под тончайшей блузой в ануарском стиле, и как переливается золото, которое невеста принимает только добровольно и только в день помолвки.

Джонотан нахмурился, растянувшись на каменном полу и прильнув к окошку в безотчетной попытке уловить хотя бы обрывки разговора, но услышал только собственное грохочущее в ушах сердце.

А когда Агата подалась немного вперёд и Орхан начал кормить её с рук, когда его унизанные перстнями и кольцами пальцы дотронулись до её приоткрытых, словно в ожидании ласки, губ, вновь всколыхнулось то тёмное и страшное, что обуяло Джонотана перед побегом из темницы.

Пальцы безуспешно впились в камень, будто одной мыслью он мог бы разрушить его и всё вокруг. Магия рвалась изнутри, чтобы смять, разорвать, сломать тех, кто забирал Агату, его Агату, которую он готов был оберегать ценой своей жизни.

А она сидела, улыбаясь, и не было ничего дерзкого, своевольного и непокорного в этой восточной статуэтке, закутанной в дорогие ткани, выставляющие её напоказ.

Джонотан сжал кулаки, когда она вновь улыбнулась. Истинная дочь своего отца! Как же легко она забыла и, кажется, вовсе не волновалась, что он подышает где-то в темнице – или вовсе уже казнён! Впрочем, кириос ди Эмери, сидящий за этим же столом и благосклонно поглядывающий на то, как его полураздетая дочь любезничает с Орханом, вполне мог ей сказать, что Джонотан убит.

Джонотан вспомнил своё обещание убить его, и теперь оно стало ещё ярче. Если Сезар ди Эмери считал, что может безнаказанно убить его родителей, забрать себе всё, уничтожить его самого, как ставшего ненужным свидетеля его греха, то он глубоко ошибся.

Джонотан ди Арс уже давно не тот мальчишка, что слепо верил опекуну и единственному взрослому, протянувшему руку сироте. Рука

оказалась рукой убийцы и предателя, – и этот предатель заплатит за всё сполна. Джонотан с глухой тоской подумал, что именно его безумная, неостановимая любовь к Агате столько лет позволяла ему закрывать глаза и так слепо верить её отцу, ведь не могло же чудовище подарить жизнь самому светлomu и яркому солнцу в его жизни.

Что, если он ошибся и в этом? Что, если Агата таит в себе такое же тёмное и мрачное зло, пропитавшее душу торговца и предателя ди Эмери?!

Но разве виновата она в том, что выполняет волю отца? Она ничего не знает. И просто ищет лучшей жизни. Так или нет?

Джонотан сжал челюсти. Ему хотелось сказать Агате правду или что-то, что заставит её вспыхнуть и разозлиться, но даже сейчас, когда он видел её любезничающей с другим, он не мог себе представить, что сможет причинить ей боль.

Он вздохнул и медленно выдохнул, успокаивая магию, чувствуя, как на смену злости приходит опустошение, растекаясь по венам, как оно становится почти физически ощутимо.

Разве достоин он был тревоги и слёз Агаты? Обычный парень, рано потерявший своих родителей, без гроша за душой. Он дразнил её и заключил то давнее, совершенно дурацкое пари, когда она смотрела на него влюблёнными глазами. И ни на мгновение не подумал, что может ранить этим её чувства. Просто он слишком хорошо знал, что она чувствует, и был уверен, что она знает, что чувствует он. Какой он идиот! А потом исчез, воспользовался случаем и отправился на поиски ответов о своих погибших родителях. Он мог просто быть рядом с ней всё это время.

И сам подтолкнул кириоса ди Эмери сюда, своими руками организовав сделку, из-за которой Агата сидела сейчас, улыбаясь и принимая восхищение всех мужчин в зале.

Она неожиданно замерла и тревожно огляделась, словно почувствовав его взгляд. Джонотан потянулся было магией: ведь всё так просто, он точно узнает, что она чувствует, и тогда...

Ему на плечо легла тяжёлая рука Десира, сжимая и напоминая, что пора спешить. Да и Хайрат – проклятый верный пёс Орхана, а ещё и весьма способный маг – он наверняка это почует, а снова бегать по крышам от всей стражи города, от людей Орхана и от теневых стражей аль Асада – просто самоубийство.

– Уходи, Джонни, – прохрипел над ухом Десир. – Нас найдут и убьют обоих.

Джонотан не ответил, не в силах перестать смотреть на Агату, которая так заразительно разулыбалась словам Ахмата, сидевшего по правую руку от неё. Знала бы она, сколько крови пролил этот человек, выбивающий долги из тех, кто провинился перед Орханом, она наверняка больше не смотрела бы на него так.

Взгляд снова вернулся к Сезару ди Эмери.

– Эй, – с силой дёрнул Джонотана за плечо Десир, теряя терпение.

Ужас и паника всё больше затапливали теневого стража, лишая остатков стойкости и выдержки, которую они наверняка тренировали под началом аль Асада.

Джонотан перевернулся на локте, откинулся на спину и встретился глазами с Десиром, поймав в них не только тьму и страх, но и чувство долга.

– Уходим, – криво улыбнулся он. – Но не в порт. Ты проведёшь меня к Акраму.

Глава 27

Орхан – разбиватель сердец

– Кирия ди Эмери, это совершенное безумие! – Даже в тихом шёпоте, приглушённом покрывалом, скрывающим Элен так, что на виду оставались только глаза, было слышно недовольство и укор.

– Я знаю, Элен. Знаю, – пробормотала Агата, запирая снаружи дверь комнаты Фадии и на всякий случай дёргая ручку.

Надзирательница, приставленная к ней Хайратом, ни в чём не была виновата. Наоборот, часто вставала на её сторону и помогала разобраться в жизни в гареме, однако именно сейчас жизненно важно было оставить Фадию взаперти.

Умудрившись напоить Фадию сонным сбором, который раздобыла Элен, вскоре после обеда Агата проводила её до комнаты, посидела, выслушивая долгие и мудрые наставления для будущей жены повелителя, и дождалась, когда строгую смотрительницу гарема наконец сморит сон.

Немудрено, что для её объемов требовалась немалая доза сонных трав, но всё-таки план сработал.

Тихо выскользнув из её комнаты, Агата успела не только вручить ожидавшейся Элен абаю, закрывшую компаньонку с ног до головы, но и предусмотреть возможность побега неутомонной восточной женщины.

– Агата, это невысказано – запирайте вот так взрослую женщину в комнате! – шёпотом причитала Элен, наблюдая за тем, как Агата запирает дверь.

– Угу.

– И вообще весь план...

Агата повернулась к ней и прижала палец к губам. Кажется, она слишком многому успела научиться у Джонни... Боги, как же она по нему соскучилась!

– Ох. Что-то подсказывает мне, что та дверь на корабле... – охнула Элен, догадавшись, кто на самом деле испортил замок и не позволил ей следить за воспитанницей и за её приличным поведением.

Агата снова цыкнула, призывая к молчанию, и потащила её за собой.

Они с Элен, не скрываясь, торопливо, но чинно направились по коридорам дома Орхана, старательно игнорируя безмолвных стражей, но всё равно вздрагивая от каждого звука.

Элен с густо подведёнными чёрным глазами, обрызганная восточными духами, такая же грузная и при этом бойкая, была пугающе похожа на надзирательницу гарема Фадию, что стоило усилий напоминать себе, что это не она.

– Просто безумие, – снова запричитала Элен.

– Безумие – по приказу отца выйти замуж за этого самодовольного бородатого мужлана, мнящего себя пупом всего мира и готового слагать о себе восхваляющие легенды уже при жизни! – прошипела Агата и решительно потянула Элен дальше по коридорам, хотя по их плану именно она сопровождала ценную невесту в город. – Он считает меня вещью! Мой долг – спасти Джонотана от казни, и я сделаю для этого всё. Уверена, отец будет счастлив знать, что его воспитанник остался жив. Сами знаете, он так переживает за того, за кого с юных лет нёс ответственность, что буквально места себе не находит. Поверьте, кириос ди Эмери оплатит вам за этот подвиг, когда узнает, что у нас всё получилось, просто пока никто не должен узнать.

– Но если нас поймают! – Элен содрогнулась всем телом, словно её пугала одна мысль об этом. – И если вам, кирия, ничего не грозит, моя голова точно будет на той ограде!

– Всё будет отлично! – добавляя в голос уверенности, которой вовсе не чувствовала, уверила Агата. – Вы с Фадией совершенно неотличимы в этих одеждах! Ваши фигуры и изгибы... – Она изобразила пышную грудь компаньонки в воздухе и тут же добавила под мрачный взгляд Элен: – Ей-богу, я могу только позавидовать! Главное – побольше уверенности и грозно цыкать, это вы тоже умеете. Вот так, да, именно. И твердите то, что я вам сказала, а ещё помните – нам с вами ужасно-ужасно некогда!

– А если вас не выпустят и всё раскроется?!

В отдалении послышались голоса, и Агата поспешно затолкала Элен в ближайшую комнату. Здесь царил полумрак, плотные шторы были задвинуты, и Агата чуть не упала, запнувшись о низкий столик. Голоса приблизились, они обе затаили дыхание.

Элен выразительно взглянула на Агату, и та была готова поклясться, что поджала губы, словно говоря: вот так-то вы уверены, что всё пройдёт гладко!

– Всё будет хорошо, – прошептала Агата в ответ на невысказанные претензии, оглядывая комнату, в которой они случайно очутились. Но им не повезло: дверь распахнулась, и в комнату вошла не просто служанка или случайная девица гарема, а именно Айра.

– Что ты делаешь в моих покоях?! – любимица Орхана гневно шагнула вперёд, прибавляя к своим словам пару витиеватых восточных ругательств, о смысле которых оставалось только догадываться.

Агата сжала кулак, готовясь снова защищаться от наглой ануарки.

Конечно, понятно, почему их повелитель так ценит эту наложницу: Айра бесспорно была хороша! Шёлковые ухоженные светлые пряди, гладкая розовая кожа, умасленная и сияющая даже на тусклом свету, горящий взгляд больших миндалевидных глаз и изогнутые губы цвета пепельной розы. Грудь наложницы, умело подчеркнутая многослойной одеждой, яростно вздымалась, пока Айра подходила ближе и переводила взгляд с Агаты на «Фадю».

– Фадия, а ты... – начала на ануарском Айра, не признав подмену, что вдруг вселило в Агату непомерную уверенность в успехе побега.

Если даже наложницы готовы принять Элен за Фадю, значит, всё возможно!

Но гнев Айры был так велик, что надо было срочно что-то придумать. И Агата не нашла ничего лучше, чем резко прижать руки к лицу, будто бы она из последних сил сдерживала рыдания, и отступить на шаг.

– Айра... прости. Ты была права! – всхлипнула она как можно искренней. И снова заговорила на энарийском, не выдавая то, что понимает язык Востока.

Пришлось усиленно представлять себе Джонни, окровавленного и избитого в темнице, чтобы на глазах по-настоящему выступили слёзы, так необходимые прямо сейчас.

Айра недоумённо остановилась, красиво нахмутив светлые брови.

– О чём ты?! Я не понимаю! – прошипела она с подозрением, но будто поутихла, а любопытство от слов Агаты и ревность, пылающая в глазах, разгорелись ещё ярче.

Пришлось взять всю игру на себя. Агата убрала ладони и заговорила торопливо и со всей горячностью, на которую была способна:

– Я не поверила тебе, что сердце Орхана принадлежит тебе. Это правда! Правда! Я ехала сюда, в вашу страну, потому что мне обещали, что муж будет любить меня и сделает своей женой... – Агата громко и натурально всхлипнула, стиснув кулаки на груди и комкая ткань абаи, скрывающей теперь всё тело надёжным коконом. – Но это ложь!

– Неужели? – недоверчиво протянула Айра, обходя её чуть сбоку и с недоумением глядя, как Агата с трудом сдерживает рыдания, что рвутся из горла.

– Да! Да! Всё ложь! – громко воскликнула Агата, ударяя кулаком по своей груди и сама восхищаясь тем, как натурально у неё выходит. – Я была на обеде, сидела рядом с Орханом так близко, что слышала всё. Он обещал... он сказал, что возьмёт меня в жены, но только потому, что так было обещано моему отцу. И он выпотрошит всё, что может взять из этой сделки, потому что я... я... очень выгодная... покупка, – Агата позволила себе всхлипнуть и снова прикрыть рот ладонью, якобы сдерживая плач.

Айра нервно дёрнула красивыми губами, которые так и складывались в презрительную усмешку. Глаза ануарки засверкали торжеством.

– Я говорила тебе, что ты будешь – *никто*, – прошипела наложница.

– Да. Да, – со всей горечью прошептала Агата, вскидывая глаза к потолку, будто бы молилась божеству. Она беззвучно пошевелила губами и резко обернулась к Айре снова: – Он сказал, что его сердце уже отдано тебе, о свет его жизни. Что я никогда не смогу занять более важное место, но он готов... готов уступить место для послушной собаки, которой я должна буду стать, если хочу сохранить свою голову и голову своего отца. Что мы здесь никто, и моя жизнь теперь зависит от его прихоти. О, это ужасно! Ужасно!

– Ха, – выдохнула Айра, ничуть не сомневаясь больше в её словах. – Ануар – древнейшая в мире страна с истинным богом, и не вам, чужеземцам, надеяться здесь править! Что ж. Ты заслужила быть послушной подстилкой для моего господина, если способна принести ему пользу.

– Он требует от меня исполнения обряда, а потом сказал, что, если я выкину хоть одну глупость, посадит меня в темницу. О, какое предательство. Я никогда... никогда... не соглашусь лечь в постель с таким жестоким, бессердечным человеком, хоть моё сердце дрогнуло от его влекущей красоты и силы, и я готова была полюбить его всей душой, – в этот момент Агата вспомнила сцену, когда Орхан кормил её со своих рук, те взгляды, которые он на неё бросал, и от которых её саму бросало в жаркий пот. Что ж, ануарец был действительно хорош собой и весьма горяч, и это воспоминание помогло сделать речь ещё более убедительной. Агата произнесла с придыханием: – Орхан покорила меня одним своим взглядом, и я так надеялась, что смогу добиться его искренней любви и желания, но он... он готов лишь взять то, что ему нужно...

– Ему так нужно, чтобы ты легла в его постель? – Ноздри Айры зловеще раздулись.

– Это необходимо для завершения сделки, – закивала Агата, мельком глянув на «Фадию», которая выразительно округляла глаза, следя за её актерской игрой. – А потом... Я даже боюсь представить, что за жизнь ждёт меня потом! Помоги мне, я умоляю! – она схватила Айру за руку и с силой сжала.

– Чего ты от меня хочешь? – процедила Айра, с трудом удерживая злорадство.

– Помоги мне сбежать! Нет! – она снова дёрнулась к дверям. – Нет, просто... Просто не говори никому, что видела нас с Фадией здесь. Твоя добрая госпожа понимает меня и пошла навстречу, она выведет меня за ворота, и я исчезну отсюда навсегда!

Айра неуверенно замерла, будто уже готовая лично вышвырнуть Агату из дома, но сдерживалась, чтобы не подставить себя.

– Остайся тут, прошу, – взмолилась Агата, обернувшись к ней. – Пусть Орхан не узнает, что ты виновна в моём побеге. Лучше скажи, что не видела нас и прилегла спать с головной болью. Прости, что не поверила тебе сразу, – Агата горько скривилась. – Ты была права, я не думала, что меня лишь используют... И всё, что мне теперь остаётся – спасти свою жизнь. Ты должна меня понять! Поклянись, что не помешаешь в этом! И я не стану помехой между вами!

Айра медленно кивнула, отступив вглубь комнаты.

– Идём же, скорее! – Агата резко схватила Элен за руку и потащила прочь из покоев, пока вся эта сцена не затянулась слишком надолго и не стоила им неудачи в побеге.

– Куда теперь? – прохрипела «Фадия» на бегу, когда они снова бросились в коридор, петляя между комнатами огромного дома.

Навстречу попались двое стражей, и Агата резко пихнула Элен в очередной закуток. Очередной актёрской игры ей не пережить, она ещё не выдохнула после встречи с Айрой, а Элен так неумело повторяет слова на ануарском, что хоть плачь.

Это была комната кого-то из гостей дома: окошко небольшое, несколько стоящих в ряд кроватей, изображения святых на стенах и аккуратно разложенные стопками вещи на сундуках вперемешку.

Огромная луна заглядывала в распахнутое окно, превращая легонько колышущиеся занавески в бесплотного призрака. Вот бы и ей стать бесплотной и пройти сквозь все эти стены к свободе! Но никакая магия мира не могла помочь это сделать.

Глава 28

Бежать

Вот только... Агата практически подбежала к окну и чуть не хохотнула: решёток на нём не было. Она глянула вниз, оценивая высоту. Примерно второй этаж, совершенно ровные голые стены, но зато к ним была прикреплена шпалера, по которой вилось какое-то растение.

Если снять все эти тряпки... Агата решительно обернулась к Элен:

– Я вылезу на улицу здесь!

– Кирия ди Эмери!

– А ты выйдешь через дверь для прислуги, – Агата уже снимала с себя неудобное мешающее покрывало, оставаясь в тонких шёлковых шароварах и такой же тонкой шёлковой блузке, льнущей сейчас к телу. – Так как ты вылитая Фадия, одной тебе никто не задаст вопросов. Мы встретимся в саду.

– Но если кто-то вас заметит, а я буду ходить по саду в такое время?

– Я выберусь быстрее, чем ты, – уверила Агата, впихивая покрывало и просторную абаю в руки Элен. – А с этим ты будешь выглядеть так, как будто куда-то ужасно спешишь по делу. На вопросы не отвечай, говори: «Тухаты дхалика, ва ана еасхалат».

Элен неуверенно повторила фразу несколько раз.

– В саду я сама тебя найду, просто выйди на улицу и иди в сторону ворот.

– Но там тоже стража!

– Та стража выпустит нас без проблем, потому что они будут уверены, что нас выпустили стражники, охраняющие дом. Ну же, иди!

Агата подтолкнула Элен к дверям:

– Грозный взгляд и «я тороплюсь».

Выпроводив Элен, Агата вздохнула, успокаивая бешеное сердцебиение, и влезла на подоконник. Она проделывала подобное много раз дома. Потому что улизнуть тихонько ночью из дома

означало вырваться из-под неусыпного бдительного надзора отца. Джонотан действительно научил её плохому, в этом отец был прав.

Агата села на широкий мраморный подоконник, спуская ноги вниз. Одна из предательских восточных туфель сразу же соскользнула вниз. Проклятье! Вторую Агата отправила следом: главное потом найти их, хотя, если надо будет, она и босиком выйдет отсюда!

Шпалера заканчивалась ниже подоконника, но если тонкая шёлковая занавеска выдержит её вес... Агата быстро намотала ткань вокруг запястья и, не давая себе времени испугаться, соскользнула с подоконника вниз.

Запястье больно дёрнуло, но вскрик удалось сдержать, ногами нащупать опору, а свободной рукой ухватиться за выющееся по шпалере растение. Розы! Ну, конечно, это не мог быть какой-нибудь безобидный виноград или жимолость! Это должны были быть непременно самые колючие во всех мирах розы! Что ж, они зато крепче.

Агата дёрнула занавеску посильнее, надеясь, что она оторвётся и будет чем обмотать руки, но здесь ей не повезло. Пришлось, сжимая зубы и сдерживая слёзы, хвататься за колючие стебли, плотно обвивающие деревянную опору. Хвала всем богам, в Ануаре даже опоры для роз строили на совесть, ничего не качалось, и спустя несколько мучительных минут она ощутила траву под ногами. Туфли нашлись рядом, и Агата взяла их в руки, чтобы не потерять.

Ладони и ступни неприятно саднило после знакомства с колючками местной флоры, но такие пустяки Агату не волновали. Оглядевшись, чтобы рядом не было стражников, Агата выскочила на открытую площадку с маленьким фонтаном и сполоснула руки. Вода приятно охладила кожу.

«Все получится!» – пообещала себе Агата, короткими перебежками перемещаясь в тени пышных растений. Лунного света было достаточно, чтобы не спотыкаться, но он, словно помогая, рождал причудливые тени, которые неплохо её скрывали от возможных наблюдателей.

Относительная видимость, правда, сыграла с ней злую шутку: пробираясь в зарослях практически у самых ворот, Агата запнулась о корень, наступила на какой-то острый камушек и свалилась прямо в душистый куст неизвестного растения, чихая от пряного запаха

пыльцы и шёпотом ругаясь так, что, наверное, даже Вильхельм оценил бы степень её страданий.

Подниматься Агата не спешила: шума она наделала столько, что стоило затаиться. Выждав пару минут и убедившись, что вся стража не ринулась в кусты с копьями наперевес, она осторожно выглянула, пытаясь определить, где ей искать Элен.

Искать, впрочем, не пришлось: закутанная в ткань грузная фигура экономки обнаружилась у самых ворот в тусклом круге света от масляной лампы. Похоже, она привлекла внимание стражника, который стоял, оперевшись на жутковато блеснувшую сталью алебарду. И почему не подождала её на тропинке?!

Агата помянула морского дьявола и пару местных богов пустыни: Элен явно нужно было спасать, как и всю их затею. Вот только покрывало было у Элен, а выйти с открытым лицом к стражнику – означало сразу послать весь их план к уже помянутым богам.

Она нервно огляделась, убеждаясь, что патрулирующих стражников рядом нет, решительно скинула кафтан, оставаясь в одной прозрачной блузе. Оторвать руками, даже от тонкого шёлка нижний край не представлялось возможным, поэтому Агата решительно дёрнула рукав, раздался треск, и нити поддались, и в руках у неё остался вполне подходящий на роль вуали кусок ткани. Оборвав завязки, которые затягивались на запястьях, и спрятав обрывки в кустах, Агата накинула кафтан обратно и убедилась, что блуза хоть как-то прикрывает её грудь, а рукав приладила к лицу, надеясь, что в неверном свете луны и масляной лампы стражник не обратит внимания на небрежность её наряда.

Впрочем, когда она приблизилась, старательно опуская глаза, изображая застенчивость и прислушиваясь к разговору, оказалось, что страж действительно заинтересовался Элен, а точнее – Фадией, потому что расточал комплименты и витиевато, но очень настойчиво приглашал как-нибудь вместе выкурить кальян.

Элен же придерживалась плана и, хотя голос её был не таким громким и уверенным, как обычно, бросила:

– Тухахы... халидах, – выдала Элен и сбилась, перепутав всё на свете. Но тут же закашлялась, будто подавилась и поэтому так проговорила. – Тухаты дхалика, ва ана еасхалат! Хади, хади, – бросила

она вслед, старательно по-восточному размахивая руками, нетерпеливо прогоняя стража прочь и делая вид, что сейчас рассердится.

Акцент у Элен был ужасающий, но она так старательно басила, подражая Фадии, что несоответствие практически не слышалось.

Агата едва не рассмеялась: бедный страж, гордая Фадия так торопится, так торопится! Элен надо было спасти, поэтому Агата приблизилась и аккуратно дотронулась до её локтя.

– Кирия ди Эмери! – с облегчением воскликнула Элен, едва ли не бросаясь на Агату с объятиями.

– Мы, кажется, спешим, Фадия, – Агата практически выдернула из рук компаньонки абаю, поспешно накидывая на плечи. – Благодарю, что захватили мою одежду. Было так приятно прогуляться по саду.

Элен поймала пристальный взгляд стража, направленный на её госпожу, и, сурово нахмурившись встала к нему спиной, закрывая Агату и помогая той накинуть покрывало.

– Тухаты дхалика, ва ана еасхалат! – очень сурово повторила Элен.

Агата фыркнула, сдерживая смех, и сделала страшные глаза – больше ничего под покрывалом всё равно не было видно.

– Поторопитесь, кирия, господин Орхан не любит, когда его приказы нарушают, – пробасила Элен, подражая голосу Фадии.

Кажется, их уловка удалась, потому что, когда компаньонка решительно отёрла плечом стража, направляясь к массивным и, конечно же, запертым в этот час воротам, тот почтительно поклонился и поспешил открыть для них маленькую калитку, врезанную прямо в створку ворот.

– Свет очей моих, – проговорил он, глядя на Элен в образе Фадии, как на величайшее чудо, – луна моих ночей, я буду ждать, когда хлопоты ваши станут меньше и вы выделите немного своего времени вашему покорному слуге.

– Тухаты дхалика, ва ана еасхалат! – отрезала Элен, умудряясь одной и той же фразой отбиваться от настырного стража с разными интонациями, и, схватив вздрагивающую от смеха Агату за руку, буквально вытащила её на улицу. И даже там она не затормозила и продолжила тянуть за собой Агату к центру города – судя по всё более плотной застройке и высоченным башням местных храмов.

– Элен, остановитесь же! Нам надо решить, куда идти и где теперь искать этот...

Агату на миг охватил страх. Она держалась до последнего, сосредоточив все силы и мысли на том, как вырваться из «дворца» Орхана и получить вождеденную свободу, но мало размышляла о том, как они найдут нужное место, как отыщут там Вильгельма и получится ли потом не попасть на глаза городской страже, если за ними объявят погоню.

– Предоставь это мне, – важно бросила на ходу «Фадия», деловито проталкиваясь по оживлённой даже в этот поздний час улице и ворча под нос на энарийском, когда кто-то вставал на её пути. – Если думаешь, что Элен ни на что не способна, то напрасно, деточка. Я, может, не разбираюсь в этом ануарском и никогда ниоткуда не сбегала, но не позволю каким-то раскрашенным полуголым девицам диктовать мне, что делать!

– Так вы знаете, где этот публичный дом?!

– За что меня всегда ценил твой отец, Агата, так это за умение внимательно слушать! – важно подняла палец Элен, подражая повадкам Фадии. – Этот дом называется «Чайная», и он прямо за главным храмом Ануара, неподалёку от порта. А, значит, – она снова бегло осмотрела окрестности, – нам во-от туда.

Сердце Агаты забилось быстрее: порт! Порт – это свобода, всего-то надо будет найти подходящее судно и попасть на борт.

До этого момента она действовала не слишком продуманно и даже не думала, что будет делать, когда найдёт Джонотана. Но теперь мысль о том, что можно и вовсе не возвращаться в дом Орхана, стала необычайно ясной.

У неё есть золото, а значит, надо каким-то образом обменять его на деньги. Сразу же, как только она выяснит, что с Джонни. Мысль о том, как они вместе уплывают, воодушевили настолько, что Агата прибавила шаг, не обращая внимания ни на толпу, ни на мелкие камешки, попадающие в туфли, пригодные только для неспешных прогулок по мраморным полам.

Удивительно, но улицы не были пусты. Ночь пусть и не принесла прохлады, но лунный свет не разогревал кожу и не палил нещадно. Всё вокруг казалось сказочным, зыбким.

Пахло специями и душным, сладким дымом кальянов, и даже окрики торговцев звучали мягко, маняще, словно неведомые заклинания на древнем языке. Агата даже замерла на мгновение у одного из прилавков – так красиво в неверном свете луны и факелов блеснула оружейная сталь.

– Не отставайте, госпожа, – старательно понижая голос, пробасила Элен, хватая её за руку и утягивая за собой. – Тухаты дхалика, ва ана еасхалат!

Агата рассмеялась, потому что уж очень хорошо Элен вжилась в роль, и, зазевавшись, налетела на мужчину, закутанного в чёрные одежды.

На мгновение её окатил пряный запах – что-то тягучее, словно разогретая на солнце смола, и свежее, как морской ветер одновременно. Незнакомец, кажется, от неожиданности поддержал её, чтобы она не споткнулась. И, услышав гневное цыканье Элен, поспешно убрал руки.

– П-простите, – пробормотала Агата на ануарском, опуская глаза и торопясь уйти.

– Не зевайте, госпожа, – тихо посоветовала Элен, оглядываясь. – Две женщины в такой час и так могут вызывать вопросы, а это был один из стражей.

– Откуда ты знаешь?

– Вам было не до того на корабле, но именно они остановили пиратов, помните? Все в чёрном, скользят бесшумно, как тени, аж жуть.

Агата поёжилась от зябких мурашек, несмотря на жару, и оглянулась через плечо, но человека в чёрном уже скрыла толпа.

Глава 29

Вильхельм, бордель, веселье

– Барра! Ахлас! – гаркнули над ухом, и Агата вздрогнула, хоть обращались явно не к ней.

Ругательства на ануарском летели в адрес прощелыги в подранной одежде, который пытался просить милостыню у богато одетого господина. Будто надеялся, что под нежным светом повёрнутой набок Луны – покровительницы женщин, олицетворения мягкой силы, – щедрый прохожий смягчит и свой нрав.

– Элиф аир аб Тизак! – ощерился в ответ бродяга.

Районы, имевшие выход к морю, ни в одном городе не считались уважаемыми. И та часть Шарракума, что раскинулась вдоль береговой линии за внушительной громадой храма богов пустыни, что белела в свете луны и звёзд, не была исключением.

Агата осторожно ступала по мощенной булыжником улице. Здесь многие не считали зазорным бросить мусор прямо на дорогу. Оживлённые торговые ряды, пестрящие красками даже ночью, сменились более бедными простыми домами, высокие каменные ограды – приземистыми заборами из грубых глиняных блоков. Зелени и питьевых фонтанов и вовсе не стало, только низкие пальмы качались, шелестя на ветру засыхающими листьями. В неверном лунном свете они казались руками, протянутыми к усыпанному звёздами бархатному небу в безмолвной мольбе.

Агата усмехнулась про себя. Похоже, ануарская ночь действует своей магией на всех, кто ступил на эти берега. Она успела за эти дни привыкнуть и к горячему нраву местных, и к странному говору, и к благовониям, которые повсеместно жгли на прилавках, отпугивая мошкар.

Здесь всё ещё было много народу на улицах, но уже не было приветливых торговцев-зазывал и праздно прогуливающихся горожан. Хотя мимо прошла хохочущая разнузданная компания. Элен уверенным жестом задвинула Агату себе за спину, и та не возразила.

Они остановились на перекрёстке, прячась от лунного света в тени домов и молча пропуская двух стражников-теней из береговой

охраны. Те скользнули бесшумно мимо, свернув в узкий проулок, только внимательные глаза блеснули в свете луны.

– Куда дальше? – рядом никого не было, но Агата всё равно говорила шёпотом.

– Подозреваю, что те господа, – Агата была готова поклясться, что Элен поджала губы, – шли как раз оттуда, куда вы так стремитесь попасть.

В её голосе слышалось осуждение, и казалось, что Элен начнёт её отговаривать, но, видимо, нравы, царящие в доме Орхана, столь поразили компаньонку, что та вновь уверенно двинулась по самой широкой и неплохо освещённой чадящими факелами улице.

Пахло солью и морем, и Агата приняла это за добрый знак: как минимум улица должна была вести в порт, а где, как не по направлению к порту, стоит искать злачные места?

Они поравнялись с очередной чайной (на вывеске был весьма искусно изображен двухъярусный чайник, традиционный для Ануара), когда Элен ухватила Агату за руку:

– Ох, стыд-то какой, – пробормотала она.

Агата проследила за её взглядом и увидела, что из чайной выглянула девушка в слишком уж откровенном наряде – прозрачные шаровары и короткая, открывающая живот полупрозрачная блуза почти не оставляли простора для воображения.

– Нам сюда, – уверенно заключила Агата, решительно направляясь к девушке.

– Кирия, постойте! – попробовала было остановить её Элен. – Агата!

Но Агата уже практически вцепилась в испугавшуюся такого напора девушку:

– Мне срочно нужно увидеть Бадию! – заявила она на ануарском. – Это приказ самого господина Орхана, да будут тверды его... а, в общем, Луна ему покровительница. Веди!

Кажется, от упоминания Орхана девушка совсем растерялась:

– Но... но кто вы?

– Невеста его! – рывкнула Агата, начиная нервничать, потому что на другом конце улицы показались фигуры и сложно было понять, стража это или простые гуляки.

Рисковать и дожидаться, пока её спохватятся, Агата не собиралась, они и так потратили кучу времени, пока добрались сюда. А если уж эта змея Айра решит что-то рассказать! Поэтому она решительно потащила девушку внутрь.

Элен, к счастью, молчала и продолжала играть роль внушительной сопровождающей.

Чайная на первый взгляд оказалась действительно чайной. Внутри почти никого не было, только небольшая компания за низким столом в углу. Мужчины отдыхали, играли в какую-то незнакомую настольную игру и курили кальян. Сладковатый запах яблок и винограда наполнял помещение и горчил на языке. Агата поморщилась и чихнула – даже вуаль на лице не спасала от терпких запахов.

Мальчик, торопившийся с круглым подносом, уставленным бокалами для чая в форме тюльпанов, споткнулся и чуть не упал. Звякнули, опасно накренившись, армуды, заглушив на мгновение перестук фишек и тихий разговор.

– О, Заира, ты привела нам новенькую! – один из мужчин выпускал кальянный пар колечками и они, словно повинувшись магии, кружились вокруг него. – Ну-ка поди сюда, красавица.

Агата замерла, чувствуя себя совершенно беспомощной и обнажённой, несмотря на абаю, потому что все мужчины неожиданно обернулись к ней. А говоривший, кажется, был еще и стихийным магом. Не хватало только отбиваться от мужчин, которые явно не в настольные игры сюда пришли играть и не чай пить.

– Тухаты дхалика, ва ана еасхалат! – угрожающе пробасила Элен и решительно пихнула замершую, так же, как и Агата, девушку.

Та вздрогнула и отмерла:

– Простите, господа, эту девушку уже ждут, – она низко поклонилась несколько раз и поспешила скрыться за занавесью из разноцветного стекла, закрывающего дверной проём, словно драгоценный водопад.

Агата и Элен ринулись следом.

– Нам надо найти Бадию! – напомнила Агата, едва поспевая в своих туфлях за Заирой, поспешно семенящей босыми ногами по длинному, слабо освещённому коридору со множеством дверей.

– Она сейчас занята... – начала было девушка, а потом, помедлив, добавила: – Но если вы настаиваете, я могу уступить вам.

– Да что уступить? – рассердилась Агата, хватая девушку за руку и заставляя её остановиться и развернуться лицом.

– Бадия сейчас с господином, – прошептала та. Глаза лихорадочно блестели, и Агата подумала, что, вероятно, в этой чайной могли предлагать не только кальян. – Очень страшный господин. Я его боюсь, а он требует ещё одну девушку. Он всегда требует троих! Я надеялась, что придет Феруза, но её еще нет, слишком рано.

– Я пойду вместо тебя! Веди!

Было странно испытывать радость от того, что она увидит Вильгельма, но Агата отбросила эти мысли. Главное – узнать, что с Джонотаном. На этот шанс она и надеялась, хоть и боялась, что Бадия могла ошибиться, и Вильгельм не придёт в бордель и сегодня вечером. – О, госпожа! – Заира бросилась на пол и, кажется, готова была начать целовать ей туфли, но Агата поспешно отшатнулась.

– Встань немедленно! О боги, что здесь происходит вообще!

Вильгельм, конечно, чудовище, но вряд ли позволял себе что-то настолько ужасное, чтобы рыдать и бояться даже зайти в одну комнату с ним.

Агата замерла на мгновение при мысли, что она-то даже из окна каюты полезла, и, возможно, Вильгельм и был ещё большим чудовищем, просто с ней он мог позволить себе поиграть, ведь на тот момент Джонотан уже обо всём договорился. А сейчас она вновь засовывала голову в пасть льва.

– Этот капитан такой страшный! – Заира практически плакала, подрагивая всем телом и подтверждая сомнения Агаты. – Вы уверены, что...

В начале коридора, за занавесями раздались голоса: кажется, мужчинам наскучил кальян, а, возможно, их заинтересовала «новенькая», но Агата вовсе не горела желанием столкнуться с ними ещё раз. Ей нужно узнать, что с Джонотаном! И если единственный, кто может сейчас в этом помочь, является пиратом – так тому и быть.

– Веди уже! – Агата тревожно вглядывалась в полумрак коридора, прикидывая, есть ли в здании ещё один выход, на случай, если придётся убежать.

– Вам надо раздеться, госпожа, – тихо и с тщательно скрываемой радостью проговорила Заира, но с пола всё-таки поднялась. – Господин требует, чтобы...

– Вот при нём и разденусь, – заявила Агата, оглядываясь на Элен и радуясь, что компаньонка не понимает ни слова. – Кирия Элен, пожалуйста, подождите здесь.

– Но вы не можете остаться одна наедине с этим пиратом! – решительно возразила компаньонка.

– Пока он не сделал мне ничего плохого, – отозвалась Агата, доверительно сжав её руки, – а вот те мужчины, что распивают чай, могут нам помешать. Я рассчитываю на вас, Элен. Всё будет хорошо, – проговорила Агата ещё раз, больше для того, чтобы убедить в этом себя, нежели успокоить Элен, и последовала за Заирой к самой дальней двери.

Заира приотворила дверь и практически втокнула Агату в небольшую комнату, освещённую несколькими масляными лампами. Свет дрожал и дробился в разноцветных мелких стёклышках плафонов, рассыпался искрами на полотнах ткани, драпирующих стены и потолок. Тонкий, дурманящий сладковато-пряным запахом дымок поднимался от округлой курильницы, делая всё вокруг ещё более зыбким.

На мгновение Агате показалось, что она очутилась в диковинном шатре. В таких, как она слышала, видящие маги могли предсказать судьбу или будущее. Вот только мужчина, вальяжно развалившийся в огромном кресле, больше походившем на трон, гадалкой явно не был.

Вильгельм расслабленно сидел, запрокинув голову, а обнажённая сверху до пояса Бадия, которую Агата сразу узнала по длинным чёрным косам, перекинутым через плечо, умело разминала мышцы его плеч, скользила по груди и щипала пирата за соски. Разноцветные блики казались причудливым одеянием из тончайшей ткани на её обнажённой коже.

На мгновение Агата застыла, бездумно глядя, как ловко и ритмично движутся нежные руки, не жалея душистого масла, как скользят по телу пирата тонкие пальцы – разминая, поглаживая и, судя по прерывистому дыханию, доставляя удовольствие. Смуглая грудь пирата, поблёскивая в тусклом свете, поднималась и опускалась в такт.

Словно зачарованная открывшимся зрелищем, Агата не сразу заметила, что между ног Вильгельма сидит ещё одна девушка. Она заметила её, только когда та обернулась, заслышав шаги или почувствовав движение за спиной. Руки соскользнули с колен

Вильгельма, звякнули тяжёлые золотые браслеты и ожерелье, почти полностью скрывающее её обнаженную грудь.

– Я не давал разрешения остановиться! – голос Вильгельма прозвучал хриплым рыком, но, несмотря на недовольный тон, расслабленно. – Ты же не хочешь быть наказана?

Девушка испуганно вскинула на него взгляд, облизывая опухшие губы, и издала придушенный писк, когда рука, прежде легко перебирающая её волосы, схватила пряди и потянула вперёд.

– Не отвлекайся...

Агата замерла, не в силах пошевелиться, когда Вильгельм, видимо, что-то почувствовав, приподнял голову и перевёл на неё взгляд с поволокой.

– А-а, вот и новенькая, – протянул он, усмехнувшись. – Я же просил входить ко мне без всех этих тряпок. Ну-ка, подойди.

Он поманил её пальцем. Магия защекотала кожу, кажется, Вильгельм был так расслаблен, что не совсем себя контролировал, либо использовал лёгкое внушение специально. Агату затошнило, когда ноги против её воли сделали пару шагов.

– О, нет-нет, – Вильгельм покачал пальцем, свет мягко перетёк по золоту множества колец, унизывающих его пальцы, словно и этот простой жест должен был отвлечь и загипнотизировать. – На колени. Ты же хочешь сделать приятное своему господину, правда?

– Сначала разденусь, – самым воркующим голосом проговорила Агата, стягивая абаю и открывая пирату своё лицо, чувствуя, как губы складываются в самую что ни на есть зловещую улыбку. – Мой господин.

– Ох ты ж... – сипло бросил Вильгельм, очнувшийся от сладострастного дурмана. – Рыбка! Сама пожаловала... Вот это сюрприз!

Глава 30

Самый честный на свете пират

Неподдельное удивление на лице Вильгельма слишком быстро сменила довольная усмешка, когда он снова развалился в кресле.

– Неужели Сезар в этот раз обломался с заключением выгодного дельца, а? Не удалось продать тебя?

Агата недовольно поджала губы и скрестила руки на груди, чтобы хоть как-то прикрыться, досадуя, что сняла и абаю, а не только закрывающий бо́льшую часть лица платок. Хотя видеть растерянность на лице пирата было приятно, становиться объектом его пристального внимания не хотелось.

– Прикажете нам удалиться, господин? – проворковала Бадия, с интересом поглядывая на Агату и не прекращая своего занятия.

– Нет, конечно, – Вильгельм вновь вольготно устроился в кресле и небрежно махнул рукой, словно настоящий повелитель. – Сомневаюсь, что эта маленькая птичка продолжит вместо вас. Или я ошибаюсь?

Вильгельм подался вперёд, небрежно опираясь на плечо коленопреклонённой девушки.

– Может быть, ты хочешь заменить это милое создание? – он потянул девушку за волосы вверх, вынуждая её приподняться. – Вряд ли ты столь же искусна, но для тебя, рыбка моя, я готов стать учителем. Смотри, это совсем не сложно.

Его пальцы ухватили пряди, и девушка тихо выдохнула, то ли от боли, то ли от удовольствия, когда Вильгельм потянул сильнее, заставляя её запрокинуть голову, и неожиданно наклонился, впиваясь поцелуем ей в губы.

Агата отвела взгляд, чувствуя, как жар смущения затапливает её всю, и прерывисто вздохнула, потому что внезапно воздуха стало не хватать. Это все благовония, совершенно точно они!

– Видишь, как просто? – проговорил меж тем Вильгельм, отрываясь от губ девушки и глядя на Агату с кривой ухмылкой. – Немного покорности, и я готов исполнить любой каприз.

Он небрежно погладил девушку по плечу:

– Ну так что?

Агата почувствовала, как жар прилил к щекам, потому что один нюанс до сих пор ускользал от её внимания: мускулистый пират был совершенно обнажён, и только жрица любви ещё немного прикрывала её своим телом от самого стыдного зрелища.

– Иди к морским демонам, Вильхельм, – процедила Агата, беря себя в руки. – И прикройся. Мне нужно с тобой поговорить.

Вильхельм хрипло расхохотался.

– Ох уж эта проклятая женская фраза. Однажды моя портовая жёнушка начала с неё, прежде чем рассказать, какого хлыща повстречала, и я разбил ей голову. Не насмерть, не боись. Надеюсь, ты не станешь меня расстраивать. Я предпочитаю, чтобы женщины меньше говорили и больше делали.

– Ты можешь одеться?! – взвилась наконец Агата, отвернувшись, когда девица, сидящая у пирата между колен, плавным движением поднялась.

– Твой командирский тон меня даже заводит, – ухмыльнулся мерзавец.

Краем глаза она видела, как Вильхельм нарочито медленно потянулся к своей одежде и наконец натянул на себя штаны. По короткому щелчку пальцев обе девицы подхватили свои тряпки и быстро покинули наполненную благовониями и жаром комнату. На миг Агате показалось, что на лице Бадии промелькнула благодарность.

Вильхельм вразвалочку подошёл к Агате и ухватил было своими цепкими пальцами за подбородок, но она быстро ударила его по руке и отшатнулась.

– Держи свои грязные руки при себе!

– Но твой внешний вид, – ухмыльнулся пират, довольно угрожающе возвышаясь над ней, – он, знаешь ли... довольно говорящий. Мне придётся постараться, чтобы не трахнуть тебя прямо на этом столе. Как думаешь, что способно меня остановить?

– Что тебе нужно?! У тебя есть куча девочек для удовлетворения самых низких потребностей, так развлекайся с ними!

Страх всё-таки сжал нутро. Почему она решила, что сможет прийти к нему одна и ей ничего не будет?! Агата слотнула, прижимая ладони к шее и груди, но решимость добиться своего толкала вперёд:

– Тебе нужны деньги? Я достану! Скажи мне, что с Джонотаном. Я знаю, вы были в темнице, а потом он сбежал. Это твоих рук дело?!

– Дорогая моя Агата... – Вильхельм улыбнулся с видом довольного кота, объевшегося сметаны, хотя и явно не прочь отведать ещё чего-то вкусного. – Девочки девочками, а золотая рыбка попадает в сети к старому пирату всего один раз. И ты ещё должна мне несколько желаний, помнишь?

– Ты не выполнил ни одного моего условия! Ты должен был отпустить Джонотана, забрать своё барахло и уйти.

– Я отпустил Джонотана и даже не убил его, – Вильхельм выгнул бровь, разминая обнажённые мышцы груди, покрытой вьющимися чёрными волосами. Агата с содроганием заметила длинный тонкий белёсый шрам, явно оставленный саблей. – И я готов уйти, только закончу здесь пару делишек.

– Где. Джонотан? – медленно проговаривая слова, повторила Агата, бесстрашно глядя Вильхельму в глаза, хоть и понимала, что он может сломить её волю и сопротивление одним движением – стоит ещё раз соприкоснуться с его магией.

– Да сдался тебе этот пройдоха! – весело цокнул Вильхельм, раскидывая руки в стороны, будто желал продемонстрировать ей всю широту своих мышц и всю щедрость своей души. Он приблизился, обдавая Агату запахом влажного, разогретого тела, смазанного маслами. – Иди ко мне в объятия, детка, и я мигом выбью из твоей хорошенькой головки все посторонние мысли. И, может быть, местные боги будут благосклонны – и магия артефакта достанется мне вместе с твоей страстью, м?

– Я подниму крик, и за тобой придёт стража, что ждёт меня внизу! – отступая, соврала, не моргнув глазом, Агата. – Да что за... Что за магия в этом артефакте, что все его так хотят?!

– Ох, рыбка, так ты не в курсе, что за вещицу носишь? – брови Вильхельма взметнулись вверх, пока он продолжал наступать. – Весьма занятная безделушка, между прочим: её передавали матери своим дочерям в день помолвки. А если был сын, то артефакт переходил невесте сына. И юная невеста, в свою очередь, могла либо передать магию артефакта мужу, либо... усилить её, если муж и так был магом. Сама понимаешь, при каких обстоятельствах можно было передать этот дар? Могу показать, – он довольно осклабился. – Милая, добрая традиция этих краёв, которая якобы даровала потенциальной невесте защиту Луны.

Агата задумчиво посмотрела на блеснувшую цепочку, обхватывающую щиколотку.

– И как же он попал к моему отцу?

– Это тебе лучше спросить у него, а может быть, у твоего драгоценного Джонни, если он, конечно, ещё жив. Ты в курсе, что его родители бывали на Востоке? И всё-таки, – Вильхельм резко сменил тему, – неужели Орхан сам отпустил свою драгоценную невесту, – он смерил её взглядом с головы до ног, остановившись на щиколотках, – в этот публичный дом?

– Да, точно так же, как прежде дозволил мне получить несколько уроков от девочек. Хорошая жена должна уметь доставить удовольствие своему господину, – хладнокровно улыбнулась Агата. – И теперь они ждут меня внизу. А ты знаешь, как Орхан карает тех, кто перешёл ему дорогу.

– Какой мудрый ход! – искренне восхитился Вильхельм. – Почему я не подумал о таком же, прежде чем жениться?!

– Вильхельм. Где. Джонотан?! – снова отчеканила Агата, пытаясь не выдать своими эмоциями то, насколько не уверена, что выберется из этой комнаты целой и невредимой.

Впрочем, если поднять крик, наверняка стража борделя придёт на помощь – в их интересах защищать девочек от угрозы!

– Да понятия не имею. Орхан должен был отрубить ему башку. Говоришь, паршивец сбежал? – Вильхельм задумчиво потёр подбородок, будто эта задачка и впрямь заняла его внимание и заслуживает быть решённой.

– Это не ты помог ему? – разочарованно выдохнула Агата.

– Увы. Меня больше заботит собственное благополучие, чем жизнь бывшего напарника. Ха-ха, рыбка, ты бы видела своё лицо! – довольно рассмеялся Вильхельм. – Ладно, не такой уж он пират. Так, помог мне сбить кое-что дельное разок. Ну и потом... был полезен, знаешь ли. Не каждый день в твоей власти оказывается не только пройдоха, но и маг. У него были свои цели, у меня свои, и однажды мы сошлись. Что, уже разочарована бравым принцем, который отчего-то вовсе не торопится спасать свою принцессу?!

– Замолчи.

– Мы все такие неидеальные, крошка... – Вильхельм снова загнал её в ловушку, отрезав от выхода и оттесняя всё дальше к стене. –

Орхан – богач и извращенец, имеющий по девице на каждый день недели, а по утрам он любит головы на пиках. Джонотан – капитан, который не единожды нарушал закон, а ещё бросил свою возлюбленную на съедение восточному ублюдку. Про отца твоего я вовсе молчу. Тут даже у меня достаточно крепких слов не найдётся. А вот я... Хоть и пират, зато – самый честный на свете. Ни разу тебя не обманывал, правда?

Он заставил смотреть на себя снизу вверх. Сердце колотилось уже в кончиках пальцев, которыми она сжала ткань одеяния; во рту пересохло, а все слова застревали в горле.

– И если всем остальным ты зачем-то выгодна, то во мне вызываешь только искреннюю симпатию. И желание, о да... м-м, особенно в этих шёлковых тряпочках, которые так и хочется порвать. И я даже готов взять тебя безо всяких денег – просто люблю воинственных крошек.

Агата не хотела его слушать, но Вильгельм словно использовал свою магию и околдовывал медленно, но упорно. Ещё немного – и она начнёт ему верить! Что Джонотан и правда сбежал, спасая свою жизнь. Что она осталась совершенно одна, не считая отца и Элен, перед лицом жестокого восточного богача. И что только он – подлый пират! – может ей что-то предложить!

Но на улице раздался неожиданный шум.

– Кажется, ты соврала мне, маленькая наглая рыбка, – усмехнулся Вильгельм, глянув вдруг в окно. – Твой будущий повелитель явно не знал, что невеста проводит ночь перед обрядом в публичном доме, готовая отдаться одному хорошо знакомому пирату...

– Что?! – очнулась Агата, бросаясь к окну.

Так и есть. Он прав! Их выследили, и это люди Орхана сейчас окружают дом, что-то громко выкрикивая выбегающим на улицу девушкам: несколько стражей схватили их за руки и светили факелами в лица, явно отыскивая сбежавшую невесту.

Вильгельм не стал терять время зря: резко обхватил её сзади, прижав к себе всем телом. Его разогретый торс обжигал спину через невесомую ткань, волосы на коже кололи спину. И то, как Агата извивалась, пытаясь выбраться из его хватки, явно ещё больше его заводило.

– Если они увидят тебя в моих объятиях, нам обоим не сносить головы... – прохрипел Вильхельм, так открыто наслаждаясь прикосновениями к её телу, что даже Агате это передалось жаркой, подкашивающей силу воли волной. – Как романтично, правда?

– Отпусти!

– С тобой так волнительно играть... – признался пират, дыша в самое ухо. – С трудом могу себя остановить, детка. Но пока есть пара минут, расскажу тебе одну штуку, так и быть. Орхан жесток, но так слаб перед женской красотой. Есть танец, после которого он совершенно точно не сможет устоять. Это о-очень старая традиция, и она здесь почти закон. Но тебе придётся постараться, чтобы заслужить прощение.

– Вильхельм, – не слушая, что он говорит, продолжала умолять Агата, пытаясь расцарапать железную хватку его пальцев и сходя с ума от ужаса, который накатывал прибоем.

Она ведь ещё могла сбежать! Можно было что-то придумать!!! Но Вильхельм – проклятый Вильхельм! – снова издевался и заставил её извиваться в объятиях, окончательно компрометируя перед людьми Орхана и подписывая ей смертный приговор.

Наконец Вильхельм резко разжал хватку – Агата едва не упала ему под ноги. И пока она хватала свою сброшенную абаю и прикрывалась, на лестнице уже прогрохотали шаги стражи. Дверь распахнулась.

Агата успела столкнуться взглядом с Вильхельмом, а тот вдруг прижал палец к своим губам и резко обернулся к страже, раскинув руки.

– Господа... – проговорил он, останавливая безжалостных людей в белых одеждах, на лицах которых была готовность уничтожить всех, кто встал на пути приказа Орхана. – Прошу, одно мгновение... – в его голосе прозвучала насмешливая улыбка, а потом прокатилась волна магии, которую почувствовала даже Агата.

На чьей же сейчас стороне этот пират?!

Глава 31

Загадочный Восток

Выяснить это Агата не собиралась, и пока стража, отвлечённая магией Вильхельма, замерла, толкнула звякнувшую витражными стёклышками створку окна и выскочила на улицу, едва не подвернув ногу. Спасибо ануарским архитекторам – окна первого этажа были велики и располагались совсем низко над землёй.

Агата замерла на мгновение, оглядывая пустынную улицу. Кажется, все стражи были внутри. Но как же Элен?

Она нерешительно потопталась на месте, теряя драгоценное время и не зная, что делать дальше: всё пошло не по плану, она не только не узнала, где Джонотан, но и поставила под угрозу теперь уже собственную жизнь.

И всё-таки стоило вернуться за Элен, так она хотя бы сможет оправдываться тем, что ушла с сопровождением и хотела сделать приятное Орхану. Если, конечно, ей в принципе дадут что-то сказать и не отрубят голову сразу же.

Агата поспешила ко входу, когда на улицу выбежала Элен, затравленно оглядываясь по сторонам, и всплеснула руками, увидев её:

– Кирия!

– Тш-ш, – шикнула Агата, и они, не сговариваясь, побежали вверх по улице, туда, где белели мраморные башенки храма.

– Кирия, там стража господина Орхана, – задыхаясь от слишком быстрого для неё темпа, просипела Элен, – они все как-то замерли! И этот пират! Просто чудовище!

– Пока что он меня спас и... – начала было Агата, когда тени вокруг словно колыхнулись и обрели плоть и форму, становясь небольшим отрядом облачённых во всё чёрное мужчин.

– Боги... – прошептала Элен, вскидывая глаза к бархатному синему небу, усыпанному звёздами.

Теневые стражи окружили их плотным кольцом. Агата попыталась было дёрнуться, но сильные руки легко удержали её.

– Не сопротивляйтесь, госпожа, – произнёс один из теневых стражей на энарийском с очень сильным акцентом.

– Кто вы такие? И почему остановили меня? – Агата старалась, чтобы голос не дрожал и звучал уверенно. Для той, которая только что второй раз за вечер вылезла в окно и бежала, и у которой сердце колотилось где-то в горле от страха, вышло достаточно убедительно.

– Господин Орхан приказал найти вас, – коротко ответил тень.

Агата заметила, что к ним приближаются уже знакомые стражи в белом, и у неё упало сердце.

Радовало одно: Вильгельма с ними не было, а значит, хитрый пират выкрутился вновь. Не то чтобы она беспокоилась о его благополучии, но хотя бы никто не сможет доказать, что она была с Вильгельмом наедине. Разве только девушки из борделя начнут болтать.

Агата сжала кулаки, чтобы не разрыдаться от бессилия. Спасибо, что с этими одеждами не нужно держать лицо, сейчас она бы точно не справилась. Что же с ней теперь сделает Орхан?

Стражи Орхана и тени перекинулись короткими фразами, но Агата была так взвинчена, что не уловила ни одного знакомого слова на ануарском. Оставит ли Орхан её вообще в живых? И что будет с отцом?

– Куда вы нас ведёте? – спросила она ближайшего стража, когда их чёрно-белая процессия двинулась по улице.

– Господин Орхан велел вернуть вас, – односложно отозвался тень, и Агата не смогла даже определить, тот же это, кто ответил ей первый раз, или уже другой.

Весь оставшийся путь они проделали в молчании. Стражи просто выполняли приказ, и расспрашивать их было бесполезно.

Поэтому Агата шла, вскинув подбородок и расправив плечи – пусть даже абая и не давала её разглядеть, немного уверенности не помешает. Мелкие камушки и песок, попадающие в туфли, уже порядком натёрли ноги (и как только по пути сюда она этого не замечала?), но спотыкаться и хромать она себе позволить не могла.

Чем дальше они шли, тем сильнее накатывали усталость и апатия. Уже было даже не так страшно, что Орхан может просто приказать её убить или оставить при себе наложницей. Она так ничего и не узнала про Джонотана.

Агата оглянулась на белеющие на фоне ночного неба башенки чужого храма и подумала, что, возможно, это даже хорошо. Она не

сможет его случайно выдать. Вряд ли она способна сопротивляться магии Хайрата, если Орхан захочет теперь с ней говорить и проверять правдивость её слов.

И всё равно дорога до роскошных садов Орхана показалась ей слишком короткой.

На женской половине их встречала хмурая Фадия. Она не сказала ни слова, просто схватила Агату за руку и чуть ли не волоком, словно непослушного ребёнка, отвела в её покои.

– Фадия, послушайте, что произошло? – изображая невинность, поинтересовалась Агата. – Я просто хотела узнать больше, чтобы удивить господина Орхана.

– А я ведь верила, что ты за ум взялась, – Фадия посмотрела на неё как-то устало, и это было страшнее, чем если бы та закричала. – А ты вот так обманула старую Фадию.

– Фадия, прости! Меня бы не отпустили иначе в город! А я так хотела порадовать господина! – Слёзы на глазах выступили самые настоящие, Агата подумала, что ещё немного – и она просто не выдержит напряжения последних дней и скатится в безобразную истерику.

– Да ну? Сладко поёшь, птичка, – хмуро бросила Фадия и уже открыла дверь, когда Агата быстро проговорила:

– Девочки мне сказали, что я должна станцевать особенный танец.

– Да хоть голой для господина станцуй, сердит он, – бросила Фадия и захлопнула за собой дверь.

Щёлкнул замок. Подёргав ручку, Агата убедилась, что её заперли.

* * *

Ну прекрасно! Теперь всё может повернуться так, что этой вылазкой Агата подставила не только себя, но и ни в чём не повинную Элен, да ещё и Фадии может достаться сгоряча. Орхан так легко рубит головы каждому встречному, что от него можно ожидать всего!

На несколько долгих мгновений, пока сердце глухо колотилось в груди, показалось, что она попала, словно птица в клетку, и что это навсегда. Отец не поможет сбежать, Джонотан пропал, Вильгельм был

готов поиграть и выбросить. И первый же сдаст врагам, как только ему будет это выгодно... или *интересно*.

«Есть танец, после которого он точно не сможет устоять», – пришли на ум слова Вильгельма, и Агата ухватилась за них, как за спасительную соломинку.

Неважно, что за танец. В конце концов, она и без того была обнажённой перед мужчиной! Наверняка это что-то вызывающее. И наверняка в конце она должна будет упасть Орхану в ноги. Но если это поможет исполнить любую просьбу...

Но что загадать?! Что? Агата принялась расхаживать по комнате, не находя себе места от нарастающей тревоги. Свободу себе? Невозможно!

Однако она решительно взялась за эту идею, так же крепко, как прежде бралась за нерешённые задачки от учителей, которых ей приводил отец. Всегда было важно доказать себе и ему, что она достойна большего. И она никогда не сдавалась.

Что ж, пусть теперь он увидит, на что готова пойти дочь, чтобы добиться своего. И если эта подсказка – прощальный подарок от Вильгельма, пусть! Она не станет отказываться или пугаться, потому что хуже, чем стать безмолвной послушной женой, которую в любой момент можно лишит головы, быть уже не может.

Только когда забрезжил рассвет, Агата улеглась на постель, не снимая одежды, просто накрылась покрывалом с головой и сомкнула глаза. Золотой браслет, охватывающий щиколотку, казалось, тихонько жжёт кожу скрытой внутри магией.

Хоть бы она не лишила её воли прежде времени!

Завтра! Завтра будет большой праздник, обряд и свадьба. Пусть завтра эта магия послужит ей и придаст ей силы.

* * *

Агата вздрогнула от пронзительного и глубокого рёва трубы и расправила прикрывающую всё тело плотную накидку. Звук раздавался по всему дому и, наверное, даже по всему Шарракуму. Надетая поверх всего абая, которая вчера казалась такой душной и

мешающей, сейчас едва скрывала мелкую дрожь, которой колотило всё тело.

Молчаливые служанки разбудили её сегодня на рассвете, и невыспавшаяся Агата мелко тряслась и пыталась понять, что вообще происходит, пока её отводили в хаммам омывали, крутили, вертели словно безвольную куклу и одевали в щедро расшитые золотой нитью и камнями одежды.

Тогда она и начала надеяться, что Орхан всё-таки решил оставить её голову на плечах, а, значит, у неё есть шанс все исправить. Не напрасно ведь в старинной книге, которую ей вручили перед уроком с девушками из борделя, она нашла описание того самого танца, о котором проговорился Вильгельм. Танец семи вуалей – не просто красивое зрелище, но и целый ритуал. Магический обряд, посвящённый богине Луны. Ни один мужчина не смеет отказать той, кто осмелится говорить от её имени.

Боёльшую часть ночи Агата пыталась повторить изображённые на картинках позы, благо этих картинок было много. Она не знала, насколько правильно получается: те танцы, которым её обучали, были совсем другими. Но, переступая босыми ногами по мягкому ковру и пытаясь повторить причудливые позы и движения рук, она чувствовала, что делает хоть что-то. В конце концов, она не танцовщицей собирается стать, а станцует ради того, чтобы выторговать для себя лучшую долю.

Отец когда-то дал надежду, что позволит ей заниматься семейным делом, но вместо этого продал её Орхану. Если после этого танца Орхан позволит ей вникнуть в то, чем занимается, стать его помощницей, то её жизнь после навязанного брака будет иметь хоть какой-то смысл. Именно поэтому Агата, перед которой распахнули выходящие на огромный балкон двери, дрожала под тонкой абаей: она очень надеялась, что не ошиблась.

Загадочный Восток – непостижимый Ануар!

С одинаковым спокойствием Орхан аль Гаффар отдаёт приказы о казни и целует её руку, обещая жаркую и страстную ночь любви... Договорной брак для него явно стал чем-то большим, если вспомнить, как он смотрел на том застолье.

Её провели на балкон, откуда открывался вид на роскошный, украшенный цветущими деревьями внутренний двор дома. Агата не

удержалась и за спинами окруживших служанок бросила быстрый взгляд на будущего мужа, который с невозмутимым видом сидел на высоком кресле с резными подлокотниками. Чёрный непроницаемый взгляд был направлен вперёд, в то время как к Орхану с другой стороны склонился Хайрат и что-то торопливо наговаривал.

Великий повелитель этого дома не взглянул на свою невесту, словно ему это было не положено. Он только крутил в руках сверкающие на солнце чётки из чёрного полированного камня и явно чего-то ждал.

Тонкая цепочка подаренного ожерелья щекотно скользнула по животу, вызывая мурашки, когда Агата, следуя жесту Фадии, опустилась на роскошное ложе поодаль от Орхана. Сиденье оказалось мягким, а спинка и подголовник – жёсткими, и заставили выпрямить спину.

Все это время её таким плотным строем обступали служанки и девушки из гарема, что не было возможности толком осмотреться.

Фадия сжала плечо и сказала шёпотом:

– Пока сиди тихо. Наворотила дел...

– Как скажете, – прошептала в ответ Агата, дёрнув губами и не глядя на Фадью, а уставившись на большую арку из белого камня, увитую зеленью, за которой виднелись подходящие к дому люди.

С высоты второго этажа хорошо видно было весь двор, по периметру которого замерли стражи Орхана в белом – довольно устрашающее зрелище, учитывая, что каждый из, наверное, полусотни мужчин был вооружён широкой изогнутой саблей, а суровые лица под огромными головными уборами выражали скорейшее желание исполнить любой указ Орхана.

Снова раздался продолжительный зов трубы, к нему присоединился ещё десяток, и будто по незаметному приказу процессия в ярких одеждах двинулась во двор. Впереди пошли одетые в ярко-фиолетовые и оранжевые наряды барабанщики. Они принялись отбивать торжественный ритм, и по коже Агаты пробежали мурашки – словно она не просто должна выйти замуж, а станет женой настоящего султана.

Музыка становилась всё громче. Должно быть, на этот праздник собралась вся знать города! Агата не могла отвести взгляд от

торжественной процессии, шествующей под звуки барабанов и зов медных труб, а пальцы сами собой начали отбивать ритм.

На ещё один её быстрый взгляд Орхан снова никак не отреагировал. Он не сказал ни слова с тех пор, как Агату привели его люди, выцепив из публичного дома. Не выдал ни единым движением брови хоть какую-то эмоцию. Просто вернул себе по неловкости утерянную вещь, но лучше бы об этом и вовсе не вспоминать.

Айру, слава богам, не было видно поблизости, и Агата выдохнула. Что ж! Она и правда пыталась оставить наложнице её роль любимицы и первой в очереди к постели повелителя, но сам повелитель решил иначе.

Больше всего Агату сбивало то, что она совершенно не понимала будущего мужа. Нужна ли ему жена вообще? Или она действительно бесплатное приложение к артефакту на её ноге? Что, если его даже танец не проймёт? С другой стороны, эта была традиция, древнейший обряд, а уважение к традициям сильно в Ануаре. Агата нервно кусала губы, пользуясь тем, что под покрывалами всё равно ничего не видно.

Торжественное шествие продолжалось и продолжалось. Орхан благодушно кивал проходящим гостям, которые длинной вереницей несли ему дары на свадьбу. Агата уже не могла сосчитать наряженных в разноцветные ткани верблюдов, нагруженных тюками, золотых блюд с драгоценностями и мешочками специй, танцовщиц, мелькающих в ярких одеяниях и склоняющихся ниц перед Орханом под ритмичные удары барабанов.

Казалось, каждый хочет теперь заручиться поддержкой и влиянием Орхана аль Гаффара и спешит предстать перед его очами, демонстрируя свою щедрость и вес в ануарском обществе.

Спина начала затекать, а руки, лежащие на резных подлокотниках, сильнее сжали деревянные украшения. Цепочки холодили тело, возвращая её мысленно к тому, что вскоре должно случиться, а ритмичная восточная музыка – стук барабанов, звук восточных флейт и громкий перезвон украшений на бёдрах танцовщиц – так и звали за собой.

Она так давно не танцевала! И последний раз это был тот безумный обжигающий и неприличный дуэт с Джонни, которым они бросили вызов и отцу, и Хайрату, и всем этим восточным послам...

Агата уселась поудобнее, пытаясь повторить невозмутимый вид будущего мужа и его непробиваемую уверенность в себе. Тот поступок, который она должна совершить, заставлял сердце колотиться быстрее обычного, и страшно было оттого, что Хайрат, маячащий поблизости, почувствует это и истолкует не так, как надо.

В конце концов все самые дорогие гости, похоже, прибыли на торжество.

Орхан поднялся, ещё раз приветствуя всех коротким кивком, и жестом предложил всем проходить в дом. Агата с облегчением выдохнула: можно наконец сменить позу. Кто бы думал, что быть женой «султана» так утомительно!

Она решительно поднялась со своего места по сигналу Фадии.

Орхан, по-прежнему делающий вид, что Агата лишь послушная и покорная его воле невеста, никогда не выкидывающая никаких фокусов, прошёл, окружённый слугами, в большой зал дома. Там уже должен быть и отец, и Элен, и все самые важные гости.

Агата направилась было следом, но в последний миг перед входом наткнулась взглядом на убийственное лицо Хайрата, без слов говорящее ей: «Ещё один неверный шаг – и я лично тебя убью».

Хотелось бы верить, что абая целиком скрывает не только её тело и лицо, но и душу от пробирающей воли этого проклятого восточного мага. Но едва ли он способен будет остановить её тогда, когда взгляды всех гостей будут принадлежать только ей.

Вот только когда она шла по длинному коридору, ведущему в зал, стражи вдруг остановились, и перед ней так неожиданно оказался этот колдун с многочисленными украшениями и тяжёлым взглядом, что Агата невольно отшатнулась.

Хайрат смотрел на неё так, что одним этим прибавал к земле не хуже магии, которую, к счастью, Агата пока не чувствовала. Она оглянулась в поисках Фадии или, может быть, Элен, но в коридоре они внезапно оказались наедине, окружённые лишь безмолвными, больше похожими на истуканов, чем на людей, стражами.

– Чтобы у тебя не оставалось никаких иллюзий, дорогая госпожа, – голос Хайрата звучал издевательски, когда он склонился ниже к ней, – твой ненаглядный капитан уже покинул Шарракум. Ты ведь не думаешь, что из охраняемой темницы этого дома можно сбежать так просто? Выходит, что мешок золота для него оказался

ценнее твоих прекрасных глаз. Надеюсь, ты действительно столько стоишь. Так что без глупостей, иначе господин Орхан не будет столь милостив и узнает в подробностях, чем ты вчера занималась.

– Я хотела сделать приятное господину Орхану, – вскидывая подбородок, заявила Агата, не желая верить, что Джонотан мог её бросить.

Но от слов Хайрата сердце всё равно сжалось. Вильхельм не знал, где он, стражи Орхана его тоже не поймали. Что, если Хайрат и правда что-то знает? Что, если Джонотан уже далеко?

– Благодарю богов, что сегодня день обряда, – наклонившись к ней, прошептал Хайрат. – Наказание за неверность господину – смерть.

С этими словами он подал знак стражам, и Агата с колотящимся от гнева и тщательно отгоняемого страха сердцем продолжила путь.

Глава 32

Убью

Зал ослепительно сиял мраморным блеском, солнцем и золотом. Агата прошла, сопровождаемая с одной стороны Фадией, с другой парой служанок, ещё несколько стражей следовали в паре шагов позади.

Самых важных гостей оказалось около двух десятков: они занимали места за низкими столами на грудах подушек, один за другим кланяясь Орхану аль Гаффару до самого пола. Агата тоже уселась неподалеку, но на женской стороне, где сидели ещё девицы гарема. Кажется, Айра в этот раз отговорила от участия в празднестве: видимо, так тошно ей было видеть торжество Агаты или близость её к любимому повелителю.

Зато Агата с мстительным удовольствием смотрела, как отец, вошедший в зал вместе с Элен, тоже, как и все, низко склонился перед её будущим мужем. Втихаря, пока гости рассаживались и музыканты занимали свои места в огромном, почти дворцовом зале, оставляя место по центру, Агата стащила со стола перед собой виноградину и незаметно, под абает, сунула в рот.

– Приветствую вас, дорогие мои друзья и союзники, – начал Орхан торжественно, – да озарит Солнце ваши дни. Сегодня мы собрались здесь, потому что боги послали мне прекраснейшую из женщин, и нынешней ночью Луна и звёзды благословят её стать моей и душой, и телом. Но то будет ночью, а пока поблагодарим богов за то, что они так милостивы, и будем праздновать и радоваться!

Гости принялись один за другим желать господину процветания, любви и чтобы жена, выбранная им под светом обоих божеств – Солнца и Луны, – осчастливила мужа.

Впрочем, как и Орхан, на Агату они при этом внимания не обращали. Вся эта свадьба – просто лишний повод посиять своим лицом перед богатым и влиятельным господином, напомнить ему о существовании, не так ли?

Агата почувствовала, как волнение и страх наконец сменяются злостью. К демонам всю эту пышную пустоту, все эти дары и пустые

слова, ведь не только она, но и все присутствующие, кроме, пожалуй, девушек из гарема, понимают, что этот союз ради дела.

А Джонотан... Если Хайрат не лгал, если даже Вильхельм не знал, куда делся Джонни... Представить, что её возлюбленный, тот, с кем она так тесно и откровенно была близка в каюте, кому позволила себя раздеть и касаться так бесстыдно её тела, тот, кого она почти умоляла о поцелуе... её Джонотан ди Арс – тоже предатель и человек вне закона, было дико и страшно.

Агата почти прорычала, сжав пальцы в кулак от одной мысли, что он использовал её, играл её чувствами, дразнил и даже спорил, развлекаясь, чтобы потом сбежать, выторговав себе золото.

Это не может быть правдой! Нет! Но все разумные мысли исчезли из головы, остался только нарастающий гул барабанов, грохот крови в ушах и лихорадочное биение сердца, которое жаждало мести и ярости.

Если бы он хотел спасти её, он бы уже был тут! Сейчас!

А если нет, если он не пришёл, хоть и давно на свободе... Раз так, Агата имеет право попросить... потребовать и себе – долю. Надежда ещё жила в её сердце, но она не поможет ей, если всё продолжит идти так, как идёт. Пора вспомнить все уроки отца, вспомнить, чего она хотела для себя, и заключить союз хоть с морским демоном, раз больше нечего терять.

Она медленно повела плечами под абаей, продолжая покачиваться под музыку, в то время как все гости принялись за угощения и вино. Орхан благодушно рассмеялся, слушая шуточные поздравления знатного бородача в смешном круглом головном уборе.

Ещё больше гости развеселились, когда в центр зала по повелительному жесту мужчины в чёрном (что поклонился Орхану и нажелал многочисленных детей) скользнули пять девушек в чёрных с золотом нарядах. Они были одеты чуть скромнее, чем наложницы в гареме, но по сравнению с наглухо закрытой Агатой были практически голыми.

Зазвенели монеты на бёдрах, в такт ударам барабана одновременно качнулись в порыве головы, а потом оголённые животы затряслись мелкой тряской, наполняя зал весёлым звоном и одобрительным гулом мужчин.

Агата продолжала невозмутимо есть виноград, лопая на языке сочные сладкие ягоды, хоть Фадия и бросала пару раз на неё

предостерегающие взгляды: похоже, невеста Орхана должна питаться святым духом, вернее, сиянием луны и дуновением ветра!

Даже отец успел посмотреть на Агату умоляюще: только не сорви всё дело.

Агата медленно вдохнула и выдохнула. Девушки, подчиняясь ритму музыки, изогнулись самым провокационным образом, замерли на полу и томно окинули Орхана жгучими взглядами, а затем по приказу своего господина так же ловко и стремительно исчезли.

Похоже, это тоже часть дара на свадьбу. Ну а что, вдруг одной невестой Орхан аль Гаффар не насытится и даже свои наложницы уже радовать не будут, правда?!

Агата снова щёлкнула во рту виноградину и подумала, что пора удивить господина, раз он так любит яркие зрелища. Пусть оценит всё богатство, которое ему досталось.

В тот миг, когда Агата почти решилась встать, в зал молча, бесшумно, но угрожающе скользнули теньевые стражи в чёрном – будто те самые, что однажды опасной силой окружили всех на корабле Джонотана.

– Танец сабель, – прошептала рядом Фадия и цокнула. – Любит Акрам аль Асад хвастать своей силой. Всегда соревнуются с повелителем, чьи воины храбрее.

– Он тоже тут? – откликнулась Агата, незаметно снова оглядывая всех гостей.

– Ишь... а то как же, вон он.

Агата впервые заметила, что в дверях замер внушительный начальник береговой охраны, поймавший и Вильгельма, и всех пиратов. Она перевела взгляд на его воинов, замерших посреди зала в боевых стойках. Может, именно этими саблями они и отрубили разбойникам головы?

Музыка стихла, только слышался неторопливый говор и то, как позвякивают бокалы с вином и кольца на пальцах Хайрата. Тот потрянул рукой, и именно в этот момент барабаны снова забили новый ритм. Под их первый хоровой оглушительный удар – Агата даже вздрогнула – воины с закрытыми лицами сбросили рубашки, оставшись обнажёнными по пояс в свободных шароварах.

Надо же! Агата даже довольно потянулась и улыбнулась под своим одеянием. Гости решили порадовать зрелищем не только этих

самодовольных мужчин, но и женщин!

Воины отбили ногами жёсткий ритм и прошли по кругу так плавно и угрожающе, что по коже против воли пробегала дрожь, особенно когда волей-неволей приходилось сталкиваться взглядами с кем-то из теней.

Что ж, похоже, сейчас самое время.

Сердце билось где-то в горле, но Агата не позволила себе бояться.

Мужчины в чёрном начали свой боевой танец с саблями, и гулкий стук барабанов разносился по залу, заставлял сердце биться в унисон, рассыпаясь мурашками по коже. Обнажённые торсы блестели и против воли притягивали взгляды. Резкий выпад, поворот, прыжок на месте и снова выпад. Со стороны стайки девиц из гарема слышались едва слышные перешёптывания. Так-то они любят своего господина.

Агата бросила ещё один быстрый взгляд на Орхана. Тот с улыбкой наблюдал за своим восторженным курятником.

Вряд ли ей представится случай лучше!

Агата порывисто встала и, пока никто не успел её остановить, скинула туфли и выбежала на середину зала. И замерла, прекрасно понимая, что теперь Орхану либо приказывать схватить свою невесту, либо сделать вид, что так и было задумано!

Она никогда не танцевала ануарских танцев и не смогла бы повторить плавных движений танцовщиц из гарема Орхана, но полный силы и страсти танец теневой стражи ей подходил так же хорошо, как её глазам подходил дерзкий взгляд. В ней текла горячая южная кровь, и она не собиралась так просто сдаваться. Не собирается она томно вздыхать и опускать глаза.

От служанок и от самого Орхана Агата слышала, что женщины должны быть мягки и покорны, словно Луна, но кто сказал, что лунная ночь не таит опасностей? Спросите у заплутавших путников, как холодны бывают ночи в пустыне, как Луна освещает барханы, полные ночных песчаных тварей. И не при Луне ли так легко ускользнуть от условностей, сбросить всё, что сковывает и ограничивает?

Страх сковывал движения, но Агата глубоко вздохнула и резко повернулась на месте, оглядываясь через плечо, выгибая спину в короткой паузе.

Орхан не взглянул на неё за всё время, что она, словно красивая и безмолвная статуэтка, покорно сидела на своём месте, зато сейчас

Агата чувствовала его тёмный тягучий взгляд, жадно следующий за каждым её движением.

Теневые стражи угрожающе перехватили сабли, и Агата замерла на мгновение. Но это было лишь частью их танца, который они продолжали, несмотря на её выход, словно так и было задумано.

Орхан не приказал музыкантам остановиться, и это было маленькой победой. Теперь уже некогда думать. Пора!

Агата прихватила двумя пальцами тонкое верхнее покрывало и вскинула руки, сбрасывая его себе за спину. Под абаей она осталась лишь в семи тонких полупрозрачных вуалях, и хоть этой откровенности пока далеко до той, что была у танцовщиц в чёрном, однако это лишь начало.

Агата покружила на месте, легко перебирая ногами. Волосы, заплетённые в косы и перевитые жемчужными и золотыми нитями, взметнулись вместе с тонкой тканью, блеснули цепочки, пока ещё скрытые лёгкими, почти прозрачными покрывалами.

Барабаны грохотали в ушах, но Агате неожиданно стало легко и весело. Она игриво улыбнулась, бросая взгляд на Орхана, и плавно повела бёдрами. Тонкие цепочки щекотно скользнули по разгорячённой коже.

И тут же захотелось замереть и не дышать, потому что в зал в сопровождении людей Орхана прошёл... Вильхельм! Вильхельм, демоны его побери! Что он тут делает?! Агата замерла на месте, глубоко дыша всей грудью в такт торопливым ударам барабанов.

Пират был одет в дорогой, обтягивающий грудь капитанский камзол с высоким воротом и выглядел самым представительным образом. Он склонился к Орхану с Хайратом и что-то проговорил, будто извиняясь за своё опоздание.

– Кажется, я не опоздал! – услышала она его отдалённое восклицание.

Усевшись на одну из подушек, Вильхельм сложил ладони у груди и поклонился Агате, одаривая её сверкающим от веселья взглядом. Конечно! На званом обеде она ведь слышала, как Орхан предлагал сделать Вильхельма капитаном вместо Джонотана, которому приказали отрубить голову. И ни слова ей не сказал. Только тайком про танец... И ведь знал, что она не отступится, и явно пришёл поглазеть!

Стражи кружились вокруг Агаты, то прикрывая её, то снова отходя, пока она стояла посреди зала и пыталась взять себя в руки. Что ж! Пусть смотрит.

Пират незаметно чиркнул большим пальцем по шее, намекая на то, чем рискует Агата. Злость на Вильгельма окончательно затмила страх и волнение, теперь только она колотилась внутри и так и подмывала вместе с воинами пройти по залу с воинственным танцем. Только бы ей тоже дали саблю!

Агата прикрыла глаза, резко развернулась на месте и скинула ещё одну вуаль.

Она позволила телу говорить за себя.

Посмотри, как я хороша, смотри, как непокорна. Поймать и удержать меня – всё равно что удержать мираж в пустыне, окружающей Шарракум.

Она легко скользнула на пол, выгнулась назад и, поднимаясь, играючи скинула ещё одну вуаль, оставаясь практически обнажённой.

Тонкие яркие ткани просвечивали в лучах солнечного света, пронизывающих зал, тёплый ветер, пахнувший солью, игриво пошевелил едва держащуюся ткань. Агата, словно следуя стихии, потянула за край, и на следующем шаге позволила ей опуститься на пол, соскользнув с плеча.

Орхан подал знак, теневые стражи, не прерывая своего танца, теперь обступили её совсем плотно. Вряд ли хоть кто-то из гостей, кроме сидящего на возвышении Орхана, мог видеть её изгибающееся, теперь практически обнажённое тело.

Поверх голов стражи она поймала довольный взгляд Вильгельма, который вольготно расположился неподалёку от Орхана и, улыбаясь едва заметно отсалютовал кубком, искренне наслаждаясь представлением.

Ах так! Вот ведь наглый... пират!

Агата повела плечами, позволяя скользнуть по телу и упасть к её ногам ту вуаль, что ещё прикрывала грудь. Цепочки ожерелья делали её такой чувствительной, что Агата скользнула руками, словно желая прикрыться или, наоборот, прося о ласке.

Орхан, кажется, подался вперёд, но она не смотрела, чтобы лишний раз не наткнуться на масляный взгляд Хайрата и откровенно

веселящийся – Вильгельма. Но даже резко развернувшись спиной, она чувствовала горячий взгляд обнажёнными лопатками.

Звякнули, взметнувшись золотыми змейками, цепочки. Агата зацепилась взглядом за судорожно сжатые кулаки одного из теней, взгляды и близость которых едва ли замечала до этого момента, улыbnулась, плавно поднимая обе руки и покачивая бёдрами.

Скользнув взглядом по блестящему от пота загорелому сильному торсу, взглянула в лицо тени, что был так напряжён, и едва не споткнулась, на мгновение сбиваясь с ритма и чувствуя, как грохот сердца заглушает барабаны.

Лица теней наполовину прикрывали чёрные маски, но ей хватило насмешливо изогнутой брови и сердито полыхнувших таких знакомых глаз, чтобы задохнуться.

– Убью, – долетел до неё сердитый выдох, потонувший в гуле крови у неё в ушах.

Агате показалось, что всё тело её вспыхнуло. Щёки горели так, что лёгкая ткань, прикрывающая нижнюю часть лица, казалось, воспламенится.

– Джонни! – прошептала она одними губами, срывая платок, закрывающий лицо, потому что воздуха стало катастрофически не хватать.

Подчиняясь танцу, стражи сделали новый выпад, и Джонотан, как настоящая тень, повторил их движения – пригнулся низко и бесшумно скользнул босыми ногами.

– Ты что творишь, ненормальная?! – голос Джонотана, казалось, вибрировал на коже вместе с гулом барабанов, когда он замер вместе с другими воинами в низкой боевой стойке, касаясь ладонью пола и подняв голову.

Она чувствовала его взгляд, чувствовала, как горит разгорячённое танцем тело, и больше всего на свете хотела броситься прямо к нему. Он всё-таки пришёл! Конечно же, он её не бросил, что бы ни говорили Вильгельм и предатель Хайрат!

– Ты, – выдохнула она, и, видимо, что-то мелькнуло в её глазах, потому что взгляд Джонотана исподлобья, обещающий все кары небесные, смягчился на мгновение, а потом он почти нежно пообещал:

– Выпорю! Ты – моя!

Агата задохнулась от его гнева и жаркой волны. Сузила сердито глаза и опустила на колени, вздымая высоко руки, пробежала пальцами одной руки по другой, обвела грудь и послала нежную улыбку Орхану, который не сводил с неё горящего взгляда.

Джонотан остался за спиной, и она прогнулась назад, прижимая раскрытые ладони к груди, запрокидывая голову так, что косы змеями свились на полу. Только бы убедиться, что ей не почудилось, что это и правда Джонотан, её Джонни.

– Ты мне не указ! – дерзко шепнула Агата, чувствуя, как цепочки скользят по обнажённому телу.

– Хороша, – прошелестел его голос практически над ней, когда все тени склонились над её распростёртым телом, закрывая от чужих взглядов. – Непокорная...

И хотя в голосе Джонотана звучало бешенство, Агата улыбнулась и легко поднялась на ноги, оборачиваясь несколько раз вокруг себя, чтобы проследить взглядом за Джонни, который вместе с другими тенями в стремительной пляске теперь обходил её по кругу.

Он был немного бледнее остальных, чуть менее смуглая от солнца кожа, но двигался так же ловко и уверенно, словно всегда был одним из них. Блестел пот на обнажённом торсе, красиво перекатывались сильные мышцы, и сабля в руке Джонотана лежала так, что не стоило сомневаться: он прекрасно ей владеет. Она видела это ещё на борту корабля, в сражении с пиратами...

На мгновение закружилась голова, и Агате пришлось выставить руку вперёд, чтобы удержать потерянное шаткое равновесие. Кончики пальцев мазнули по горячей коже, и она, словно очнувшись, отступила на шаг от тяжело дышащего Джонни, опуская руки и разжимая пальцы, придерживающие последнюю вуаль, которая лужицей розового шёлка стекла по её ногам, оставляя совершенно обнажённой.

– Всех убью, – хрипло просипел он, прежде чем склониться перед ней вместе с остальными тенями.

Но музыка и грохот барабанов ещё не смолкли, и Агата, пылая, с колотящимся сердцем, продолжала танцевать, вспоминая картинки из книги. Она, как могла грациозно переступила с ноги на ногу, качнув бёдрами, цепочки скользили по влажной от масел и пота коже.

Посмотрела на Орхана. Тот едва заметно улыбался, глаза его неотрывно следовали за её движениями. Агата почувствовала

приятное, пьянящее чувство власти: кажется, у неё получилось. Впервые с её ночного побега Орхан выглядел довольным. Но о чём же теперь просить? Что задумал Джонотан?

Она повернулась, вновь отыскивая Джонотана в кругу теней, отвлеклась и наступила на уже сброшенное покрывало. Ноги поехали, Агата взмахнула руками в отчаянной попытке удержать равновесие и не рухнуть позорно, всё испортив.

Она уже сжалась, прикрывая глаза и предчувствуя неминуемое падение, когда горячие уверенные ладони скользнули по её талии, и она с размаху впечаталась в твёрдую грудь.

– Джонотан! – выдохнула Агата ему практически в губы.

Она ухватилась за его плечи, чтобы не упасть, её обнажённая грудь прижалась к его голому торсу так, что цепочки впились в кожу.

– Танцуй, дикарка моя, – прихрипел Джонотан. Его ладони скользнули по поясице, пальцы на мгновение сжались, словно он не мог заставить себя выпустить её из объятий. – Или нам отрубят головы.

Агата отпрянула и послала подавшемуся вперёд Орхану самую соблазнительную улыбку. Хотя её потряхивало от страха и возбуждения, от близости Джонотана и того, с какой готовностью всё внутри отозвалось на его прикосновение, она больше не смотрела на него.

К счастью, музыка затихала, барабаны прогрохотали в последний раз так громко, что внутренняя дрожь рассыпалась осязаемыми мурашками. Агата замерла на мгновение с высоко поднятыми над головой руками.

Кажется, смолкла музыка, и слышались овации, а может быть, ей всё это чудилось, потому что в ушах гудело, а перед глазами поплыло.

Агата качнулась вперёд, приложила руку к груди, чувствуя, как бьётся под ладонью сердце, и склонилась в поклоне перед Орханом.

Глава 33

Последняя просьба

– Моя невеста – удивительная девушка, – поднявшись, начал Орхан на своём языке, – раз знает о древнем танце, посвящённом богине Луны.

– Я знаю, господин, – проговорила Агата на ануарском, вызывая удивление всех собравшихся. Даже Хайрат, сверлящий её убийственным взглядом, явно был сбит с толку.

Непривычные слова с трудом складывались в предложения, но тем лучше: пусть оценят её старания и трудности, ведь она так готовилась к этому дню.

Агата коснулась сложенными руками почти полностью обнажённой груди, посылая горящий взгляд Орхану.

– Это мой подарок, о Солнце моей жизни. Если мне суждено провести жизнь на Востоке, я сделаю всё, чтобы стать одной из вас. Великая богиня Луны снизошла ко мне этой ночью и научила...

Вильхельм одобрительно цокнул, разглядывая её безо всякого стеснения, отец отчаянно отводил взгляд и искал поддержки у сидящей рядом Элен, но Агата снова смотрела только на Орхана, способного определить её судьбу.

– Ты говоришь на ануарском... – медленно и задумчиво заметил он.

– Богиня Луны снизошла до моих просьб, – проговорила Агата, – наставила меня и открыла, как доставить тебе удовольствие, мой господин.

Ей показалось или сзади кто-то дёрнулся было к ней? Оглянуться и посмотреть она не могла: что бы Джонотан ни придумал, сейчас ей надо дойти до конца. Она не может попросить свободы для себя: здесь, в кругу всех этих гостей, подобное станет оскорблением хозяина дома, к тому же оскорблением от женщины.

Сейчас Орхан смотрел благосклонно, хоть и задумчиво: ему явно понравился и танец, и то, что он видел. И удивило её знание языка... Но Агата отметила, что никто не торопится помочь ей прикрыться. И в целом никто, кроме разве что отца и Элен, не выглядит

шокированным. Да, взгляды были заинтересованные, оценивающие – она почти физически ощущала их на себе. И это заставило распрямить плечи и убрать руки от груди.

– Богиня Луны подсказала, что после этого танца господин выполнит любую мою просьбу, – проговорила она ровно, прямо глядя на Орхана.

– Да нерушима будет её воля, – проговорил Орхан, сощурившись, и улыбнулся. – Проси!

Агата облизала пересохшие губы, борясь с желанием оглянуться на Джонотана, и, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения, медленно проговорила:

– Позволь мне, о господин, быть рядом с тобой не одной из многих, но единственной женой по праву и...

По залу пронёсся шепоток, сзади раздалось приглушённое восклицание, и Агата почувствовала, как горячие пальцы коснулись её обнажённой спины, заставив сделать крохотный шаг назад. Следом она услышала лихорадочный шёпот:

– Агата, не смей!

Но и сейчас она не обернулась, глядя в глаза Орхана, который задумчиво потирал подбородок, ожидая окончания просьбы.

Хайрат склонился было к его уху, начиная что-то нашёптывать, но Орхан отмахнулся. Хайрат исподлобья посмотрел на Агату, а потом нахмурился, словно что-то почувствовав. Его взгляд скользнул куда-то за её спину. Агата переступила с ноги на ногу. Сердце забило где-то в горле, а кожу покрыл холодный пот.

Она шагнула в сторону, пытаясь закрыть собой Джонотана, уже понимая, что произошло. Цепочки звякнули, но этот тихий звук потонул в приказном крике Хайрата, указавшего за спину Агаты:

– Взять его!

Стражи Орхана в белом среагировали так стремительно, что не более вдоха прошло, когда Джонотана скрутили и бросили на пол, заставив склониться перед Орханом. Чёрную повязку, прячущую его лицо, сорвали – и теперь ничего не скрывало лицо Джонотана ди Арса, знакомое многим в этом зале.

– Пират пойман, господин, – ухмыляясь, поклонился Хайрат. – Прикажи казнить прямо здесь?

– Он не пират! – крикнула Агата и шагнула было вперёд, но стражи в белом окружили её, оттеснив теней. – Это он – капитан, доставивший нас с отцом к этим землям, защищавший нас и спасший меня от пирата!

Кожу неприятно закололо, то ли от множества взглядов, обращённых на неё, то ли это Хайрат дал волю своей магии. Уголки его губ кривились в издевательской усмешке:

– Чего стоят слова глупой женщины? – презрительно бросил Хайрат, шаг за шагом спускаясь с возвышения, где сидел Орхан, к центру зала. – Она, увы, видит лишь смазливое лицо человека, который готов предать в любой момент. И он находится здесь явно не с благими целями – иначе бы и не вздумал скрываться среди теней, словно какой-то вор! Не так ли?

Но речь заклятого мага прервал другой голос, и Агата от неожиданности даже вздрогнула. Тот, кто уже доказал, что продаст её ради выгоды, внезапно поднялся с места:

– Господин Хайрат, это и правда мой капитан.

Сезар ди Эмери замер, прекрасно понимая, что этим спором вовлекает себя в противостояние Орхану... Если он скажет то, что им не понравится, – всей сделке конец! Но впервые за долгое время отец выглядел решительно, хоть его лицо и покрылось пятнами от напряжения и, может, стыда за неё – замершую полуголой посреди всех собравшихся. Но сейчас было плевать. Агата почувствовала, как на глазах помимо воли наворачиваются слёзы: отец всё-таки заступился! Не только за неё, но и за Джонотана, которого когда-то поклялся защищать!

– Как вы могли не узнать его? – продолжал между тем ди Эмери, сжав полноватые пальцы в кулаки. Он вперил свой тяжёлый взгляд в Хайрата и повысил голос: – Я принимал вас в своём доме, где вы и были представлены друг другу. Кажется, вы ещё искренне восхищались мастерством и бесстрашием моего верного капитана. А теперь готовы верить тому, кто обведёт вокруг пальца даже собственную мать?!

Джонотан попытался вырваться из хватки, но стражники держали его крепко, а по быстрому сигналу Акрама теперь и теневые стражи сделали круг ещё плотнее: чтобы не позволить преступнику сбежать. Все гости зашумели и загомонили разом, поднялась суета: кто-то

вскочил со своего места, гневно повышая голос и выкрикивая что-то неясное на ануарском. Орхан поднялся со своего места и грохнул кулаком, привлекая к себе внимание. И только настоящего пирата как будто лишь веселило всё происходящее.

Агата бросила отчаянный взгляд на Вильгельма, который в этот момент неторопливо поднялся, широко ей улыбаясь и окидывая наигранно восхищённым взглядом всю её фигуру. Кажется, он пришёл сюда, только чтобы посмеяться над ней и всем её планом, хотя буквально накануне клятвенно заверял, что это её верный шанс на спасение! Какая же он сволочь! Агата с трудом сдерживалась, чтобы не наброситься на него с кулаками.

Все были так увлечены, что никто не обратил внимания на то, как он подхватил огромный золотой кувшин для вина, приподнял резную крышку и, отсалютовав Агате, отпил прямо из носика. После чего поцеловал кончики своих пальцев, послал Агате воздушный поцелуй и, прихватив кувшин, незаметно скрылся среди гостей.

Крикнуть, чтобы схватили настоящего пирата, она не успела. Горло сдавило судорогой, пока стражники впятером пытались удержать Джонотана. Они заставили его встать и замереть, вскинув голову. Напряжённое тело его вытянулось в струну, но в хорошо знакомых глазах полыхал опасный огонь.

Он применит свою магию, если они попытаются его убить! Несколько теней подошли ближе и были будто готовы защищать своего собрата от людей в белом. Фадия говорила, что Акрам и Орхан всегда соревновались, чьи воины сильнее... Но встанет ли сейчас Акрам на сторону Орхана или будет защищать честь теней?!

– Мой господин, выслушайте нас! – бросила она, снова умоляюще глядя на Орхана.

Хайрат открыл было рот, но Орхан остановил его властным движением руки.

– Это правда, Сезар? – спросил он, но посмотрел на Агату, которая кусала губы и беспрерывно дрожала уже всем телом.

– Конечно, господин, – со всем почтением кивнул ди Эмери. – Я взял его на воспитание ещё мальчиком.

– Вот оно что, – проговорил Орхан. – А где же тогда пират, который хозяйничает в наших водах?

– Да вот же... – ди Эмери перевёл взгляд туда, где пару минут назад был Вильхельм, и осёкся.

Агата заметила мелькнувший у дверей новенький синий мундир и, поспешно сложив руки в просящем жесте, взмолилась, позволяя слезам затуманить взор, обращённый на Орхана:

– Господин, прошу, будь милостив в этот день.

Орхан отпихнул шепчущего ему на ухо Хайрата и неожиданно встал со своего места. Обойдя Джонотана, которого удерживали стражи, приблизился к Агате, небрежным движением сбрасывая с плеч белоснежный, богато расшитый золотыми и серебряными нитями палантин.

Агата вздрогнула, когда прохладная тяжёлая ткань легла на неё, наконец скрывая наготу от множества любопытных глаз. Горячие ладони сжали её плечи. Орхан скользнул рукой вверх, погладил шею, вынуждая запрокинуть голову и посмотреть ему в глаза снизу вверх. Мгновение он молчал, а потом неожиданно улыбнулся, словно приняв какое-то решение.

Запахнув на ней плотнее палантин, он обернулся к гостям, и в тишине его голос прозвучал особенно торжественно:

– Дорогие мои гости, воистину боги благосклонны ко мне, раз сама Луна благословила и наставила мою невесту, – он сделал паузу, окидывая всех взглядом. – И я не буду сегодня проливать кровь.

– Но, господин, – начал было Хайрат.

Орхан заставил его замолчать едва заметным жестом.

– Я буду милостив сегодня, поэтому этот мужчина... – он помедлил, глядя Агате в глаза и улыбнулся многообещающе, – пусть проваливает на все четыре стороны. Вы знаете, что это был за танец, и осталось услышать, какую плату за него назначила моя невеста.

– Он здесь, чтобы убить вас, Сезар, – ухмыльнулся вдруг Хайрат, пристально глядя на скованного Джонотана в кругу стражей. Так, словно запросто считывал не только его чувства и магию, но даже мысли. Маг быстро глянул на кириоса ди Эмери и презрительно бросил: – Ещё немного – и он добрался бы до вас и воткнул кинжал вам в плотку. Не знаю, право, в чём вы провинились, но вижу это так ясно, как солнце на небосклоне. Всё ещё готовы за него заступаться?

Агата не удержалась и уставилась на Джонотана. Серьёзно?! Он здесь не для того, чтобы спасти её, а чтобы убить её отца?! Гнев и

растерянность залили лицо краской, щеки горели, и от всего происходящего уже шла кругом голова. Чего ещё она не знает о том, кому готова была отдать сердце?

Отец нахмурился и взглянул на Джонотана исподлобья, но решения своего не переменил. Он ещё крепче сжал кулаки и подтвердил:

– Этот человек – не пират! И то, в чём я виноват, заслуживает кары. Но не смертельной. Так и он не заслуживает смерти, о, великий аль Гаффар. И я ни мгновения не сомневаюсь, что ты сделаешь правильный выбор.

– Я уйду, Сезар, – промолвил наконец Джонотан, и его глубокий голос разнёсся по всему залу. – Ты прав. Твой приговор не может быть смертельным. Сама жизнь покажет тебе, что ты заслужил.

– Я не знаю, что движет твоей ненавистью, валадэй, но не позволю тебе омрачать моё торжество сегодня, – пригвоздил его Орхан, терпеливо выслушавший обе стороны. – А теперь ты уйдёшь и больше никогда не ступишь на берега Шарракума. Иначе твоя голова украсит мой двор, – В сверкнувших холодом глазах Орхана не было ни тени сомнений. – Я не бросаю слова на ветер.

– Прошу твоей милости, о, мой господин, – сказав это на энарийском, чтобы меньше людей услышали, Агата замерла, боясь, что следующие слова станут для Орхана поводом отрубить чью-нибудь голову. – Прошу под свидетельством Луны, которой я посвятила этот танец... прошу позволить мне... поговорить с этим человеком наедине.

– Поговорить... с ним? – Орхан аль Гаффар едва заметно приподнял бровь, будто не был до конца уверен в том, что только что произнесла его наречённая.

Однако даже этого незаметного движения хватило, чтобы его стража ещё теснее обступила их со всех сторон и угрожающе потянулась за остро наточенными саблями.

– Этот человек мне... как родной брат, – твёрдо проговорила Агата, не глядя на Джонотана, скованного стражниками по рукам и ногам, унимая дрожь, от которой уже колотило всё тело. – Он не желает зла. Дозволь сказать ему несколько слов на прощание, прежде чем он покинет эти земли.

Все собравшиеся недовольно гудели, не слыша просьбы и разговора Агаты с Орханом, и совершенно точно жаждали продолжения

зрелища. И им было неважно, будет ли Агата снова танцевать, будут ли стражники ловить преступника или кого-то, например, казнят прямо посреди этого торжественного зала.

– Я не могу, али айиза... – задумчиво начал Орхан на ануарском, обходя Агату и оглядывая с ног до головы, а потом прибывая тяжёлым непроницаемым взглядом замершего на месте Джонотана. – Это немислимо, – добавил он тоже на энарийском.

– Ты не посмеешь нарушить древние законы! – Агата вскинула к нему голову, упрямо лоя непроницаемый чёрный взгляд, точно плотное покрывало, окутывающий с ног до головы. – Я взываю к твоей справедливости, о великий и милостивый повелитель, ведь твое имя, Орхан аль Гаффар, милосердный и справедливый – свидетельствует о ней. Я вышла к тебе как есть, открыто и честно. Под именем великой Луны, моей вечной покровительницы. И готова принять ваши законы, если вы сами готовы их уважать.

Орхан подхватил её за подбородок и растянул губы в одобрительной улыбке. Казалось, ещё немного – и он забудет про тесный круг стражи, про обвинение Джонотана, про саму свадьбу, а просто притянет её к себе для требовательного поцелуя.

Агата не могла унять дрожь, но продолжала упрямо смотреть в большие, затягивающие в глубину выпуклых круглых глаз зрачки. Этому ануарцу следовало родиться с даром – и тогда ей не пришлось бы танцевать перед ним в тонких золотых цепочках, дрожать сейчас всем телом, ощущая его власть над своей судьбой и судьбой Джонотана.

Но нет, дар достался Хайрату, который наверняка, чуть что пойдёт не так, заставит всех плясать под свою дудку, а Орхану нужна она – обнажённая, добровольно готовая лечь в его постель и передать силу артефакта, что сейчас сковывает её ногу.

– Ты умна, али айиза. Мне стоит тебя бояться, – сказал Орхан, не выпуская её из своей хватки. – Ты похожа на своего отца, только он уже стар, и его ум не такой цепкий...

– Пожалуйста, – Агата медленно и осторожно сглотнула, не шевелясь, но и не выдавая страх. – Выполни мою просьбу, и я стану твоей, как и обещано.

– Хорошо.

Орхан коротко усмехнулся в свою ухоженную бороду, убрал ладонь, разгладив щетину, и потом развёл руки.

– Наедине, – твёрдо повторила Агата, наяву ощущая, как жжёт лопатки взгляд Джонотана. – Это личный разговор, и никто больше не должен его услышать.

– Не такой свадебный дар я ожидал тебе преподнести. Но будь твоя воля, – Орхан повелительно взмахнул рукой, приказав страже проводить Агату и Джонотана в комнату позади торжественного зала.

Там было темно и тесно, окна прикрыты шторами, а низкий диван располагал к тихому послеобеденному отдыху. Перед Агатой стражи расступились, а Джонотана втокнули следом – и он быстро прошёл внутрь, не оборачиваясь.

Стража закрыла дверь с решетчатым окном наверху и скрестила сабли, сторожа выход. Больше из этой комнаты деться было некуда. Агата, придерживав на плечах палантин своего будущего мужа, резко повернулась к Джонотану.

– Не знаю, что у тебя был за план, но он провалился! – быстро сказала она, чувствуя дрожь и от ярости, и от страха, и оттого, что они на волоске от гибели, а Джонотан пришёл сюда вовсе не её спасать.

– Да, моя цель была ясна и люди готовы до тех пор, пока ты не вышла на танец, – медленно отозвался Джонотан, подходя к ней ближе. – Быть может, мне и вовсе не стоило приходить... *али айиза?*

Глава 34

Прошу тебя

– Да как ты смеешь! – Агата вскинула руку к горлу, дрожащими пальцами оттягивая цепочку: на мгновение ей показалось, что она задыхается. – Думаешь, я мечтала оказаться перед всеми этими людьми? Выставлять себя напоказ? Да я ночь не спала, потому что думала, что мне отрубят голову! И знаешь, почему? Потому что я сбежала, пытаюсь разузнать хоть что-то о тебе! Я отправилась в ночи в публичный дом, зная, что там Вильхельм, – потому что он последний, кто видел тебя! Я рискнула всем...

– Неужели ты думала, что я не приду за тобой? – перебил Джонотан, глядя на неё исподлобья и подходя ещё ближе.

Сложно было не любоваться им, не смотреть, как жадно смотрит он ей в глаза, как порывисто вздымается его обнажённая грудь от ярости и желания её защитить. Но приказ Орхана, все эти стражи, готовые по любому движению убить любого, – отсюда не выбраться!

Как долго она мечтала увидеть Джонотана так близко, и как ужасны обстоятельства, в которых это случилось. У них всего несколько мгновений на разговор, прежде чем их прервут. И лишь небольшой шанс уйти отсюда живыми.

– А ты за мной пришёл? – в тон ему заговорила Агата, нервно кутаясь в шаль. – Хотя теперь уже неважно. Меня... поздно спасать, Джонни.

– Обряд состоится только на закате, Агата.

– Нет. Ты уберёшься из этого города, сядешь на корабль и будешь в безопасности!

– Агата!

– Я не хочу, чтобы твоя головаполнила коллекцию Орхана на ограде! – почти прокричала Агата и выставила вперёд дрожащую руку, а другой удерживая палантин, когда Джонотан дёрнулся было к ней.

Он замер, глядя на неё тяжёлым, пристальным взглядом, от которого сердце болезненно сжалось, а по телу прокатилась горячая волна. Но Агата не позволила себе отвлекаться и мечтать о его объятиях.

– Уходи, Джонотан, – проговорила она, стараясь, чтобы голос не дрожал, – а за меня не беспокойся: Орхан добр и будет мне прекрасным мужем.

– Ты сошла с ума.

– Не больше, чем ты, когда решил заявиться сюда в облике тени. И даже всей твоей магии едва ли хватит, чтобы одолеть всех этой силой, правда ведь?!

– Агата, послушай же меня!

– У нас нет времени, и если сейчас...

– У нас всё время мира, – Джонотан подхватил её под талию, прижал к своей обнажённой груди так, что цепочки на её теле под сползшим набок палантином впились в его кожу.

Это было и больно, и горячо, обжигающе горячо, и у Агаты вмиг подкосились колени, а силы что-то возразить – испарились. Сколько ночей она засыпала и мечтала об этом моменте? Сколько раз представляла, что однажды Джонотан сделает это – прикоснется к её губам, чтобы она точно узнала, ей не одной кажется эта близость жизненно необходимой. Как родник в этой проклятой восточной пустыне, как самая желанная на свете вещь, которая жжётся в груди нестерпимым пламенем, как воздух для того, кто уже отчаялся дышать.

Если бы он не поцеловал её первым, она бы уже сломалась – слова поражения готовы были сорваться с её губ.

Поцелуй меня. Прошу, Джонотан. Да, я молю тебя о поцелуе. Пускай весь мир полетит в пропасть. Это всё, что мне нужно, чтобы жить дальше.

Но Джонотан больше не мог ждать. Даже этих мгновений, даже крохотной доли мгновения – он больше не ждал. Какая-то огромная, бесконечная, могущественная сила, так давно тянувшая их друг к другу, наконец дала себе волю – и его губы накрыли её, словно настоящее цунами, не давая ни отступить, ни вздохнуть, ни придумать ещё один повод спасти его и свою жизнь.

Он был неправ, когда сказал, что у них всё время мира. Время просто перестало существовать. Агата раскрыла губы, чувствуя жар и дыхание Джонотана, и почувствовала, что мир уходит из-под ног.

Пусть времени больше не будет.

От него пахло солью и жаром, и каждое жадное касание его губ, обрамлённых короткой щетиной, обжигало, будоражило, сводило с

ума, хотя куда уж больше – она и так сошла с ума, танцуя почти обнажённая, в тонких золотых цепочках, перед всеми мужчинами.

Внизу живота предательски заныло, к щекам и губам прилила кровь, выдавая неразумное сейчас желание. Не верилось, что единственный поцелуй может так перевернуть всё внутри и заставить время пойти вспять!

– Агата... безумная ты моя... – Джонотан не дал ответить, ещё теснее привлёк к себе, проводя руками по её спине, по пояснице так, что тело само выгибалось ему навстречу, и десятки цепочек впивались в их обнажённую кожу одновременно.

А память услужливо кидала всё дальше: вот их жаркая, бесстыдная встреча в каюте, вот она падает в его объятия на шаткой палубе, вот лишь украдкой смотрит на корабле, чтобы не выдать отцу и Элен свои чувства. Вот он ловит её после подъёма на борт с шаткого трапа – и вот они уже танцуют на торжественном приёме тот дикий, неприличный деревенский танец, и азарт и вызов, брошенный обществу, лихорадит кровь. Вот Джонотан пробирается тайком в комнату и в маске грабителя натягивает на её бедро злополучный утерянный чулок, а сердце бьётся так, словно вот-вот вырвется из груди. Сумасшедший Джонотан! Сумасшедшая она!

Агата обхватила ладонями его лицо, впиалась пальцами в виски, не в силах прервать поцелуй, желая чувствовать его губы ещё и ещё, но уже предчувствуя, чем им обернётся сейчас эта вольность.

Прикусив его за нижнюю губу, пытаясь хоть как-то вернуть обоим разум, она наконец на мгновение отстранилась, чтобы прошептать:

– Ты проиграл, Джонотан ди Арс. Ты проиграл мне наш спор.

– Проиграл... – прошептал он, соглашаясь, но не выпуская её из объятий.

– И ты исполнишь моё желание. Ты уйдёшь прямо сейчас, чтобы сохранить свою жизнь! Слышишь?!

– Я не из тех, кто отступает, – прошептал Джонотан, склоняясь к ней и почти касаясь носом щеки, проводя неощутимое касание дальше, до уха, обжигая дыханием снова. – Я думал, ты это уже поняла. Приду ровно в пять. Все мои люди будут ждать. Тебе нужно лишь выйти к балкону, который выходит в сад...

Резкий стук в дверь заставил сердце ухнуть в пятки.

Агата резко отстранилась, едва не откинув Джонотана на пол, и, тяжело дыша, обернулась, встретив лицом к лицу стражей и Орхана позади. Похоже, Джонотан успел хоть на несколько мгновений задержать их своей магией, поскольку лица первых стоящих в проходе будто застыли ненадолго, как и их взгляды. Но их было много, слишком много, чтобы попытаться сбежать...

Агата резко подхватила край накидки Орхана, как можно плотнее закрылась и попыталась взять себя в руки. Если она ничем не выдаст того, что сейчас произошло, у них ещё есть возможность спастись.

Как можно безучастнее она пропустила стражников в белом, позволила им скрутить Джонотана и вывести под руки из комнаты, а сама осталась перед Орханом с самым достойным видом, на который сейчас была способна.

Лишь незаметно, возвращаясь в зал, Агата прижала дрожащие после поцелуя руки к груди, туда, где заполошно билось сердце. Джонотан придёт за ней! Ей надо только пережить этот приём и ничем не выдать своего волнения. О её чувствах мог узнать только Хайрат, но и он не сможет ничего доказать.

Агата поспешно провела рукой по растрепавшимся волосам, дотронулась до губ, на которых ещё ощущался поцелуй Джонотана, и глубоко вздохнула в тщетной попытке успокоиться. Если Орхан и заметит ее растрёпанный вид, спишет на танец. Она очень надеялась на это.

Убедившись, что накидка надёжно скрывает ее от чужих взоров, она распрямила плечи и проследовала за стражами обратно в зал.

Джонотана уже увели, скинутые вуали убрали с пола, и ничто не напоминало о произошедшем. Орхан вернулся в кресло во главе стола, гости вновь оживились, но, когда она вошла, все словно замерли в ожидании.

Агата едва заметно кивнула выглядающему встревоженным отцу и в совершенном молчании приблизилась к Орхану, опуская взгляд и склоняя голову:

– Благодарю, что вы исполнили моё желание, мой господин.

– Просьба той, которой покровительствует Луна, священна, – ровно ответил Орхан и подал знак Хайрату, – как священен и напиток, который позволено пить только посланницам богини, готовящимся отдать себя своему господину и повелителю.

Агата не понимала, что происходит, и едва не отшатнулась, когда Хайрат,двигающийся совершенно бесшумно, оказался рядом с ней. В руках он удерживал большую золотую чашу, наполненную на первый взгляд простой водой.

Орхан неторопливо подошёл к ним, забрал чашу у Хайрата и поднёс к губам Агаты:

– Пей, свет ночей моих, благословлённых Луной, – приказал он.

Решив, что это какой-то очередной обряд, о котором никто не потрудился ей сообщить, Агата покорно склонила голову и позволила напоить себя из чаши.

Вода сильно пахла шалфеем и оказалась такой ледяной, что заломило зубы, и вкус почти не чувствовался, только тяжёлый, дурманящий аромат пощекотал ноздри.

Агата сглотнула, чувствуя холод, моргнула несколько раз, потому что огромный зал едва заметно покачнулся. А потом ей показалось, что время замедлилось: Орхан, не сводя с неё внимательного взгляда, возвращал чашу Хайрату целую вечность, которую она пыталась понять, что было в напитке.

Застыли все гости, замер даже дымок, поднимающийся над курильницами с благовониями. Голова неожиданно стала лёгкой-лёгкой, а тело – таким тяжёлым, что невозможно было удержаться на ногах. Агата покачнулась, протягивая руку в попытке обрести опору и почти не чувствуя прикосновения Орхана, который с готовностью подхватил её, прижимая к себе.

– Что со мной? – прошептала Агата, с трудом различая черты его лица.

– Отдохни, душа моя, ночь будет долгой, – шевелились губы Орхана, но она почему-то слышала голос Джонотана.

А потом всё поглотила темнота.

...И темнота стала ещё более реальной, когда Агата смогла открыть глаза. Ей казалось, кто-то мешает это сделать: веки стали свинцовыми от тяжести, всё тело будто придавило неподъёмным грузом, пальцы отказывались шевелиться.

Почему так темно?

Сознание возвращалось медленно, будто не желало, чтобы Агата поняла, что случилось на самом деле. Её ведь не убили, нет? Она так

нужна Орхану, что он готов даже заключить настоящий союз под взором своих богов...

Пару раз Агата моргнула, чувствуя, что даже это простое движение отнимает все силы. Едва приоткрывшиеся глаза снова слипались, хотя она слышала рядом голоса, но было так темно, беспросветно темно.

Агата с трудом повернула голову и увидела в какой-то просвет кусочек звёздного неба. Ночного звёздного неба. В памяти прошелестели слова Джонотана «...ровно в пять часов вечера... все мои люди будут ждать...».

Проклятье.

Хайрат подлил что-то в это зелье – и она потеряла сознание!

Она пропустила назначенный час...

Джонотан... Ох, если он и правда ждал, что она сможет быть там.

Что он думает теперь?!

Но всё это померкло перед животным страхом, когда Агата повернулась на тень, нависшую над её лицом, и узнала, кто сейчас стоит перед ней.

Глава 35

«Добровольный» обряд

– Орхан говорил тебе, правда? – хрипло заговорил на энарийском маг, чисто и без акцента, впиваясь в неё болезненно-напряжённым взглядом.

Голову вело после выпитой отравы, вдобавок повсюду дымили благовония и ароматные масла, отчего и без того жаркий воздух будто плавился перед мутным взором. Головная боль не унималась, но Агата сосредоточилась, чтобы разобрать слова Хайрата, от которого исходила столь явная угроза, что по коже бежал озноб.

– Никто из мужчин не должен был увидеть твоё лицо до обряда, но ты решила, что древние предостережения для тебя ничего не значат... Сорвала вуаль перед своим капитаном. Ха. Не бойся, если проклятия и падут на твою душу, я достаточно сильный маг, чтобы с этим справиться. Но тебе придётся покаяться перед богиней Луны – и покаяться изо всех сил.

Агата попробовала приподняться на руках, хоть как-то сдвинуться с места, но проклятая слабость не отступала, и она продолжала лежать на мягких подушках, подрагивая от напряжения и попыток пошевелиться. Тёплый ветер пошевелил занавески у неё над головой, и, покрываясь мурашками от неожиданной прохлады, Агата с ужасом поняла, что по-прежнему совершенно обнажена. Накидка Орхана больше не прикрывала наготу, лишь множество цепочек охладили кожу.

– Не трудись, – в голосе Хайрата, разглядывающего её самым бесстыдным образом, отчётливо звучала насмешка, – скоро действие напитка прекратится. Так что я вполне могу подождать. Ночь, как и обещал тебе Орхан, действительно будет долгой.

– Ч-что... – попробовала начать Агата, но голос её не слушался, во рту пересохло, а на языке растекалась горечь.

От благовоний голова продолжала кружиться, вызывая легкую тошноту. Дым причудливо танцевал и изгибался, поднимаясь к потолку богато украшенного золотом и вышивкой шатра. Пламя свечей подрагивало, как и она сама, заставляя тени тоже плясать.

– Не переживай, драгоценная, – Хайрат подошёл к ней ближе. – Конечно, я тебя не отравил, всего лишь обычный дурман, который дают всем невестам перед обрядом Луны. Ведь так приятно очнуться и увидеть любовь всей своей жизни, не так ли?

Агата сглотнула, мечтая о воде и тщетно пытаясь подняться и оказаться как можно дальше от практически обнажённого Хайрата: на нем были только свободные шаровары из тонкой белоснежной ткани.

Хайрат всегда казался ей тощим, вот только даже в тусклом свете масляных ламп просматривались мышцы. На самом деле он был тонок и жилист. И когда цепкие длинные пальцы, унизанные множеством колец, сомкнулись на её лодыжке и Агата попробовала отпихнуть его ногой, оказалось, что и хватка у него сильная. Впрочем, сейчас Агата и последнему слабаку не смогла бы дать отпор.

– Вижу, ты со мной не согласна, – мерзко ухмыляясь, проговорил Хайрат, игнорируя её слабые трепыхания и ведя всей ладонью от лодыжки вверх по обнажённой коже. – Мне пришлось бы связать тебя, но так как действие напитка ещё какое-то время не позволит тебе причинить мне никакого вреда...

Агата всхлипнула, изо всех сил оттолкнулась руками и не иначе как чудом откатилась вбок. Рука Хайрата мазнула по колену, и противное прикосновение пропало. Она успела разглядеть фигуру в белом на полу, когда кровать под ней качнулась, и в следующий момент её грубо развернули опять на спину.

– Не советую злить меня. – Хайрат теперь нависал сверху, с лёгкостью удерживая обе её руки. – Это Орхан потакал твоим дерзостям.

– Ты убил его? – с ужасом прошептала Агата, пытаясь освободить руки: подвижность возвращалась, но слишком медленно, и она чувствовала себя совершенно беспомощной.

– Убил? – Хайрат выглядел действительно удивлённым. – Нет, конечно, зачем? Это вызовет ненужные волнения. Просто отправил на время отдохнуть.

– Он связан, – прошептала Агата, покосившись на пол, где без движения лежал связанный по рукам и ногам Орхан.

Она лихорадочно думала, что делать, и пыталась тянуть время разговором – язык слушался уже лучше.

– Разумная предосторожность, – Хайрат оглядел её с головы до ног масляным взглядом. – Я отпущу его, разумеется, как только получу силу артефакта. Видишь ли, у моего господина и повелителя есть очень мешающая мне способность – он совершенно невосприимчив к магии. Но дополнительная сила, дарованная артефактом, вкупе с моей собственной силой, полагаю, решит эту проблему.

– Зачем тебе это? – спросила Агата, пытаюсь сообразить, какие звёзды видны в просвете у входа в шатёр, и хоть как-то определить время. Может ли она ещё успеть на встречу с Джонни? Сколько времени прошло? Вдруг здесь просто темнеет рано?

Агата понимала, что это самообман, но даже эти простые попытки хоть что-то контролировать, позволяли не скатиться в истерику.

– Я знаю, что ты делаешь, – Хайрат усмехнулся и погрозил ей пальцем, словно несмышлёному ребёнку. – Думаешь отвлечь меня разговорами, пока не прекратится действие напитка.

Он ощутимо ущипнул её, вызвав болезненный вскрик, и удовлетворённо кивнул:

– Чувствительность уже возвращается. Вот только...

Агата забилась с удвоенной силой, когда ей на запястья легли верёвки, стягивая руки вместе, а потом Хайрат зафиксировал их у неё над головой.

– Вот так отлично, – Хайрат поймал её гневный взгляд. – Не сердись, Агата, если бы я этого не сделал, ты бы попыталась навредить мне. А заставить тебя покориться магией сейчас рискованно: я не знаю, как скажется подобное вмешательство на работе артефакта. Ведь всё должно быть добровольно. Поэтому мы просто немного подождём, когда прекратит действовать дурман, и начнём обряд.

– Отпусти меня немедленно! – просипела Агата, радуясь, что голос уже её слушается. – Я буду кричать!

– Мы посреди Великой пустыни, Агата. Можешь начинать кричать прямо сейчас. Если ты, конечно, не хочешь пить.

С этими словами Хайрат поднёс к её губам кубок. Агата отвернула голову.

– Не смей ко мне прикасаться! – прошипела она, напряжённо следя за ухмыльнувшимся Хайратом и стараясь не думать о том, как пересохло в горле. – Орхан очнётся и...

– Ничего не сделает, – закончил Хайрат, садясь рядом на кровать. – Даже если очнётся, всё, что он сможет, – оценить, как стонет подо мной его невеста.

– Ты не посмеешь, – прошептала Агата, пытаясь освободить руки. Верёвки больно впивались в запястья, но она не теряла надежды выбраться.

– Ещё как посмею, – Хайрат пододвинулся поближе и практически на ухо прошептал: – Признаться, главным для меня было получить силу артефакта, но после твоего танца... почему бы не получить ещё и удовольствие?

Он улыбнулся так холодно, что Агата почувствовала дурноту.

– Так что, воды? – Хайрат демонстративно отпил из кубка. – Не бойся, не отравлю. Ты нужна мне целой. Так уж вышло, что золотой браслет на твоей прелестной ножке – *аль гарэйн* — принадлежит твоей семье, поэтому только ты и можешь передать силу своего рода. Но клянусь Солнцем, что первым освещает наши земли: твоя жизнь останется в безопасности, если ты не сделаешь какую-нибудь глупость. У тебя нет магии, для тебя ничего не изменится от того, будет ли владеть даром артефакта Орхан или кто другой. Верно, красавица? Пей! Останешься жива сама и получишь свою сказочную жизнь.

Агата напряжённо кивнула, и Хайрат напоил её из кубка. Вода была приятно-прохладной, она пила жадно, чтобы избавиться от горького привкуса полыни во рту, и продолжала напряжённо размышлять.

Неужели всё и правда закончится так? И Джонотан, что с Джонотаном?

Что же делать?

Агата потянула руки изо всех сил, отмечая, что подвижность почти вернулась и что, хоть и с обжигающей болью от верёвки, получается повернуть правую кисть.

– Что будет со мной после обряда? – процедила она сквозь зубы, в надежде отвлечь Хайрата разговором и успеть ослабить узел: только бы вывернуться и подцепить верёвку пальцами.

– Если будешь вести себя смирно, – Хайрат пододвинулся ещё ближе и погладил костяшками пальцев её щёку, многочисленные кольца прохладой скользнули по коже, – то я даже буду так

великодушен, что заставлю Орхана думать, что вы провели эту ночь вместе. Будешь его женой. Но, разумеется, до первой твоей оплошности.

– Что?

– Ты такая сладкая, Агата, такая непокорная... – Хайрат немного отодвинулся, чтобы охватить её всю взглядом. – Думаю, я смогу тебя приручить. Знаешь, ты... заколдованная женщина, Агата. В тебе нет ни капли магии, ты должна была лишь покорно исполнить уготованную роль, но всё идет не так... Ты умеешь вызывать желание. Не это ли твоя магия? Делаешь всё, чтобы мужчины не остались к тебе равнодушными. Тебе нравится чувствовать это всеобщее желание... юная грешная чужеземка. Может, это твоя цель?

– Замолчи! Я не... Я не хотела этого! Все вы мечтаете только использовать меня. И это ваш танец предполагал такой наряд – я лишь исполняла вашу же проклятую традицию, чтобы меня... Чтобы меня наконец хотя бы услышали! Мой собственный отец и тот, кого он выбрал мне в мужа! Я мечтала разбираться в делах наравне с отцом и странствовать, и не моя вина в том, что вы видите лишь вашу собственную похоть! – Агата выплонула слова, задыхаясь от ужаса, уже не в состоянии скрыть страх и подступающие слёзы, трепыхаясь изо всех сил, потому что Хайрат навис над ней, внимательно вглядываясь в лицо.

– Тише, а то поранишься. Орхан ничего не узнает, если ты будешь меня слушаться и исполнять все желания.

– Да я лучше умру! – прошипела Агата, дёргая руку так, что от боли на мгновение потемнело в глазах: кажется, она содрала кожу, а может быть, и вывихнула запястье. Зато ей удалось освободить кисть, и она из последних сил оттолкнула Хайрата, который только рассмеялся:

– Какая ты горячая! – поцокал языком он. – Ничего, скоро ты будешь умолять меня дотронуться.

– Ни за что! – задохнулась от гнева Агата, пытаясь освободить вторую руку.

Удивительно, но Хайрат даже не пытался её остановить.

– Обряд должен быть проведён добровольно, чтобы артефакт передал мне магию... В этом его особая сила. – Хайрат погладил

кончиками пальцев её лодыжку и рассмеялся, ловко уворачиваясь, когда Агата попыталась его лягнуть.

– Мечтай!

– Ты просто мало знаешь о магии, – он поднялся с кровати и отошёл: ему явно надоело уклоняться от её брыканий. – Достаточно намерения или просьб. Ты была готова отдаться Орхану, и магии артефакта этого вполне достаточно.

– Не получишь ты никакой магии!

– Подождём ещё пару минут, – загадочно проговорил Хайрат. – Тебе понравилась вода?

– Что? – Агата замерла на мгновение, а потом её глаза распахнулись от ужаса. – Что ты туда подмешал? Ты же сам это пил?

Хайрат пожал плечами:

– Я, знаешь ли, предпочитаю покорных женщин, так что тоже перестраховался.

– Ах ты! – Агата задыхнулась, от злости не справляясь с удерживающей её руку верёвкой, на которой от её трепыханий лишь ту же затягивались узлы. – Чем ты меня опоил?!

– Ничего запрещённого, – заявил Хайрат. – Поверь, мне совершенно не хочется, чтобы из-за глупой оплошности мой план провалился. Так что всего лишь безопасное средство, которое заставит тебя умолять...

По телу начало разливаться чужеродное жжение, словно кто-то касался кожи, пробежал обжигающими ладонями по талии, ногам, оглаживал плечи и касался живота, и Агата снова дёрнулась, пытаясь согнать наваждение.

Пожалуйста, кто-нибудь! Джонотан! Джонотан, мать твою, ди Арс!

Ты должен явиться немедленно, иначе я тебя убью!

Отыщу и убью...

Агата застыла, пытаясь дышать и набраться сил, чтобы броситься в новое сопротивление и зелью, и Хайрату, возомнившему себя хозяином жизни. Он не единственный одарённый, что встретился ей на пути, и она не собирается дрожать перед ним, как травинка на ветру!

Парадоксально подумалось, что надо растолкать Орхана – и тот, как щит, убережёт её от проклятой магии своего же мага. Только как добраться?.. Тело плохо слушалось, но с большим трудом Агата

наконец приподнялась на одном локте, подтянув связанные руки за спину и оперевшись о пару жёстких подушек, накиданных на разложенной посреди шатра постели. Движение получилось достаточно томным, чтобы Хайрат следил за ней, как замороженный.

Почти обнажённая грудь сильно вздымалась, и ануарец не мог отвести от неё глаз. Агата ненадолго опустила голову, прислушиваясь к саднящему жжению и лёгкому гулу в голове, который нарастал с каждым мгновением. Казалось, ещё немного – и тело попросту не будет её слушаться, а затуманенный разум потом забудет это, как страшный сон.

– Хайрат... – изменившимся голосом проговорила Агата.

Маг приблизился и опустился перед ней на одно колено. Легонько ухватил Агату за подбородок и всмотрелся в глаза, ища подтверждение своей власти над ней.

– Прошу... – произнесла она непослушными губами.

– Просишь... Это уже хорошо, – усмехнулся Хайрат, склоняясь ещё ниже, касаясь носом её щеки, наслаждаясь запахом кожи.

Он провёл кончиком щекой по скуле, обжёг губами ухо, прикусил мочку, заставляя тело недвусмысленно реагировать на эти прикосновения. Потянул её ближе к себе, поднимая, и Агата почувствовала, как сильно и мелко дрожит, теряя над собой контроль.

– Прошу... освободи мне руки, я хочу прикоснуться к тебе...

– Надеюсь, ты к этому готова, – жарко прошептал маг, обдавая чужеродным запахом, который прежде казался отвратительным, но теперь ощущения сглаживались против её воли.

Даже запах благовоний, которые тлели в тяжёлых железных чашах, стал не таким резким и насыщенным, а начал вплетаться в сознание мягким дурманом, ещё больше вызывая душное томление. Свечи, расставленные вокруг постели, мягко укачивали своим пламенем.

Пламя. Подсвечники... У Агаты резко вспыхнуло воспоминание. Абордажный бой. Пираты! Корабль Вильгельма, уходящий под воду. То, как она, наряженная в брючный костюм, вырвалась из каюты Элен на палубу.

Тогда она дышала так же тяжело и натужно, как сейчас. Каждый вдох обжигал лёгкие жарким, горьким воздухом, наполненным дымом. Таким же, как сейчас окутывал их в этом шатре. Горький запах дыма.

Огни. Подсвечник... Она держала в руках тяжёлый канделябр, и Вильхельм пытался отнять его, чтобы она не натворила глупостей...

Хайрат на удивление торопливо, обняв её с обеих сторон, пытался развязать руки. Так торопливо, словно уже сам не мог сдержать своё желание, вспыхнувшее в ответ на её томный взгляд и показательную покорность.

– Хайрат... – вымолвила Агата, уже не чувствуя в произношении его имени прежней брезгливости и ярости. Неужели она подчинится его магии и поддастся в ответ на навязанную дурманом страсть?!

Её руки наконец почувствовали свободу, но Хайрат не выпускал уже из своих объятий. Он тяжело дышал и резко, нетерпеливо вжимая Агату в своё тело, потянулся к замку от цепочек...

Агата изо всех сил прикусила нижнюю губу, возвращая себе хоть толику холода и разума. Это дурман! Дурман! Такой же, каким на корабле Вильхельм окутывал вымотанного, лишённого магических сил Джонотана.

Джонотан.

Джонотан...

Только на это слово хватало угасающего холода в сознании.

Одна рука будто против воли легла на вздымающуюся грудь Хайрата, прикосновение к которому сейчас, казалось, обещало неземное наслаждение. Ей это нужно. Прямо сейчас. Нужно ведь?..

«Маленькая драчунья, смотри, как надо», – прозвучал в голове голос Джонотана.

«Нет!»

«Вот так сжимаешь кулак... – снова говорил он со смехом. – Да не так сильно же! И не прячь большой палец внутрь, сломаешь. Клади его вот так. И бей ровно, на выдохе. Этому тебя не научит достопочтеннейшая кирия Элен, правда?»

«Джонотан, – мысленно повторила Агата, чувствуя жаркое дыхание Хайрата. – Ты мне нужен. Прости меня, Джонотан».

Маг нетерпеливо бросил её спиной на постель и навалился следом. Агата прикрыла глаза, ещё борясь с невозможным жжением в груди, но вдруг ощутила, что её пальцы сжимают что-то тяжёлое и холодное.

Чашу для горящих благовоний.

Зачем она держит её? Зачем, ведь она больше всего на свете хочет получить наслаждение...

«Джонотан», – вспыхнуло в голове слово, значение которого уже будто стёрлось из памяти.

– Что ты сказала? – прохрипел Хайрат, приподнявшись на одной руке.

– Я сказала... Джонотан, – резко выдохнула Агата и из последних сил ударила Хайрата чашей в висок.

Хайрат рухнул тут же, без вдоха, как подкошенный. Проклятая магия продолжала разливаться ядом внутри. На вкус как вода, а на деле... отравленное пойло. Тело ломало, выкручивало все мышцы, и не было сейчас желанней события, чем снова прикоснуться к Хайрату и потребовать от него...

Агата сцепила зубы, выбралась из-под тяжёлой руки и из последних сил подползла к Орхану. Пнула его ногой, снова и снова. Приподнялась, пошатываясь и пытаясь распутать непослушными руками путы.

– Джонотан. Джонотан... Джонотан... – твердила про себя полумёртвой как безумная, словно самое сильное на свете заклинание.

Орхан не приходил в сознание. Его Хайрат тоже чем-то опоил?!

Хотелось взвить на Луну – ту самую, что должна была услышать и дать ей силы, а не отнять их и не сделать безвольной куклой перед лицом всесильных на Востоке мужчин.

Боковым зрением Агата поняла, что Хайрат приходит в себя.

Скоро всё закончится. Если Орхан не очнётся и не сможет противостоять своему же магу, она точно проиграет.

Агата похлопала своего несостоявшегося мужа по щекам. Красивое лицо Орхана выражало покой и блаженство, и она вдруг залюбовалась им: такие красивые губы, такие ресницы и... боги, надо собратся!

Агата со всей силы впиалась в его кожу ногтями, Орхан немного дёрнулся, но не пожелал открыть глаза и прийти наконец в чувство!

Она обречённо обернулась на Хайрата, который встал и выпрямился, потирая ушибленный висок. Чёрный яростный взгляд не обещал ничего хорошего, да Агата и сама готова была упасть ему в ноги, чтобы он простил...

– Грешная дрянь... Я же говорил, что стоит дать тебе волю – и ты падёшь так низко, как может пасть женщина, отдаваясь каждому встречному, – прохрипел Хайрат. – Тебе придётся очень постараться, чтобы я...

За стенами шатра тоскливо завыл ветер. Агата приподняла голову, прислушиваясь, и показалось, что в этом вое ветра она отчётливо слышит чьё-то улюлюканье и яростные, громкие крики.

Глава 36

Аль гарэйн

Джонотан с силой отпихнул от заветного шатра стража в белых одеждах, который уже подчинился магии Вильхельма.

– Зайду с той стороны, – пират сплюнул, лихо спешиваясь с лошади на ходу.

Схватка с десятком стражей вышла короткой: куда им против двух очень злых магов. Ну и против ещё четырёх теней, которых Джонотан прихватил с Десиром из дома Орхана, когда изначальный план провалился.

Они прибыли в условленный час, но было поздно: Агату успели увезти, и потребовалось немало времени, чтобы выяснить точное место обряда. Немало времени и несколько кровавых жертв – стражи в белом не желали раскалываться даже под воздействием магии. Жёстко же их тренировал Хайрат!

Вильхельм согласился помочь сразу, стоило Джонотану прийти к нему в ночь перед обрядом: за обещание получить взамен заклятый артефакт, из-за которого уже пролилось столько крови. *Аль гарэйн*. Сила рода. Было уже всё равно, кто будет владеть наследием Востока. Да, оно досталось когда-то родителям Джонотана, а потом им завладел Сезар ди Эмери – но никому зачарованное золото не принесло счастья. Только боль и смерть.

Закрыв глаза от летящего в лицо песка, Джонотан ударил локтем в шею последнего безголосого воина и бросился к шатру, путь к которому наконец был свободен. Он даже не ожидал, что здесь будет столько стражи. Похоже, Орхан действительно высоко ценил Агату... И готов был на всё, чтобы никто не помешал им провести обряд.

При мысли о том, что она сейчас наедине с ним, Джонотан сжал зубы и бегом преодолел расстояние до заветного шатра, где вот-вот должен был начаться обряд – полная луна почти взошла.

Пустынный ветер грозился перерасти в бурю, рвал тяжёлую золотую бахрому шатра, и в призрачном свете хлопающие, тяжёлые занавеси казались ожившими призраками пустыни, что поднимались из песков. Послышались звуки борьбы и вскрики, и Джонотан, не

желая тратить время на поиски входа, просто рубанул по ткани клинком и ворвался внутрь.

На него пахло дурманящим запахом благовоний – тяжёлым и терпким. После схватки и без того было трудно дышать, и Джонотан силой перевёл дыхание. Под ноги покатила опрокинутая пузатая чаша, сверкнула золотыми боками. Он отпихнул её ногой. Внутри было темно и душно.

Ночной мрак дрожал тенями, порождёнными огнём в масляных лампах, и тонкая обнажённая фигурка, резко обернувшись к нему, на мгновение показалась мороком и порождением теней. Взметнулись рассыпавшиеся в беспорядке каштановые кудри, ловя золотистые блики светильников наравне со множеством золотых цепочек, матово блеснула дорогим шёлком обнажённая кожа, и Джонотан замер, любуясь тем, как вспыхивает радость в дорогих глазах.

А в следующее мгновение Агата бросилась к нему и повисла на шее, едва не напоровшись на саблю, которую он сжимал изо всех сил.

– Джонотан, о, Джонотан, – лихорадочно прошептала она, прижимаясь всем телом. Её пальцы впились в шею, царапнули кожу, словно в нетерпении и, запутавшись в волосах, требовательно потянули вниз.

Агата вся ощутимо дрожала, и Джонотан изо всех сил прижал её к себе, погладил по спине, пытаясь унять явную истерику.

– Все хорошо, Агата, я здесь, – проговорил он, целуя её, глядя растрёпанные волосы, сладко пахнущие благовониями, и стараясь не отвлекаться на то, как реагировало его тело на неожиданно требовательные прикосновения.

– Джонотан, – снова прошептала Агата, запрокидывая к нему бледное лицо: в огромных, почти во всю радужку зрачках отражалось пламя светильников. – Пожалуйста, Джонотан.

Он потянулся магией, чувствуя неладное, и не сдержал стоны, когда на него обрушилась волна её желаний – жгучего, безумного, такого сильного, что он не успел даже понять, что произошло, когда его губы требовательно накрыли её.

Агата ответила со всей страстью, подаваясь навстречу, горячо прижимаясь мягким и податливым под его руками телом, покорно раскрывая нежные губы, с которых сорвался тихий стон, пробудивший на его коже мурашки.

– Джонни, малыш... – пропыхтели рядом, – ты не хочешь мне помочь? – насмешливый голос Вильгельма показался мгновенно отрезвляющим ушатом ледяной воды. – Кажется, с нашей рыбкой хотел поразвлечься вовсе не Орхан.

Джонотан с трудом разорвал поцелуй, чувствуя горьковатый привкус на губах: конечно, её опоили!

– Джонни, – в голосе Агаты было столько мольбы, что защемило сердце, но Джонотан сжал зубы и, стараясь не замечать ласковых поглаживаний, осторожно отстранился.

– Смотри, кто тут у нас! – Вильгельм одной рукой удерживал за тощую шею Хайрата, а второй прижимал к его горлу клинок.

– Ты! – проронил Джонотан, уже готовый броситься на предателя, из-за которого едва не лишился головы, когда нежные ладошки ловко пробрались под его рубашку и недвусмысленно скользнули по животу.

– Джонни... – Агата смотрела на него с таким желанием, что связные мысли испарялись, словно вода под жарким солнцем Шарракума. – Я хочу тебя прямо сейчас. Пожалуйста, Джонни.

Она потянулась и поцеловала его, куда дотянулась – чуть ниже уха, – щеотно и горячо, отчего Джонотан прикрыл глаза.

– Агата, – позвал он. Выдержка давалась ему с трудом, но он смог отстраниться вновь, разворачивая её лицом к себе и удерживая за плечи. – Агата!

– Джонни! – она едва ли не плакала, потому что держал он крепко и она никак не могла дотянуться.

– О пресвятая плотва, – закатил глаза Вильгельм. – Я всегда не против немного поразвлечься, но, рыбка моя, так как ты собираешься это делать не со мной, а с малышом Джонни, потерпи немного. Потому что я могу захотеть присоединиться.

– Вильгельм! – рявкнул Джонотан, осторожно отводя руки Агаты от своего живота – она уже успела вытащить его рубашку из штанов.

– Джонотан... ты такой грозный! – вздохнула Агата, совершенно не реагируя на слова Вилли и глядя потемневшими от зелья и страсти глазами – настоящими омутами.

– А что «Вильгельм»? У меня руки заняты, – он выразительно встряхнул Хайрата с такой силой, что у того клацнули зубы. – А то я бы не сдержался.

– Вас обоих... ждёт смерть! – прошипел Хайрат, видимо, пришедший немного в себя от энергичных встряхиваний.

– Можно ему голову отпилить? – попросил Вильгельм у Джонотана, с интересом наблюдая, как тот перехватил руки Агаты за запястья и удерживает её от дальнейших покушений на свою честь и достоинство. – Тогда я смогу подержать рыбку, а ты возьмешь этого.

Вильгельм поддел пыльным от песка сапогом бессознательного и связанного Орхана.

Джонотан крепче прижал Агату к себе, намертво схватил за плечи, прижав её руки к бокам и не позволяя двигаться и сделать какую-то глупость или отвлечь внимание Вильгельма, который удерживал всё ещё опасного врага.

– Стой же, – сердито шепнул он, сердясь и на себя, что чувствует её желание и понемногу сходит с ума от этого влекущего, затмевающего разум жара.

Кто бы подумал, что больше всего может помешать сама же Агата, которую они так усердно пытались выцарапать из лап ануарских ублюдков! Агата была сильна, и эта борьба с ней и попытки не причинить ей при этом боль выматывали всё сильнее, а учитывая, сколько Джонотан уже провёл без сна и отдыха...

– По моему приказу... сюда придут люди, очень много моих верных убийц, – прохрипел Хайрат, дёрнувшись, но Вильгельм держал его крепко. – Моя стража...

Джонотан мрачно глянул на мага, который изо всех сил тянул время и силился использовать свой дар, но он был один, а их – двое. На сей раз древняя наука математика играла против предателя, не так, как в торжественном зале во время танца. Зря Хайрат позволил Орхану его отпустить. Один просчёт – и теперь ублюдок поплатится за свою фатальную ошибку.

Среди теней скользнул Десир и коротко прижал кулак, отчитываясь, что все враги повержены: долг выплачен! В чёрной страже Акрама аль Асада всегда говорили: «Убей до того, как убьют тебя». Хайрату стоило у них поучиться.

Вильгельм перехватил мага поудобнее и не стал тянуть – впечатал головой в один из деревянных столбов, удерживающих шатёр. Хайрат дёрнулся и обмяк.

– Вильхельм! – Джонотан дёрнулся было к Хайрату, но почувал, что тот дышит.

– Да достал, крыса пустынная, – Вильхельм сплюнул. – Пусть отдохнёт. Не магию и силы же на него, ублюдка, тратить. Можно, конечно, и сразу... – пират задумчиво потянулся за своей кровавой саблей, будто раздумывал, не стоит ли отсечь уже голову незадачливому врагу.

Агата тут же воспользовалась заминкой и тем, что хватка на её руках ослабла, и прижалась к Джонотану всем телом.

Вильхельм глянул на неё и неожиданно сдёрнул с кровати тонкую простыню:

– На, заверни её хотя бы. Я ж не удержусь, и мы опять подерёмся, а надо валить отсюда.

Тени, пришедшие с Десиром вместе, уже растворились в ночной темноте пустыни, словно здесь их и не было, остались лишь оглушённые и отброшенные воины в белом.

– Стража скоро очухается. Говорю, прирезать – и дело с концом.

Джонотан на лету поймал тонкую ткань и, пока Агата целовала его куда-то в ключицу – выше не дотянулась, – накинул на плечи.

– Надо забрать этих двоих, – сказал он, подхватывая Агату на руки.

– Без тебя знаю, – Вильхельм, не церемонясь, схватил за шиворот одного и второго и поволок за собой к выходу из шатра. – Должен будешь.

Пустыня встретила их тишиной и иссиня-чёрным бесконечным небом. Ветер утих, и казалось, над ними раскинула свое звёздное покрывало сама богиня Луны. После удушающих благовоний и запаха крови в шатре дохнуло прохладой.

– Как же красиво... – прошептала Агата, на мгновение отрываясь от Джонотана и запрокидывая голову.

Её рассыпавшиеся в беспорядке кудри щекотали его шею, а тёплое дыхание касалось щеки. Неожиданно она посмотрела на него так осознанно, словно и не было никакого дурмана.

– Джонотан ди Арс, – прошептала она, и он на мгновение сбился с шага от нежности в её голосе.

– Что вы там копаетесь? – Вильхельм уже привёл в чувство Хайрата: тот со связанными руками и стеклянным взглядом покорно

стоял рядом лошадю. Орхана пират просто перекинул через седло перед собой.

– Куда же мы? – Агата неожиданно не захотела садиться на лошадь и изо всех сил вцепилась в его руки. – Я не хочу никуда ехать. Я хочу...

– Агата!

Он попробовал её образумить. Ухватив под шею, заставил одурманенную пленницу смотреть на него, но потемневший взор её больших глаз только блуждал по его лицу, переходя с подбородка на губы и снова бездумно скользил по коже. Агата изо всех сил тянулась к нему и мучительно хмурила лоб оттого, что это не удавалось.

– Агата! Ты слышишь меня?!

Не добившись ответа, он поднял её за бёдра и усадил боком на седло. Вскочил следом – слава богам, Агата сама потянулась к нему и не сверзилась с лошади – и ухватил поводья.

– Держись за меня, – прохрипел он, чувствуя, что из последних сил не думает о том же, о чём и она: о том, как хочется, чтобы весь мир вокруг исчез, хоть провалился в бездну, лишь бы никто не помешал целовать её так жарко, как требует сейчас всё нутро.

Боги, ему потребуется слишком много выдержки, чтобы не сойти с ума!

Она потянула с плеч покрывало, когда Джонотан почувствовал, как царапает кожу магия Вильгельма. Он отшатнулся было, но магия скользнула мимо.

Агата моргнула, обернувшись на пирата совершенно осознанно:

– Убью... – и вдруг обмякла в руках Джонотана.

– Не благодари, брат, – хмыкнул Вильгельм, весело глядя на Джонотана, чьё лицо явно наливалось яростью. – Хотя, знаешь, я на твоём месте не удержался бы и воспользовался дурманом. Ну какая горячая крошка!

– Иди ты!

– У тебя стальные нервы, мой мальчик! Уважаю, – расхохотался Вильгельм, разворачивая кобылу с повисшим без сознания Орханом и ведя в поводу Хайрата.

Он довольно цокнул, позволяя себе разглядывать стройное бедро Агаты, оголённое до самой талии, и то, как маняще сверкает на её тонкой щиколотке проклятое золото.

– Хочу, чтобы всё было по-настоящему, – бросил Джонотан и пустил лошадь вперёд, покрепче подхватив Агату, которая, точно уснув, доверчиво прижалась к нему щекой.

Глава 37

Как насчет новой сделки?

Агата задумчиво уставилась в потолок, не в силах пошевелиться. Какое по счёту мучительное пробуждение это было с тех пор, как она покинула отчий дом? А покинула ли? Может, всё, что происходило в последнее время, лишь морок, и сейчас она по-прежнему дома? Тело нежно обнимает пушистое, воздушное одеяло, подушка под головой тоже нежная, в которой можно утопать и видеть самые причудливые сны. Из знакомого окна падают ласковые лучи энарийского солнца. В воздухе тепло, а не удушающе жарко, как в Ануаре. Она дома.

– Деточка моя, как ты? – заботливо склонилась над ней чья-то тень.

Элен! Ну конечно... наверное, она схватила лихорадку и жестоко бредила несколько дней, которые сложились в нескончаемый кошмар. Пираты, сражения, мерзкий жестокий Хайрат, головы на пиках... Даже Айра, что шипела словно змея, глядя на Агату рядом с Орханом. Абая, плотно закрывающая тело и голову, мешала дышать... Шатёр. Был ещё какой-то шатёр. Звёзды. Кажется, пустыня. Но эта часть сна уплывала безвозвратно.

Агата глубоко вздохнула. Сейчас всё было хорошо. Она дома, она в безопасности, и только Джонотан...

– Где он?

– Кто?

– Джонотан ди Арс, – прошептала Агата пересохшими губами.

– Ох! Я думала, ты наконец-то забеспокоишься о своём отце, о кириосе ди Эмери! – всплеснула руками Элен, точь-в-точь напомнившая самую строгую наставницу в монастыре, читающую нотации о прилежании, послушании родителям и прочем, прочем...

– Почему я должна о нём беспокоиться? – прошептала Агата. – Если мы дома, то он наверняка в своей комнате.

Элен вдруг уселась обратно на кровать, схватила Агату за ладонь и сжала пальцы изо всех сил. Лицо компаньонки собралось в скорбные морщинки, брови горестно сошлись на переносице, казалось, ещё немного – и она расплачется от переживаний.

– Девочка моя... – принялась причитать Элен. Поправила подушку, убрала со лба Агаты растрёпанную прядь и поправила одеяло, будто теперь боялась взглянуть в глаза и увидеть в них... что? Безумие? – Ваш отец их накажет. Всех. Он обязательно... И...

Агата прикрыла веки и снова тяжело вздохнула.

– Ладно, – приподнявшись, она села и снова посмотрела на Элен, чуть щуря глаза от яркого света. – Ладно, не бойся, я не сошла с ума. Значит, это не сон. Это Восток...

В ответ на её слова тёплый чужеземный ветер раздул занавеси на окнах – и под тонкой полупрозрачной тканью скользнул аромат благовоний: пачули и корица.

– Тебе надо лежать, моя дорогая, – тихо и заботливо повторила Элен без тени прежней сердитости или поджатых губ, только лёгкое чувство вины и сожаления скользнуло в её голосе. – После всего, что пришлось пережить.

– Где Джонотан? – Агата сжала руку Элен, продолжая требовать ответа.

– Где-то в доме, – наконец призналась та. – Тут был такой переполох... Все словно с ума сошли! Бегали, кричали, грозились друг друга убить. Меня и вовсе заперли в комнате. Я чуть не тронулась умом от беспокойства, когда вы не вернулись к ночи, а затем пришли люди в белом и принялись переворачивать весь дом. Потом пришел Акрам со своими бандитами, я слышала его голос.

– Но Джонотан...

– Его не тронули, уж не знаю почему. Когда вы вернулись в ночи, мне передали позаботиться о тебе. Дом оцепили со всех сторон, все с оружием... И, показалось, даже магия сверкала точно молнии, уж не знаю, что там на самом деле творилось. Но теперь всё тихо! Надеюсь, эти мужчины не переубивали друг друга, – вдруг нервно хихикнула Элен, видимо, впервые поверив, что вверенная её заботе Агата ди Эмери цела и жива, и ей не отрубят голову за неисполненные обязательства.

– О да, они могут, – поддержала Агата, понимая, что смотрит на несчастную компаньонку без прежней предвзятости.

Бедняжка Элен была втянута отцом в эту передрагу, а уж более неподходящего человека на все эти испытания и придумать сложно: добрая, набожная, светлая женщина, вся строгость которой сводилась к

чрезмерной опеке. И ей пришлось не только пройти сквозь шторм и пиратов, но и отправиться с Агатой в бордель, заигрывать со стражником, притворяясь Фадией, юлить, врать и из последних сил защищать честь юной госпожи.

– Представляешь, мы сейчас выходим отсюда – а вокруг никого, – в ответ на улыбку Агаты фыркнула Элен. – Вот говорят же, что все беды от женщин. Так нет же, от мужчин куда больше горя. Может, стоит посидеть здесь подольше и подождать, когда они разберутся, чего на самом деле хотят?

– А нам останется выйти и править уцелевшими, – рассмеялась Агата и поморщилась, почувствовав, что голова ещё немного болит. – Ох, Элен! Я должна идти.

Агата боялась, что Элен будет отговаривать её и заставит лежать в постели до тех пор, пока все враги сами не перемрут, но компаньонка вдруг решительно поднялась.

– Хорошо! Идём! Но я пойду с тобой – и пусть только посмеют теперь пальцем тронуть, хоть один из них! Я им этот палец оторву!

Элен засуетилась, ища самое приличное платье, которое Агата могла бы надеть в этот торжественный день. Агата потянулась и заметила, что кто-то заботливо снял с неё многочисленные цепочки, оставившие, судя по лёгкой боли, ссадины и царапины под грудью и на плече, и передел в длинное целомудренное ночное платье, явно взятое из Энарии.

– Сейчас, сейчас. Найду самое красивое платье! И пусть только попробуют... Ух, я им, – продолжала смешно причитать Элен, роясь в большом сундуке.

Продолжая суетиться и ворчать под нос, она принялась наряжать Агату и расчёсывать ей волосы, не замолкая ни на мгновение, рассказывая вновь и вновь, как переживала всю ночь и не смыкала глаз, ожидая, когда Агата очнётся и придёт в себя. И в этом бормотании будто сквозило и чувство вины, и даже стыд за всё случившееся, что порочило честь невинной девушки. То, чему подверг её отец, кириос ди Эмери, которому Элен всегда так беззаветно была предана.

И в этом своём беспокойстве и искреннем переживании она вдруг показалась похожей на матушку, которую Агата уже плохо помнила.

Быть может, будь сейчас мать жива, она точно так же грозилась бы убить всех врагов, посмевших кинуть на Агату косой взгляд.

Эта мысль так вдруг растрогала, что она изо всех сил обняла Элен, которая была ниже её на полголовы. Пусть та ворчит на Джонотана – точь-в-точь как отец, будто ревнующий к лихому и дерзкому капитану, – пусть!

– Вы мой самый верный друг, Элен! Спасибо.

– Это мой долг... – пробормотала Элен, чуть заметно всхлипнув. – Ну! Идём же! Идём и найдём их всех, – смилостивилась она. – И твоего Джонотана, этого неумного негодяя, и кириоса, и даже несчастного этого Орхана, что заварил всю кашу! Ох и достанется же ему от меня!

Агата промолчала, не рассказывая пока Элен о том, кто на самом деле причинил больше всего унижений и боли. Не стоит ей знать всего – крепче будет спать.

Дверь из комнаты они распахнули так, что даже стражи в белом, дежурившие у покоев, ощутимо вздрогнули. Но путь им преграждать не решились – стоило Агате бросить угрожающий взгляд и провести у горла ногтем, обещая смерть каждому, кто теперь посмеет встать у неё на пути.

Во всем доме было неожиданно тихо, даже редкие слуги, встретившиеся им, казалось, стараются производить как можно меньше шума.

Решительный перестук каблуков дробью разносился под сводами уже знакомых пустых коридоров. Какое счастье, что Элен распорядилась насчёт её багажа, и можно было надеть привычную обувь и платье! Никаких больше прозрачных блуз, и цепочек, и спадающих с ног туфель.

Впрочем, тонкая золотая цепочка артефакта так и осталась на её щиколотке. Агата помнила слова Хайрата о том, что артефакт принадлежит её семье, а, значит, что бы ни придумали мужчины, у неё будет дополнительный и весьма весомый, с учётом всего произошедшего, аргумент.

– Как думаешь, они о чём-то договорились? – поинтересовалась Агата у Элен, замедляя шаг: они приближались к главному залу.

Вся стража в доме будто исчезла. Агата шла и только слышала, как неслышно скользят по красивым, выложенным плиткой полам

люди Орхана, но никто не пытался их остановить или взять под конвой. Да что тут вообще происходит?

– Я была подле вас, госпожа, так что ничего не знаю, – голос Элен звучал расстроено, как если бы она переживала, что не успела ничего разузнать для своей госпожи.

– Что ж, тогда остаётся выяснить всё самим, не так ли? – Агата вскинула подбородок и решительно направилась к огромным дверям в зал.

Стражи, стоящие словно истуканы, распахнули двери, стоило им приблизиться, Агата сочла это за добрый знак: либо, она выглядела достаточно внушительно, либо её ожидали.

Она помедлила на пороге, сощурившись от солнечного света, льющегося в распахнутые в сад окна.

– Господа... – откашлявшись, Элен довольно громко и уверенно привлекла к себе внимание и окинула собравшихся мужчин очень суровым взглядом, решительно остановившись на Орхане и будто обещая ему все кары небесные, если тот посмеет хоть как-то обидеть её подопечную.

Огромный зал в первое мгновение показался Агате пустым. Уже убрали украшения из цветов и столы – ничто не напоминало о том, что ещё вчера здесь собралось множество людей, чтобы отпраздновать её свадьбу с Орханом.

Сейчас на небольшом возвышении был низкий стол, на котором стояло множество небольших пиал и блюдо с фруктами, а вокруг на подушках сидела самая странная компания, которую Агата могла вообразить.

Со сладким замиранием сердца она сразу же увидела Джонотана – тот сидел, по-ануарски скрестив ноги, обманчиво расслабленно, и исподлобья смотрел на Орхана. На коленях он держал обнажённый кинжал и поглаживал рукоять, выводя узоры по кованому металлу. Обернувшись к Агате, Джонотан будто посветлел. В его глазах промелькнули искры, но не магический дар, что-то другое.

Она никогда не думала, что за почётной ролью капитана у богатого торговца и принятого в обществе молодого человека, за его разбивающей сердца улыбкой на коварных, соблазнительных губах, за его шутивным тоном и теплотой в глазах может скрываться не только яростный нрав, но и навыки настоящего воина и... убийцы. Ей очень о

многим придётся расспросить Джонотана, когда они останутся наконец наедине!

А в том, что это обязательно случится, Агата больше не позволяла себе сомневаться. Она сама уже готова пойти по головам, чтобы отвоевать себе право на свободу. И, если потребуется, бросит всё и уйдёт вместе с Джонотаном в море! Наперекор воле отца, наперекор попыткам Орхана забрать её в свой гарем, наперекор мечтам Элен о приличной роли в обществе и благопристойном облике её подопечной.

– А вот и моя дорогая невеста, – голос Орхана прозвучал мягко, но гулкое эхо разнесло его по залу, заставив Агату поёжиться.

А ведь она и правда всё ещё его невеста. Обряд не состоялся, но кто знает, не попытается ли Орхан оставить её при себе?.. На что пойдёт ради заветного артефакта?

Несостоявшийся муж казался невозмутимым, но Агата обратила внимание на то, что выглядит Орхан, по-восточному вольготно раскинувшийся на подушках, уставшим. Его смуглое лицо за ночь осунулось и побледнело, а сам он то и дело поглядывал на стоящий рядом кальян.

Отец сидел по правую руку от Орхана, пальцами постукивая по столу, и резко обернулся через плечо на них, стоило войти в зал. Агата сощурилась. Похоже, Элен зря волновалась, всё-то с ним в порядке. Этого дельца такими передрыгами не возьмёшь, он всегда выходил сухим из воды!

Единственным, кто, похоже, не испытывал никаких неудобств, был Вильгельм. Он тоже был вооружён и смотрел цепко, но больше на кувшин и кубок, стоявшие перед ним. Невольно улыбнувшись, Агата вспомнила, что и на вчерашнем пиру он отпивал прямо из носика и всюю наслаждался жизнью.

Но злость на наглого пирата стихла... Отчего же? Пресвятые боги! Агата застыла на месте, и наконец в памяти вспыхнули воспоминания о событиях ночи, о шатре, о звёздном небе, о заклятом маге... И то, как Вильгельм вчера с Джонотаном пришёл за ней и схватил Хайрата за горло.

Теперь все они, прежде враги, сидели за одним столом. И как по команде уставились на неё и замолчали. Орхан растянул губы в улыбке, пытаясь выглядеть благодушно, но его тёмные глаза заметно помрачнели со вчера, а томное выражение лица сменилось на

заострённое и насторожённое, как у опасного хищника, попавшего в засаду.

И вроде он ничем не выдавал своего напряжения, однако Агата чувствовала, как отчётливо он следит за движениями всех сразу и как сглотнул, заметив Джонотана, неуловимо подавшегося вперёд.

А ведь они могли перерезать ему горло ещё ночью, так что имеют право выторговать что-то в ответ на эту милость. Поэтому решили оставить его в живых? Его, Хайрата... Впрочем, убили бы там, в Великой пустыне, и пришлось бы всем бежать, скрываться от властей... А так есть вероятность уйти свободно и даже выиграть что-то для себя. И теперь все сидят здесь снова. На очень странных переговорах, главный предмет торга которых – сама Агата ди Эмери, – отсутствовала первую половину встречи.

Агата неторопливо пересекла зал, чувствуя молчаливую поддержку Элен, следующей на шаг позади.

– Доброе утро, господа.

Она вежливо кивнула сразу всем присутствующим, и, незаметно дотронувшись до шеи Джонотана, села на подушку между ним и Вильгельмом, заняв место напротив Орхана.

Ей не хотелось провоцировать ни самого Джонотана, который выглядел так, словно готов был сразиться с каждым, если потребуется, ни Орхана, который смотрел на неё всё тем же тягучим нечитаемым взглядом, словно просчитывал, насколько дорога ему невеста.

– Рада, что все в добром здравии, – не удержалась Агата, ехидно улыбнувшись. – Полагаю, я что-то пропустила?

Чтобы занять руки, она потянулась к винограду, вот только Джонотан сделал то же самое. Его пальцы – случайно или нарочно – легко коснулись её кожи, вызывая мурашки, и Агата поспешно отвела взгляд от него и его едва уловимой улыбки, мучительно надеясь, что её щёки не пылают.

Пришли запоздалые мысли, что все мужчины за этим столом видели её обнажённой.

– Мы ждали тебя, чтобы прояснить несколько важных моментов, – произнёс Орхан на энарийском.

Агата успела заметить, что он задумчиво разглядывает виноград, прежде чем внимательно посмотреть на неё. Чужой для него язык

звучал в его исполнении твёрже, чем родной ануарский, и следующая фраза упала, как тяжёлый камень:

– Правда ли то, в чём обвиняют Хайрата? Ты моя невеста, и боги так распорядились, что... только тебе я могу доверять в этом вопросе.

Агата оцепенела, бесконечно долгое мгновение вспоминая, как очнулась в шатре, как Хайрат дотрагивался до неё, как она выпила воду... Дальше всё было в тумане, словно она спала и видела жуткий сон, где её предавало собственное тело. Но вот про свои планы Хайрат без утайки рассказал тогда, когда она совершенно точно была в сознании и могла поручиться за каждое услышанное слово.

– В чём же его обвиняют? – произнесла Агата, глядя Орхану прямо в тёмные загадочные глаза.

– Что он собирался меня убить.

Глава 38

Интриги, тайны, опиум

Агата вздрогнула и поёжилась от вспыхнувшего озноба. Ох нет, замысел Хайрата был куда отвратительней... Не убить, но подчинить себе, обмануть и манипулировать, заставить плясать под его дудку. Унизить, забрав невесту силой.

– Он сказал, что завладеет артефактом и тогда сможет контролировать тебя, господин, – ответила наконец Агата.

– Ты уверена? – Орхан был мрачен. – Ты ведь понимаешь, что означают твои слова?

– наших слов должно быть вполне достаточно, господин аль Гаффар, – холодно вмешался Джонотан.

Агата заметила, как он будто случайно сомкнул пальцы на рукояти кинжала, а мышцы его руки напряглись. Но Джонотан продолжал сдерживаться, и Агата молилась, чтобы не пролилась новая кровь.

– Не надо перекладывать на неё ответственность за свои решения. Это твой придворный маг оказался предателем, тебе и выносить приговор.

Вильхельм не вмешивался и принялся лениво наливать себе вино в кубок, а потом так же неторопливо пригубил, наблюдая за их спором и за тем, как растёт напряжение между Джонотаном и Орханом.

Прежде Агата думала, что это очень романтично, когда мужчины готовы из-за прекрасной дамы вступить в схватку, но теперь это раздирало на части. Надо не только уладить дело миром, чтобы из этого дома живыми вышли и они с Джонотаном, и отец, и Элен, но и решить судьбу живого человека, хоть и предателя!

– Наши боги велют выслушать все стороны, прежде чем выносить приговор, – тем временем невозмутимо проговорил Орхан, обращаясь к Джонотану, но продолжая смотреть на Агату. – Твоя голова осталась на плечах только потому, что я прислушался к её словам. Что же плохого в том, чтобы и сейчас она высказалась? Женщина, которой покровительствует сама богиня Луны, достойна того, чтобы её выслушали.

– Господин аль Гаффар... – начал было кириос ди Эмери, но Орхан вскинул ладонь, призывая к молчанию.

– Так что, дорогая моя невеста?

От Агаты не укрылся ни взгляд, которым Орхан смотрел на Джонотана, явно его подначивая, ни то, как сжались кулаки последнего. Оправдывать Хайрата она не собиралась. Не после того, что он хотел сделать с ней, и не после того, как предал их, чуть не отправив на казнь Джонотана.

– Господин Хайрат ибн Али хотел... овладеть мной, чтобы активировать артефакт и управлять тобой, господин, – ей удалось справиться с волнением, и голос не дрожал, только щёки вспыхнули от стыда. – Чтобы обряд был признан магией добровольным, он опоил меня. Тебя, Орхан, он тоже чем-то опоил: я пыталась искать защиты, но ты не приходил в сознание.

– Бедная моя госпожа! – Элен, которая сидела в стороне, не смогла сдержать причитаний и даже тихонько всхлипнула.

– Агата... – в голосе отца прозвучало потрясение не то от самой ситуации, не то из-за того, что она осмелилась говорить о подобном вслух.

– А потом нас благородно спас доблестный капитан, – словно бы задумчиво закончил Орхан, проигнорировав вскрики, поглаживая бороду и глядя на Агату тяжёлым взглядом.

– И Вильгельм, – помедлив, добавила Агата, глядя на пирата и вспомнив, как на мгновение прояснилось одурманенное сознание. – Ему, выходит, мы тоже обязаны спасением.

Она смерила негодяя долгим взглядом, ни на минуту не сомневаясь, что тот не по доброте душевной пришёл на помощь, когда они так в этом нуждались.

– Всегда пожалуйста! – Вильгельм отсалютовал кубком, и пока Орхан продолжал сверлить взглядом Джонотана, добавил беззвучно: – Рыбка моя.

Агата ответила ему мрачно вскинутой бровью, а отец не выдержал и поднялся во весь рост, возвысившись над низким столом и тяжело дыша.

– Вы клялись, что моя дочь будет в безопасности во время обряда, – голос отца звучал жёстко, и смотрел он на Орхана так, как обычно смотрел на сорвавших сроки поставок партнёров. – Я дал своё

согласие на брак и на этот обряд посреди пустыни, потому что вы обещали, что это просто дань традициям. Что там будут ваши лучшие стражи!

– Это мы обсудим отдельно, – пообещал Орхан и посмотрел в упор на Агату. – Пусть сначала благородная кирия оценит причинённый ей ущерб. Какую плату должен тебе Орхан?

– Мы расторгаем договор о браке, – проговорила Агата, стараясь не отводить глаза от пронзительного, цепкого и при этом таящего свои секреты взгляда ануарца, хотя выдерживать его пристальное внимание казалось с каждой минутой всё труднее.

Если она оступится, если сделает что-то не так – он способен сожрать их всех и не подавиться. Да, у него нет магического дара, как у Джонотана и Вильгельма, но они всё ещё в его доме, вокруг его люди – и Великая пустыня, дающая особую силу.

Орхан задумчиво прикусил нижнюю губу, продолжая оглядывать Агату, которую мысленно уже явно сделал и своей женой, и послушной наложницей, и той, с кем будет интересно поиграть.

– Хм-м, признаться, я надеялся, что ты согласишься на иную плату... – неторопливо начал он, разминая плечи, и Джонотан перевёл взгляд с Агаты на него. – Например, голову Хайрата на ограде моих владений, м?

Агата мстительно улыбнулась.

– Тебе виднее, чем лучше украшать свои владения. Они помогли тебе сохранить жизнь, это уже куда больше, чем ты мог получить. Но я... – Агата взглянула на мрачного отца, который снова опустился на своё место. – Я подумала, что у нас есть о чём договориться помимо брака.

Орхан выразительно приподнял брови, а потом не удержался и всё же потянулся к кальяну. Взяв трубку в губы, он сделал долгую затяжку, прикрыл глаза и с наслаждением выпустил ароматный дым, пахнущий сладкой дыней, анисом и чем-то ещё.

– Говори, – он сделал приглашающий жест кистью, сверкнув перстнями на пальцах, а взгляд его снова стал одновременно и благодушным, и внимательным. Орхан не из тех, кто упустит свою выгоду.

– Нам обоим... – Агата взглянула на своего отца и снова на откинувшегося на подушки ануарца, которого не испугала ни угроза

смерти, ни расторжение сделки и, следовательно, потеря силы артефакта, – есть чем торговать друг с другом.

Это была чистая правда. В Ануаре столь ценный шёлк, специи и золото, которого в избытке у Орхана, – его рудники и шахты приносили весомый доход, как рассказывал отец. А у них в Энарии – плантации зерна, сахар и связи, а также редкая энарийская порода скакунов, за которых платят звонкую монету на Востоке.

– Я не заключаю сделок с женщинами. Я занимаюсь с ними другими вещами, – скабрезно улыбнулся Орхан, пряча за насмешливыми речами и непристойным смыслом умный взгляд. – погоди. Не дёргайся, капитан, – Орхан остановил Джонотана повелительным жестом, а потом протянул ему трубку от кальяна. – Поговорим.

– Ради этого ты и остался жив, – ответил на ануарском без малейшего акцента Джонотан, но от кальяна не отказался: принял трубку и, не сводя взгляда с ануарца, сделал глубокую затяжку.

Агата смотрела на него, на то, как заострились его скулы и как загадочно поблёскивают глаза, словно он что-то задумал, и пыталась привыкнуть к той мысли, что он прожил именно здесь, в Ануаре, несколько лет, когда она столь тщетно пыталась его забыть. Потом. Потом она обязательно всё выяснит.

– Моя дочь, кирия ди Эмери, как вы убедились... заслуживает самого... уважительного отношения, Орхан аль Гаффар, – жёстко припечатал отец, глядя на Агату как-то по-новому, словно только сейчас заметил, что она уже не юная наивная девица, мечтающая о романтической любви, а женщина, способная на что-то ещё.

– Предлагаешь заключать сделки с ней, а не с тобой, старик? – Орхан оглянулся на него через плечо и понимающе хмыкнул. – Это что-то новое. М-м. Пожалуй, мне надо об этом подумать. Видеть эти глаза и эти прекрасные изгибы её тела будет куда приятнее, чем твою потасканную физиономию. Но мне нужны гарантии.

– Нам тоже... – Вильхельм вмешался в разговор, устало вытянув перед собой ноги и принявшись разглядывать ногти на руках. – Желательно нерушимые. Мы, маги, бываем весьма злопамятны.

Агата снова перевела взгляд на Орхана и отца рядом с ним, а потом отобрала у Джонотана трубку кальяна, выдохнула и тоже

потянула ароматный дым. Никогда не делала это прежде, но смогла не поперхнуться и вдохнула глубоко.

– Эй, потише, – шепнул сидящий рядом Джонотан и попытался было забрать из её пальцев кальян, но Агата невозмутимо выдохнула дым, как и они.

Джонотан положил горячую ладонь ей на бедро и сжал пальцы, и этот жест не укрылся от пристального взгляда Орхана, наблюдающего за ними по ту сторону круглого стола.

– Ты можешь приказать нас убить, но прежде умрёшь сам, – проговорила Агата, глядя ему в глаза за клубящимся дымом. – Ты можешь дать нам уйти, а потом послать своих людей, – но с большой долей вероятности их больше не увидишь. – Она снова затянулась, чувствуя, как за дынным сладким ароматом прячется тонкая горечь. – Или ты можешь договориться с нами. Со мной. У меня останется сила артефакта, у тебя – твоё богатство и влияние, а вместе... наша сделка принесёт немало выгоды и тебе, и мне.

– Кстати говоря, об этом... – начал Вильхельм, но Джонотан передал ему кальян и посмотрел так, словно они уже о чём-то сговорились.

Орхан улыбнулся так, словно тоже скрывал часть правды. Но Агата чувствовала, что больше нечего терять. Все карты на столе. Либо они заключают сделку, либо будут торговаться за собственную жизнь.

– Вы в моём доме, господа, – Орхан жестом подозвал слугу и указал ему на угли в кальяне, которые попросил заменить. – Клянусь, что по моему приказу никто не причинит зла ни одному из вас. Это закон Востока, который даже я не вправе нарушить. А тот, кто его преступает, потом платит своей головой. Я готов говорить о сделке... – взгляд Орхана недвусмысленно прошёлся по лицу Агаты и ниже, явно припоминая вчерашний танец, – но прежде настаиваю на том, что здесь мы не обнажаем оружие.

Джонотан обменялся взглядами с Вильхельмом, а потом оба потянулись и отдали оружие слуге. Тот принял кинжал и саблю, поклонился своему господину и исчез за дверью. Слава богу, хотя бы одно оружие – их дар – отнять невозможно.

– Прошу вас, – Орхан предложил «трубку мира» Сезару ди Эмери, и отцу пришлось после некоторого колебания тоже сделать глубокий

вдох. – Ешьте. И пейте. Чтобы говорить о делах, мы все должны... как у вас говорится? Перевести дух.

– Думаю, тебе придётся говорить о делах и со мной, – медленно произнёс Джонотан, глядя не на Орхана, а на Сезара ди Эмери, из-за которого это всё и началось.

– С тобой? Разве ты не простой капитан с даром? – мягко усмехнулся Орхан.

Отец уставился на Джонотана немного нервно.

– Не слишком ли ты торопишься, Джонотан ди Арс? – попытался было возразить он в своей самодовольной манере, привыкший, что все слушаются его воли.

Джонотан вдруг опустил голову. Несколько долгих мгновений он сидел, оперевшись на руки и не поднимая взгляд от поверхности стола и угощений, щедро расставленных слугами, даже качнулся вад-вперёд, будто думал, как заговорить.

И когда в следующий момент Джонотан поднял взгляд исподлобья на отца, Агата даже похолодела от проступившей в нём боли и ненависти. Будто пытаясь удержать свою силу, Джонотан с таким нажимом стиснул кулаки, что костяшки побелели от напряжения.

– Знаешь, Сезар... Да, ты был когда-то моим опекуном, но теперь я могу не звать тебя «кириос ди Эмери». Так, вот Сезар. Думаю, я не слишком тороплюсь. Куда больше торопился ты, когда спешил забрать *аль гарэйн*, привезённый моим отцом с Востока и по старой дружбе продемонстрированный тебе. Думаю, слишком поторопился *ты*, желая завладеть зачарованным золотом настолько сильно, что погубил не только моего отца и мать, но и свою собственную жену.

– Джонотан...

– Я не убью тебя только потому, что ты – отец Агаты, – Джонотан бросил на неё тёплый, внимательный и даже будто сожалеющий взгляд. Сожалеющий о том, что его любовь не позволяет отомстить. – Тогда, много лет назад, ты заключил между нами помолвку и никому об этом не сказал. Ты думал, что артефакт останется в твоей семье и будет послушен твоей воле, потому что тем самым Агата породнилась со мной, с моим родом. Но что-то пошло не так, я прав?

– Послушай, все было совсем...

– Да, ты не учёл одного маленького обстоятельства: помолвки недостаточно. Ты предпочёл упрятать проклятое золото как можно

дальше от чужих глаз, в тот самый монастырь, куда потом утащил Агату.

– Я не знал, что всё случится именно так, – взмолился отец, ища поддержки у Агаты, но она тоже смотрела на отца, чувствуя, как тяжелеет взгляд. – Я не желал их смерти!

– Но ты в ней повинен, – припечатал Джонотан, убирая руки со стола и выпрямляясь. – Я три года провёл здесь, в Шарракуме, а потом вернулся в твой дом, потому что наконец узнал историю проклятого золота и то, кто с ней связан. Но постой, есть ещё одна вещь... – Джонотан усмехнулся, положив ладони на колени и разглядывая свои пальцы. – Став моим опекуном, ты присвоил себе часть моего наследства от торговой империи отца. Теперь, насколько я знаю, эта часть составляет больше половины твоего состояния. Верно, Сезар? – бросил Джонотан не глядя.

По тому, как сильно отлила кровь от отцовского лица, Агата поняла, что Джонотан попал в точку. Всё именно так. И про артефакт, и про наследство. И про смерть его родителей.

Джонотан явно собрался подняться из-за стола, словно весь этот разговор ему уже наскучил, зато он наконец высказал то, что кипело на душе. И было из-за чего кипеть! Её отец... её собственный отец – виновник смерти своих друзей, родителей того, кого она любит. Как после этого смотреть ему в глаза?

Всё смешалось и пошло круёгом. Агата прикусила губу, чтобы не выдать бушующие эмоции и не подлить ещё больше масла в этот огонь.

– Ба... – усмехнулся, выслушав с цепкой внимательностью, Орхан. – Так я могу торговать и с тобой, вэладэй? Это кое-что меняет!

Агата почувствовала, что голова стала кружиться сильнее. В груди рос тяжелый горячий ком, и если она не сделает что-то прямо сейчас, то кто-то в этом зале точно пострадает от её – весьма тяжёлой, кстати, – руки!

– Если следовать букве закона... – начала она и почувствовала, что хочет рассмеяться, похоже, от нервов! – ты всё равно должен жениться на мне, Джонотан ди Арс, чтобы получить своё состояние. А пока этого не произошло, вы все должны делать так... как... как я решу.

Агата вновь потянулась за кальяном, давя в себе растущий смех.

– Попробуй лучше эту прекрасную пахлаву, – опередил её движение Орхан, перехватив её руку и мягко сжимая пальцы. – Кажется, тебе нет теперь нужды доказывать нам, на что ты способна. Как забавно выходит: мы все строили на тебя планы, а теперь никто не сможет получить желаемого, пока ты не согласишься сама.

– О да, твой отец, Агата, – прохиндей, и необычайно талантлив в том, как облапошить людей, даже я снимаю перед ним шляпу, – Вильхельм изобразил шутовской поклон. – Знал бы, какое он чудовище, забрал бы себе малыша Джонни в те далёкие времена. Какой славный вышел бы из него пират!

Агата нахмурилась, осторожно высвобождая руку из хватки Орхана и под пристальным взглядом Джонотана и насмешливым Вильхельма пробуя пахлаву, словно всё стало таким шатким и липким, что она просто не смогла отбиться от этой настойчивости. Сладость растеклась на языке, и она облизала губы, неожиданно даже для себя улыбнувшись.

Она понимала, что открывшаяся правда ужасна и что Джонотан больше всех пострадал от интриг её отца, но мысль о том, что теперь-то он точно никуда от неё не денется, заставляла сердце трепетать назло всему. Они помолвлены, и уже давно. Ну надо же!

– На твоём месте, Орхан, я бы согласился на сделку, – сказал Вильхельм, практически впихивая кальян Сезару и прикладываясь к вину. – Агата даже меня уговорила на одну. И была столь убедительна, что я, кажется, до сих пор чувствую, что не до конца оплатил по счетам. Соглашайся, пока доблестный капитан ещё не может говорить и от её имени. Иметь потом дело с магом – проблем не оберёшься!

Агата покосилась на хмурого Джонотана, пытаясь понять, сердится ли на него за всё то, что он утаил, но добилась только того, что сладко ёкнуло сердце и нестерпимо захотелось просто остаться вдвоём. Вот тогда-то она и выскажет ему всё, а потом...

– Не хмурься, Джонотан, – Агата потёрла липким от меда пальцем суровую морщинку между его бровей. – Ой, прости, сейчас...

Она огляделась в поисках вышитого золотом (как все в доме Орхана) полотенца для рук, но почему-то от этого простого движения всё вокруг немного смазалось. Голова стала лёгкой-лёгкой, а ещё внутри растекалось тепло и радость.

– А ты полна талантов, – Орхан благодушно рассмеялся. – Если уж смогла договориться с пиратом... Пожалуй, я был бы не против сотрудничать. К тому же все бумаги давно готовы, не так ли, ди Эмери? Только вот... магия, – Он помедлил, оглядывая всех присутствующих смеющимися глазами: – Мне нужна магия, а её я могу получить только вместе с артефактом и его владелицей.

– Ты не получишь Агату. – Джонотан качнулся вперёд, сбивая со стола маленькие плитки с орехами и сладостями.

– Маги, – снова рассмеялся Орхан. – Так полагаетесь на свою силу, что уже второй раз...

Он неожиданно замолк на середине предложения и повалился на стол. Агата попробовала было увернуться от опрокинувшегося кувшина с вином, но движения стали медленными, словно она двигалась в воде. Но это почему-то не испугало, а, наоборот, вызвало смех. Ещё и отец, затаившись кальяном, начал клониться к столу, словно захотел вздремнуть.

Проклятый Восток! Зачарованный Ануар! Почему всё здесь такое зыбкое и обманчивое? Стоит хоть немного потерять бдительность – и тебя затягивает в эти зыбучие пески вместе со всеми упрямыми надеждами.

Так... уклончиво. Обманчиво, как мираж в вечных песках. И мир начинает клубиться, точно этот тяжёлый, густой дым от кальяна, и уже кажется таким ненадёжным и призрачным, что теряешь понимание, чему и кому можно вообще здесь верить.

Она ли это? Она ли готова взять в руки перо, которое кто-то уже заботливо поднёс, и подписать торговый договор? Подписать... Но с кем, если Орхан аль Гаффар – несостоявшийся муж и богатейший человек Шарракума, – кажется, сам уснул зачарованным сном.

– Джонни... – она подняла тяжёлую, словно чужую руку, чтобы потрепать его по плечу, но отвлеклась. – Какие у меня пальцы...

И рассмеялась, поднимая руку и глядя, как солнечный свет золотит кожу.

– Чудесные тонкие пальчики, – согласился Вильхельм, поднимаясь из-за стола и отпихивая с пути ди Эмери, поудобнее устраивающегося с закрытыми глазами на подушках. – Один из них уже скоро украсит маленькое колечко.

– Что ты? – Агата на мгновение не нашлась, что сказать, когда Вильхельм неожиданно подхватил на руки её ставшее безвольным тело. – Да почему я опять теряю сознания...

– Не переживай, рыбка моя, – Лицо Вильхельма расплывалось перед глазами, но она мотнула головой, и зрение вновь прояснилось.

– Я уже боюсь закрыть глаза хоть на миг, потому что не знаю, где, в каком месте, с кем и в каких обстоятельствах их открою! Честное слово, эти сюрпризы мне ужасно надоели, – невнятно пробормотала Агата.

– Прости, вынужденная мера, – Вильхельм уверенным шагом пересёк зал. – Твой драгоценный (в прямом смысле, между прочим!) женишок – тот ещё изворотливый засранец. Он решил, что обманет всех нас и добавит в кальян одну занятную травку. Но старый Вилли давно привозит её сюда и способен легко определить запах этой самой... травки. Пришлось переиграть наши планы. А теперь помолчи, придётся потратить немного времени, и мы наконец отсюда уберёмся.

– Мы? – Агата попробовала было отпихнуть пирата, но руки её не слушались. – Я никуда с тобой не пойду! Где Джонотан?

– А я ещё переживал, что ты тоже курила эту дрянь, – насмешливо произнёс Вильхельм. – Никакой благодарности.

Он огляделся, и Агата тоже покрутила головой в слабой попытке понять, что происходит. Коридор был пуст, только пылинки неспешно плыли в солнечном свете, расчерчивающем полосами стены и пол. Вильхельм продолжил путь, ступая практически бесшумно, тихим голосом шепча ей едва ли не на ухо:

– Я, знаешь ли, и так изрядно утомился, таская по пустыне твоего несостоявшегося муженька и его мага. Пожалей старого пирата, рыбка моя. Пока Джонни разбирается с остальными, я, так и быть, донесу тебя. Или ты хочешь остаться с Орханом? Он планировал одурманить всех, кто сегодня разделил с ним кальян. Его-то такой дозой не возьмёшь. Варварские методы. Лично я предпочитаю, чтобы женщина была в сознании и отвечала со всей страстью.

– Отпусти меня немедленно! – приказала Агата, почему-то хихикая и не до конца одурманенным сознанием понимая, что, кажется, Вильхельм и Джонотан опять сговорились.

«Мальчики... вы что-то задумали», – хотела проговорить она возмущённо и осуждающе, потому что они не посвятили её в это, но

не смогла произнести ни слова.

– Непременно, рыбка моя, – Вильхельм толкнул ногой дверь на улицу, и Агата сощурилась от яркого солнечного света. – Сейчас тебя отпустит, тогда и я отпущу.

С этими словами Вильхельм всё-таки поставил её, словно хотел убедиться, что она останется на месте. Но Агата с ужасом поняла, что ноги её подводят, и едва не упала. И только Джонотан, взявшийся невесть откуда, вдруг подхватил её на руки и тесно прижал к себе.

– Джонотан... – прошептала она, обращая к нему лицо.

– Сейчас, – растерянно пробормотал он, подхватил ещё крепче и понёс куда-то, пока Агата с трудом сдерживала смех.

Они снова бегут! Снова что-то задумали, и это явно не укладывается в рамки законов Ануара. Иначе почему они избегают стражей и так торопятся? А ведь сделка... Сделка с Орханом состоялась, ведь так? И теперь она имеет законное право...

Додумать Агата не успела. Джонотан донес её до паланкина с отдёргнутыми занавесями. Видимо, он хотел уложить её на мягкие подушки, но что-то пошло не так, и они завалились внутрь оба.

– Прости, – прошептал он возле мочки её уха, обдав жарким шёпотом и пытаясь приподняться.

Но Агата почувствовала, что стало слишком, слишком... смешно, и в конце концов рассмеялась в голос неведомо чему, а Джонотан уткнулся лицом в подушки и поддержал ненормальный хохот. А потом их вдруг подняли от земли и куда-то понесли.

– Джонотан! – она пихнула его изо всех сил. – Ты должен... Немедленно расскажи мне всё!

Глава 39

В неведомых морях

– Джонотан! Капитан! – на разные лады повторяли где-то рядом. – Капитан! Кириос ди Арс!

– Что... – прохрипел Джонотан не своим голосом. – Проклятье.

В горле смертельно пересохло, будто там была та самая Великая пустыня Шарракума и только сухой ветер гонит песок по языку.

Джонотан с трудом сглотнул, пытаясь разлепить глаза. Кажется, на этот раз сознание потерял он, а не Агата. Что ж, должна быть в мире справедливость – бедной девочке и так досталось из-за его самонадеянной жажды узнать всю правду о родителях и загадочном артефакте.

Что ж, узнал... Лучше бы не пытался.

Джонотан попробовал пошевелиться и осознал, что лежит на хорошо знакомой палубе «Госпожи Дикарки» лицом на сложенных ладонях, а свёрнутые в кольцо снасти упираются в правый бок. Однако корабль будто и не качало, ветра не было, а крики, которые он принял за голоса чаек, оказались скрипами рангоута о железные части снастей и скрежетом блоков над головой.

Голова, надо признаться, раскалывалась так, словно всю дозу ведьмовского зелья, что подсыпал в кальян Вильгельм, Джонотан умудрился выкурить в одиночку с пары затяжек, не давая Агате дышать этой дрянью и надеясь на выпитое до встречи противоядие. А ведь всего-то надо было усыпить бдительность Орхана и...

– Капитан! – бухтел рядом старпом, а потом обратился к кому-то другому: – Надо привести уже его в чувство, чтобы понять, что делать дальше!

– Меня слушай, – хрипло и насмешливо бросил где-то наверху подошедший, судя по скрипу палубы, Вильгельм. – Забыл, что я ваш капитан?!

Боги, как же жарко! Это солнце просто испепелит его на месте, если он не сможет подняться прямо сейчас. Лучи жгли спину и будто прожигали камзол насквозь, но голова оставалась чугушной.

– Воды дайте, – произнёс он наконец, думая, что услышит свой привычный голос. Но вместо низкого и уверенного баса раздался только хриплый шёпот.

– Сейчас я вам покажу, что надо делать, – уверенно сказал кто-то из женщин.

Над Джонотаном нависла тень, а в следующее мгновение его окатили, похоже, целым ведром ледяной морской воды: попало и в лицо, вмиг промокла рубашка и штаны, даже в сапоги затекло. Он на миг захлебнулся, не ожидая такого предательства, зато в голове тут же просветлело.

Деревянное ведро упало на палубу рядом с простыми туфельками по энарийской моде из добротной кожи.

– Спасибо, кирия Элен, – просипел Джонотан снова, убирая со лба мокрые пряди и кое-как садясь, чтобы принять наконец вертикальное положение. – Вы, как всегда, заботливы и добры сверх меры, – он скривился, щурясь и поднимая к ней голову. – И я вам чрезвычайно признателен...

– Ой, помолчи уже, – хмыкнула Элен, продолжая возвышаться над ним. – Тоже мне, капитан! Говорят вам, не принимать отраву, а вы, господин ди Арс, до сих пор считаете, что вам всё нипочём. Между прочим, вверенная вам кирия ди Эмери нуждалась в защите, а не в том, чтобы вы, драгоценный мой, потеряли всякий контроль над собой!

– Ну простите меня, – Джонотан отряхнулся окончательно и привалился спиной к грот-мачте, возле которой очнулся, – что пытался вытащить всех вас оттуда! – он с трудом огляделся, щурясь от бьющего в глаза солнца и замечая сидящих на палубе людей, но не находя ту, которую спасал в первую очередь. – А где Агата?

– Там, где и положено быть всякой приличной девушке в окружении таких... таких... – кирия Элен пыталась подобрать самое приличное слово, которое могло подойти прилежной послушнице монастыря Сан-Хосен, – ...отчаянных и ненадёжных мужчин, – наконец припечатала она. – Кирия ди Эмери находится в своей каюте, в которой и начала это путешествие. И, надеюсь, никто из вас, – она обвела грозным взглядом всех мужчин на палубе, остановившись даже на отце Агаты, Сезаре ди Эмери, сидевшем не в лучшем виде возле люка в кубрик, – не посмеет больше потревожить её покой!

– Пожалуйста, Элен... – проскрипел Сезар, уронив голову на сложенные руки, – не повышай так голос, и без того паршиво.

На это она только злобно фыркнула, а Вильгельм, явно занявший место капитана на мостике у них над головами, весьма довольно загоготал.

Сфокусировавшись на происходящем, Джонотан наконец обвёл глазами всю среднюю палубу от носовой надстройки до бака. Настоящая фурия Элен стояла посреди, уперевшись руками в бок, благо качки не было совсем и удерживать равновесие даже ей не составляло никакого труда.

Зато те, кто был рядом, заставили немало удивиться. Мало того что кириос ди Эмери сидел напротив, с трудом приходя в себя, так ещё и компания у него оказалась самой неподходящей.

Под жаркими лучами ануарского испепеляющего солнца разлётся на палубе «Госпожи Дикарки» (а уж её Джонотан не спутал бы ни с каким другим кораблем) сам Орхан аль Гаффар, богатейший человек Шарракума. Сейчас этот богатейший человек растянулся во весь рост, положив голову на свёрнутые запасные паруса, которые кто-то вытащил наверх для ремонта.

Солнце было в зените, в море царил полный штиль, паруса безвольно поникли, и даже лёгкий бриз не доносился до них, чтобы остудить горящую кожу. А жестокосердная Элен вместо спасительной питьевой воды плеснула в него солёной.

Джонотан облизал пересохшие обветренные губы и нахмурился, продолжая подпирать спиной мачту.

Итак. Вильгельм утверждает, что он капитан. Отец Агаты и ещё недавно злейший враг сидит напротив как ни в чём не бывало. А Орхан аль Гаффар, тот, кто едва не отдал приказ отрубить им все головы, теперь лениво посапывает рядом. И уж его-то лучи жаркого солнца вообще никак не беспокоят.

Какого морского демона тут вообще происходит?!

Видимо, последний вопрос Джонотан умудрился прохрипеть вслух, потому что Вильгельм лениво спустился по трапу с капитанского мостика и остановился, весьма довольный зрелищем.

– Доброе утро! – радостно гоготнул он снова и пнул сапогом дрыхнущего Орхана. – Просыпайтесь, бездельники! Пресвятая плотва,

уж на что я любитель подрыхнуть, но тут вы даже меня переплюнули, раз не можете продрать глаза целые сутки с отплытия!

Он встал перед Джонотаном, широко расставив ноги так, что пришлось смотреть на него снизу вверх, и протянул ему свою набитую табаком трубку.

– Хочешь покурить?

– Я завязал, – Джонотан сглотнул, чувствуя во рту гадкий привкус кальянного дыма. – Ты сказал, что эта дрянь меня не возьмёт, если я хлебну твоё пойло!

– Кто знал, что все вы окажетесь так слабы! – презрительно фыркнул Вильхельм, продолжая веселиться как единственный, похоже, оставшийся в полном сознании на пару с кирией Элен. – Подумаешь, пара затяжек. А вон оно как...

– Наш план сработал? – хрипло и с трудом проговорил Джонотан.

– Ну как тебе сказать... – Вильхельм прокашлялся и многозначительно помолчал.

Он задумчиво закурил, оглядывая валяющихся на палубе мужчин. Да уж, удручающее зрелище. Орхан, разбуженный пинком, наконец зашевелился и тоже начал приходить в себя.

– А этот-то с нами... – захрипел, словно простуженный, Джонотан, и откашлялся, пытаясь вернуть себе голос. – На хрена?

«Этот» как раз открыл глаза и сел, потирая виски. Поглядел мутным взглядом на Джонотана, потом на Сезара, с трудом сосредоточился на Элен и перевёл хмурый взгляд на слишком довольного Вильхельма, огладив по привычке бороду.

– Глядите-ка, и он очнулся, – подвела итог Элен и цокнула. – А стоило-то плеснуть воду на одного бедолагу, так живо все глаза-то пооткрывали.

– Элен, вы слишком жестоки к ним, – хмыкнул Вильхельм. – Видите ли... Та дрянь, которая оказалась в кальяне, для неподготовленных, выходит, слишком сильна. Меня-то таким не проймёшь, однако наши друзья... Спишем это на их слабость, ладно?

– Провались ты к морскому демону, Вильхельм ди Морен! И чтоб тебя там акулы пожрали! – вяло ругнулся Сезар, прикрывая глаза от солнца.

– Обязательно, дорогой, обязательно. Рано или поздно, – Вильхельм снова закурил, оценивающе разглядывая своего старого

врага.

– З`арба! Что здесь... происходит? – на ануарском начал Орхан, пытаясь занять позу поуверенней, но раз за разом оседая обратно на палубу.

Джонотан уже прочувствовал всю предательскую силу зелья Вильхельма и решил не делать преждевременных попыток встать, пока голова хотя бы не прекратит кружиться.

– Что я здесь делаю? – повторил на энарийском Орхан и посмотрел на Джонотана в упор.

Сейчас его мрачный чёрный взгляд ничуть не смущал: судя по всему, они уже далеко от Шарракума, а значит, и от людей самого Орхана, и от мстительных теней Акрама али Асада, господина начальника береговой, мать его, охраны.

Джонотан перевёл взгляд на Сезара, но тот явно знал ещё меньше, чем он. Тогда они вдвоём уставились на Вильхельма, мучительно пытаясь вспомнить хоть какие-то детали перед отправлением, но всё тонуло в зачарованном дыму с привкусом дыни.

Вильхельм хмыкнул и кивнул всем на Элен:

– Спросите у неё.

– Элен? – удивлённо в голос спросили Сезар и Джонотан.

– Ох! Ну пресвятая дева! Вы что, и этого не помните?! – она возмущённо всплеснула руками.

– Не то чтобы совсем... – медленно покачал головой Сезар.

– Вы ехали в одном паланкине с госпожой, – начала Элен, терпеливо вздохнув. – Сказали, что больше никому её не доверите и она ваша. Теперь вы действительно обязаны на ней жениться.

Джонотан согласно кивнул, не видя ничего ужасного в этом последствии.

– Так... А вот этот... Орхан здесь откуда? Он должен был подписать сделку и остаться в своём доме, – выдал всё что помнил Джонотан и зачем-то потянулся к кинжалу, который был спрятан в голенище сапога по привычке теневых стражей.

Кинжала не было.

Вилли хмыкнул, уселся на край низкой бочки, стоящей на палубе, и упёрся ладонью в колено. Теперь все собравшиеся уставились на него, а он пожал плечами и продолжил рассказ, покрутив во влажном жарком воздухе своей трубкой:

– Как-то так вышло, мой мальчик, что госпожа Элен вцепилась в нашего распрекрасного бородача и завопила, что мы его убили, что ему нужна помощь. Я пытался, знаешь ли, её отговорить, но времени не было, пришлось прихватить бедолагу. Кстати, идея была неплохая – никто из его верных псов не посмел нас тронуть, заметив у горла хозяина лезвие моего меча. Ну-с, как-то вот так...

Орхан слушал внимательно, впившись взглядом в лицо Вильгельма и опасаясь упустить слово на чужом языке. И при речи о лезвии меча схватился ладонью за горло, проверяя, осталось ли оно целым или он уже истекает кровью. А в таком-то состоянии немудрено и это не заметить.

– Мы отправились следом за вами, – торопливо продолжила Элен, цепляясь пальцами за ту же бочку, на которой сидел пират. Выглядело так, будто они теперь в одной банде. – Когда на нас попытались напасть, вы не только швырнули кинжал в одного из них, но и сцепились в бою, наверное, с десятком этих... в белом.

– И что, я их... – Джонотан посмотрел на свои руки, не помня ни мгновения из всех этих бурных событий. – Убил?

– Лучше бы убили! Потому что, придя в себя после вашей магии (а надолго её не хватило), вся эта свора бросилась за нами! Вы разнесли рынок! И напугали людей!

– Достопочтенная кирия, – вмешался Вильгельм, – не сгущайте так краски. Мы просто уходили от погони! Обычное дело.

Элен сердито зыркнула на Вильгельма и повернулась к ди Эмери:

– А вы, кириос! – она впихнула ему в руки флягу с водой, к которой тот жадно приложился. – Заявили, что раз «дочь моя должна подписать соглашение с Орханом, мы его так просто не оставим, он – наш! По бумагам!».

Элен так похоже передразнила приказной тон ди Эмери, что Джонотан расхохотался бы, если бы голова не раскалывалась так сильно.

Он наш! Ну, прекрасно! И что теперь прикажете делать с богатейшим восточным господином, за которым наверняка снарядят целую армию? Вот что-что, а с похищением знатных персон Джонотан ди Арс прежде дела не имел и сейчас мучительно размышлял, потянет это на однократное нарушение закона или связь с Вильгельмом, мать

его, ди Мореном, пиратом и негодяем, уже достаточный повод счесть и его таким же пиратом?

– Вы издеваетесь. Издеваетесь, да? Да я... – начал было Орхан, но язык у него и без того заплетался, и слова на энарийском, похоже, складывались с трудом. – Требую вернуть меня!

– А с этим у нас небольшая проблема, – Вильхельм указал на повисшие паруса. – Когда мы покидали порт Шарракума, то словили такой попутный ветер, что м-м-м, «Госпожу Дикарку» унесло слишком далеко от берегов Ануара. А теперь, как видите, полный штиль. Кажется, ваши боги не пожелали вас далеко отпускать.

– Где мы вообще? – жажда была столь сильна, что Джонотан даже сумел подняться и отобрать флягу у ди Эмери.

После первого глотка ему стало немного лучше, и он подошёл к борту. Вокруг идеальной гладью поблёскивало море. Ни суши, даже на горизонте, ни волн, ни ветерка. Кажется, они действительно встряли.

Джонотан плеснул оставшуюся воду в лицо и, проигнорировав сердитый оклик Элен, вниманием которой стремились завладеть жаждущие подробностей Орхан и ди Эмери, ускользнул к каютам.

В узком коридоре было душно, смолянисто пахло деревом обшивки. А ещё здесь не палило нещадно злое ануарское солнце и было тихо: с палубы едва доносились голоса их странной компании и команды корабля.

Он толкнул дверь и остановился на пороге, с тихим восхищением глядя на представшую глазам картину.

Мягкий полумрак каюты разрезал солнечный свет, проникающий через приоткрытое окно. Агата безмятежно спала, не замечая лучей, лежащих на её щёки. Она разметалась от жары, тонкое одеяло упало на пол, а совершенно целомудренная сорочка задралась, обнажая закинутые на подушку ноги. Тонкая рука свесилась с узкой койки, вторая лежала под головой, пальцы запутались в беспорядочно рассыпавшихся каштановых кудрях.

Джонотан тихо приблизился, не желая тревожить её спокойный сон, и осторожно присел на край койки. Агата заворочалась, что-то бормоча.

– Джонни... – её веки дрогнули, губы изогнулись в лёгкой улыбке, но по ровному дыханию он понял, что Агата всё ещё спит. И, кажется, ей снятся хорошие сны.

– Пожалуйста, Джонни, – прошептала она, приподнимая брови, отчего её лицо стало совсем беззащитным.

И Джонотан сдался. Он был мокрым после «душа» от Элен, и дурман, возможно, не до конца ещё выветрился из его головы, но было выше его сил не склониться, не отвести упавшую на щеку прядь волос. Едва прикасаясь, он погладил костяшками пальцев её заалевшую ото сна щеку.

– Агата, – тихо позвал он и поймал ещё замутнённый сновидениями взгляд из-под полуприкрытых ресниц.

– Джонотан, – успела прошептать она, прежде чем Джонотан накрыл её губы нежным поцелуем.

Её губы были мягкими и податливыми и раскрылись ему навстречу, словно именно об этом она и молила в своих грёзах.

Он ожидал получить оплеуху, когда Агата окончательно проснётся и поймёт, что происходит, но когда немного отстранился, неожиданно почувствовал, как нежные руки обхватили его за плечи, скользнули по шее и наконец зарылись в волосы на затылке, требовательно притягивая.

– Джонотан, – выдохнула она ему в губы и подалась всем телом навстречу. – Ты и правда тут. И теперь только посмей куда-нибудь от меня деться!

– Никуда не денусь, – пробормотал Джонотан, снова впиваясь в её сладкие и столь долгожданные губы. Он не мог прежде и мечтать, что целовать Агату – такое наслаждение, рядом с которым меркнут все прежде известные ему удовольствия. – Драгоценная моя...

Он не мог перестать касаться её губ, и прежде робкие движения грозили перерасти в жадный напор, но и Агата простонала и ответила на поцелуй так, что Джонотан окончательно потерял голову. Орхан не зря предлагал её отрубить.

– Ты так говоришь, потому что я действительно... дорого стою? – хрипло поддразнила его Агата, уворачиваясь от поцелуя, но изнемогая от желания, чтобы Джонотан не отстранился, а продолжил жаркое касание.

– Очень дорого. Я готов был заплатить за тебя всем...

Джонотан никогда бы не отступил. Лишь бы снова чувствовать её запах, ощущать мягкие, полные нежности и страсти губы,

прикосновение к которым было лучше ледяной воды после жаркой пустыни. Но чтобы утолить жажду, ему хотелось большего.

А одна мысль о том танце в золотых цепочках, которому он стал невольным зрителем, о том мгновении, когда разгорячённая Агата прижалась к нему в отчаянном порыве, целуя в первый раз в жизни, о том, как холодный металл впился в их горячую кожу, ни на миг не остужая вспыхнувшую страсть... Эта мысль заставила Джонотана тихо, но нетерпеливо прорычать. Он притянул Агату к себе, резко перевернулся на спину, так, что она оказалась наверху, и жадно впился в такие же жадные сумасшедшие губы.

В дверь резко и требовательно постучали.

– А ну-ка постойте, голубки! – прогремел голос Вильгельма, нагло распахнувшего дверь.

– Отвали, – Джонотан схватил со стола что-то подвернувшееся под руку (кажется, подсвечник) и со всей силы швырнул за спину.

Судя по всему, Вильгельму удалось пригнуться, и подсвечник прогремел по дереву.

– Мы так не договаривались, – усмехнулся пират, пройдя в каюту. – И потом, это совершенно неприлично. Во-первых, у нас на борту высокопоставленные гости. А, во-вторых, вы ещё не женаты!

– Вильгельм, я лично тебя убью, – пообещала Агата, убирая с глаз прядь волос и прижимаясь к плечу Джонотана, который остался прикрывать её своим телом.

– Убьёшь, убьёшь, – согласился Вильгельм. – Но сперва вы поженитесь.

– С чего бы такая забота о нашем целомудрии? – Джонотан сел так, чтобы не подпустить наглеца к Агате и не позволить разглядывать её так, как обычно Вильгельм позволял себе смотреть на добычу.

– У нас с тобой был уговор, верно? Старина Вильгельм не кидает слов на ветер. Надеюсь, ты тоже.

Глава 40

Для ровного счёта

– Стороны обязуются выполнить свои обязательства в полном объёме и точно в срок в соответствии с условиями настоящего договора, – торжественно закончил ди Эмери, и две внушительные стопки бумаг, подшитые красным шнуром, легли перед Агатой и Орханом.

– И в моё подчинение два оснащённых корабля с командой, – добавил Вильхельм, вмешиваясь в сделку и выторговывая себе отступные. И даже бровью не повёл в ответ на тяжёлый и явно несогласный взгляд Орхана. – А лучше три. Для ровного счёта.

– Интересный у тебя ровный счёт, – присвистнул Джонотан.

– Со счётом у меня всё в порядке, – хмыкнул пират, несогласный отступить хоть в чём-то. И, судя по всему, Орхану выбора никто не предлагал, если тот собирался сохранить свою жизнь.

– Надеюсь, для ровного счёта ты исчезнешь с моего горизонта?

– Вот это было грубо, кириос ди Арс, – совершенно не обиделся Вильхельм, продолжая вместе со всеми нагло изучать бумаги и будто гадая, куда бы ещё вписать свою выгоду.

– Грубо было бы сейчас вышвырнуть тебя за борт, – не согласился Джонотан.

– А это уже не только грубо, но и бесчестно, учитывая, сколько раз я спасал и твою шкуру, и твоей драгоценной невесты.

От этих препираний у Агаты уже начала болеть голова, особенно учитывая её тщетные попытки разобраться за один раз во всех хитросплетениях новой сделки и нигде не допустить просчёта.

– Так, для ровного счёта, чтобы на борту сейчас не стало меньше на одного человека, замолчите немедленно! Или я за себя не ручаюсь.

Вильхельм хмыкнул, но нос из бумаг не убрал, а Джонотан пихнул его локтем.

Агата вздохнула, незаметно вытерев вспотевшую ладонь о платье, обмакнула перо в чернильницу и под пристальными взглядами четырёх мужчин решительно вывела свою подпись.

До этого она никак не менее двух часов провела за внимательным изучением договора, старательно борясь с духотой и отгоняя совершенно неподобающие для такого момента мысли о требовательных губах и нежных руках Джонотана.

Теперь, когда торговый союз (и хвала богам, что только торговый) был оформлен по всем правилам, переговаривающиеся вполголоса на другом конце стола Джонотан и Вильгельм наконец замолкли. Даже шёпотом они умудрялись говорить на повышенных тонах, поэтому Агата кидала на них гневные взгляды и каждый раз краснела, когда взгляд Джонотана темнел и словно бы обещал награду, когда все формальности будут улажены.

– Приятно иметь с вами дело, кирия ди Эмери, – Орхан улыбался так довольно, что Агата еле удержалась от того, чтобы не перечитать соглашение ещё раз: наверняка где-то спрятаны восточные хитрости мелким шрифтом. – Да будут Солнце и Луна свидетелями нашего совместного успеха.

– Взаимно, господин Орхан, – Агата энергично потрянула его ладонь, не позволяя ему слишком надолго завладеть своими пальцами, потому что этот ануарский хитрец явно ещё не смирился с тем, что она так просто может ускользнуть из его рук.

– Что ж, полагаю, теперь нам осталось только договориться о том, как мне вернуться к себе домой, чтобы начать осуществлять наши грандиозные планы, – сидя в глубоком капитанском кресле, Орхан сложил руки на животе и выжидательно посмотрел на Джонотана. – Боюсь, что мои верные стражи будут не слишком рады видеть этот корабль в порту.

– Ты подпишешь вот это, – Джонотан положил перед Орханом лист, над которым и ругался всё это время вместе с Вильгельмом. – Если уж ты планируешь торговать с Агатой... кирией ди Эмери, то «Госпожа Дикарка» будет появляться в порту Шарракума так часто, как того потребует ваше соглашение.

Орхан нахмурился, явно не ожидая подобного поворота, и, не дотрагиваясь до листа, пробежал текст глазами, бормоча под нос на ануарском:

– Не нападать друг на друга ни на море, ни на суше, содействовать... не вредить... Пожаловать... Что?! – он вперил

возмущённый взгляд в Вильгельма: – Да ни за что в жизни я не соглашусь на подобные обязательства!

Агата даже подалась вперёд, чтобы заглянуть в бумагу и понять, что именно так возмутило Орхана.

– Пожаловать кириосу ди Морену должность капитана, два судна... то есть три, и возможность набирать команду в Шарракуме, – невозмутимо проговорил Вильгельм и осклабился. – Кириос ди Морен, если вдруг кто-то не понял, – это я. А вы, многоуважаемый господин Орхан, болтаетесь посреди моря в совершенный штить, и спрятаться от этих обязательств возможно разве что на дне морском.

– Я не позволю какому-то пирату хозяйничать в моих водах и в моём порту! – Орхан взмахнул рукой и грозно отбросив бумаги, вскочил на ноги.

– Кажется, господин аль Гаффар подзабыл, кому обязан своей жизнью? – вкрадчиво спросил Вильгельм, тоже поднимаясь из-за стола. – Или, может быть, тебе напомнить, что за тобой ещё должок после той дряни, что ты подмешал в свой кальян?

– Вильгельм! – окликнул его Джонотан, тоже поднимаясь.

Агата, изнывающая от жары и неудовлетворённого желания, поймала насмешливый взгляд отца, который явно наслаждался назревающей дракой, не выдержала и хлопнула со всей силы ладонью по столу:

– Сели все! – тут она поднялась на ноги, гневно глядя на мужчин. – Подпишите уже это соглашение и дайте мне выпить!

– Агата! – воскликнул ди Эмери.

– О боги! – Агата закатила глаза, обмахиваясь рукой. – Я просто хочу воды и выйти подышать воздухом хотя бы на солнцепеке палубы!

– Но я не могу... – начал было Орхан.

– Просто добавьте пункт, где можете украсить его головой в капитанской треуголке, – Агата указала на Вильгельма, – вашу ограду, если он будет пиратствовать в водах Ануара в должности капитана.

– Рыбка моя, ты совсем меня не любишь! – Вильгельм закрыл лицо руками, но его плечи явно дрожали от смеха, а не от сдерживаемых рыданий.

Она окинула гневным взглядом всех присутствующих и, подхватив со стола кувшин с водой, гордо вышла на палубу.

– Хорошо, что я на ней не женился, – успела расслышать Агата до того, как захлопнулась дверь.

Вот ведь... мужчины!

Она сердито прошла по палубе и устроилась в тени мачты на свёрнутых канатах. Здесь тоже было жарко, но после всего произошедшего оказалось необычайно приятно сидеть вот так, просто отпивая тёплую солоноватую воду с привкусом деревянной бочки прямо из горла, как пират. Не ром, конечно, но можно на мгновение представить себя совершенно свободной от норм и правил. Пожалуй, такой свободной, какой она никогда и не была.

Хотя забот она себе этой безумной сделкой прибавила. Но отец так хотел торговать с Востоком одним из первых, что она не могла... хотя бы не попытаться! Только богам известно, чем на самом деле закончится эта сделка.

Но самое время проявить все знания, переданные отцом. Она не зря провела детство, слушая переговоры и видя ухищрения, на которые тот шёл, чтобы выторговать условия получше. Пусть Орхан не надеется, что сумеет обвести её вокруг пальца!

Солнце грело кожу, корабль мягко и едва заметно покачивался, и, запрокинув голову, Агата бездумно наслаждалась неожиданной тишиной и покоем. Где-то впереди начали клубиться облака, и появилась надежда на ветерок.

– Вот ты где.

На неё упала тень, и Агата вскочила, машинально приглаживая волосы и расправляя складки на платье, по голосу узнав отца: всё-таки некоторые привычки не просто побороть. Вот и сейчас она замерла было, чувствуя себя провинившейся, но потом вздохнула и улыбнулась.

– Садись, отец, – она опустилась обратно на свёрнутые канаты и похлопала рядом рукой. – Кто-то в каюте остался в живых? Впрочем, всё равно. Хочешь воды?

– Не пытайся казаться более дерзкой, чем ты есть, – усмехнулся отец, сев рядом и принимая из её рук кувшин. – В чём я могу быть точно уверен, так это в том, что образование я тебе дал блестящее.

Было странно и даже немного неловко слышать это от отца, но всё равно приятно: долго же ей пришлось ждать его похвалы.

– И я всегда была тебе за это благодарна, – тихо проговорила Агата, украдкой разглядывая отца.

Тот казался бледным и уставшим, на лбу, покрытом испариной от жары, пролегли глубокие морщины, но выглядел он намного лучше, чем во время их разговора в доме Орхана. Его глаза смотрели цепко и ясно, и в них больше не было страха и неуверенности.

– Я должен извиниться перед тобой, Агата, – начал он и сделал предупреждающий жест рукой, когда она вскинулась было, чтобы возразить. – Должен-должен. И за то, что не был внимателен к твоим просьбам, и за то, что столько лет скрывал от тебя правду... Хотя видят боги, я и сейчас бы предпочёл, чтобы ты не знала о том, что произошло много лет назад. Я делал это ради того, чтобы ты никогда и ни в чём не нуждалась и... Впрочем, наверное, я раскаиваюсь.

Он помолчал немного, словно решался, и наконец сказал:

– Знаешь, после всех этих событий, тюрем и прочего... Я устал больше, чем думал. Хочу поехать на время в монастырь Сан-Хосен. Может быть, на год или два.

Агата замерла, глядя на отца и чувствуя ком в горле.

– Я... если ты чувствуешь, что так будет правильно.

– Ты могла бы навещать меня и рассказывать, как идут дела. Конечно, ты справишься, но в первое время тебе может понадобиться совет, – кириос ди Эмери смотрел на свои руки, словно боялся услышать её отказ.

– Папа, – тихо всхлипнула Агата, обнимая его, – конечно, я буду приезжать. Я...

– Нет-нет, даже если ты простишь меня за всё, что я сделал, не отговаривай. По мере своих сил я заботился о тебе, но ты выросла, девочка моя. К тому же теперь у тебя есть Джонотан.

– Он, получается, всегда у меня был, – усмехнулась Агата, чтобы скрыть смущение.

– Не то чтобы я одобрял его кандидатуру, – проговорил отец, – но он попросил твоей руки.

– Что? Когда?

– Да вот только что, – ди Эмери кивнул в направлении капитанской каюты.

– И что ты ему ответил? – осторожно спросила Агата, прижимая к груди руки, потому что казалось, сердце сейчас выскочит у неё из

груди.

– Что, если ему удастся убедить тебя выйти за него, я не имею ничего против, – отозвался отец. – Не соглашайся сразу, ладно? Пусть хотя бы минут пять помучается. Всё-таки ты очень завидная невеста. Золотая, – усмехнулся он.

* * *

Когда солнце начало клониться к закату, словно стремясь окунуться в прохладные морские воды после жаркого дня, Агата, опираясь на руку отца, вышла на палубу. Порыв невесть откуда взявшегося ветра рванул полы простого белого платья, растрепал подхваченные лентой кудри, но даже известный ценитель женщин Орхан аль Гаффар спустя многие годы говорил, что не видел невесты прекраснее.

Агата отбросила тщательно уложенные Элен пряди волос и подставила лицо ветру, уже несколько не боясь ни шквалистых порывов, ни палубы, в любой момент готовой вырваться из-под ног, ни шторма, в который могло бросить «Госпожу Дикарку». После тех штормов, сквозь которые они уже прошли, всё это казалось теперь лёгким ветерком.

– Вообще, я представляла это иначе, – посетовала идущая позади Элен и горестно цокнула. – Совсем, совсем иначе...

– Элен, порадуйся за меня, – обернулась к ней Агата, чувствуя лихорадочное веселье, охватившее с головой.

И крепчающий ветер только подхватывал этот внутренний огонь и раздувал его ещё больше. Эй, размахнись, бей в лицо, пусть летят солёные брызги – так даже веселее!

– Я бы порадовалась, если бы брак был заключён как положено, а не...

Отец выпустил Агату, остался позади с Элен. Он подхватил её под руку и что-то тихо проговорил, но уже не хотелось слушать: они остановились на палубе перед Вильгельмом, наряженным в свой лучший камзол.

– А ты хороша, – ухмыльнулся пират, заткнув большие пальцы за пояс. – Эй, Джонни, может, ещё передумаешь? – бросил он в сторону

каюты. – Можем поторговаться...

Команда корабля выстроилась по всей палубе, хотя часть матросов продолжила работу на мачтах, поглядывая на приближающиеся облака и порывы ветра. Но оттуда, пожалуй, глядеть было ещё удобнее – точно в театре!

Из капитанской каюты на палубу вышел Орхан аль Гаффар. Он одёрнул задравшийся камзол и поправил широкий пояс, разглядывая Агату с плохо скрываемым любопытством. Но сейчас его взглядов можно было не бояться.

Ветер портил торжественность момента, нещадно кидал в лицо волосы и трепал прическу, не было ни музыки, ни сотни гостей, как когда-то представляла себе это событие Агата. Они посреди моря, буквально нигде, а вокруг – самая странная компания, которую только можно представить: пиратский капитан, наглец и негодяй, восточный богач с тёмными планами, служительница монастыря, целая команда матросов... и ни одного цветочка! А ещё будущий муж куда-то запропастился, но здесь неоткуда влезть в окно.

Взгляд Вильгельма стал задорней, и Агата вздрогнула, когда кто-то обхватил сзади за талию. Джонотан ди Арс! Тот еще любитель эффектно появляться! Но стоило взглянуть в его смеющиеся тёплые глаза, как захотелось сразу всё простить... Потому что тот взгляд, который она узнала в доме Орхана, под чёрной маской тени, взгляд, обещающий месть... Он до сих пор заставлял вздрагивать. Но то в прошлом.

– Украл бы тебя отсюда, подальше от всех, – прошептал Джонотан ей на ухо так, что по коже пробежали мурашки.

– Я ещё не сказала тебе «Да», – отбилась Агата.

– Хочешь ещё подумать? – Джонотан вскинул бровь и кивнул: – Понимаю, у тебя богатый выбор... – он обвёл взглядом стоящих перед ними Вильгельма и Орхана.

– Смотря что ты мне предложишь. Надеюсь, что-нибудь кроме мести и твоего тёмного прошлого, Джонотан ди Арс.

– Властью, данной мне... – громко бахнул Вильгельм, откашлявшись и привлекая к себе всё внимание, – хм, ну, скажем, правительством Ануара? – Пират подмигнул Орхану так, что тот закатил глаза. – В общем, на правах действующего капитана соединяю

брачным союзом вот этих двух прекрасных людей, которые уже заждались, правда?

– Вильхельм ди Морен! – повелительно одёрнул его отец.

– Капитан, шторм приближается!

– Вот и я говорю, надо поторопиться, – быстро поддакнул Вильхельм и едва ли не силком притащил Агату и Джонотана к высокой бочке, на которую выложил лист.

Агата, удерживая равновесие только благодаря Джонотану, который обнимал её за талию, поставила подпись, стараясь не закапать весь лист чернилами, и протянула перо Джонотану,

– Кажется, мы кое-что забыли, – неожиданно сказал он, опускаясь на колено, и скользнул руками по её ноге от щиколотки и немного выше.

– Джонни, хотя бы до каюты дойдите! – хохотнул Вильхельм.

– Что ты... – начала было Агата. Её бросило в жар, и даже холодный ветер перестал казаться таковым.

Джонотан поставил её ногу себе на колено. Ловкие пальцы огладили косточку, пощекотали щиколотку, и он распрямылся, глядя ей в глаза и улыбаясь своей невозможной счастливой улыбкой, от которой захватывало дух:

– Мне нужна только ты, Агата. И чтобы не было никаких сомнений... – Джонотан размахнулся и бросил что-то за борт. – Для ровного счёта, так сказать.

Тонкая золотая цепочка блеснула в последних лучах солнца, почти скрывшегося за тяжёлыми штормовыми тучами, и пропала в пенящихся волнах.

– Да ты охренел! – воскликнул Вильхельм, вместе с ругающимся по-ануарски Орханом бросаясь к борту и рискуя оказаться смытым за борт.

Они оба застыли на какое-то время, глядя в пенистые убегающие волны, скрывшие зачарованное золото, по вине которого случилось уже немало бед и трагедий.

А Агата поняла, что впервые за долгое время вздохнула полной грудью с каким-то... облегчением. словно Джонотан снял с неё не золотую цепочку, изящно обхватывающую щиколотку, а настоящие пудовые кандалы, что она таскала на себе всё это время. Она даже

задумчиво собрала руками подол и рассмотрела, не остался ли на ноге след после этого, но нет, гладкая кожа была чиста.

– Джонни, мой мальчик, – с тяжёлым вздохом обернулся к ним Вильхельм, облокотившись о борт и неодобрительно глядя на ди Арса, – это было очень, очень плохо с твоей стороны. Так плохо, что мне даже не хватает слов. Когда ты такое видел, а?

– Я так не думаю, – Джонотан пожал плечами, взяв ладонь Агаты в свою и осторожно сжимая пальцы.

Вильхельм какое-то время буравил Джонотана своим тяжёлым пиратским взглядом, но Агата уже чувствовала, что новой схватки сейчас не будет и где-то в глубине души Вильхельм ди Морен с ними согласен.

– Прекрасно! Ладно! – он резко махнул рукой. – Прах с вами! Черкайте уже, что там надо, и проваливайте в каюту, чтобы до утра вас глаза мои не видели. Ну ты, конечно, негодяй! – Вильхельм чуть было не сплюнул от досады, но глаза его смеялись. – Настоящий пират.

Джонотан подмигнул Агате и быстро поставил размашистый росчерк. Корабль снова шатнуло изо всех сил. Агата не удержалась от лёгкого вскрика, и капитан «Дикарки» не мог не обратить внимания на рулевого, бросив сощуренный взгляд на бегущие за кораблем штормовые тучи.

– Подожди пару минут, любимая, я сейчас. – Оставив едва ощутимый поцелуй на губах Агаты, он поднялся к рулевому у штурвала, приказывая выровнять «Госпожу Дикарку», которую уже ощутимо кренило и подбрасывало на волнах.

– Джонотан ди Арс! – перекрикивать крепчающий ветер было сложно, но ей удалось, потому что Джонотан обернулся, не прекращая отдавать указания команде, и махнул ей рукой.

Рискуя растянуться на палубе и путаясь в полах платья, хлопающих на ветру и облепляющих ноги, Агата решительно поднялась по ступеням на капитанский мостик и подошла к Джонотану, но её опередил Вильхельм:

– Джонни, мальчик мой, – оттесняя его от штурвала, заявил он. – Мне, конечно, очень хочется обсудить тот факт, что ты пустил на дно морское мой трофей, но... если ты сейчас же не отправишься в каюту и не дашь этой маленькой воинственной рыбке всё, что она хочет, клянусь: я отправлю тебя следом за ним. А мне сегодня понадобится

ром. Много рома. Да, кириос ди Эмери? Чую, нам надо выпить. Заодно и этого... научим, – ухмыльнулся он в сторону Орхана, забирая руль на себя.

* * *

И только команда корабля ещё не до конца понимала, почему их капитан выкинул за борт что-то ценное и что именно было обещано злому и кровожадному пирату, грозе этих морей, Вильгельму ди Морену...

Но брак был заключён. По всем морским традициям и со свидетелями, положенными по такому поводу. Ром разлили по кружкам, и вся команда по очереди чокалась с капитаном и приносила клятвы верности и ему, и его новоиспечённой супруге, с которыми они разделили уже не один десяток миль, прожили шторм и пиратские бои.

А потом Джонотан, которого в этот день выгнали с его капитанской роли, едва ли не упал в каюту вместе с ней, и Агата рассмеялась, когда внезапно оказалась у его груди. Снова, как в начале плавания, когда море будто шутило над ней и вволю кидало в объятия самого желанного на свете мужчины. И сейчас этот мужчина коварно улыбнулся, снова упираясь обеими руками по сторонам от неё, чтобы удержать на месте, и нежно провёл ладонью по её щеке.

– Я ошибался. Прости, что втянул тебя во всё это, Агата. Я был так ослеплён своей мезтью, что думал, это путешествие расставит всё на свои места. Так и случилось, но... Прости за то, что пришлось пережить. А ещё я не думал, что ты осмелишься заключить с ним договор.

– О, ты ещё плохо знаешь меня, Джонотан. Я умею быть очень упрямой.

– Нет-нет, это я знаю прекрасно! – рассмеялся он.

– А теперь я прошу, Джонотан. Пожалуйста. Поцелуй меня, – потребовала Агата с затаённым смехом и предчувствием грозы.

– Как долго я мечтал это услышать, кирия ди Эмери...

– Теперь кирия ди Арс.

– Тебе идёт, – Джонотан кивнул и прижался к ней губами. Сначала легко касаясь скулы, щеки, скользя дыханием ниже... И наконец так

долгожданно приникая к губам.

«Госпожа Дикарка», будто подчиняясь воле своего капитана и повелителя, послушно ухнула между волнами, вызвав волнующее чувство падения... но не в пропасть, нет. Агата подалась вперёд и сама прильнула к самым горячим и сводящим с ума губам.

Джонотан скинул с плеч камзол, оставшись в тонкой рубашке, под которой проступали такие приятные – она помнила по танцу с клинками – напряжённые мышцы. Воспоминание снова бросило в жар.

Не помня себя от волнения, Агата провела ладонями по его талии и проникла под рубашку, которую вытасила из-под широкого пояса. Джонотан выдохнул с низким стоном и снова впился в неё поцелуем.

Сложно было сказать, падала она потому, что корабль качало, или потому, что от сильных чувств подгибались ноги, но Джонотан чутко ловил её и удерживал в крепких объятиях, ещё сильнее распалая жар.

– Джонотан... – ахнула Агата, когда в следующий раз они уже не устояли и сначала ударились о стенку каюты, обитую тканью, а потом добрались до постели.

– Да, моя госпожа...

– Только не смей называть меня дикаркой.

Джонотан рассмеялся, но быстро стал серьёзнее, когда взглянул в её глаза и убрал окончательно растрёпанные ветром волосы. Провёл обеими ладонями по её лицу, оглаживая так нежно и с такой любовью, что замирало сердце. Он обнял её лицо обеими ладонями, скользнул большими пальцами по щекам и прежде, чем склониться и поцеловать, прошептал дразняще:

– Спорим, что ты попросишь этого первая?..

– Я тебя... точно убью.

– Я предусмотрительно спрятал всё острое в этой каюте, – рассмеялся он, хотя в его взгляде всё ломалось и плавилось от той волны нежности, что она ощущала. – Хотя, конечно, ты была хороша и с канделябром...

Джонотан провёл губами по её шее, жарко прикусил кожу, обжёг новым поцелуем ямку между ключиц, а Агата впицась пальцами в его волосы, шепнув:

– Тогда спорим! И ты снова проиграешь, Джонотан ди Арс.

Эпилог

Ветер ударил сильнее. Альбатрос, расправив крылья, парил над идущим под всеми парусами кораблём. Рассветное солнце золотило его металлические части и отливало розовым и персиковым на натянутых до предела полотнах парусов.

Что-то было волшебное в том, как плавно и величественно судно рассекало подёрнутый рябью морской простор, оставляя пенистый след и столь же величественно расходящиеся до берега волны.

Альбатрос, провожающий корабль, взмахнул крыльями и проскользил в вышине дальше, уходя за перистые облака, а над мачтами «Госпожи Дикарки» послышались крики чаек – предвестники скорой суши.

Вся природа, казалось, любовалась этой умиротворяющей картиной: крепкий ровный ветер, играющий всеми цветами рассвет, что рассеивал дымку над горизонтом, и светлые паруса, белеющие в море и издали похожие на гигантских птиц...

– Да грёбаная ты креветка! – ругнулся Вильхельм, наблюдая за тем, как из-за энергичного встряхивания с пера упала жирная, как каракатица, капля чернил и растеклась на буквах, которые он выводил с невиданным для себя старанием.

«Агата простонала, подставляя под его поцелуи...»

Что подставляла теперь уже кирия ди Арс и кому, больше не представлялось возможным разобрать.

Дверь в небольшую каюту начала со скрипом открываться. Вильхельм скомкал лист бумаги, весьма коряво исписанный с разных сторон, и бросил его на пол. Глядя на дверь, он закинул руки за голову и терпеливо ждал.

– Кх-м... – неожиданно в каюту протиснулась Элен с подносом в руках, но, встретив прямой взгляд Вильхельма, тотчас стушевалась и едва не споткнулась, почему-то отчаянно покраснев.

– Я занят.

От внушительной фигуры кирии Элен исходили прямо-таки волны переживаний. Пышная грудь, утянутая в строгое платье,

ощутимо вздымалась, а сама женщина вперила в него беспомощный взгляд и не могла решиться, то ли подойти, то ли бежать.

– Ради всех богов, Элен! – громко хмыкнул Вильгельм, откидываясь на спинку стула и почёсывая пальцами затылок. – Я вас не узнаю! Ещё неделю назад вы плеснули ведром воды в лицо капитану, а потом строили всю команду, как заправская пиратка! А тут снова вспомнили, что вы монашка и вам по статусу положено краснеть перед мужчиной, м?

– Вообще-то, кириос ди Морен... – Элен откашлялась и выпрямилась, глядя на него строгим и даже осуждающим взглядом. – Я не «монашка», а благородная кирия, принадлежащая к одному из высочайших родов Энарии. И тот факт, что я добровольно провела в монастыре Сан-Хосен несколько лет, вовсе не делает из меня...

– ...монашку? – перебил Вильгельм, заодно вздёрнув бровь и одарив благородную кирию самым бесстыдным взглядом, на который только был способен.

– Я принесла вам чай! – голос Элен внезапно сорвался на высокую ноту.

– Но я не просил, – продолжал веселиться Вильгельм, глядя, как на щеках женщины алеют пятна от волнения. – Скажите честно, Элен, в чём суть вашего визита? Признаться, я действительно очень занят последние дни.

Ногой он задвинул скомканный, исписанный неровными строками лист, а Элен так цепко вперила в пирата взгляд, что его движение явно не укрылось от её строгих глаз.

– Ваш чай! – с некоторым вызовом подвела она итог, шатаясь от лёгкой качки и подходя к столу.

Пристроив на край стола маленький поднос с изящным заварником в мелкие розочки и чайной парой из того же сервиза, она тяжело вздохнула, обдав Вильгельма ди Морена тонким ароматом духов.

– На кой... – начал было Вильгельм, но, поймав строгий взгляд Элен, откашлялся. – Мне не нужен чай, достопочтенная кирия Элен. Могу ли я попросить вас быть столь любезной и принести безмерно уставшему капитану много, очень много рома?

– Так последний ром мы выпили ещё два дня назад вместе с кириосом ди Эмери, – Элен попыталась разглядеть что-то в

черновиках Вильгельма. – И с каких это пор вы стали капитаном?

– Сразу, как закончился ром!

Вильгельм взглянул на Элен снизу вверх и уловил явные, раздирающие душу сомнения и противоречия, а также полыхающий внутри неё пожар, который ощущался и безо всякой магии.

– Ох, милая Элен, признаться, не ожидал от вас такой прыти, хм-м...

Пират попытался фривольно огладить её по талии, но Элен вдруг ударила его ладонью по щеке. Да так хорошо, наотмашь, что в голове у Вильгельма даже что-то зазвенело.

– Вы негодяй и пират! – высоким голосом воскликнула она, едва не разбив к демонам принесённый ею же чайный сервиз. – Как вы могли?!

– Как я мог... что? – Вильгельм тоже поднялся, разом став выше Элен на две головы, и с этой высоты уставился на достопочтенную кирию, которая не торопилась в ужасе сбегать, а с вызовом замерла перед ним. – Это было весьма нахально с вашей стороны, вы не считаете?! Врываться в мою каюту, предлагать этот ваш... чай, чтобы потом бить меня по лицу и сыпать обвинениями. Между прочим, лично вам я ничего плохо не сделал! Уж если на то пошло...

– Мне – нет, – отрезала Элен, дрожа как травинка на ветру, но упрямо поджимая губы. – Но то, то... То, что мне попало из ваших, простите, бумагомараний, оно просто... отвратительно! – голос кирии упал на октаву, когда она наконец заговорила о том, ради чего осмелилась ворваться в каюту пирата. – Вы порочите честь моей госпожи, Агаты ди Арс, и я обязана...

– Аха-ха, – радостно рассмеялся Вильгельм, обходя Элен по кругу, пока та цеплялась руками за столешницу и таращила на него угрожающий и испуганный взгляд сразу. – Так, стало быть, вы прочитали моё творчество?! Я польщён, я польщён...

– Кириос ди Морен!

– Как вы умудрились это сделать, если я не покидаю каюту уже несколько дней?

– Ваши проклятые листочки унесло ветром, не надо было выкидывать их из окна, – просипела Элен, затравленно глядя на него и не в силах хоть на миг отвести глаза от его обманчивого взгляда. – И один из этих... из этих... О боги, из этого вашего *творчества*, –

выдавила она наконец, ещё больше покраснев. – Он попался мне на глаза! А я, вы знаете, отдаю дань уважения такому прекрасному и богоугодному делу, как чтение! Но то... То, что вы посмели написать! Это просто! Просто...

– Спокойно! Спокойно, – Вильгельм вытянул руки вперёд, чтобы Элен хоть ненадолго остановилась. – Тише, Элен, иначе вы попросту лопнете от негодования.

Кирия Элен замахнулась было для новой пощёчины, но теперь разница в росте играла не в её пользу, и Вильгельм, веселясь, схватил её за пальцы.

– О, вы ещё не видели мою новую историю...

Элен неожиданно прытко вывернулась, а потом быстро подхватила из небольшой стопки бумаг верхний исписанный лист и в пару движений ретировалась подальше от Вильгельма и стола, возле которого он ходил, как большой хищный волк.

– Это... это отвратительно! – она пробежала глазами дальше. – О! Какой стыд! Я немедленно это уничтожу! Я даже никому не могу сказать, что вы...

– Что ты творишь, женщина? – Вильгельм резко подошёл и выхватил из рук Элен лист, который она успела скомкать. – Целое утро работы, между прочим!

– Я не позволю порочить честное имя моей госпожи! Нельзя, чтобы хоть кто-то увидел, чем вы тут занимаетесь, потому что...

Элен рванула бумагу из его рук и оторвала кусок, на котором ещё можно было что-то разобрать.

– Тогда у неё было другое имя.

– То, что вы написали, – наглая ложь!

– Я попрошу! Это лишь небольшое преувеличение, художественный вымысел.

– Это безграмотно, ужасно, пошло и... просто... просто... – продолжала бессвязно лепетать Элен, растеряв весь свой словарный запас, но не прекращая перечитывать оставшиеся строки и снова краснея.

Вильгельм вырвал у неё из рук и этот рваный кусок записей и сердито сверкнул глазами. Ну да, он в подробностях расписал всю сцену пойманной в плен Агаты, начиная с момента привязывания её к

мачте и заканчивая тем, что их маленькая «сделка» получила некоторое отличное от действительности... продолжение.

Вильхельм бережно расправил смятую бумагу.

– Не так уж и безграмотно! – обиделся он.

Написано оно было, кстати, во всех художественных красках, которые могли прийти в голову довольно высокообразованному пирату, повидавшему на своём веку гораздо больше, чем одна «монашка». Подумаешь! Это она ещё не видела, что творится в портовых городках, когда туда причаливает большое судно с целой ватагой озабоченных моряков.

– Не просил совать ваш нос куда не следует.

– Это непотребство само попало в мои руки, – возразила Элен, упираясь оными в бока и только сейчас, кажется, осознавая, что вломила в каюту не просто нахального пирата и негодяя, но и, вообще-то, довольно сильного мага. – И я прошу... Нет, я требую, чтобы вы прекратили это немедленно, а не то...

– А не то вам придётся признаться, что вам понравилось, – и пока кирия Элен возмущённо то краснела, то бледнела, он продолжил: – Признайтесь, вам тоже ужасно скучно на этом судне уже вторую неделю. Мы никак не дойдём до порта, где мне были обещаны мои корабли, капитан ди Арс ужасно занят своей новобрачной супругой, а с кириосом ди Эмери мы уже обсудили все дела, какие могли! Чем ещё заняться долгими вечерами, если меня даже к штурвалу не хотят пускать, изверги? – горестно вздохнул Вильхельм, возвращаясь к столу и бережно расправляя свои записи.

Усевшись в кресло, он снова взялся за перо, посмотрел на растрёпанную Элен и задумчиво спросил, покусывая кончик:

– Хотите, про вас что-нибудь напишу?

В возмущении она подбежала к столу и схватила со стола все бумаги, на которых можно было хоть что-нибудь написать. Подумав, прихватила даже папку от бумаг и чернильницу, а потом резко выскочила из каюты, как-то умудрившись при этом хлопнуть дверью так, чтобы дерзкий, гадкий, невыносимый пират всё-всё понял!

Но дерзкий, гадкий и страшно невыносимый пират успел крикнуть ей вслед:

– Не бойтесь, Элен! Обещаю, это будет в меру прилично и даже без ошибок!

Год спустя

– Найра! Где ты? – Агата ди Арс ужасно опаздывала, и, как всегда, в спешке ничего не могла найти. – Где мои чулки?

Она в раздражении заглянула под кровать, удерживая падающие на лицо волосы. Даже причёску ещё не успела сделать!

Все утро Агата провела за проверкой бумаг, переданных посланцем от Орхана. Они успешно торговали уже год, корабли курсировали между Энарией и Шарракумом с регулярностью, вызывающей зависть у других торговцев. Пару раз Орхан пытался хитрить и использовал уловки, выторговывая особые условия или выгоду, а то и пытался увильнуть от чёткого исполнения договора. Казалось, он испытывает её на прочность.

И если сначала Агата ди Арс упускала такие оплошности или закрывала на них глаза, не чувствуя за собой достаточной уверенности, чтобы поставить ануарского наглеца на место, то в последний раз ей удалось отстоять свои права на поставку зерна по выгодной цене. А заодно и послать своему дорогому несостоявшемуся мужу небольшой подарок с очень тонким намёком на ту степень досады, которую она испытывала по поводу его неуважения.

Всего лишь отрубленную голову его посла – по счастью, не похожего на Хайрата, а весьма дородного и уважаемого ею человека. Голова была сделана из воска, почти как настоящая!

Агата несколько вечеров веселилась, предвкушая, как Орхан аль Гаффар получит щедрый дар. Прошло несколько долгих недель, прежде чем она дождалась реакции на подарок. В ответ темноглазый ануарец с тягой к дурманящим зельям прислал такой же «милый» сувенир: почти полностью обнажённую танцовщицу, искусно вырезанную из сандалового дерева и ужасно напоминающую саму Агату и её незабываемый танец в золотых цепочках.

К подарку прилагалась короткая записка, написанная на ануарском и даже после недель плавания хранящая запах лавандового масла и базилика:

«Ты, как всегда, прекрасна, али айиза. Мы всегда можем обсудить недоразумения лично... Двери моего дома открыты для тебя».

Сначала Джонотан порывался швырнуть её вместе со статуэткой в камин, но в итоге забрал деревянную фигурку себе и поставил в

глубине книжного шкафа в их спальне.

Сам он лишь раз возглавил небольшую флотилию, идущую с товарами на Восток, сразу после подписания договора. Было невыносимо несколько месяцев проводить вдали от Агаты, зная, что половина города ей завидует, вторая половина восхищается, и абсолютно все стремятся заручиться расположением новой главы торговой империи ди Эмери.

Кроме того, он взялся помочь с разбором старых архивов ди Эмери и лично ездил в монастырь, где обосновался Сезар, чтобы узнать, какие из сделок были нечестными и разорительными для его бывших партнёров. Агата по мере сил хотела, чтобы тёмное прошлое и ошибки отца не омрачали того, чего они уже добились с Джонотаном и ещё добьются в будущем.

Её муж умел договариваться с людьми, и Агата, которая первое время ужасно боялась совершить ошибку и всё испортить, была рада, что ей есть на кого положиться. Это не мешало ей подтрунивать над тем, что его дар убеждения – чистая магия.

Он взял на себя всё, что касалось подбора команд и фрахтования судов. К тому же у Джонотана оказались весьма интересные связи во многих портах. Он всё больше матерел в переговорах и сделках, и Агата предвкушала новые знакомства и горизонты. Кто знает, куда ещё выпадет возможность отправиться? Только бы без наглых магов. Кстати, интересно, казнил ли Орхан Хайрата?..

– Не это ли ты ищешь? – раздался вкрадчивый голос над ухом.

Агата вздрогнула было и попыталась распрямиться, но Джонотан удержал её, роняя животом на кровать. – Кто-то, кажется, опять за делами забыл про всё на свете.

– Ты же понимаешь, что так мы точно опоздаем? – поинтересовалась Агата, даже не делая попыток вырваться, оглядываясь через плечо на Джонотана и смеясь.

– Агата, а это что? – руки Джонотана, оглаживающие её бедро, остановились: он отвлёкся на договор от одного из бывших партнёров отца, лежащий прямо у кровати, на углу стола.

Вообще подобными старыми сделками они всегда занимались вместе, но Агата решила, что на этот раз докажет Джонотану, что справится и сама. Она вела продолжительную переписку с сентаром де Гардом из Иввара. Когда-то он разорвал все отношения с её отцом, но в

ходе этих изматывающих переговоров им удалось ударить по рукам, чем Агата невероятно гордилась. Все документы прислали только сегодня утром, и она ещё не успела их посмотреть.

– О, мне удалось договориться с сентаром де Гардом, – небрежно проговорила Агата, переворачиваясь на спину и с любовью наблюдая за предельно серьёзным Джонотаном ди Арсом.

Однажды он поспорил ей. Даже дважды... Пусть и теперь знает, что Агата ди Арс – непростая штука и никогда не отступает от своих планов.

– Ох, Агата... – в голосе Джонотана любовь и восхищение смешались с напряжёнными нотками и зазвенели тревогой. Он резко поднялся и взял бумаги, перечитывая строки. – Душа моя, ты решила пустить нас по миру?

Едва заметно сведённые брови заставили Агату приподняться и заглянуть за его плечо, сердце совершило тревожный удар.

– Ты уверена, что не забыла несколько цифр вот тут... И вот тут тоже?

Она посмотрела на условия поставок переработанного тростника, который планировала потом продавать как раз Орхану, и шумно вздохнула, чувствуя неприятную дрожь, которая всегда возникала, когда она что-то делала не так.

– Ох...

Условия были не просто невыгодными, а совершенно кабальными! А она так торопилась завершить эту сделку, что отправила поверенного всё подписать и даже не проверила ещё раз все цифры.

– И разорвать его так просто мы тоже не сможем... – Джонотан, качнув головой, продолжал хмуриться. И от этого его серьёзного выражения, с которым он обычно решал все сложности, становилось ещё горше, потому что теперь причиной проблемы была она сама.

Агата села на кровати, поджав под себя ноги. Забрав у него бумаги, начала пролистывать, с трудом сглатывая тяжёлый комок в горле.

– Боги... как я вообще... – она ещё раз проверила цифры, надеясь, что всё это какая-то ужасная ошибка, и убеждаясь, что ошибка действительно была – вызванная её собственной самонадеянностью.

Она подняла несчастный взгляд на Джонотана, чувствуя, что сейчас позорно расплачется:

– Я – самонадеянная идиотка.

– Ну-у есть немного, – Джонотан криво улыбнулся и коснулся её щеки рукой, заставляя посмотреть на себя. Его взгляд стал непривычно серьёзен. – Это, конечно, не слишком хорошо для наших дел в целом, но...

– Прости меня, Джонотан! – порывисто выдохнула Агата, больше всего на свете желая спрятаться от его взгляда. Чувствуя себя так глупо, что губы мелко дрожали, а глаза нестерпимо защипало от подступающих слёз.

Джонотан вздохнул, привлекая её в свои объятия и невесомо целуя в макушку.

– Знаешь... – он немного помолчал, прежде чем продолжить: – Зато ты можешь быть уверена, что с помощью вот этого, – он забрал у неё листы соглашения и качнул рукой, – отмолила все грехи отца. Придётся отказаться от покупки двух новых кораблей, но я что-нибудь придумаю. Постараюсь представить в обществе всё так, чтобы это выглядело широким жестом с твоей стороны, а не просчётом. Мы справимся, Агата.

Она всхлипнула и обняла его, прижимаясь и пряча лицо на его груди. Джонотан ди Арс никогда не унывал дольше нескольких мгновений, она знала это. Даже когда он проигрывал ей в споре.

– Прости...

– Если ты не заложишь всё, что у нас осталось, то непременно, – рассмеялся Джонотан, целуя её в висок.

Агата легонько ткнула его в плечо и слабо улыбнулась.

– Кстати... Вообще-то, я зашёл на минуточку, чтобы передать тебе подарок от нашего общего знакомого. Но ты так соблазнительно искала свой чулок, что я не мог не помочь даме в беде.

– Что за знакомый? – она с неохотой отстранилась, тыльной стороной руки вытирая слёзы.

Вместо ответа Джонотан протянул небольшой свёрток, обёрнутый в голубую бумагу с мелким рисунком, напоминающим стайки золотых рыбок.

– Я не читал записку, – доверительно усмехнулся Джонотан, – потому что, боюсь, прибил бы его. Но мне ужасно любопытно, что он

может тебе подарить.

– Бутылку рома, вероятно, – Агата взвесила в руке достаточно тяжёлый свёрток и развернула прилагающуюся записку.

«Дорогая и, к сожалению, уже не моя, золотая рыбка, с возрастом я становлюсь сентиментальнее, поэтому прими от меня этот скромный дар. Он напоминает мне о прекрасных моментах, пережитых вместе. Уверен, что и у тебя он вызовет самый горячий отклик.

Вилли».

Не желая гадать дальше, Агата сорвала упаковку.

– Книга? – в голосе Джонотана, кажется, даже прозвучало разочарование. – Иногда я начинаю думать, что Вильхельм может быть порядочным.

Обложка была сделана из приятной коричневой кожи с металлическими уголками. Золотое тиснение изображало многочисленные цепочки. Агата перелистнула страницы, выхватывая взглядом отдельные фразы.

«Охваченная верёвками со всех сторон, она беспомощно прогнулась у мачты, глядя на подошедшего пирата со страхом и восхищением. Этот высокий мужчина производил неизгладимое впечатление, и девушка затрепетала в предчувствии его приближения. Да, она была обещана другому! Продана на Восток собственным отцом – как гарант торговой сделки и заложница древнего артефакта.

Но теперь... в её хорошенькой головке промелькнули совсем другие мысли.

– Вам нужна моя помощь, капитан ди Морен? – томно и вызывающе проворковала она, стоя связанная у мачты.

Её грудь неизбежно притягивала к себе внимание, и бравый капитан второго ранга Вильхельм ди Морен смекнул, что вместе с этой дерзкой крошкой они могли бы поговорить ещё об одной сделке.

Которую непременно стоит обсудить прямо в его каюте...»

Агата пробежала по строкам, поспешно захлопнула книгу, но потом открыла вновь, на титульной странице:

«Вильгельм ди Морен. Правдивая история о Золотой невесте».

– Что же там?.. – с любопытством покосился Джонотан, поправляя перед зеркалом камзол и видя, как Агата медленно покрывается красными пятнами от волнения и смущения.

– Мы ужасно опаздываем! Лучше помоги мне с чулком! – она протянула ему ногу и отбросила книгу подальше, думая, как бы избавиться от неё до того, как Джонотан сумеет хоть что-нибудь прочесть.

– Не волнуйся, – расхохотался Джонотан, пока она не знала, куда себя деть от стыда. – Моя дорогая, милая и скромная Агата, я прекрасно представляю, что именно Вильгельм мог там написать. Право, мне любопытно, как далеко зашли его порочные фантазии. Может быть, мне тоже понравится?

– Боги, Джонотан!

– Тридцать лет как Джонотан, – усмехнувшись, он опустился на ковёр у её ног, подхватил тонкий чулок и принялся медленно раскатывать его, следуя вверх по гладкой загорелой коже. – Почитаешь вечером мне вслух?